

ББК 63.3(2P5)0
И 905

Сборник утверждён к печати Ученым советом Института истории СО РАН

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ): проект № 13-31-01501 г*

Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: Сборник материалов Международной молодёжной научной конференции. Новосибирск: Параллель, 2014. 359 с.
ISBN 978-5-98901-146-9

Редколлегия: к.и.н. Р.Е. Романов (ответственный редактор), Т.И. Морозова (ответственный секретарь), к.и.н. В.Л. Портных, к.и.н. М.А. Чернова (первая секция), к.и.н. А.В. Дмитриев, И.Н. Никаноров (вторая секция), к.и.н. П.А. Афанасьев, к.и.н. М.В. Першина (третья секция), к.и.н. Р.Е. Романов, к.и.н. Д.Л. Шереметьева (четвёртая секция), к.и.н. С.Н. Андреевков, к.и.н. Д.С. Орлов (пятая секция).

Рецензенты:

д.и.н. А.А. Николаев
д.и.н. В.И. Исаев
к.ф.н. Т.Г. Мякин

В сборнике публикуются материалы конференции, состоявшейся в Институте истории СО РАН 21–23 августа 2014 г. На конференции были представлены исследования по отечественной и зарубежной истории с XVI до начала XXI в. Включённые в издание статьи посвящены различным вопросам историографии, религии и идеологии, взаимоотношения власти и общества, государственного управления, военного дела, социально-экономического развития, демографическим процессам, проблемам развития современной исторической науки, сохранения и актуализации исторической памяти.

Сборник рассчитан на историков, краеведов, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

ISBN 978-5-98901-146-9

© Институт истории СО РАН, 2014

Содержание

Зарубежная история

<i>Скурко П.Д.</i> Читатели и книги в Великом княжестве Литовском XVI–XVII вв.....	6
<i>Шевченко С.А.</i> Проблема стерилизации американских заключенных в контексте конституционных противоречий США (1907–1914 гг.).....	13
<i>Бойко Н.В.</i> Далиды: социально-правовое положение на современном этапе (на примере штата Уттар-Прадеш).....	23
<i>Кондратенко Г.В.</i> Роль системы прописки в создании социальных проблем и нарастании экономических противоречий в современном Китае.....	32

Отечественная история XVII – середины XIX в.

<i>Беличков Е.В.</i> Лжедмитрий I и явление религиозного либерализма в России XVII в.....	42
<i>Слугина В.А.</i> Санкции в сибирских крестоцеловальных и шертоприводных записях XVII в.....	50
<i>Клочихин Е.А.</i> Отражение идейных основ церковной политики грекофилов в Основной редакции книги «Щит веры» (1691 г.)	58
<i>Дмитриев А.В.</i> Уровень общего образования и профессиональной подготовки офицеров русской армии на протяжении XVIII в. по данным именных списков полевых и гарнизонных частей Сибири.....	65
<i>Бородина Е.В.</i> Органы суда на Среднем Урале в конце 1720-х – начале 1730-х годов (организация деятельности судного полаты Сибирского обер-бергамта).....	72
<i>Шпилов И.А.</i> Работа вспомогательного персонала отряда К.Г. Мерка во время Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции (1785–1795 гг.).....	77
<i>Соколов С.В.</i> Восточные славяне до 862 г.: основные темы и тенденции в отечественной историографии XVIII – начала XIX в.....	84
<i>Нестерова Н.С.</i> Варяго-русский вопрос в работах И.Н. Болтина.....	91
<i>Плотников Д.Ю.</i> К вопросу о реализации стратегических возможностей Кавказского корпуса в 1855 г. (на примере операции на Эрзерумском направлении).....	96

Отечественная история второй половины XIX – начала XX в.

<i>Хоменко Д.Ю.</i> Лютеране в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: межэтнические отношения.....	104
<i>Илюшин Б.А.</i> К вопросу о том, кто изображен на картине В.В. Верещагина «Бухарский солдат (сарбаз)».....	112
<i>Афанасьев П.А.</i> Злоупотребления в горнозаводской деятельности на Алтае в 1880-е годы.....	117

<i>Кружалина А.А.</i> Формирование этнического образа сибиряка на страницах региональной газетной прессы второй половины XIX в.....	125
<i>Митрофанова К.Н.</i> Детский дискурс в журналах для семейного чтения во второй половине XIX – начале XX в.....	135
<i>Козлова И.С.</i> Материальное положение как фактор влияния на повседневную жизнь сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX в.....	141
<i>Старышкина А.А.</i> Образ власти в картине мира российских журналисток рубежа XIX–XX вв.....	148
<i>Кузнецова Т.А.</i> Репрезентации Сибири в иллюстрированных еженедельных журналах конца XIX – начала XX в.....	155
<i>Сердюк В.А.</i> Труд женщин на железных дорогах Сибири в конце XIX – начале XX в.....	161
<i>Погоняйченко О.С.</i> Устав и действительность: учебные программы, учительские и ученические коллективы начальных школ Новониколаевска (1893–1917 гг.).....	170
<i>Карпенко Е.А.</i> Барнаульский лесопильный завод – первое лесоперерабатывающее предприятие Кабинета на Алтае (1897–1917 гг.).....	175
<i>Шаршова М.А.</i> Роль сельских должностных лиц в системе крестьянского самоуправления в Томской губернии в конце XIX – начале XX в.....	182
<i>Дегтярев Д.С.</i> Промышленно-селитебные районы в городах Томской губернии начала XX в.....	189
<i>Лысенко Н.А.</i> Эволюция идеала священника-миссионера в Сибири (по материалам официальной периодической печати РПЦ начала XX в.).....	194
<i>Чукмасова К.А.</i> И.А. Малиновский: к вопросу об изучении государственного устройства Великого княжества Литовского.....	200
<i>Шумилова Э.Е.</i> Благотворительная деятельность как элемент повседневного поведения горожан Западной Сибири в условиях Первой мировой войны.....	205
Отечественная история 1917–1945 гг.	
<i>Конев К.А.</i> Применение методики контент-анализа при изучении содержания пропагандистских материалов периодической печати «белой» Сибири: опыт изучения «Нашей газеты» (октябрь – декабрь 1919 г.).....	211
<i>Куденко Н.В.</i> Основные подходы и практика борьбы с несовершеннолетними преступниками на Алтае в первой половине 1920-х годов.....	219
<i>Морозова Т.И.</i> Организация и деятельность отдела по работе в деревне Сибирского крайкома ВКП(б) (январь 1928 – февраль 1930 г.).....	228
<i>Плясуля А.А.</i> Зерновые совхозы Сибири (1930–1932 гг.).....	236
<i>Каменских М.С.</i> Политика советского государства в отношении корейцев Пермской (Молотовской) области в конце 1930 – начале 1940-х годов.....	243

<i>Коробейникова Н.С.</i> Правовой аспект управления рождаемостью в городах Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.)	249
<i>Морозова О.В.</i> Продовольственная проблема в городе Сталинске в годы Великой Отечественной войны и механизмы ее решения.....	255
<i>Романов Р.Е.</i> Стимулирование труда в молодежных бригадах оборонных предприятий Западной Сибири в годы войны (1941–1945 гг.).....	264
<i>Орлов М.А.</i> Лагеря военнопленных и интернированных Западной Сибири и получатели их рабочей силы: взаимные обязательства и их выполнение (1942–1950 гг.).....	271
Отечественная история второй половины XX – начала XXI в.	
<i>Совлук Е.В.</i> Об историографии проблемы использования труда научно-технической интеллигенции горно-геологической отрасли в Центральной Сибири в 1945–1954 гг.....	279
<i>Лапердин В.Б.</i> Демографический потенциал Кузбасса в послевоенные годы (1946–1950 гг.).....	285
<i>Андреенков С.Н.</i> Планы переустройства организационно-хозяйственной структуры аграрного сектора советской экономики в 1950-е годы.....	292
<i>Орлов Д.С.</i> Межхозяйственная кооперация и специализация в сельском хозяйстве Кемеровской области во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов.....	299
<i>Фокин А.А.</i> Выборы в советы Челябинской области во второй половине 1960-х годов и советская демократия.....	306
<i>Несипбаева Ж.Ж.</i> Жанр «фолк-истори» в современной исторической науке Казахстана (обзор интернет-материалов).....	315
<i>Наумов С.С.</i> Интеллигенция и историческое сознание в годы перестройки (1985–1991 гг.): поиск новых героев и исследовательских моделей (региональный аспект).....	326
<i>Левицкий А.Н.</i> Изучение древнерусской этнической реальности и смена парадигмы: опыт белорусской историографии (1991–2001).....	335
<i>Аннотации</i>	343
<i>Перечень сокращений</i>	359

Всеобщая история**П.Д. Скурко****Читатели и книги в Великом княжестве Литовском
XVI–XVII вв.**

В Великом княжестве Литовском книги покупали, читали, слушали представители всех слоёв общества, чтение распространялось всё больше, оно не было занятием некоего отдельного сословья. И всё же в распространении моды на чтение главную роль сыграло отношение к книгам властных элит. В этом случае имели значение как потребность в информации, так и желание читать, а также мода на обязательную библиотеку при дворе каждого ренессансного правителя.

Еще великий князь литовский Александр (1492–1506) был меценатом, любил красиво оформленные рукописные книги¹. А библиотека его племянника, великого князя литовского и короля польского Сигизмунда Августа (1529–1572) считается идеалом ренессансной библиотеки. Мать Сигизмунда, итальянка Бона Сфорца, поощряла литературную деятельность в княжестве: при дворе проводились литературные турниры, в которых могли поучаствовать все желающие. Некоторые местные литераторы прославились и в литературных турнирах за рубежом².

Княжеское книжное собрание насчитывало около 4000 томов, а расходов требовало небольших (есть свидетельство, что за один 1546 г. двор Сигизмунда потратил на вино 3705 злотых, в то время как книг за четыре года было закуплено на 2000 злотых). Состав библиотеки был разнообразный, однако даёт возможность проследить определенные книжные увлечения и антипатии. Великий князь, хотя был католиком, интересовался другими конфессиями: известно, что у него были книги Ж. Кальвина, М. Лютера, присланные самими авторами или европейскими правителями³. В коллекции нашлось место и нескольким книгам по астрономии (известно, что Сигизмунд настолько увлекался этой наукой, что даже заказал телескоп виленскому мастеру). Имелось и множество античных текстов; много книг по праву, медицине – последние достижения в анатомии, хирургии, фармакологии; книги по истории и географии. В библиотеке содержалось мало книг по астрологии: эту «науку» критиковали гуманисты эпохи Возрождения. В то же время Сигизмунд Август читал много книг по магии и алхимии: известно, что в конце жизни князь испытывал эти книги

Скурко Полина Дмитриевна, студент Белорусского государственного университета. Эл. почта: p.skurko@gmail.com

¹ Komasa I. Jan III Sobieski – miłośnik ksiąg. Wrocław, 1982. S. 6.

² Бохан Ю.М., Скеп'ян А.А. Побыт феадалаў Вялікага Княства Літоўскага ў XV–сярэдзіне XVII стагоддзя. Мінск, 2011. С. 239.

³ Андэрсан Б. Палітычная тэалёгія Жана Кальвіна ў прысвячэньнях Жыгімонту II Аўгусту і Мікалаю Радзівілу Чорнаму // Arche: Пачатак. 2012. № 1/2. С. 35–54.

в действии, пытаясь оживить свою умершую жену Барбару. Несмотря на увлечение короля магией, интеллектуалы XVI в. отмечали, что «ни при каком короле не было в Польше так много ученых людей, как во времена» Сигизмунда. Обращали внимание и на эрудицию Сигизмунда, и на то, как хорошо он говорит по-польски – не через переводчика, а «своими устами государевыми» произносит ¹.

Последующие правители также отличились любовью и уважением к книге. Так, Стефан Баторий (1576–1586) интересовался исторической, юридической литературой и книгами на военную тематику. В военные походы он всегда брал «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря. У Сигизмунда III (1587–1632) также была выдающаяся библиотека, в ней преобладали религиозные, юридические, исторические, естественнонаучные произведения. Библиотеку унаследовали три его сына: Владислав, Ян Казимир и Кароль Фердинанд. Во время войны 1655–1661 гг. замковую библиотеку разграбили шведы, и после войны Ян Казимир попытался восстановить утраченное, в чем ему активно помогала жена Людвика Мария (основательница первого в Речи Посполитой литературного салона, инициатор выхода первой газеты – «Merkuriusz Polski Ordynaryjny») ². Ян III Собеский (1674–1696) собрал библиотеку из 1404 книг, 35 % из них напечатаны во Франции, 25 % – в Италии. 63 % книг на латыни, 33 % – по-французски, остаток книг по-итальянски, по-польски, по-испански, несколько по-английски, немецки, голландски и – дань уважения старосветской учености – одна латино-греческая книга ³.

Новыми темами книг в Речи Посполитой к XVII в. стало сельское хозяйство и искусство. Так, Ян III был известен как прекрасный садовод и пчеловод – и именно благодаря своей библиотеке, в которой имелось 50 книг с советами по ведению хозяйства, а также книга «Французский повар» (1651 г.), с помощью которой жена великого князя учила местных поваров готовить омлет ⁴.

На приведённых выше примерах видно, что в течение XVI–XVII вв. чтение начинает завоевывать позиции одного из наиболее приятных и увлекательных занятий для глав государств. Та же тенденция развивалась и в кругах знати. В начале XVII в. у магнатов Великого княжества Литовского насчитывалось в общей сложности около 10 тыс. книг. Среди известных магнатских собраний хронологически первым было собрание из 71 книги князей Гаштольдов в Геранёнах. Почти 2/3 книг – латинские научные трактаты, травники, басни Эзопа, переводные повести, «Кодекс»

¹ *Kawecka-Gryczowa A.* Biblioteka ostatniego Jagiellona: pomnik kultury renesansowej. Wrocław, 1988. S. 20–77, 113–308.

² *Kosmanowa B.* Książka i jej czytelnicy w dawnej Polsce. Warszawa, 1981. S. 10–11.

³ *Komasara I.* Jan III Sobieski – miłośnik ksiąg. Wrocław, 1982. S. 86–89.

⁴ *Kosmanowa B.* Książka... S. 169–172.

Юстиниана, «Иудейская война» Иосифа Флавия. Треть книг – кириллические рукописи; было также несколько книг на чешском и польском языках¹.

Последний представитель рода Станислав Гаштольд умер в 1541 г., и имущество магнатов отошло в пользование великого князя. В 1543 г. Сигизмунд Август поехал в Геранёны осматривать новые владения и новые поступления в свою библиотеку и познакомился там с 23-летней вдовой Станислава Гаштольда Барбарой Радзивилл (1520–1551), которая впоследствии стала его женой².

После угасания рода Гаштольдов род Радзивиллов вышел на первое место по значимости. Точная дата основания их библиотеки в Несвиже отсутствует: она была основана Николаем Христофором Радзивиллом Сироткой (1549–1616) около 1600 г. и располагалась над главными воротами замка. Первый известный реестр библиотеки 1651 г. включает 743 наименования. Большинство изданий – религиозные, но есть также книги по мировой и местной истории, математике, географии, астрологии и астрономии, архитектурные трактаты (Радзивиллы финансировали строительство на своих землях, а Н.К. Радзивилл Сиротка находился в дружественных отношениях с итальянским архитектором Я.М. Бернардини). Отдельно выделяется группа запрещённой литературы (произведения Ж. Бадена, Э. Роттердамского и др.)³.

Сиротка называл свою библиотеку «единственным украшением». Среди его несвижских сборов наверняка была книга, написанная самим Николаем Радзивиллом Сироткой – «Путешествие на Святую землю». Описывая свою поездку в форме писем к другу, Сиротка пользовался литературой про этот регион. В тексте его книги девять ссылок на другие произведения, не считая Библии: он цитировал историков Флавия, Плиния, Тацита, средневековых монахов-путешественников, обращался к книгам «Экзотическая библиотека» и «Мусульманские истории», картам Европы и Африки. В книге он описал необычные места и экзотических животных: гиппопотама («морского коня»), похожего на зубра фигурой и шерстью, досаждающего египетским огородникам; хамелеона – животное с «весёлыми» глазами, которыми может смотреть одновременно «одним

¹ *Topolska M.B.* Czytelnik i ksiązka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku. Wrocław, 1984. S. 203, 211; *Нікалаеў М.В.* Гісторыя беларускай кнігі: у 2 т. Т. 1: Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 2009. С. 131.

² *Саверчанка І.В.* Aurea mediocritas. Кніжна-пісьмовая культура Беларусі: Адраджэнне і ранняя барока. Мінск, 1998. С. 53–58.

³ *Библиотека Радзивиллов Несвижской ординации: каталог изданий из фонда Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси, XV–XVI века.* Минск, 2010. С. 13–16; *Шышыгіна-Патоцкая К.Я.* Нясвіж і Радзівілы. Мінск, 2007. С. 75; *Березкина Н.Ю.* Библиотеки и распространение научных знаний в Беларуси XVI–XX вв. Минск, 2011. С. 59–61; *Барока ў беларускай культуры і мастацтве.* Мінск, 1998. С. 128–130.

глазом вверх, а другим вниз», и меняет цвет на тот, на который «пристальнее» смотрит, а также «не очищается, так как нечем, всё у него срослось, а также не пьет и не ест». Описывает Сиротка и вонючую воду Мертвого моря, которое меняет цвет три раза в день, и выпаривание соли на Кипре, и египетские мумии (две мумии, кстати, Радзивилл приобрёл для несвижского дворца, однако их пришлось выбросить в море, когда корабль попал в шторм и причину усмотрели именно в перевозе древнеегипетских мёртвых). Учитывая такой интерес князя к путешествиям, не удивительно, что он являлся спонсором первой карты Великого княжества Литовского 1603 г. авторства Т. Маковского (1562/1575–1630)¹.

Библиотеку в замке в г. Брест имел отец Сиротки – Николай Радзивилл Чёрный (1515–1565), книгами из этой библиотеки пользовались протестантские теологи, полемисты, литераторы. Не сумев передать сыну протестантские взгляды, он, видимо, сумел привить любовь к книгам. Трогательный факт: напечатав Библию 1563 г. (первое печатное издание на территории современной Беларуси), отец сразу прислал экземпляр книги сыну в Германию, где тот получал образование. А доход от продажи Библии М. Радзивилл назначил на содержание других представителей молодого поколения – учащихся виленской протестантской школы².

Род Радзивиллов был разветвлен: книжные собрания находились в Клецке, Биржах, Кейданах, Любче, Слуцке. Известна перепись 1620-х гг. слуцкого собрания Януша Радзивилла (1579–1620): после себя князь оставил «ящик с книгами старыми писаными» и два больших ящика «с библиотекой». В другом сундуке, кроме кристальной фляжки и двух бокалов, находились «три большие книги» (одна из которых – кальвинистская Библия). Внимание на себя обращает множество книг по-испански и по-французски: военное дело, история Франции, биографии французских королей, произведения сорбоннских профессоров, а также работы по английскому праву. Образование князь получал в немецких протестантских университетах, а потом путешествовал по Европе. Тогда, видимо, и прикипел сердцем к католической Франции (что отразилось на его библиотеке), несмотря на то, что всю жизнь противостоял католичеству³.

Богатые библиотеки были у магнатов, связанных с издательским делом. За помощь не только денежную, но и интеллектуальную авторы часто посвящали магнатам свои книги. В посвящении Христофору Зеновичу перевода «Иудейской войны» Иосифа Флавия переводчик Ян Казакович пишет: «Многими ценными книгами библиотека вашей милости украшена, немало людей к ней ежедневно приезжают». Сам брестский воевода Зенович называл свою библиотеку «самой большой ценностью». Переда-

¹ *Библиотека Радзивиллов...* С. 14; Шышыгіна-Патоцкая К.Я. Нясвіж і Радзівілы. Мінск, 2007. С. 51–57.

² *Косман М.* Кальвіністы ў культуры Вялікага Княства Літоўскага // *З гісторыі і культуры Вялікага Княства Літоўскага.* Мінск, 2010. С. 211–225; *Библиотека Радзивиллов...* С. 12.

³ *Березкина Н.Ю.* Библиотеки... С. 59–61; *Topolska M.B.* Czytelnik... S. 205.

вая ее сыну, просил «не разбрасывать ее, но, даст бог, увеличить и всегда держать в одном месте Сморгонях при каменной церкви». Однако крупные библиотеки принадлежали и многим людям интеллектуальной профессии: составитель «Грамматики» и «Азбуки» Лаврентий Зизаний (около 1570–1634) при написании «Азбуки» пользовался определенным набором книг: «Книгой о животных» Аристотеля, «Всемирной хроникой, или Космографией» Мартина Бельского, трактатом Страгирита, а также различными словарями (новгородскими 1282 и 1431 гг., библейским словарем Скорины, «Лексиконом греческим» Свидаса 1499 г.). Конкретными научными работами автор пользовался и при более поздней работе над Катехизисом, который обсуждался в 1627 г. в Москве и был признан еретическим, поскольку для толкования Библии в нем служили научные знания. Матей Стрыйковский (1547–1593) при написании «Хроники польской, литовской, жемайтской и всей Руси» обращался к произведениям 150 авторов (а всего его библиотека насчитывала 200 томов). На них он ссылается на полях своего произведения: это алхимик и философ Агриппа, комментатор «Физики» Аристотеля А. Магнус, античный географ Страбон и историк Плиний ¹.

Домашние библиотеки не были редкостью и среди шляхтичей. Увлеченный собиранием книг шляхтич за жизнь мог собрать несколько сотен томов. Обычный шляхтич мог иметь дома от одной до десяти книг: чаще Священное Писание, молитвенники, часто книги религиозной полемики, травники, зельники, календари, художественную литературу ².

И собственниками, и авторами книг были представители духовенства. Результатом их работы являлись короткие рукописные произведения, ярким примером могут служить два произведения 1622 г. жировичского монаха Феодосия. Духовенство писало в разных жанрах: и в жанре полемической публицистики (о святых местах, иконах, реликвиях), и в повествовательном жанре (рассказ о чудотворной иконе Девы Марии Жировичской) ³. Исследователи отмечают, что книга – единственная собственность, которую монахам разрешалось держать в своих кельях ⁴.

Активными читательницами были женщины разных вероисповеданий из магнатской, шляхетской среды и зажиточные мещанки. Эльжбета, жена Николая Радзивилла Черного, вела религиозные диспуты и пользовалась уважением среди теологов, как и жена виленского войта Ратундуса. Женщины поддерживали образование, искусство, религию. Например, Екатерина Ходкевич в 1575 г. подарила супрасльскому монастырю три книги, Богдана Преславко пожертвовала свое рукописное Евангелие жировичскому монастырю. Показательно, что именно женам магнатов были

¹ *Topolska M.B. Czytelnik... S. 206; Березкина Н.Ю. Библиотеки... С. 25, 32–33, 58, 62.*

² *Topolska M.B. Czytelnik... S. 215–216.*

³ *Крамко І.І., Мальдзіс А.І. Са скарбаў нашага старажытнага пісьменства // Помнікі культуры: Новыя адкрыцці. Мінск, 1985. С. 128–129.*

⁴ *Слуховский М.И. Русская библиотека XVI–XVII вв. Москва, 1973. С. 39.*

посвящены многие издания¹. Библиотеку из религиозных книг имела первая литовская жена князя Андрея Курбского Мария Гольшанская: Октоих, Евангелие, Евангелие учительное, Псалтирь и какой-то сборник. Можно предположить, что такой набор литературы был характерен для многих шляхтянок. Примечательно, что с молитвенниками изображены две жены Павла Сапеги на их надгробии 1620-х гг. Это редчайшее изображение женщины с книгой того времени (хотя и посмертное)².

Однако религиозная литература была не единственным женским чтением. В нач. XVII в. в Великом княжестве Литовском возникают книги специально для женщин, например, «Красочка для украшения девичьего лица» 1605 г., «Пример честной белоголовой» 1597 г. Исследователи утверждают, что женщины были знакомы и с рыцарскими романами: читали их сами или слушали читаемое кем-то вслух³.

Читательниц привлекали женские образы переводной литературы, а также описания отношений, флирта. Например, история из «Бовы», как царевна Дружна во время обеда «нароком» (специально) упустила под стол нож и, наклонившись вместе с Бовой, «ухватила Бова и поцаловала его под столомъ. И в тотъ часъ оба усклонилися. Бово ся закраснелъ болше ніжж рожа, а племенида Дева не могла очю насытити, глядячы на Бова»⁴. (Интересно, что и в России «Повесть про Бову» была настолько популярна, что в сер. XVI в. в Москве фиксируется мода называть детей Бова – по имени главного героя (более того, возможно, короткий вариант имени Владимир – «Вова» – происходит также от имени главного героя произведения)⁵.

На протяжении столетия уровень грамотности возрастал, и к XVII в. феномен библиотек существенно распространился на непривилегированные слои населения. Богатые книжные собрания имел «патрициат» – от нескольких десятков до нескольких сотен латинских, а также польских книг. Сведений о мещанских библиотеках немного, но известно, что половина виленских мещан в нач. XVII в. была грамотной⁶. Помимо распространённых религиозных книг, существовали и более дешёвые книги, так называемая «базарная литература», которую купцы продавали вместе с другими предметами. Иногда они раздавались бесплатно, выкупленные власть имущими, чтобы переманить шляхту на свою сторону.

¹ *Topolska M.B. Czytelnik... S. 257–260.*

² *Ярашэвіч А.А. Іканапіс, скульптура і разьба XVI–XVIII стст. // Музей старажытнабеларускай культуры: дапаможнік для наведвальнікаў. Мінск, 1998. С. 168, 195.*

³ *Кавалёў С.В. Літаратура Вялікага Княства Літоўскага XVI – пачатку XVII ст.: феномен культурнага памежжа. Мінск, 2011. С. 137–139.*

⁴ *Беларускія Александрыя, Троя, Трышчан...: перакладная белетрыстыка Беларусі XV–XVII стст. Мінск, 2009. С. 596, 611.*

⁵ *Бразгуноў А.У. Перакладная белетрыстыка Беларусі XV–XVII стагоддзяў. Мінск, 2007. С. 31–33.*

⁶ *Topolska M.B. Czytelnik... S. 282.*

Например, известно, что целые возы книжек высылал в Речь Посполитую герцог прусский Альбрехт Гогенцоллерн. Их даже возили в бочках – так много было мелких брошюр и так дешево они обходились своему покупателю ¹.

В Великом княжестве существовала литература для мещанок. Специально для мещанок-евреек на языке идиш издавалась книга «Цеена у-Реена» («Пойдите и посмотрите») – сборник, включающий в себя переложение библейских книг, Талмуда, фольклорные сюжеты. Текст сопровождают комментарии, ссылки, вопросы, которые облегчают чтение. Неувязки библейского текста сглажены, а стиль поощряет читательниц к продолжению изучения Библии. Книга выдержала более 210 переизданий. Беллетристика на идиш была представлена поэтическим произведением итальянского филолога Илияху Левита (1467–1549) «Бове-бух» 1507 г. (в основу положен сюжет о Бове-королевиче) и обработкой итальянского рыцарского романа «Париж и Вена» ².

Литература Великого княжества Литовского в силу полиэтничности и полирелигиозности здешнего населения существовала на многих языках. Языковое разнообразие в Великом княжестве способствовало расширению книжной культуры. Читали разнообразные книги – как религиозного, так и светского содержания, беллетристику и научные труды как рукописные, так и печатные. Постепенно книга приобретает прикладное значение, становится справочником, учебником, увлекательным чтением.

Типичный читатель XVI в. в Великом княжестве – магнат, образованный шляхтич, а также богатый мещанин из столицы или воеводского города. В XVII в. количество читателей существенно увеличилось: ими стали выходцы из всех сословий, в том числе и простые горожане, получившие образование в братской школе, школе одного из монашеских орденов, в иезуитском коллегииуме или университете. За XVI–XVII вв. в Великом княжестве Литовском книга превратилась в привычный предмет повседневности различных слоев населения. Продолжалась традиция переписки книг, а репертуар расширялся; открылись первые типографии, наладилась система книгораспространения и книжной торговли.

¹ Kosmanowa B. Książka... S. 161.

² Краткая еврейская энциклопедия: В 11 т. Т. 9: Фейдман – Чуэкас. Иерусалим, 1999. Кол. 1020–1021.

С.А. Шевченко

**Проблема стерилизации американских заключенных
в контексте конституционных противоречий США (1907–1914 гг.)**

Следует отметить, что комплексный подход к изучению правовых несоответствий между законодательными актами штатов, предусматривающими стерилизацию американских заключенных, и конституционными положениями предпринимается впервые. Предыдущие исследования, разрабатываемые в русле конституционных противоречий, обходили этот вопрос, акцентируя внимание на других субъектах стерилизационного законодательства¹, рассматривая проблему с медицинской точки зрения², изучали вопрос фрагментарно³.

Большинство используемых работ были написаны в рассматриваемый хронологический период времени, отражали личное отношение авторов к стерилизационному законодательству и поэтому имеют высокий эмоциональный фон. В отечественной историографии данная проблема не затрагивалась вообще (не считая популярных статей в Интернет, а также обзорных тезисов, публикуемых в журнале «Тюремный Вестник» до 1917 г.)⁴. Поэтому объективное исследование, которое бы сочетало в себе не только попытку исследовать возникшие противоречия между Конституцией США и стерилизационными актами, но и причины принятия последних, достаточно актуально.

Первый стерилизационный закон в США был принят в штате Индиана весной 1907 г. В законе указывалось, что он «принимается для предотвращения рода у рецидивных преступников, идиотов, имбецилов и насильников; обеспечить его должны суперинтенданты и комиссия управляющих учреждениями, где такие люди отбывают наказание»⁵.

С этого времени и до 1914 г. подобные законы были приняты и одобрены в 11 других штатах: Вашингтон, Калифорния, Коннектикут, Невада, Нью-Йорк, Северная Дакота, Мичиган, Канзас, Висконсин, Ай-

Шевченко Сергей Александрович, аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета. Эл. почта: ShevchenkoVSkrs@yandex.ru

¹ *Pickens D.* The Sterilization Movement: The Search for Purity in Mind and State. Putnam son's, N Y. 1967.

² *Cole S., Bryon D.A.* Review of Information Relevant to Vasectomy Counselors // The Family Coordinator, Vol. 22, No. 2. April, 1973.

³ *Allen G.* The Eugenics Record Office at Cold Spring Harbor, 1910–1940: An Essay in Institutional History // *Osiris*, 2nd Series. Vol. 2, 1986.

⁴ *Тюремный вестник.* Изд-во Главного тюремного управления. Спб. 1908. №1.

⁵ *Hart H.* Sterilization as a Practical Measure. A paper read before the American Prison Assotiation at Baltimore, November 12th 1912. N. Y.: Russell Sage Foundation. P. 3.

ова и Нью-Джерси (в двух последних, впоследствии, они были признаны неконституционными)¹.

Перечень субъектов данного законодательства не был единым для всех штатов. В некоторых из них он был достаточно «узким», как, например, в Неваде и Вашингтоне, где стерилизации могли подвергнуться только обвиняемые в «физическом злоупотреблении человеком женского пола моложе 10 лет или в насилии, или "прирождённые" преступники»². В других штатах, например, в Айове, данный перечень мог быть очень широким и включал в себя обитателей штатных учреждений для преступников, насильников, идиотов, слабоумных, ненормальных, сумасшедших, алкоголиков, наркоманов, эпилептиков, сифилитиков, моральных и сексуальных извращенцев, а также больных и выродившихся людей. В этом штате стерилизация также была обязательной для лиц, дважды признанных виновными в уголовном или в сексуальном преступлении, кроме «белого рабства», за которое стерилизация становилась принудительной даже при одном осуждении³.

Несмотря на явные различия, законы большинства из указанных штатов (11 из 12) предусматривали стерилизацию обитателей штатных тюрем. «Наследственные» (также врождённые или природённые) преступники, рецидивные преступники, или люди, виновные в некотором «особом нарушении», упоминаются во всех законах, за исключением Мичиганского, который включает в себя только умственно неполноценных или безумных обитателей учреждений. Само понятие «наследственных» преступников не входило на тот момент в какие-то конкретные терминологические рамки и в разных законах трактовалось по-разному. Отсюда и первая очевидная уязвимость законодательства: лицо, объявленное «наследственным» преступником в Нью-Йорке, могло не признаваться таковым в Северной Дакоте. Поэтому в первом случае такой человек мог подпадать под стерилизационный закон, в то время как во втором случае – нет. Некоторые штаты оставляли за собой право широкой трактовки отдельных пунктов законодательного акта. К примеру, в Канзасе, «наследственный» преступник определялся как «лицо, которое было признано виновным в некотором уголовном преступлении, повлекшем моральную низость»⁴. Естественно, о том, какие преступления входили в данную категорию, мы можем только догадываться.

В штатах, принявших стерилизационные законы, отсутствовало постановление о едином типе дефертилизационной операции. Так, в шести из них (Вашингтон, Висконсин, Индиана, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Север-

¹ Hunter J. Sterilization of Criminals (Report of Committee «H» of the Institute) // Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology, Vol. 5, No. 4, November, 1914. P. 514.

² G.S.B. Is Vasectomy a Cruel Punishment? // Michigan Law Review, Vol. 11, No. 2, December, 1912. P. 151.

³ Hunter J. Sterilization... P. 515.

⁴ Ibid. P. 518.

ная Дакота) вообще не было предусмотрено никакого специального вида хирургического вмешательства. Поэтому его выбор законы возлагали на администрацию учреждения или специальную комиссию (за исключением штата Вашингтон, где операцию определял судья)¹. Законы остальных шести штатов содержали перечень разрешённых или, наоборот, запрещённых операций. Так, в Калифорнии была разрешена вазэктомия²; в Неваде – любая операция, кроме кастрации; в Коннектикуте и Канзасе – вазэктомия, овариэктомия³; в Айове и Мичигане – вазэктомия и сальпингэктомия⁴.

Вазэктомия представляла собой «безболезненную операцию, выполняемую в течении нескольких минут, под анестезией, которая не влекла за собой ни инфекционного заражения, ни постельного режима»⁵. «Она требовала около трёх минут работы, и (примечательна тем – С.Ш.), что субъект возвращался к работе немедленно, не страдал от неудобств и эффективно стерилизовался»⁶. Осложнения от таких операций, как правило, были редки и незначительны. У мужчин к ним относился эххимоз (фиолетовое обесцвечивание кожи), гематомы, семенная гранулёма, а также послеоперационный эпидимит (воспаление придатка семенника). У женщин – изменения в сексуальном влечении, приступообразные ощущения жара, депрессия и другие формы психологического расстройства, кровотечение, формирование кровяных сгустков, особенно в венах ног, и повреждение внутренних органов⁷.

Конституционное положение против жестоких и необычных наказаний восходит к Великой хартии вольностей (*Magna Carta Libertatum*, редакции 1215 г.). Оно было внесено в федеральную Конституцию и к 1912 г. имело место в той или иной форме в конституциях всех штатов, кроме Иллинойса, Коннектикута и Вермонта⁸. В качестве восьмой поправки к Конституции США оно запрещает какие-либо жестокие и не-

¹ *Hunter J. Sterilization...* P. 518.

² Вазэктомия – хирургическая операция, при которой производится лигирование или резекция фрагмента семявыносящих протоков у мужчин. Эта операция приводит к стерильности (неспособности иметь потомство) при сохранении половых функций.

³ Овариэктомия – удаление одного или обоих яичников у женщины. Операция может быть проведена совместно с удалением маточных труб (удаление придатков матки).

⁴ Сальпингэктомия – хирургическое удаление фаллопиевых труб у женщин. Эта операция приводит к стерильности, так как созревшие яйцеклетки не попадают из яичников в матку.

⁵ *Sterilization by Vasectomy // The Virginia Law Register*, Vol. 18, No. 11, March, 1913. P. 874.

⁶ *Hart H. Sterilization...* P. 7.

⁷ *Cole S., Bryon D. A Review of Information Relevant to Vasectomy Counselors // The Family Coordinator*, Vol. 22, No. 2, April, 1973. P. 216.

⁸ G.S.B. *Ibid.*

обычные наказания на территории Соединённых Штатов¹. Для выявления противоречия между этой поправкой и законами штатов необходимо ответить на резонный вопрос: являются ли указанные выше типы операций необычными и жестокими?

При употреблении термина «жестокое и необычное наказание», сообщаясь с логикой обывателя XVIII в., мы сразу же вспоминаем такие наказания как избиение плетью, приковывание к позорному столбу, удаление конечностей, колесование и т.д.

Физиологически, вышеуказанные операции вряд ли можно вписать в эту же категорию. Многие апологеты стерилизационного законодательства главным аргументом в пользу его принятия считали безболезненность и упрощённость операций².

Является очевидным, что при принятии стерилизационного законодательства окончательное решение основывалось на предположении, что боль от самой операции является единственной обсуждаемой проблемой, и полностью игнорировался тот факт, что потеря способности воспроизводить потомство может быть более жестоким наказанием. Генеральный прокурор штата Коннектикут так высказал своё мнение относительно конституционности закона в этом штате: «Было окончательно доказано медицинскими опытами, что операции вазэктомия и овариэктомия сравнительно безболезненны, и поэтому не могут считаться жестокими, хотя могут быть необычными, но всё новое – необычно»³.

В американском судопроизводстве судья при вынесении приговора должен руководствоваться исправительным потенциалом обвиняемого и соразмерностью приговора совершённой преступлению. Поэтому даже «заключение в государственной тюрьме в течение длительного срока, могло быть настолько несоразмерным преступлению, что представляло собой жестокое и необычное наказание»⁴. Стерилизация за отдельные виды преступлений, на наш взгляд, могла являться несоразмерной мерой. У заключённого могла возникнуть надежда на будущее потомство, после того как он освободится из тюрьмы, к тому времени исправленный, однако это физически станет невозможным после проведённой операции. Поэтому, фактически, он подвергнется дополнительному наказанию, которое, независимо от продолжительности основного, будет пожизненным.

Противоречие между законами и данной поправкой заключалось, по нашему мнению, не только в последствиях предложенных операций. Важную роль здесь играет вопрос о том, какой характер носили приня-

¹ «Чрезмерные залоги не должны требоваться, чрезмерные штрафы не должны налагаться, и жестокие и необычные наказания не должны назначаться» (см. Конституция США. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> - доступ свободный).

² *Hart H. Sterilization...* P. 874.

³ *Hunter J. Sterilization...* P. 534.

⁴ G.S.B. *Ibidem*.

тые стерилизационные акты? Ведь в поправке речь идёт *именно* о жестоких и необычных *наказаниях*.

Применение стерилизационных законов к другим лицам, кроме преступников, а также порядок и цель их проведения дают понять, что их не следует рассматривать в качестве наказания, а как исключительно осуществление полицейских полномочий. Власти штатов приняли такие меры для защиты себя и общества от рождения нежелательных граждан, и, как следствие, от возможных проблем в будущем. Как указывают исследователи Д. Хантер и У. Белфилд: «Во всех законах, кроме введённого в штате Вашингтон, причина включения преступников (в перечень субъектов законодательства – *С.Ш.*) была евгенической и терапевтической. В Вашингтонском законе причина была исключительно карательной»¹.

Под *наказанием*, в Конституции подразумевается не расправа одного индивида над другим, а правовые санкции со стороны системы судебной власти в отношении лица, преступившего установленные законом нормы. Поэтому наказание должно исходить из установленного кодекса (уголовного или гражданского) и налагаться в соответствии с ним, то есть иметь правовой (карательный/исправительный/воспитательный), а не евгенико-терапевтический характер.

Переходя ко второй проблеме данной статьи, важно отметить, кому давали полномочия по осуществлению этих законов. В двух штатах – Вашингтоне и Неваде – операцию по стерилизации мог назначить только судья, выносящий приговор. В 10 других эту роль выполняли администрация учреждения или специальные комиссии².

Только в одном штате из десяти – Канзасе, администрация учреждения должна была представлять свои результаты суду компетентной юрисдикции и получать ордер суда перед операцией. В Нью-Йорке и Нью-Джерси, если постановление «экзаменационной комиссии» оспаривалось, оно подвергалось рассмотрению Верховным Судом штата³. Помимо этого, в Нью-Джерси субъект мог иметь адвоката, имелось формальное слушание дела, приведение доказательств⁴. В шести штатах (Индиане, Калифорнии, Коннектикуте, Айове, Северной Дакоте и Висконсине), по закону, отбор пациентов, постановление об их стерилизации и окончательный вердикт находились в компетенции администрации учреждения или назначенной комиссии⁵. В этих штатах не было никакого слуша-

¹ Hunter J., Belfield W. Sterilization of Criminals // American Bar Association Journal, Vol. 2, No. 1, January, 1916. P. 128.

² Hunter J. Sterilization... P. 516.

³ Ibid.

⁴ Boston Ch. A Protest against Laws Authorizing the Sterilization of Criminals and Imbeciles // Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology, Vol. 4, No. 3, September 1913. P. 353.

⁵ Hunter J. Sterilization... P. 516.

ния, приведения формальных доказательств, вмешательства суда или пересмотра дела ¹.

В данном случае мы находим откровенное противоречие законов этих штатов Конституции США, поскольку они лишали субъекта (пациента) одной из надлежащих правовых процедур. Законы передавали определение судебных вопросов (например: является ли дважды/трижды судимый преступник «наследуемым уголовником»?) в руки администрации тюремного учреждения (или комиссии) на закрытом слушании, вне суда присяжных, или, другими словами, эти законы фактически являлись «биллями об опале» ². Противоречие состоит в том, что, согласно Конституции США: «Ни один из штатов не может... принимать какие-либо билли об опале» ³.

Безусловно, в лоне надлежющей правовой процедуры, законодательные органы ряда штатов имели право определить преступления и зафиксировать наказания ⁴, но в данных стерилизационных актах речь идёт не о представителях законодательных органов, а об администрации учреждения и медицинском персонале. «Экзаменационные комиссии» назначались администрациями учреждений, в которых отбывали сроки заключённые. Состав комиссий был разным, но в них всегда входили, как минимум два врача. По закону штата Иллинойс, принятого чуть позже, комиссия «должна была состоять из трёх человек, обладающих соответственно экспертными знаниями в биологии, патологии и психологии» ⁵, в проектах стерилизационных законов штатов Пенсильвания и Огайо ⁶, такая комиссия должна была состоять из невролога, хирурга и главного врача учреждения ⁷.

Несмотря на откровенное противоречие федеральной Конституции по вопросу билля об опале, в ведущих периодических журналах того времени, на полях которых развивались дискуссии сторонников и противников законодательства ⁸, данную проблему практически не обсуждали. Пожалуй, реальным объяснением этому может послужить тот факт, что

¹ *Boston Ch. Protest...*

² Билль об опале – законодательный акт, согласно которому, конкретное лицо объявляется виновным в совершении преступления и приговаривается к наказанию без судебных процедур. Билль, фактически, передаёт функции определения вины и вынесения приговора внесудебным органам.

³ Конституция США. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> - доступ свободный

⁴ *Stevenson S. Is Vasectomy a Cruel and Unusual Punishment? // Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology, Vol. 3, No. 5, January, 1913. P. 786.*

⁵ *Draft of Sterilization Law for Illinois // Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology, Vol. 7, No. 4, November, 1916. P. 611.*

⁶ Законопроекты в этих двух штатах не были приняты.

⁷ *Hunter J., Belfield W. Sterilization... P. 133.*

⁸ См., например: «Журнал Американской медицинской ассоциации», «Журнал Южного регионального медицинского общества», «Журнал американского института уголовного права».

многие из этих периодических источников были откровенными «рупорами» набирающего обороты в США евгенического движения¹. Поэтому проблеме «необычного и жестокого» наказания уделялось значительно больше внимания. Другой причиной такого интереса, на наш взгляд, могла являться наименьшая уязвимость проблемы с позиции конституционных положений. Однако находились те, кто, подвергая сомнению конституционность законодательства, указывали на то, что оно составляет билли об опале. Так, Л. Маршалл, нью-йоркский адвокат, писал: «Я не сомневаюсь, что наложение такого наказания комиссией или администрацией учреждения, или любым органом правосудия, кроме суда, будет неконституционным. Моё устойчивое мнение в том, что суд, который выносит приговор заключённому, может один налагать наказание вазэктомией»².

Каковы же причины столь халатного принятия такого серьёзного законодательства?

Гносеологическими причинами разработки и принятия таких законов явились: эволюционная теория Дарвина, идеи рационализма и научного прогресса, которые произвели на свет то, что сегодня мы называем евгеническим движением. Стерилизация логично и органично развилась из идей XIX в., таких как: натурализм, национализм и нативизм. Основные положения Гегеля и Дарвина сделали природу и общество единством, подвергающимся научному исследованию, а «открытие наследственного гена сэром Френсисом Гэлтоном обеспечило социологическое оправдание органическому превосходству»³.

Историческими причинами создания и принятия стерилизационного законодательства, на наш взгляд, являлись: быстрое развитие промышленного капитализма в США, а также широкие экономические и социальные изменения, к которым оно привело. В особенности: поворот от политики невмешательства к регулируемому капитализму; культ эффективности, развитый в промышленной и социальной сферах; развитие нового сектора среднего класса – профессиональные менеджеры, научные эксперты, социальные работники, социологи, директора различных организаций и фондов и т.д.

Краеугольным камнем эры регулирования являлось понятие эффективности – идеологии, которая перетекала во многие области, от охраны окружающей среды до городской политики, криминологии, образования и медицины. С понятием эффективности концептуально было связано понятие общественного контроля, который уравнивал порядок с более эффективным производством⁴. В глазах многих потребность общественного контроля была подчёркнута угрозой (и реальной, и предполагае-

¹ *Stevenson S.* Is Vasectomy... P. 785.

² *Eugenics Record Office, Bulletin 10 B.* P. 73.

³ *Pickens D.* The Sterilization Movement: The Search for Purity in Mind and State. 1967. P. 81.

⁴ *Allen G.* The Eugenics Record Office at Cold Spring Harbor, 1910–1940: An Essay in Institutional History // *Osiris, 2nd Series.* Vol.2, 1986. P. 257.

мой) трудовых волнений, вызванных иммигрантами, концентрировавшимися в областях трущоб крупных городов. Городские трущобы стали местом скопления не только иностранных иммигрантов, но и венерических заболеваний, алкоголизма, постоянных конфликтов культур и нравов, а также преступности. Поэтому консервативно настроенные американцы искали нативистические пути решения этих назревших проблем¹.

Помимо вышесказанного, необходимо отметить, что появление стерилизационных законов постоянно подпитывалось в обществе с полос ведущих периодических изданий, одобрялось известными учёными-евгенистами², а также всячески поощрялось создаваемыми егеническими сообществами³, которые финансировались известными бизнесменами и меценатами⁴.

Принятые в ряде штатов в начале XX в. стерилизационные законы являлись проявлением егенического движения, которое логично развилось из нативистических идей и социально-экономических изменений в стране в последней четверти XIX в.

Несмотря на единую идеологическую основу и законодательные истоки, стерилизационные законы были индивидуализированы и сильно отличались друг от друга, что привело к важному, на наш взгляд, юридическим проблемам: отсутствию унифицированной терминологии и структурированной системы применения; различиям в перечне субъектов законодательства. Уязвимыми местами законов были положения о стерилизации заключённых, так как они противоречили восьмой поправке, а также первой статье (10 раздел) Конституции США.

Противоречие (всех законов, за исключением Мичиганского) на почве «жестокости и необычности» наказания, на наш взгляд является не фактическим, а возможным, так как в своей основе содержит распространённый в американской правовой системе случай – «широкой/узкой» трактовки нормативного акта. Если толковать поправку в «узком» смысле, то законы можно вполне считать конституционными, так как стерилизационные операции не приводили к физическим травмам, страданиям, нарушениям и неудобствам, а значит и не могли быть жестокими. Если использовать широкую трактовку восьмой поправки, то законы, безусловно, являлись жестокими, так как могли вызвать психологическую травму и душевные страдания. Помимо этого, стерилизация

¹ *Pickens D. The Sterilization... P. 79.*

² Ричард Дагелл, Артур Эстабрук, Генри Годдард, Уильям Таккер, Уильям Хили, Чарльз Дэвенпорт и др.

³ Офис егенических данных, Американская ассоциация селекционеров, Американское егеническое общество, Ассоциация егенических исследований, Общество Гэлтона, Институт семейных отношений и Фонд улучшения расы.

⁴ Мэри Хэримен, Эндрю Карнеги, Джон. Д. Рокфеллер-мл., Мэдисон Грант, Чарльз Гёте.

носила не правовой, а евгенический характер, и могла быть несоразмерной мерой совершённого преступления (скажем, за кражу).

Противоречие первой статье Конституции США было фактическим, явным. В шести штатах они являлись или могли формировать так называемые «билли об опале», что было запрещено Конституцией США.

Помимо этого, данные законы могли подвергнуть человека вторичному наказанию за одно и тоже нарушение. В этих законах было заложено опасное стремление к формированию недобровольных взаимоотношений, при которых одно лицо могло стать абсолютно подвластным желанию второго, особенно когда последнее могло принимать решения по осуществлению операций. Эти законы, по сути, сокращали права и неприкосновенность гражданина Соединённых Штатов, а полномочия по стерилизации преступников исходили из полицейской власти штата, а не из уголовного законодательства. Такое наказание было нежелательным и потому, что «оно ослабляло дух уважения к пунктам Билля о правах, соблюдение которого важно для проведения правосудия и соблюдения порядка»¹.

Стерилизационные законы в той атрофированной форме, в которой они были приняты, в конечном итоге могли привести к тому, что отдельные реформаторы, побуждённые корыстными интересами или собственными специфическими представлениями об общественной пользе, могли видеть в перечне субъектов законодательства неполный список, который они захотели бы расширить.

Принятие стерилизационных законов было смелым и рискованным шагом американских законодателей. Однако, несмотря на одобрение актов законодательными собраниями штатов, мы считаем, что американское «общество», в целом «созрело» для принятия стерилизации как евгенической меры, но не как правовой. Помимо отдельных противоречий Конституции, у законов отсутствовала единая, федеральная правовая основа, равно как и система регулирования исполнения такого наказания как стерилизация. Законы откровенно не были доработаны, сомнение вызывает исправительное воздействие, которое они оказывали на преступников, а целевая установка явно была направлена не на предупреждение насильственных преступлений, а на предотвращение продолжения рода у «второсортных» лиц, к которым, по мнению законодателей, относились преступники. Ярким примером этому служат данные о применении законов на практике. Из имеющихся исторических источников и литературы мы можем сказать, что в шести штатах (Невада, Айова, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Мичиган, Канзас) операции не проводились совсем². Примечательно то, что в этот список входят те субъекты федерации, в законах которых разрешалось рассмотрение дела в суде или

¹ *Boston Ch. Protest...* P. 344.

² *Hunter J. Sterilization of Criminals (Report of Committee "F" of the Institute) // Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology. Vol. 7, No. 3, September, 1916. P. 376-377.*

минимальные формы правовой защиты. В остальных штатах (Вашингтон, Индиана, Калифорния, Коннектикут, Висконсин, Северная Дакота) законы применялись, но мы не можем с уверенностью назвать общее количество стерилизованных лиц за этот период. По некоторым данным, их минимальное число равнялось 839¹. Сколько из них являлись заключёнными, установить ещё труднее. На данный момент мы можем утверждать, что операции по их стерилизации проводились, как минимум, в двух штатах – Калифорнии² и Вашингтоне³, в каждом из которых было зафиксировано по одному случаю.

Несмотря на правовые лакуны, противоречие Конституции США, а также резкое осуждение со стороны либеральной общественности, принятые стерилизационные законы способствовали развитию евгенического движения в США, внесли определённый вклад в развитие уголовного законодательства, привели к эволюции отдельных методов, применяемых в уголовно-исполнительной системе не только США, но и ряда других стран.

¹ Имеются в виду слабоумные, алкоголики и физически недоразвитые лица, находящиеся в психиатрических больницах, психологических диспансерах при тюремных учреждениях, а также на домашнем или государственном попечении. Из этого числа 634 чел. было стерилизовано в Калифорнии. По штату Северная Дакота данные отсутствуют.

² *Myers Q.* The President's Address // Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology. Vol. 5, No. 5, January, 1915. P. 680.

³ *Weems V. United states*, 217 U.S., P. 373 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://supreme.justia.com/cases/federal/us/217/349/case.html> - доступ свободный.

Н.В. Бойко**Далиты: социально-правовое положение на современном этапе (на примере штата Уттар-Прадеш)**

Основным законом государства – конституцией, вступившей в силу 26 января 1950 г., Индия провозглашалась «суверенной и демократической республикой», гарантирующей своим гражданам равноправие, правосудие и свободу¹. В 1976 г., в результате внесения поправки, в конституцию были добавлены такие определения как «светское» и «социалистическое»². В статьях 14, 15 и 17³ конституции отдельно оговаривалось, что любая дискриминация по религиозному, расовому, кастовому, половому признаку запрещена и карается законом, так же как и практика «неприкасаемости»; но фактически существует ли равноправие в стране с кастовыми традициями и религиозным коммунализмом? Этот вопрос занимает умы не только политиков, гражданских активистов, правозащитников, журналистов, политологов, историков, социологов, но и широкий круг небезразличных людей.

Обозначенная проблема не только не потеряла своей актуальности для индийского общества, но стала весьма значимым вопросом для всего мирового сообщества. Острая борьба, которая разворачивается по вопросу кастовой дискриминации и социального равенства в Индии, уже давно вышла за рамки мирного диалога. Систематическое нарушение прав человека приводит только к эскалации конфликта, порождает насильственные столкновения и борьбу далитов с правительством и высшими кастами за гарантии своих гражданских прав и свобод.

Вопросом изучения касты как элемента социальной системы занималось бесчисленное количество отечественных и зарубежных исследователей. Некоторые из них уделяли больше внимания самой истории происхождения и трансформации касты на протяжении веков, например, М.М. Кудрявцев, Г.Г. Котовский, другие делали уклон на антропологию касты, этногенез и этническую составляющую касты (Е.Н. Успенская, А.Е. Снесарев, Г.М. Бонгард-Левин). Внимание авторов часто акцентировалось на отдельных функциях касты: политической, в особенности вопросы кастеизма – А.А. Куценков, А.А. Гендин, А.А. Прузаускас, А. Бетейл; экономической – Э. Льюс., Е.Ю. Ванина; вопросах резервирования – Д.А. Родивилова, Е.С. Юрлова; вопросах религии – Б.И. Ключев, В.П. Кашин, Г.В. Станкевич; вопросах деревенской жизни и самоуправления – Г. Баден-Пауэлл, М.А. Плешова, Л.Б. Алаева.

Бойко Наталья Викторовна, соискатель Иркутского государственного университета. Эл. почта: koip@isu.ru

¹ Конституция Индии. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.constitution.org/cons/india/const.html>

² Там же.

³ Там же.

В настоящее время проблемы далитов широко обсуждаются на страницах индийской и иностранной прессы, изучаются в научно-исследовательских институтах. К числу основополагающих работ по теме далитов следует отнести исследования индийского учёного XX в. Мохиндера Сингха, современного отечественного исследователя Е.С. Юрловой и индийского правозащитника Амриты Рао. В данных исследованиях положение далитов анализируется на примере всей страны. Однако современные авторы все чаще и чаще выделяют проблемы конкретных регионов или штатов, так как каждый из них имеет свою особую кастовую и конфессиональную структуру, уровень социально-экономического развития, язык, культуру и историю. Например, А.А. Гендин, Д.А. Родивилова объектом своей работы выбрали Южную Индию – штат Тамилнад; А.А. Праззаускас – Северо-Восточную Индию, Е.Ю. Ванина – штат Махараштра и т.д.

Примечательно, что исследователи не акцентируют свое пристальное внимание на северном штате Уттар-Прадеш, хотя на данный момент социальная, экономическая и политическая ситуация в нём намного более своеобразна и неоднозначна, чем в других штатах Индии. Уттар-Прадеш наиболее отсталый в экономическом отношении штат, где более 70 % населения заняты в сельскохозяйственном секторе. В штате по конфессиональному признаку проживает: индулов – 80 %, мусульман – 18 %, оставшиеся – сикхи, христиане, буддисты¹. По этой причине периодически возникают конфессиональные столкновения. Самую большую квоту в правительство (80 мест от штатов) также имеет штат Уттар-Прадеш, что позволяет ему существенно влиять на политическую ситуацию в стране. В связи с этим встаёт вопрос: каковы настроения, нужды и опасения населения в самом штате? Ответ – несомненно, конфликт между высококастовыми индулами и далитами, обусловленный социальным положением далитов в штате.

В контексте традиционного индийского общества статус далита («неприкасаемого») был связан с профессией (наследственным занятием), которая считалась ритуально нечистой. К ним относятся: уборка улиц, туалетов и канализаций, вывоз мусора, сбор трупов павшего скота и отходов, работа на кожевенном производстве, сельскохозяйственные работы (в основном пахота) и прочее. Примечательно, что данная ситуация не изменилась и в XXI веке. В середине 90-х гг. XX в. число рабочих мест, доступных для далитов, было в два раза меньше численности самих далитов, что положило начало новому витку противоречий между различными кастами и общинами далитов. «Неприкасаемые», вопреки расхожему мнению, это не единая большая каста или община, не однородное образование – это различные касты или подкасты, которые не являются членами четырех варн. Среди далитов тоже существуют иерархия и статусность, которая влечет за собой определенную конкуренцию.

¹ *Provisional Population Tables. Census of India 2011. New Delhi, S. Narayan and Sons. 2011. P. 160.*

Начиная с 1950 г. правительство в рамках общей стратегии принимало законы и осуществляло различные социальные инициативы на улучшение социальных и экономических условий далитов. Например, «Закон о преступлениях, связанных с практикой неприкасаемости» 1955 г., который был переименован в 1976 г. в «Закон о защите гражданских прав», где в особом порядке оговаривалось запрещение ограничения деятельности любого человека на основе «неприкасаемости». В 1975 г. стартовала «Программа 20 пунктов», которая провозглашала кабальный труд незаконным и предпринимала меры для обеспечения далитов бесплатными земельными участками. Эта программа с треском провалилась и в 1982 г. начала работу вторая «Программа 20 пунктов», которая, как и первая, потерпела поражение. В 1989 г. был принят «Закон о предотвращении насилия» в отношении «зарегистрированных каст». В 1993 г. в связи с принятием «Акта о правах человека» в Индии была создана Национальная комиссия по правам человека, внимание которой было сконцентрировано на борьбе за права далитов и с практикой «неприкасаемости» в стране.

Все проводимые социальные и экономические инициативы правительства преимущественно терпели неудачи, что зачастую было вызвано саботажем ортодоксальной части общества, их нежеланием исполнять решения правительства. Особенно ярко эта тенденция проявилась в северных штатах страны, где в процентном соотношении проживает большее количество высококастовых индусов, чем на юге страны. «Чистые» касты видят в новых реформах только ломку социальной структуры и ущемление своих экономических интересов.

Кроме того, в соответствии с конституцией в Индии проводится практика резервирования мест в высших учебных заведениях и государственных учреждениях для далитов, в обиходе получившая второе название «политика позитивной дискриминации». Вопрос резервирования непосредственно решается правительством штатов. В результате количество мест резервирования, а также вопрос о том, какая каста имеет права на эту льготу (зачастую общий список «зарегистрированные касты» по стране и список «зарегистрированных каст» штата не совпадает), имеет ярко выраженную региональную специфику. Например, цирюльников в Бихаре, Гуджарате и Западной Бенгалии относят к «чистым» кастам, а в Уттар-Прадеше и Тамилнаде – к «зарегистрированным кастам»¹.

Правительство создает специальные департаменты для работы с далитами. Например, в 1998 г. после реорганизации возобновило работу Министерство социальной справедливости и полномочий, главной задачей которого является улучшение социального и экономического положения «зарегистрированных каст».

Ситуация с политическими правами далитов складывается более успешно: далитам никто не запрещает голосовать, выдвигать свои кандидатуры в депутаты в Законодательные собрания штатов, создавать

¹ Юрлова Е.С. «Неприкасаемые» в Индии. М., 1989. С. 8.

свои политические партии. Более того, в Индии существует целая плеяда выдающихся политиков из числа далитов, например, Б.Р. Амбедкар – юрист и политический деятель, основной автор конституции страны. В 1997 г. десятым президентом Индии стал Кочерил Раман Нараянан. В 2007 г. главным министром штата Уттар-Прадеш была избрана Маявати Кумар. В 2009 г. спикером нижней палаты индийского парламента была Мейра Кумар, её отец Джагдживан Рам был в свое время министром обороны. В 1984 г. далитом Канши Рамом была создана партия Бахуджан Самадж (партия «Большинства народа») для далитов.

Удельный вес всех далитов в Индии составляет 16,7 %¹. По результатам переписи 2011 г. первое место по численности населения занимает штат Уттар-Прадеш с более чем 199 581 тыс. чел., из них 20,5 % – это далиты². Для сравнения рассмотрим еще два северных штата с высоким процентным соотношением далитов: штат Пенджаб занимает 15-е место с численностью населения 27 743 тыс., из них далиты составляют 31,9 %; штат Химачал-Прадеш занимает 21-е место с населением 6 864 тыс., из которых 25,2 % далитов³. Соответственно по количеству далитов, проживающих в Уттар-Прадеш, штат имеет удельное преимущество. Уровень грамотности в Уттар-Прадеш – 69,0 %, в Пенджабе – 76,0 %, а в Химачал-Прадеше – 83,0 %⁴. Штат Уттар-Прадеш входит в пятерку самых малограмотных среди «зарегистрированных каст», данный показатель составляет всего 60,9 %⁵. Следовательно, по уровню грамотности Уттар-Прадеш уступает остальным штатам не только по категории далитов, но и по общему числу населения штата. Примечательно, что начальное образование по закону в Индии является бесплатным. Северная часть Индии преимущественно сельскохозяйственная, численность населения в сельских районах намного выше, чем в городах. В Уттар-Прадеше эта разница примерно в четыре раза, в Пенджабе – в два раза, в Химачал-Прадеше – в десять раз. Сельское население, как отмечают большинство правозащитников, – наиболее ортодоксальные люди, жестко следующие традициям и практикам кастовой системы, возможно именно поэтому, «несмотря на запрещение дискриминации по кастовому признаку, она по-прежнему распространена, в особенности в сельских районах»⁶.

В Уттар-Прадеше, как и во многих северных штатах страны, в сельской местности взаимоотношения между людьми регулируют кастовые

¹ *Provisional Population Tables*. P. 160

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ 2010 Country Reports on Human Rights Practices: India. US Department of State. April 2011. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2010/sca/154480.htm>.

панчаяты¹ – *кхап-панчаят*, слово «*кхап*» переводится с санскрита как «господство». Но именно Уттар-Прадеш пошел в этом вопросе дальше, чем остальные соседние северные штаты. В западной части штата создаются своеобразные федерации *кхап-панчаятов*, благодаря чему кастовые панчаяты превратились в важнейший инструмент политической мобилизации и теперь воспринимаются как главный источник моральных ценностей индийского общества. Влияние таких *кхап-панчаятов* очень велико при решении различных социальных проблем. Например, вопросы заключения брака входят в спектр кастовых панчаятов. В стране, где численность женского населения меньше, чем мужского (в штате Уттар-Прадеш на 1 тыс. взрослых мужчин приходится 908 женщин, в Пенджабе – 893 женщины, в Химачал-Прадеше – 974 женщины²), необходимость при вступлении в брак соблюдать жесткое кастовое правило эндогамии порождает проблему нехватки невест. *Кхап-панчаяты* следят не только за кастовой эндогамией, но и за соблюдением правила экзогамии *готры*, когда жители одной деревни не могут вступать в брак между собой во избежание кровосмешения.

Несоблюдение решений *кхап-панчаята* неминуемо влечет наказание, приводимое в исполнение главой деревни или ее руководством. В XXI в., по свидетельствам социологов и правозащитников, наказания за несоблюдение решений *кхап-панчаятов* стали более суровыми, теперь они включают не только денежный штраф, публичное унижение или ритуальное очищение, но и исключение из касты, «убийство чести». Последний вариант выбирают чаще, так как только он может восстановить социальный престиж и авторитет «поруганной» семьи. Особенно жестоко ведется борьба индийского общества с межкастовыми браками, когда одной из сторон брачных отношений выступает далит: эти браки разрушают социальные и экономические отношения между кастами, что неприемлемо для «чистых» каст. Так, *джаты*, «высокие» по социально-экономическому положению касты штата Уттар-Прадеш, выступают категорически против таких смешанных браков и диктуют свои законы и решения с помощью *кхап-панчаятов*³. Хотя государство пытается поддерживать смешанные браки, помогать им финансово, шанс на выживание у такой семьи появляется только в городской местности (в сельской местности наказание неминуемо). Наказание *кхап-панчаята* в основном реализуется в форме убийства: в ноябре 2002 г. были сожжены заживо молодая пара и их друг (далит), а трупы выброшены в ближайший пруд. Отец девушки вместе с родственниками, принадлежащими к высшей касте земледельцев – *тха-*

¹ Панчаят (совет пяти) – обобщающее понятие объединяющего механизма местного и традиционного самоуправления в Индии, издавна входит в деревенскую социальную структуру, члены которой могут быть только взрослые мужчины.

² *Provisional Population Tables*. P. 160.

³ *Юрлова Е.С.* Индия. Кастовое насилие над женщинами // Азия и Африка сегодня. 2011. №6. С. 45–53.

куров, были в ярости, когда девушка сбежала с далитом и совершила брачную церемонию. После обнаружения пары родственники совершили самосуд над молодыми и их помощником и другом¹. Не только сами молодые супруги подвергаются физическому насилию, но их родители, родственники, друзья – все те, кто поддерживают такие браки.

«Правительство говорит, что оно не в состоянии принять меры против этих панчаятов, поскольку их деятельность не попадает под категорию незаконной деятельности.<...> Правительство обещает приюты для преследуемых пар их семей»², но убийств от этого меньше не становится. Невмешательство правительства в деятельность таких панчаятов способствует сохранению влияния этого социального института. Только «совместными усилиями государства, гражданского общества и СМИ можно приручить кхяп-панчаяты, анахроническое учреждение, которое черпает свою легитимность из феодального прошлого»³.

Вместе с кхяп-панчаятом важнейшей проблемой для далитов остается доступ к источникам питьевой воды. Данная проблема стоит весьма остро, так как неразрывно связана с климатическими условиями. Далиты являются слоем «неприкасаемых», соответственно, и их посуда входит в эту категорию: по законам ритуальной чистоты они не могут самостоятельно набрать воду из деревенского колодца, водопроводного крана или другого источника воды. Далитки (обеспечение водой – это исключительно женская обязанность) ожидают по несколько часов у источника воды помощи от представителей «чистой» касты. В свою очередь высшие касты не заинтересованы в допуске далитов к источникам питьевой воды на равных. Вопрос допуска к воде не столько ритуальный, сколько экономический, это своеобразная форма закабаления и контроля над этим социальным слоем.

Далитов не допускают также в общественные храмы, не позволяют совершать омовения в общественных водоемах, ходить по определенным улицам деревни, кремировать своих покойников на общих кремационных площадках, носить обувь (это привилегия только «чистых» каст) и т.п. В государственных школах распространена практика сегрегации: отдельные классы и помещения для высших каст, другие для далитов. Вследствие дискриминации, которой подвергаются школьники-далиты ежедневно со стороны представителей «чистых каст», они бросают школу, благодаря чему высокий уровень безграмотности не понижается с течением времени⁴. Эта практика также затрагивает и вопросы здравоохра-

¹ *Three lynched over inter-caste love affair in India // Daily Times. 17 November, 2002.*

² *Rajalakshmi T.K. Check on khaps // Frontline. 2010. № 27, April 24 – May 07.*

³ *Ranbir Singh. The Need to Tame the KhapPanchayats // Economic and Political Weekly. 22.05.2010.*

⁴ *2010 Country Reports on Human Rights Practices: India. US Department of State. April 2011. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2010/sca/154480.htm>.*

нения далитов: в июне 2009 г. 18-летний далит Анир Кумар умер – ему было отказано в госпитализации, так как больница не предназначена для лечения пациентов низших каст¹.

Закабаленные сельскохозяйственные рабочие-далины в штате Уттар-Прадеш не получают платы за свой труд (или она намного ниже прожиточного минимума²), чаще далины работают просто за еду или зерно. Такая ситуация закабаления далитов высшими кастами в сельских районах полностью лишает их возможности выплатить свои долговые обязательства, не существует никакой возможности накопить денег и хоть немного улучшить свое экономическое положение. Долги переходят от отца к сыну, а иногда и от деда к внуку и с течением времени неуклонно увеличиваются. Следовательно, для выживания и пополнения семейного бюджета работают все члены семьи от детей до стариков. Дети начинают работать с четырех-, пятилетнего возраста, вследствие этого они не посещают школу, так как у них нет времени и средств на обучение.

Долги далитов высшим кастам, в основном крупным земледельцам, включают в себя расходы на выкуп невест, свадьбу, болезнь, увечье, голод, плату за похороны и другие неожиданные жизненные ситуации. К этим долгам неминуемо добавляются проценты по ним, которые превышают сам долг на 50–60 %, так как «все, что занимается у хозяина, должно вернуться в полтора раза больше»³. Также в эту сумму входят и различные штрафы, полученные от земледельца. Очевидно, что обычная далитская семья просто не в состоянии выплатить все долги и они переходят по наследству новому поколению семьи. «<...> В Уттар-Прадеше, если мужчина убегает, его имущество, иногда даже его дети, описываются и продаются с аукциона. После чего долговые обязательства переходят к старшему сыну, чей труд засчитывается в уплату процентов по долгу»⁴.

Местная власть никаким образом не способствует решению сложившейся проблемы, она состоит попросту из земледельцев высших каст, которые входят в панчаяты и кхал-панчаяты, закон помогает им устанавливать и усиливать свой гнет над далитами. Из-за произвола местных чиновников и землевладельцев правительственные программы, направленные на помощь закабаленным работникам, искажаются на местах и не приносят пользы, а иногда вредят далитам. В официальных отчетах часто говорится о полном искоренении долгового рабства, но фактически

¹ *Dalit teenager dies after hospital refuses treatment // Dalit Freedom Network.* [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.dalitnetwork.org/go?dfn/news/C144/>

² *2010 Country Reports on Human Rights Practices: India.* US Department of State. April 2011. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2010/sca/154480.htm>.

³ *Бейлз К.* Одноразовые люди. Новое рабство в глобальной экономике. М., 2006. С. 214.

⁴ Там же. С. 210.

просто происходит замена понятий – вместо «кабального рабочего» употребляют понятие «присоединенный рабочий» или «полуприсоединенный», что помогает местным чиновникам и землевладельцам переводить свою деятельность в рамки законности.

Далиты, которые пытаются отстаивать свои права, подвергаются нападениям и убийствам. В августе 2003 г. в деревне Таджепур, дистрикт Мау, длительный спор между далитами и высшей кастой земледельцев-тхакуров из-за участка земли, который был официально выделен правительством специально для вспахивания безземельным далитам, привел к столкновениям тхакуров и далитов, более 48 чел. было ранено¹. В апреле 2002 г. далиты в деревне дистрикта Уннао попросили увеличения заработной платы, что привело к их массовым избиениям².

Насилие, направленное против «зарегистрированных каст», неуклонно растет: в 2001 г. по стране было официально зарегистрировано 33466 преступлений, из них в Уттар-Прадеше – 10732, в Пенджабе зарегистрировано только 134 случая, в Химачал-Прадеше – 110 случаев³. А уже в 2013 г. цифра по стране достигла 39327: в Уттар-Прадеше 7078 преступлений, в Пенджабе 126 случаев, в Химачал-Прадеше 148 случаев⁴. По официальной статистике насилия против далитов стало меньше в Уттар-Прадеше, но это не совсем так. Происходит рост незарегистрированного насилия, это вызывает глубокую озабоченность: «преступления, совершенные высококастовыми индусами в отношении далитов, часто остаются безнаказанными, поскольку либо власти не поддерживают обвинения, либо жертвы не заявляют о преступлениях из страха возмездия»⁵.

Насилия по отношению к женщинам «зарегистрированных каст» попадают именно в эту категорию. Эти преступления больше всего ужасают градусом жестокости: изнасилования, в том числе и групповые, домогательства, похищения, избиения. В дистрикте Фатехпура в 2011 г. трое мужчин изнасиловали далитскую девушку и изуродовали ей лицо⁶. Недавно стало известно еще об одном случае, наполненном не только звер-

¹ 48 dalits injured in UP caste clash. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ambedkar.blogspot.ru/2003_08_01_archive.html

² Dalits face wrath of upper castes in UP village. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ndtv.com/topstories/showtopstory.asp?slug=Dalits+face+assault+over+wage+dispute&id=8937>

³ Crime in India 2001. National Crime Records Bureau. Ministry of Home Affairs. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ncrb.gov.in/>

⁴ Crime in India 2013. National Crime Records Bureau. Ministry of Home Affairs. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ncrb.gov.in/>

⁵ 2010 Country Reports on Human Rights Practices: India. US Department of State. April 2011. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2010/sca/154480.htm>.

⁶ Rahul Gandhi meets Banda rape victim. // The New Indian Express. – 07 Fed. 2011

ством, но и цинизмом, когда 27 мая 2014 г. в дистрикте Бадаюн две девочки-далистки 14 и 15 лет подверглись изнасилованию пятью братьями из высшей касты скотоводов-ядавов, а их трупы были повешены на дереве манго¹.

Вся ситуация усугубляется неадекватным освещением проблем далитов в прессе. Поскольку кастовая дискриминация не так заметна в городах по сравнению сельскими районами, средства массовой информации и журналисты, формирующее общественное мнение, не уделяют этому вопросу должного внимания. СМИ вспоминают о проблемах далитов преимущественно, когда ситуация уже доходит до физического насилия или массовых протестов.

Нормотворчество опережает реальную ситуацию в индийском обществе и психологию самих индийцев. Само государство и правительство, начиная с принятия конституции, ведет политику двойных стандартов по отношению к «зарегистрированным кастам». Де-факто против кастовой дискриминации, но не против самой социальной дифференциации по признаку касты; де-юре ее признает, вводя в конституцию такие определения, как «каста», «зарегистрированная каста», «зарегистрированные племена», «прочие отсталые классы», «резервирование мест» и т.п. Все попытки правительства улучшить положение далитов в стране в итоге остаются чисто номинальными, кроме того, отсутствует продуманность в реализации законов и социально-экономических инициатив. Коррупция чиновников и полиции в стране имеет беспрецедентные масштабы, что не только тормозит реализацию этих проектов, но иногда приводит к еще большему закабалению далитов. Двойственное отношение к «зарегистрированным кастам» порождает двойственные методы в решении вопросов социально-экономического положения далитов. В результате вопрос о возможности достойной жизни далитов в Индии в XXI в. не теряет своей актуальности и требует детального изучения.

¹ *Lie Detector Test for Fathers of Teens Who Were Raped and Hanged Alive.* [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ndtv.com/article/india/lie-detector-test-for-fathers-of-teens-who-were-raped-and-hanged-alive-547003>

Г.В. Кондратенко

Роль системы прописки в создании социальных проблем и нарастании экономических противоречий в современном Китае

За последние 30 лет Китай, опираясь на огромную массу дешёвой рабочей силы, приехавшей из деревни в города, превратился в «мировую фабрику» и создал модель экономики, которую называют китайским экономическим чудом. Но в этих успехах кроется большая проблема – модернизация КНР осуществляется за счёт людей, которых называют «рабочими-мигрантами с сельской пропиской».

Сложность анализа системы прописки состоит в том, что исследование этого феномена затрагивает целый комплекс экономических, социальных и политических проблем. Китайская исследовательская традиция, касающаяся этой проблемы, рассматривает систему «хукоу» в следующих аспектах: 1) миграция из деревни в город и переселение из городов в деревни – внутренняя миграция; 2) урбанизация; 3) обезземеливание крестьян; 4) структура доходов крестьян и горожан и увеличивающийся разрыв в уровне жизни между городом и деревней. Система «хукоу» рассматривается только в качестве одного из факторов указанных процессов и как механизм контроля за перемещением населения. В англоязычной историографии система «хукоу» изначально исследовалась как самобытный феномен, который рассматривается и как средство анализа комплекса социально-экономических и особенно политических проблем. В контексте решения проблем с пропиской рассматриваются вопросы коррупции местных администраций в Китае, рост преступности в городах и нерешительность центрального правительства КНР в вопросе отмены сельской прописки. Ещё одной особенностью англоязычной историографии можно назвать её «мозаичность» – авторы подробно анализируют частные вопросы системы прописки, опираясь на локальные анкетирование и опросы как самих мигрантов, так и жителей городов, которые сталкиваются с мигрантами. В отечественных работах системе прописки не уделяется внимание как определённому феномену, а лишь упоминается как об административном ограничении миграции внутри страны.

Китайская система регистрации по месту жительства или прописки (户籍 *hújī* или 户口 *hùkǒu*) оказывает значительное влияние на многие аспекты жизни людей, живущих в КНР. Сущность этой системы состоит в том, что она фактически делит население Китая на две группы в зависимости от их социального статуса, который определяется пропиской.

Жёсткая система прописки была введена в 1958 г. и, помимо идеологических, у этой меры были и экономические основания. После революции деревня в Китае по-прежнему рассматривалась властью как источник ресурсов для индустриализации и для развития городов. В то же время экстенсивный и трудоёмкий способ хозяйствования

в деревне не предполагал перехода крестьян в города, а городского населения для начального периода индустриализации хватало. Но к середине 1950-х гг. в связи с проведением реформ в сельском хозяйстве, в деревне появился избыток рабочей силы, и эти люди отправлялись в города на сезонные заработки либо с целью переезда на постоянное жительство.

Внутренняя миграция в КНР является и причиной, и следствием социально-экономических изменений. Одни авторы видят в ней основную опасность для социально-политической стабильности, доказывая, что в ближайшие 10–15 лет КНР столкнётся с серьёзным кризисом, потому что аграрный сектор уже не способен обеспечить занятость населения, а промышленный сектор развивается недостаточно быстрыми темпами, чтобы предоставить рабочие места всем нуждающимся. Ситуация усугубляется тем, что экономика переходит к развитию и внедрению технологий, которые сокращают трудоёмкость во всех секторах экономики, кроме сферы услуг. Другие эксперты утверждают, что избыточная рабочая сила в деревне представляет огромный резерв для реконструкции экономики, ускорения урбанизации и формирования экономического роста ¹.

В городах к началу 1960-х гг. ещё не сформировалась стабильная структура занятости и связанная с ней система социального обеспечения, поэтому приток нового населения мог разрушить формирующуюся социально-экономическую среду. В связи с этим была введена система регистрации, которая чётко регулировала миграционные процессы в стране и была частью плановой распределительной экономики. В результате официальная миграция (со сменой места жительства и статуса прописки) была практически сведена к нулю. Правительство разнообразными нормативными средствами регулировало перемещение населения для развития определённых отраслей экономики. Городская реформа, проводимая с начала 1980-х гг., не вышла за рамки широкомасштабного эксперимента, не получившего юридического оформления. Поэтому она не привела и к изменению статуса регистрации с сельского на городской даже у людей, живущих в посёлках около больших городов и экономически, и административно входящих в эти городские агломерации.

Революция 1949 г. привела к слому традиционной системы хозяйствования с повышенным вниманием к деревне и вернула городам их основную экономическую функцию – они вновь стали промышленными узлами и центрами занятости. Недостаток национального капитала привёл к развитию портовых городов, где были значительные вливания иностранного капитала. В дореволюционном Китае только четыре города, ко-

¹ Взгляды китайских авторов на проблемы и перспективы внутренней миграции в КНР подробно отражены в работе: *Кондратенко Г.В. Система хукоу в китайской и англоязычной историографии рубежа XX–XXI веков // Проблемы истории Китая и международных отношений в трудах китайских исследователей (Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Сер. Востоковедение. Т. XV). Владивосток, 2011. С. 128–135.*

торые долгое время находились в руках иностранцев — Шанхай, Гуанчжоу, Тяньцзинь и Циндао, — являлись промышленными центрами и на их долю приходилось 70 % всего промышленного производства страны. А доля городского населения, связанного с производством, составляла 4 %.

Революция законсервировала на несколько десятилетий традиционную экономическую роль деревни в Китае, которая не только кормила и одевала городское население, она являлась и основным финансовым донором. Долгое время реализовывалась концепция «сельское хозяйство — основа»: вплоть до начала реформ в 1978 г. сельское хозяйство продолжало оставаться единственным источником ресурсов для промышленности, не случайно быстро развивалась пищевая и текстильная промышленность — эти отрасли непосредственно связаны с сельским хозяйством. Но с 1978 г. экономика КНР стала развиваться столь стремительно, что традиционная деревня уже с середины 1980-х гг. практически перестала поставлять ресурсы для промышленности, а новым источником сырья стал импорт. Кроме того, реформы в деревне, которые на начальном этапе дали очень хорошие результаты, привели к неожиданному эффекту — освобождению большого количества рабочих рук, трудоустройство которых стало для государства трудно решаемой проблемой. Создание волостных предприятий и развитие системы сервиса в сельской местности не дали ожидаемого эффекта, и крестьяне стали нелегально перемещаться в города. Это оказывало сильное давление на городскую экономику, а система «хукоу» не позволяла крестьянину ни сменить прописку, ни получить достойную работу, ни включиться в систему социального обеспечения.

После революции 1949 г. были восстановлены три принципа социально-экономического равновесия, разрушенные при Цинах — государственное регулирование: 1) процессов хозяйствования, 2) численности населения, 3) территории расселения. КПК восстановила эти основы, используя следующие инструменты: экономика регулировалась планированием и отраслевым контролем, численность населения — законодательным закреплением однодетной семьи, а расселение — строгой системой прописки. Эти меры оказались достаточно действенными и справлялись с поддержанием стабильности в Китае вплоть до «культурной революции»¹.

Система «хукоу», самый консервативный механизм планирования, сыграв в становлении КНР положительную роль, после начала реформ в 1978 г. стала тормозом дальнейшего экономического развития и источником проблем для большей части населения Китая. В настоящее время хукоу является основным источником неравенства и несправедливости и, пожалуй, наиболее важной основой китайской социально-пространственной стратификации.

Система «хукоу» является прежде всего источником экономических проблем. Самыми главными из них китайские учёные называют неполную

¹ Кульпин Э.С. Восток: Природа — технологии — ментальность на Дальнем Востоке. Изд. 2-е, доп. М., 2009. С. 167.

урбанизацию и неравномерную индустриализацию¹. Хотя изначально многие считали, что приток мигрантов в города позволит преодолеть установленные при Мао Цзэдуне границы между городом и деревней, сузить разрыв между городом и деревней, сократить неравенство между бедными и богатыми регионами, углубившееся при Дэн Сяо Пине. Это означает, что фактически речь шла о национальной интеграции на основе социально-экономического развития.

Изначально неравномерная индустриализация связана с экономическим районированием Китая и выбором полюсов роста, которые развивались быстро и эффективно, но не давали достаточного импульса развития другим регионам, как это задумывалось правительством. Такая ситуация, с одной стороны, привела к притоку инвестиций и дала возможность Китаю тратить средства на развитие отсталых, дотационных и отдалённых регионов, с другой, – к экономическому неравенству между регионами страны. Это очень хорошо показывает индекс Кузнеца, который используется при изучении неравномерности распределения доходов в обществе и заработной платы различных групп населения. В свою очередь, два показателя – региональный валовой продукт и уровень доходов населения – наглядно показывают уровень неравенства между регионами в КНР, см. табл. 1.

Таблица 1

Динамика изменения индекса Кузнеца в Китае, 1985–2007 гг.*

Год	Доходы 10 % населения с самым низким уровнем доходов (юани)	Доходы 10 % населения с самым высоким уровнем доходов (юани)	Коэффициент индекса Кузнеца
1985	482,76	1383,72	2,87
1990	859,92	2675,64	3,11
1995	2177,72	8231,31	3,78
2000	2653,02	13311,02	5,02
2001	2802,83	15114,85	5,39
2002	2408,6	18995,85	7,89
2003	2598,17	21837,32	8,4
2004	2862,39	25377,17	8,87
2005	2943,78	26494,02	9
2006	3056,06	27901,82	9,13

¹ Ван Хайгуан. Исследования влияния системы регистрации на процессы урбанизации в Китае. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.21ccom.net/plus/view.php?aid=1092>

2007	3211,97	35620,74	11,09
------	---------	----------	-------

* Составлено по: *Тань Вэй*. Разница в уровне доходов в Китае. Разрыв в доходах – миражи роста. Пекин, 2009. С. 29.

В свою очередь, урбанизация, которая осуществлялась плановыми методами и долгое время строго регулировалась, привела к разрыву в уровне развития города и деревни. В 1980-х гг. предлагались пути решения этой проблемы. Некоторые китайские учёные, прогнозируя кризис в развитии крупных городов, подчёркивали необходимость развития малых городов и городков по всей стране и развития производства в коммунах и бригадах, которые поглотят избыток рабочей силы, высвобождаемой в результате механизации сельского хозяйства ¹. Но эти планы были отвергнуты, так как правительство решило, что слишком маленькие города не могут полностью осуществлять функции городов и их создание не будет являться урбанизацией. В итоге происходило ускоренное развитие средних и крупных городов, которые становились экономическими центрами и территориями новых возможностей. Это, конечно, и вызвало массовый приток крестьян в большие города, потому что здесь они могли относительно легко устроиться на работу и пересылать свою зарплату семье, остававшейся в деревне.

В начале 90-х гг. XX в. в китайском обществе в связи с ростом миграции развернулась большая дискуссия, преимущественно с участием городского населения, о резонности перемещения населения из сельской местности в города. Многие горожане утверждали, что приток мигрантов из деревень вызовет рост преступности в городах, кроме того, они опасались, что мигранты заполнят рынок труда и будут претендовать на равное с горожанами социальное обеспечение. В свою очередь, специалисты из Министерства Общественной Безопасности отмечали, что широкомасштабная миграция в города приведёт к деформации городской инфраструктуры и всплеску преступности. Однако, как показывает практика, не горожане, а мигранты сталкиваются в городах с большими проблемами. Во-первых, как отмечают некоторые исследователи, миграция влечёт за собой ощутимую потерю статуса, то есть, переселяясь в город, сельский житель лишается определённых социально-политических ресурсов и вынужден конкурировать с городскими жителями в новой обстановке ². Приезжая в город, мигранты из сельской местности вынуждены либо заниматься неквалифицированным и низкооплачиваемым трудом, либо пополнить ряды безработных, но при этом в отличие от городских жителей они не получают пособия по безработице.

¹ *Two Views on China's Urbanization // Beijing Review*. 1980, march 17, № 11. P. 6–7.

² *Rachel Murphy, Migration and inter-household inequality: observations from Wanzai county, Jiangxi. // The China Quarterly*, No. 164 (2000). P. 973.

В 2003 г. в Шанхае, который наряду с Пекином и Тяньцзинем является самым привлекательным городом для мигрантов, был проведен социологический опрос этих людей. Респондентам было предложено рассказать о тех проблемах, с которыми они сталкиваются на работе в большом городе. Было опрошено 83 чел., хотя этот показатель кажется незначительным, но он даёт возможность определить и очертить ситуацию и круг проблем, с которыми сталкивается мигрант. Данные опроса приведены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели проблем на работе, с которыми сталкиваются
сельские мигранты*

Показатель	Проблема	Значение
1	Отсутствие уважения и понимания со стороны руководства	3,43
2	Недостаточность отдыха из-за сверхурочной работы	3,36
3	Никаких шансов занять дополнительные полставки	3,29
4	Нет возможности перейти на более высокооплачиваемую работу	3,26
5	Несправедливое управление	3,24
6	Ощущения финансовой нестабильности	3,19
7	Сложность алгоритма и процедуры работы	3,1
8	Высокий темп работы	3,06
9	Удлиненный рабочий день	3,04
10	Тяжёлая и скучная работа приводит к упадку сил	3,03
11	Задержки зарплаты	3,01
12	Отсутствие социальной защиты	3
13	Большое количество работы	2,93
14	Отсутствие возможности высказать своё мнение об улучшении рабочего процесса	2,88
15	Отсутствие помощи со стороны коллег	2,85
16	Некачественное и однообразное питание	2,68
17	Споры с коллегами	2,61

18	Плохие бытовые условия	2,11
----	------------------------	------

* Составлено по: *Daniel Fu Keung Wong, Chang Ying Li, He Xue Song. Rural migrant workers in urban China: living a marginalised life // International journal of social welfare. 2007. № 16. P. 35.*

Примечание: уровень стресса на работе определялся по пятибалльной шкале: 1 – нет стресса; 5 – кризисная ситуация.

Социальные проблемы, с которыми сталкиваются мигранты, оказываются более серьёзными, так как социальная политика государства просто не учитывает их как отдельную категорию граждан и не предусматривает для них каких-либо особых социальных гарантий и льгот. Это проявляется в следующих чертах.

Во-первых, мигранты не включены в систему медицинского страхования. Если учесть, что медицинские услуги в Китае очень дороги, то эти люди практически лишены качественного медицинского обслуживания. Если же мигранты получают травму на рабочем месте и становятся инвалидами, они не получают пособия по инвалидности.

Во-вторых, мигранты не включены в систему социального страхования – они не получают пособия по безработице и лишены гарантированной пенсии по старости.

В-третьих, мигранты сталкиваются с жилищными проблемами. Мигранты, ограниченные пропиской, не имеют права на субсидирование аренды жилья и не могут приобрести жильё по льготным ценам. Количество квартир, выставляемых на продажу в крупных городах Китая по льготной цене, строго ограничено, а коммерческое жильё стоит очень дорого. По личным наблюдениям автора, стоимость 1 кв. м жилья в г. Чанчунь – столице провинции Цзилинь (Северо-Восток КНР), колеблется от 800 до 1500 юаней, а стоимость элитного жилья достигает 4000 юаней за 1 кв. м. Цены в крупных городах самых развитых приморских провинций выше в 2 – 2,5 раза, а стоимость 1 кв. м на окраине Пекина достигает 2000 юаней. Большинство мигрантов не могут заплатить такие деньги, хотя покупка квартиры в городе даёт право на получение городской прописки и в начале 1990-х гг. многие использовали покупку относительно дешёвого тогда жилья для смены прописки. Поэтому мигранты вынуждены жить в общежитиях, предоставляемых им работодателями.

Для иллюстрации сложившейся ситуации можно сравнить данные о доходах городских жителей, мигрантов и сельских жителей: например, в 2006 г. на Северо-Востоке страны чистый (за вычетом налогов) годовой доход крестьян составлял 5713 юаней¹, годовая зарплата половины мигрантов – 9600 юаней (800 юаней в месяц), годовой доход трети ми-

¹ *Чжан Тайюй, Чан Миньчже. Cujin dongbei diqu nongmin zengshou de ge'an yanjiu = Изучение отдельных случаев повышения доходов крестьян на Северо-Востоке страны. // Jingji Zongheng = Экономика вдоль и поперёк. 2010. № 7. С. 99.*

грантов – от 2400 до 7200 (от 200 до 600 юаней в месяц)¹ и годовой доход горожан – 13212². В 2011 г., когда в стране была активизирована программа строительства социального жилья (его стоимость в среднем в четыре раза ниже рыночной), чистый годовой доход крестьян на Северо-Востоке страны составил 7790,64 юаня, доход горожан – 18301,31 юаня³, а доходы половины мигрантов – 12100 (1000 юаней в месяц), годовой доход трети мигрантов от 4800 до 9600 юаней (от 400 до 800 юаней в месяц)⁴. Согласно программе предоставления доступного жилья, его стоимость напрямую зависит от ситуации, в которой оказался нуждающийся в нем человек⁵. Но мигранты не могут претендовать на такое жильё, потому что они не включены в систему городского социального обеспечения.

Самой незащищённой категорией «переселенцев» являются дети мигрантов, которые зачастую не могут даже посещать школу либо родители вынуждены платить большие деньги за их обучение в государственных или частных школах. Родителям приходится платить ежегодный взнос в пределах от 3000 до 30000 юаней за обучение каждого ребёнка⁶. В итоге, по данным статистики, дети мигрантов, никогда не посещавшие образовательные учреждения, составляют 6,85 % от общего числа детей мигрантов в стране. Дальнейшая судьба этих детей вызывает опасение, так как оставаясь в деревне, они смогли бы получить определённое образование, а в городе они попадают в очень неблагоприятные условия.

¹ Watson A. Social Security for China's Migrant Workers – Providing for Old Age // Journal of Current Chinese Affairs. 2009. № 4. P. 93.

² Цзян Хаожань, Лю Чан. Chenxiang jumin shouru kuaisu zengchan shouru chaju wenti burong leguan = Проблема ускоренного роста разницы в доходах городского и сельского населения не вызывает оптимизма // 2008 nian Liao nin jinji shehui kaishi fehxin yu yuce. Liao ning lanpishu. = Социально-экономическая ситуация в провинции Ляонин в 2008 г.: анализ и прогноз. Синяя книга пров. Ляонин. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe. 2008. С. 204.

³ Ян Июн, Чи Чжэньхэ. 2012–2013 nian zhong guo shouru fenpei wenti yu gaige zhongdian = Распределение доходов в Китае в 2012–2013 – проблема и ключевой пункт реформ // 2013 nian Zhong guo shehui kaishi: fenxin yu yuce. Shehui lanpishu = Социальная ситуация в Китае в 2013 г.: анализ и прогноз. Синяя книга Китая по социальному развитию. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe. 2012. С. 057.

⁴ Тянь Фэн. 2012 nian zhong guo liudong renkou qingkuang diaoyan baogao = Доклад о ситуации с внутренней миграцией в Китае // 2013 nian Zhong guo shehui kaishi: fenxin yu yuce. Shehui lanpishu = Социальная ситуация в Китае в 2013 г.: анализ и прогноз. Синяя книга Китая по социальному развитию. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe. 2012. С. 125.

⁵ «Доступные» квадратные метры в китайском стиле. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ria.ru/world/20110305/342490520.html>. Дата обращения: 23.07.2014.

⁶ Fleisher B.M., Yang D.T. Labor law and regulations in China. China Economic Review. 2003. № 14. P. 429.

Подобная ситуация с переселением в города целыми семьями вызвана уже не нехваткой средств, а более серьёзными причинами. Фактически эти люди являются вынужденными переселенцами – они были лишены своих участков и домов в деревне в связи со строительством на их месте новых дорог, предприятий и т. д., либо в связи со включением их деревень в городскую черту и сносом старых домов для новой жилой застройки. Эти люди получают минимальные деньги за свои участки, потому что после фактического исчезновения производственных коллективов в деревне земля по закону остаётся в коллективной собственности. Пользуясь этим, власти покупают землю у крестьян за бесценок. В среднем размер возмещения за реквизируемую землю в деревне в 2004 г. составлял 8–12 тыс. юаней за один му. По китайским данным, установленный размер возмещения, в лучшем случае, составляет сегодня менее 50 % ее реальной стоимости. Хотя в последнее время, по мере возрастания стоимости земли, размеры возмещения за реквизируемую землю под нажимом центрального правительства увеличились на 20–30 %, они остаются совершенно недостаточными, чтобы обеспечить другой источник существования для обезземеленных крестьян. Рыночная же цена на землю для строительных целей, особенно в последние годы в районах ускоренной урбанизации, резко возросла. В пригородах Шанхая, например, в последнее время земля на строительные цели подорожала до 200 тыс. юаней за один му¹.

Эта категория «безземельных» мигрантов является самой социально незащищённой и эти люди образуют самую бедную группу населения. Именно по вышеуказанным причинам в Китае очень высока так называемая возвратная миграция, когда сельские мигранты, прожив в городе некоторое время, возвращаются обратно в деревню². Кроме того, среди сельского населения до сих пор очень популярно «маятниковое» перемещение – один из членов семьи ездит в ближайший город на заработки на постоянной или временной основе, при этом имея шанс получить местную хукоу и позже забрать свою семью в город.

Подобное положение дел сохраняется на протяжении последних 30 лет и ведет к переходу проблемы с пропиской в новую плоскость. В Китае появилось второе поколение рабочих-мигрантов с сельской пропиской. Это молодые люди, численность которых составляет около 120 млн. чел., они, так же, как и их родители, приезжают в города в поисках работы. Но у них более высокий уровень образования, высокие требования к условиям работы, высокие запросы в получении материальных благ. С одной стороны, молодые люди не очень хорошо умеют

¹ Бони Л. Стратегия интеграции города и деревни в Китае: успехи, проблемы, противоречия (2002–2011). [Электронный ресурс] Режим доступа: theorychina.org/view_2489/society/201209/t20120927_235352.shtml. (Дата обращения: 23.07.2014).

² Lei Guang, Lu Zheng. Migration as the Second-best Option: Local Power and Off-farm Employment // China Quarterly. No 181 (2005). P. 25.

работать в деревне, а с другой стороны, они позиционируют себя как горожане и хотят влиться в городское сообщество, и зачастую они готовы бороться за свои права.

По мнению директора Института экономики Пекинского университета Ли Цзиминь, борьба второго поколения рабочих-мигрантов станет вызовом для нынешней модели экономического развития – модели экономики с дешёвой рабочей силой. А на данный момент последствия ускоренной трансформации этой модели непредсказуемы и могут привести к катастрофе.

Таким образом, необходимость отмены системы регистрации по месту жительства в Китае вполне очевидна. Без отмены системы регистрации в Китае будет сохраняться диспропорция в развитии между городом и деревней, между центральными и восточными регионами страны и в стране будет существовать феномен «Гуйцзу» – «контейнерной нации» (маргиналов, живущих в контейнерах на окраинах больших городов и работающих за гроши). Этот феномен регулярно обсуждается на страницах зарубежных СМИ как факт нарушения прав человека в Китае и портит репутацию КНР как страны, развивающейся феноменально эффективно.

С другой стороны, отменив систему «хукоу», Китай столкнётся и с рядом серьёзных проблем:

1. Возрастёт давление на систему занятости – в стране, где растёт нехватка опытных квалифицированных кадров, возможно введение дополнительного образования для мигрантов, что в итоге обострит конкуренцию на рынке труда в разы.

2. Усилится деформация уровня социальной инфраструктуры между городом и деревней – в городах увеличится потребность в школах, детских садах, больницах и жилье; при этом может встать вопрос о свёртывании строительства социальных объектов в деревнях.

3. Вырастет уровень криминальной опасности в городах.

4. В конечном итоге, мигрантов необходимо включать в систему социального обеспечения, что увеличит давление на местные бюджеты и в целом на бюджет КНР, а это может привести к снижению индекса комплексной национальной мощи, который очень важен для Китая, так как данный показатель, в частности, определяет и привлекательность страны для иностранных инвестиций и для размещения производства.

Отечественная история XVII – середины XIX в.**Е.В. Беличков****Лжедмитрий I и явление религиозного либерализма в России XVII в.**

Понятие «религиозный либерализм» использует еще Костомаров, подразумевая под ним толерантность Лжедмитрия I к инославным исповеданиям (термин именно в такой формулировке он употребил только в оглавлении и в содержании главы ¹, в самом тексте он нигде не встречается, но по смыслу текста становится понятно, что ученый имеет ввиду), веротерпимость: «его веротерпимость и либерализм располагали к нему польских разномысленцев, недовольных иезуитским направлением короля Сигизмунда» ².

В настоящее время этот термин связывается с либеральными направлениями в богословии (это явление присуще не только христианским, но и другим религиям), с так называемой либеральной теологией, которая в общем и целом связана с «признанием религиозными сообществами ценностей современной демократии с верховенством закона и безусловным признанием прав человека» ³. Польский историк и политолог Ян Зелонка отмечает, что «религиозный либерализм на Западе понимается как защита отделения церкви от государства и как продвижение религиозной терпимости» ⁴.

Для нас в данном случае интересен второй аспект этого явления, то есть религиозная терпимость, или толерантность. Понятно, что для ситуации XVII в. в России идеи отделения церкви от государства и прочие либерально-политические ценности были неактуальны, ведь сам либерализм тогда еще не успел появиться на свет. Также следует заметить, что идеи полной религиозной свободы для инославных конфессий были нехарактерны для православного русского общества. В XVII в. религиозно-либеральные инициативы поэтому могли исходить и исходили только

Беличков Евгений Васильевич, студент Омского государственного университета. Эл. почта: belkr@mail.ru

¹ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 174, 796.

² Там же. С. 218–219.

³ Жеребятьев М. Консерватизм в тисках традиционности. Успех новой лютеранской юрисдикции России, декларирующей консервативность, возможен лишь при её отказе от желания стать «традиционной Церковью» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=comment&id=1032>

⁴ Нетесова Ю. Во всем мире либералы не во власти. Многоликий либерализм (интервью с Я. Зелонкой) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Vo-vsem-mire-liberaly-ne-vo-vlasti>

со стороны государственной власти (Лжедмитрий I, София Алексеевна и уже на рубеже XVII–XVIII вв. Петр I). Поэтому я считаю возможным определить термин «религиозный либерализм» применительно к культурно-религиозной обстановке того времени следующим образом. Религиозный либерализм – это политика государства, направленная на создание в обществе атмосферы полной веротерпимости и свободы совести в отношении инославных (включая свободу для представителей инославия строить свои храмы, проводить публичные богослужения и осуществлять проповедь своей веры). Под термином «религиозный либерализм» мною понимается не некий идеологический концепт, а, скорее, модель поведения государства в отношении различных конфессиональных групп. Таким образом, имеется ввиду либеральная церковная политика, а не либеральная религиозная или политическая идеология.

Явление религиозного либерализма обнаруживается в России в начале (при Лжедмитрии I) и в конце XVII в., между ними – период политики религиозного изоляционизма, направленной на предотвращение попадания русского православного населения под влияние инославной религиозной идеологии (как католической, так и протестантской). Этот изоляционизм явился реакцией на тяжелейшую психологическую травму, которая была нанесена русскому народу польско-католическим вторжением и произволом времен Смуты.

Научная актуальность проблемы связана с ее недостаточной изученностью. На тему истории Смуты издано колоссальное количество литературы, однако до сих пор не существует работы, посвященной непосредственно конфессиональной политике Лжедмитрия I. Особая сложность возникает и в связи с тем, что фигура Лжедмитрия подверглась значительной мифологизации в угоду господствовавшим в России мировоззренческим системам. В дореволюционной историографии (для которой религиозная тематика была одной из важнейших) существует различие между подходом к проблеме церковных и светских историков.

Церковные авторы (такие, как митрополит Макарий (Булгаков) и архиепископ Филарет (Гумилевский)) в своих трудах по истории русского православия представляют Лжедмитрия сугубо отрицательным персонажем русской истории, вероотступником (в Польше «названный Дмитрий» отрекся от православия и принял католицизм) и марионеткой католических сил¹, намеревавшихся сделать Россию католической, что для русских было бы равносильно национальной катастрофе. Светские историки оценивали религиозные намерения царя-католика более взвешенно.

Изданные в советское время монографии также грешат тенденциозностью и однобокостью, выставляя Лжедмитрия, католицизм и папство в самом неприятном свете. Католическая Европа для коммунистических историков виделась таким же врагом и агрессором в отношении Руси, как и Запад XX в. был врагом для Союза ССР. История Смутного времени

¹ *Филарет* (Гумилевский), архиеп. История Русской Церкви. В 5 т. Т. 4. Четвертый период: период патриаршества 1588–1720. Харьков, 1853. С. 172.

подверглась значительной идеологизации. Лжедмитрий I подавался как авантюрист, злодей и марионетка католической Польши (особенно ярко это проявляется на примере историографии времен Сталина¹), при этом положительные стороны политики этого царя игнорировались.

На данный момент интерес к событиям Смуты связан с необходимостью отказа от прежних политико-мировоззренческих клише. Однако тема конфессиональной политики Лжедмитрия до сих пор остается слабо разработанной.

В качестве источников мною использовались как сочинения иностранцев, так и русские нарративы, причем при исследовании учитывались особенности общего взгляда авторов обеих групп источников на события Смуты (русские письменные памятники XVII в. грешат крайней тенденциозностью в описании правления Лжедмитрия I, получающего в них исключительно отрицательные характеристики и оценки, иностранцы же по отношению к самозваному царю более объективны).

Личность первого в истории России самозванца до настоящего времени точно не установлена, версия о том, что это был беглый расстрига Григорий Отрепьев – самая популярная (и она вошла в российскую историческую мифологию), но все же всего лишь версия. Достоверно известно, что самозванец был православным, но, нуждаясь в поддержке папского престола и польского короля Сигизмунда III, тайно принял католицизм.

Это одна из главных особенностей Лжедмитрия – его отступничество. С точки зрения религии и реалий того времени, Лжедмитрий совершил немислимое: он предал свою веру ради земных благ, совершив тем самым страшный грех и поставив под угрозу свое личное спасение. Таким образом, он показал себя человеком, для которого мирская сфера жизни стояла на более высоком месте, чем духовная. Для русского человека того времени подобная расстановка приоритетов совсем нетипична, русские и вообще восточные славяне славилась своей набожностью и приверженностью своей вере. Об этом свидетельствует и то упорство, с которым держался православия народ Украины, несмотря на все усилия Сигизмунда III подавить его веру². Лжедмитрий же в своих поступках больше похож на расчетливого европейского политика, нежели на уроженца страны, которая гордилась тем, что являлась хранительницей православного благочестия. Тем более интересен его феномен для российских реалий XVII в.

Можно ли назвать обращение Лжедмитрия в католицизм искренним? Изучив сведения о его биографии, Л.Е. Морозова делает такой вывод: «Лжедмитрий, судя по всему, был равнодушен к какой-либо вере. Среди его телохранителей было много протестантов, а среди наиболее доверенных

¹ Подробнее об этом см.: *Козляков В.Н.* Лжедмитрий I. М., 2009. С. 34–36.

² *Филарет (Гумилевский)*. архиеп. История Русской Церкви. С. 103–112.

лиц – православных¹. Римский папа и католики были нужны ему лишь во время борьбы за престол»².

Очевидно, что для него переход в католичество был прежде всего актом личной политической игры, он вовсе не питал горячей преданности католическим силам и не собирался быть послушным проводником их влияния в России. Это доказывается тем, что после своего воцарения самозванец не стал марионеткой папы или польского короля, держась во внешней политике независимо и гордо (показательна с этой точки зрения его претензия на титул императора, цезаря)³. Таким образом, Лжедмитрий отступил от православия не по убеждению и не по искреннему желанию служить папе, а потому, что это было необходимо для достижения его целей.

Воцарившись в России, Лжедмитрий действительно создал для католической веры определенный режим благоприятствования. Католики получали полное право входить в православные храмы⁴. Иезуиты, находившиеся при царе, открыто проповедовали католицизм⁵: они «получили разрешение на мессу и проповедь и делали, что хотели»⁶. В России был устроен католический костел (что в России тех времен – явление неслыханное). Тем не менее, иезуиты, прибывшие в страну вместе с самозванцем, реального влияния не имели, что также является свидетельством в пользу того, что Лжедмитрий вовсе не стремился окатоличить своих русских подданных. Приближенными к новому царю советниками оказались протестанты Бучинские⁷. В глазах подданных Лжедмитрий, несмотря на свое тайное католичество, стремился выглядеть истинно православным царем: «Он уверял их также в том, что он не хочет переменить веры и не знает другой, кроме святой веры русской, в которой он хочет жить и умереть»⁸. Как православный царь он

¹ Здесь Л.Е. Морозова приводит сведения, касающиеся правления самозванца в России.

² Морозова Л.Е. Смута: ее герои, участники, жертвы. М., 2004. С. 88–89.

³ Подробнее об этом см.: Козляков В.Н. Лжедмитрий I. С. 155–157.

⁴ Морозова Л.Е. Смута... С. 99.

⁵ Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001. С. 38.

⁶ Петр Петрей. Достоверная и правдивая Реляция о некоторых событиях, происшедших в последние годы в Великом княжестве Московском // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989. С. 187.

⁷ Резников К.Ю. Мифы и факты русской истории. От лихолетья Смуты до империи Петра. М., 2012. С. 98–99.

⁸ Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском, виновником которых был царевич князь Димитрий Иванович, несправедливо называемый самозванцем // Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб., 1874. С. 281.

выступал и на международной арене, поддерживая связи с православным Востоком¹.

Свидетельство подлинного религиозного либерализма названного Димитрия можно видеть в установлении свободы совести не только для католиков, но и для протестантов – Лжедмитрий разрешил лютеранскую проповедь в Кремле (будучи тайным католиком и внешне православным, царь не притесняет протестантов, а, наоборот, заботится о их религиозных потребностях), о чем сообщает Конрад Буссов².

Впоследствии русские источники представляли Лжедмитрия как человека, желавшего погубить православную веру и насадить католическую «ересь», что, несомненно, делалось в идеологических целях: Лжедмитрия и приведенных им в страну поляков необходимо было изобразить как врагов, а власть Романовых, в правление которых Россия была от поляков избавлена (в 1618 г. с Речью Посполитой было подписано Деулинское перемирие), представить как законную. В «Повести о разорении Московского государства», изобилующей ссылками на Священное Писание и через призму христианских библейских истин объясняющей события Смутного времени, о Лжедмитрии I в период его царствования говорится: «Начат окаянный умышляти, како бы ему погубити люди Божия и веру православную попрати и с Поляки и с Латыною в вере соединитися»³. Эмоциональный накал повествования в источнике заставляет усомниться в его объективности: ясно, что «Повесть...» использовалась сугубо в пропагандистских целях. Весомых доказательств своей позиции источник не приводит.

Понятно, что в этом плане мы не можем доверять нарративам русского происхождения (появившимся уже после правления Лжедмитрия I), в которых утверждалось, что тот планировал уничтожить в стране православие и насадить католическую еретическую веру – все эти сочинения создавались в рамках официальной идеологической линии, требовавшей компрометации самозванца и обоснования легитимности его свержения. Даже договор Лжедмитрия с польским королем, даже переписка его с папой, где он обещал ввести в России католицизм, могут быть на самом деле не более чем политической игрой, в которой самозванец просто воспользовался сиюминутной возможностью поддержки от тех политических сил, которые могли помочь ему захватить московский престол.

Впоследствии именно попытка отторгнуть Россию от православия, якобы существовавший антиправославный настрой монарха станет глав-

¹ Ульяновский В.И. Вселенское Православие и Московское царство в начале Смуты // Смутное время в России: Конфликт и диалог культур: Материалы научной конференции, С.-Петербург, 12–14 октября 2012 г. СПб., 2012. С. 292–295.

² Буссов К. Московская хроника // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989. С. 295.

³ Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. Повесть о разорении Московского государства всея Российской земли. М., 1881. С. 26.

ным обвинением против Лжедмитрия в русских источниках. К примеру, в «Ином сказании» говорится: «И так отпал от православной веры, окаянный законопреступник, сатанин угодник и предтеча, что и сам образ Божий поругал и алтари Божьих церквей хотел разорить, и монастыри и иноческие жилища разрушить, и сравнять православную христианскую веру с отпадшей верой, и вместо Божьих церквей построить костелы. И начал жить, как и прочие еретики других народов, и хотел заставить православных христиан поклоняться идолам»¹.

Подобные обвинения против царя в мае 1606 г. выдвигал еще Шуйский: Лжедмитрий «пренебрегает их [то есть русских – Е. Беличков] богами, даже оскверняет их церкви, позволяет нечистым полякам входить в них со своими собаками, и в церковь Николы, и в церковь Пречистой»². Глядя на привычки своего царя, обыватели также начинали полагать: «он, верно, совсем не русский, а поляк»³. Дмитрий постоянно нарушал дворцовые обычаи: во время обедов слушал веселую музыку, не молился перед едой. Царь любил телятину, которую настоящие православные никогда не употребляли. Вместо церковной службы царь часто любил выезжать на охоту или проводить военные учения⁴. Таким образом, у царя было явно секулярное сознание, что нехарактерно для русских людей (хоть простых, хоть из политической элиты) XVII в.

В чем же причина появления такого безразличного к религии образа мыслей у самозванца? Вполне возможно, что он действительно был уроженцем не России, а Речи Посполитой (даже если и не поляк, то западнорусский аристократ), о чем свидетельствует хотя бы то, что он не умел по русским православным обычаям приложиться к иконе: Исаак Масса рассказывает, как Лжедмитрий «приложился к иконе, но совершил это не так, как надлежало по обычаю; и некоторые монахи, увидев это, весьма усомнились в том, что он москвит»⁵. Настоящий русский человек, без сомнения, должен был знать, как прикладываться к иконе. То, что Лжедмитрий вопреки русскому обычаю играл свадьбу в церковный праздник, посвященный Николаю Угоднику⁶, еще можно списать на то, что он заразился непочтением и индифферентностью к православию в Гоше у ариан-социниан или в Кракове у иезуитов, но обряд приложения к образу святого никак не мог стереться из памяти самозванца, если бы он действительно был русским человеком Григорием Отрепьевым – такие простейшие обрядовые основы (а русские были очень внимательны к обрядам, что подтверждают нарративные источники XVI–XVII вв.) впитывал с молоком матери каждый москвит. Таким образом, велика вероят-

¹ *Иное сказание* // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989. С. 52–53.

² *Буссов К.* Московская хроника // Смута в Московском государстве... С. 293.

³ Там же. С. 287.

⁴ *Морозова Л.Е.* Смута... С. 84.

⁵ *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 112.

⁶ Там же. С. 135.

ность, что Лжедмитрий не был Отрепьевым (их тождество до сих пор не доказано на 100%), однако в данной работе подробно рассматривать эту тему не представляется возможным.

К.Ю. Резников же считает, что самозванец действительно был Отрепьевым и религиозному вольномыслию научился в Гоше, прибыв в польско-литовское королевство из России. В Гоше он учился у протестантов-ариан (социниан), не признававших Троичность Бога и ставивших разум выше веры. Именно общение с арианами, по мнению Резникова, воспитало в Лжедмитрии его последующее отношение к религиозным вопросам¹.

Филарет (Гумилевский) в своей работе указывает на феномен Лжедмитрия, проникнутого не русским, а больше европейским духом; такая особенность этого неординарного человека в полной мере проявилась во время его царствования: «...по крайней мере он жил так, как бы никогда не был русским того времени. Во дворце не преставали музыка и пляска; он открыто смеялся над всем русским и хвалил все иноземное; обобрал монастыри; не посещал храмов православия даже и в праздники»². Протестантский проповедник того времени Мартин Бер свидетельствует: «За столом он охотно слушал музыку и пение; но отменил многие обряды, например, не молился иконам пред началом обеда, и не умывал рук по окончании»³. Таким образом, Лжедмитрий предстает перед нами более как человек светский, религиозно индифферентный. Он больше похож на падкого на веселую жизнь европейца, нежели на набожного русского.

Видимо, именно то, что Лжедмитрий был носителем больше не русского, а европейского духа, и сделало возможным для него вступить на путь религиозного либерализма. Безусловно, в России тогда не было объективных предпосылок для установления режима полной терпимости к инославным исповеданиям, и религиозный либерализм в начале XVII в. появился в Московском царстве благодаря случаю, а не закономерности, причиной его появления было сиюминутное изменение в политической сфере, а не действие неких объективных социально-культурных законов. Либеральная конфессиональная политика в России начала XVII в. целиком и полностью была порождена фигурой Лжедмитрия I и держалась только на его воле. Именно в этом кроется одна из главных причин перемены религиозного либерализма на изоляционизм после Смуты: Россия тогда еще не созрела для того, чтобы твердо встать на путь конфессиональной толерантности.

Роль Лжедмитрия I в истории русской конфессиональной политики трудно переоценить: именно он впервые дал инославным исповеданиям полную, а не частичную свободу в своем государстве (включая право проповеди и публичного богослужения). Именно с этого времени Россия

¹ Резников К.Ю. Мифы и факты... С. 81.

² Филарет (Гумилевский). архиеп. История Русской Церкви. С. 177.

³ Мартин Бер. Летопись Московская, с 1584 года по 1612 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Ber/frametext1.htm>

начинает постепенный поворот к полной веротерпимости, к отказу от какого-либо ущемления прав инославных. Это достижение – завоевание именно XVII, а не какого-то другого века: именно тогда в России появляются идейные сторонники инославия и сочувствующие ему (например, И.А. Хворостинин, который в свое время был довольно близок к Лжедмитрию I), что ранее было просто немислимым делом для ультра-православной страны, нетерпимой к западным религиозным веяниям. Этот переворот стал возможным во многом благодаря конфессиональной политике царя-католика.

В.А. Слугина**Санкции в сибирских крестоцеловальных и шертоприводных записях XVII в.¹**

Присоединение к России обширных территорий Сибири, населенных различными нехристианскими этносоциумами, актуализировало проблему правового оформления подданства населения на верность государю и государственной службе.

В XVII в. все православное население Московского государства приводилось к присяге на верность государю через процедуру крестоцелования, для неправославных народностей переход в «подданство» осуществлялся через шертование – присягу по своей вере. Односторонние обязательства подданных формулировались в крестоцеловальных и шертоприводных записях, которые разрабатывались в Москве, а затем рассылались в уездные центры, где должны были зачитываться в торжественной обстановке.

Через крестоцелование и шерть осуществлялась легитимизация власти российского царя на престоле, а приведенное к присяге население было обязано во всем «служить и прямить» государю. Несмотря на важное значение указанных процедур в контексте конструирования политико-правовых отношений институтов власти и общества в XVII в., крестоцеловальным и шертоприводным записям почти не уделялось специального внимания в исследовательской литературе. Проблема крестоцелования, его генезис и функционирование в Древней Руси рассматривается в работах П.С. Стефановича² и Д.И. Антонова³. Источниковедческий подход к шертоприводным записям был продемонстрирован в статье А.Ю. Конева, который кратко рассмотрел эволюцию шертоприводных записей. На основании сопоставления текстов шертоприводных записей XVI–XVIII вв. автор делает вывод, что шертные записи «в широком смысле» имели «то же юридическое значение, что и крестоцелова-

Слугина Виктория Александровна, старший лаборант Новосибирского национального исследовательского государственного университета. Эл. почта: slugina881@gmail.com

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 13-01-00027

² *Стефанович П.С.* Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 86–113; *Он же.* Дружинный строй в Древней Руси и у древних германцев: существовала ли клятва верности вождю (правителю)? // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008, No 2 (32). С. 33–40.

³ *Антонов Д.И.* Клятва и крест. Проблема судебной присяги в древнерусской правовой культуре // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 42–53.

ние – присяга православных подданных»¹. Однако никто из исследователей не проводил сравнительного анализа текстов православных и «иноземческих» присяг – крестоцеловальных и шертоприводных записей.

В XVII в. данная разновидность публично-правовых актов характеризуется складыванием устойчивого формуляра – последовательности юридических формулировок. В общем виде формуляр шертоприводной и крестоцеловальной записи состоит в начальном протоколе из оборота: «Яз имярек» (интитуляция) и инскрипции (обозначения адресата, в данном случае титул царя). Основная часть представлена диспозицией (перечисления статей, излагающих перечень обязательств присягающего). Заключительная формула диспозиции с некоторыми вариациями почти дословно повторяет начало документа, утверждая положения записи: «Яз имярек целую сей святой и животворящей крест господень на том, что мне... служити (государю) и прямити и добра хотети во всем вправде безовсякие хитрости по тому как в сей записи писано и до своего живота по сему крестному целованью». В шертоприводных записях «крестное целование» заменялось фразой «по сей шерти».

Еще одним элементом диспозиции, характерным для актовых источников является статья – запрещение нарушать предыдущие статьи диспозиции и документ в целом (санкция). Санкция должна формулировать меры воздействия, и перечень неблагоприятных последствий для нарушителя вышеуказанных статей. Примечательно, что в крестоцеловальных и шертоприводных записях санкция присутствует не всегда. Исследователь И.В. Зайцев, изучая проблему удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX вв.², рассматривает сюжет составления перемирной грамоты Ивана III с крымским ханом Менгли Гиреем, где обращает внимание на принципиальный отказ российской стороны вносить текст запрещения в крестоцеловальную запись: «Ино, господине, во христьянском законе тое правды, крестного целования, выше нет»³. Причину такого отказа историк также связывает с процессом отделения крестоцелования от клятвы (божбы), которая осуждалась церковью⁴, то есть тот, кто целовал крест, не должен был «призывать» на себя проклятья и различные кары. В противовес российской стороне мусульмане, как утверждает И.В. Зайцев, давали именно клятву, а потому в «текст клятвы обязательно вносилось "запреще-

¹ Конец А.Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI – XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2006. № 6. С. 172–177.

² Зайцев И.В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX веков // Российская история. 2008. № 4. С. 3–9.

³ Там же. С. 4.

⁴ Подробнее см.: Стефанович П.С. Крестоцелование и отношение к нему Церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. С. 98.

ние"»¹. С выводами исследователя можно согласиться лишь отчасти: договорные крестоцеловальные записи между правителями действительно не имели текста санкции, однако эта практика не была характерна для феномена крестоцелования в целом. Как показали исследования П.С. Стефановича и Д.И. Антонова², вопрос об отделении понятий «клятва», «присяга» и «крестоцелование» применительно к XVI–XVII вв. не имеет однозначного решения, потому как, вероятно, практики клятвы без целования креста, клятвы с использованием креста (и других религиозных предметов) и практика крестоцелования – присяги, противопоставленной клятве, – одновременно сосуществовали на различных уровнях культуры (в быту, в политике, в церковной среде). Это утверждение подтверждается и непосредственным обращением к источникам – крестоцеловальным и шертоприводным записям XVII в. Текст санкции присутствует в крестоцеловальной записи Борису Федоровичу 1598 г., Федору Борисовичу 1605 г., в записи Василию Шуйскому 1606 года. Кроме того, санкции присутствуют не во всех шертоприводных записях XVII в.

Одной из самых известных дошедших до нас крестоприводных записей на верность государю является подкрестная запись Борису Годуну 1598 года. В ней содержится пространная санкция: «А не учну яз государю своему царю и великому князю Борису Федоровичу всея Руси, и его царице, и их детем, государем своим, по сему крестному целованью служить и прямити, или какое что лихо сделаю мимо се крестное целование, и не буди на мне Божья милость и Пречистыя Богородицы, и великих Руских чудотворец Петра и Алексея и Ионы и всех святых, и не буди на мне благословение святейшаго Патриарха Иева Московского и всеа Руси, и Митрополитов, и Архиепископов, и Епископов, и Архимандритов, и всего освященного вселенского собора»³.

В крестоцеловальной записи Федору Борисовичу 1605 г. санкция изложена следующим образом: «А не учну яз государыне своей царице и великой княгине Марье Григорьевне всея Руси и ее детем, государям своим, царю и великому князю Дмитрию Борисовичу всея Руси и государыне царевне и великой княгине Ксенье Борисовне всея Руси по сему крестному целованью служить и прямити, или какое что лихо зделаю мимо се крестное целованье, и ни буди на мне милость Божия, и пречистыя богородицы, и великих чудотворцов Петра и Олексея, Ионы, и всех святых, и не буди на мне благословение и прощение патриарха Иева Московского и всея Руси, и митрополита, и архиепископа, и еписко-

¹ Зайцев И.В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX веков // Российская история. С. 4.

² Антонов Д.И. Клятва и крест. Проблема судебной присяги в древнерусской правовой культуре // Древняя Русь. С. 42–53.

³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 2. N 10. С. 57–60.

пов, и всего освященного вселенского собора, и буду проклят в сем вец[е] и в будущем»¹.

В крестоцеловальной записи Василию Шуйскому 1606 г. санкция носит более «мягкий» характер: «А не учну яз имярек так государю своему царю и великому князю Василью Ивановичу всея Руси служить, как в сей записи писано, и не буди на мне милость Божья и пречистые богородицы и великих чудотворцев, и не буди на мне благословение всего вселенского освященного собора»².

Текст санкции крестоцеловальной записи Федору Борисовичу почти дословно цитирует запись Борису Годунову, однако церковные санкции усиливаются формулировкой, призывающей на говорящего проклятие «и буду проклят в сем вец[е] и в будущем»: запись Василию Шуйскому менее пространна, отсутствуют имена святых, чудотворцев и патриарха.

В целом, указанные санкции говорят о религиозных и церковных последствиях «измены» крестному целованию на верность государю. Как отметил Д.А. Савченко, «...подразумевались и последствия, исходящие от государства. В соответствии со сложившимися обычаями, к виновному могли быть применены любые казни и наказания, которые в каждом конкретном случае признавались верховной властью наиболее целесообразными, вплоть до лишения жизни»³.

Если православное население, приводившееся к крестному целованию на верность государям, должно было опасаться религиозного и церковного возмездия, а в конечном итоге реальной уголовной (правовой) санкции, то в случае с приведением к шерти ситуация усложняется. Приведение к шерти подразумевало заверение текста шертоприводной записи с учетом религии присягающего: для мусульман это был текст Корана, для язычников – их обряды и верования (учитывались идолы, тотемные животные, атрибуты культа и т.д.). Однако в тексте грамоты, извещающей население Сибири о приходе к власти Василия Шуйского, содержится указание зачитывать татарам и осяткам следующий текст санкции: «А не учну яз так государю своему царю и великому князю василью ивановичу всея русии служить, как в сей записи писано, и буди на мне божия огненные меч, и побей меня государева хлеб и соль, и ссеки мою голову та востра сабля»⁴.

Этот текст любопытен тем, что отсылает к историческим реалиям. В «Описании сибирских народов» Г.Ф. Миллера содержится описание шертования в Красноярском уезде: «Им держат голову между двумя саблями, одной над затылком, другой под подбородком, и кладут им на острие

¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 199. Оп. 1. №133. Ч.1. №4. Л. 19.

² РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. №19. Л. 57.

³ Савченко Д.А. «Государю хотети добра во всем»: присяга подданных московскому царю (начало XVII в.) // Актуальные проблемы российского права, 2013. № 8. С. 943–944.

⁴ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. № 19. Л. 57.

шпаги или ножа в рот кусочек хлеба, чтобы они его съели»¹. Также с использованием сабли шертовали и астраханские калмыки, о чем содержится известие в шертоприводной записи калмыцкого тайши Аюки: «...и шерть ему по своей калмыкцой вере поклоняемся, и целуем бога своего бурхана и молитвенную свою книгу бичик, и свитки, а сабля на головы сваи кладем и к горлом прикладываем на съезжей при околничем воеводем при князе Костентине Осиповиче Щербатова с товарищи...»².

Вероятно, текст санкции из шертоприводной записи должен был сопровождать этот обряд, чтобы тем самым закрепить подданного в верности и в действии (обрядом), и на словах. Важно также отметить, что описанный обряд не относится к какому-то конкретному этносоциуму и, скорее всего, представляет собой сложившийся в результате этнокультурного взаимодействия комплексный вариант приведения к присяге в Сибири, удобный и понятный как русской администрации, выражавшей интересы «государя», так и самим иноземцам.

С приходом к власти династии Романовых текст санкции в крестоцеловальных записях не встречается. Текст присяги с кольцевой композицией начинался со слов: «Яз имярек целую крест господень государю своему царю...» и заканчивался формулировкой: «Яз имя рек целую сей святыи животворящей крест господень на том на всем как в сей записи писано»³. Аналогичную композицию имеют и шертоприводные записи XVII века. Унификация формуляров двух типов присяг, вероятно, осуществлялась целенаправленно, о чем также свидетельствуют делопроизводственные источники. Например, в царской грамоте, извещающей о кончине Михаила Федоровича, направленной в Кетский острог, предписывалось приводить население к крестному целованию и вести поименные списки, а в отношении шерти сказано следующее (1645 г.): «А будет в Кецком остроге шертовальных записей нет или чего во прежних шертовальных записях против нынешней московской записки не написано, и те статьи написать в Кецком остроге примеряя примеряся к нынешней нашей к московской записи что доведетца смотря по тамошнему [делу]...»⁴. Следовательно, шертоприводные записи должны были составляться на основе крестоцеловальных, однако воеводам и приказчикам разрешалось дополнять положения присяг, исходя из специфики района, народности и проч. Это дает основания полагать, что статья санкции, отсутствующая в крестоцеловальных записях, а значит не сформулированная централизованно, могла вноситься по усмотрению воевод, исходя из ситуации.

Так, в диспозиции шертовальной записи Сургутского уезда на верность царю Алексею Михайловичу содержится следующая санкция: «А буде я против сей шертовальной записи учну государю своему царю и великому

¹ Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М., 2009. С. 171.

² РГАДА. Ф. 199. Оп. 3. № 150. Ч. 8. Л. 2 об.

³ Там же. № 133. Ч. 3 № 1098. Л. 5 об.

⁴ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 137. Д. 1. Л.2.

князю Алексею Михайловичу всеа Русии служити и прямити и добра хотети или изменю государю р(усских людей) и свою братью остяков учну побивать (и в калм)аки или в воровскую самоед(ь) отъеду и мне /...../ стала в горле, а с которово на/...../емь и тем бы ножемь мне зарезатца /..../ сабля, которую грызу, голову мне отсекла, а вода бы меня потопила а земля бы меня задавила»¹.

Как видно из текста, санкция также отсылает к контексту обряда, описанного в шертоприводной записи Василию Шуйскому, присутствует указание на ритуальную пищу, скорее всего, хлеб, а также оружие: сабли и ножи, с которых давали еду и которые заносили над головой присягающего. Описание схожей процедуры шертования также находим у Миллера в «Описании сибирских народов» применительно к самоедам: «Самоеды кусают шпагу, которую держат перед ними. Также, если перед ними держат русскую икону и велют укусить ее оклад, то это тоже считается за клятву»². В данной санкции четко прослеживается образ наказания, оружие, которым обладали русские и с которым приводили к присяге и которое в случае измены обращалось против шертуемого. Вторая часть санкции «а вода бы меня потопила а земля бы меня задавила» уже апеллирует к природным воздействиям на изменника, что, вероятно, отсылает к традиционным религиозным представлениям народов, дававших присягу.

Другой вариант статьи-санкции присутствует в шертоприводной записи для Томска на верность государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу и Софье Алексеевне, статья-запрещение сформулирована в качестве проклятия: «И буди на мне божий огненной меч и сабля великих государей буди на моей шее, и буди я проклят, и буди проклята жена моя, и дети мои, и внучата мои, и весь род мой въ си век и в будуще. А как я учну великих государей хлеб и соль есть и золото пить, и тот хлеб и соль и золото не проиди в мое горло, и испорти во мне сердце и весь живот мой»³.

Указание на проклятие рода должно было показать «вечный характер» подданства, оформляемого шертью, так со смертью князца и главы рода обязательства служить и прямить российскому государю должны были переходить на его сыновей и всех родственников.

Санкция, выраженная в форме проклятия, содержится также в шертовальной записи братцких мужиков 1700 г.: «И нам бы за нашу неправду рыбы в воде и зверя в поле и птицы не добыти, и чтоб нам за нашу неправду с женою и с детьми и со всеми своими людьми помереть голодною смертию, и чтоб нам всю нашу неправду со всем своим животом и скотом напрасно погибнуть, и чтоб нам за нашу неправду государская хлеб

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 256.

² Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. С. 171–172.

³ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 172 об.

и соль по воде и по земле не носила и как по земле поедем или поидем нас бы земля поглотила, а как по воде поедем и нас бы вода потопила»¹.

В двух вышеприведенных санкциях отсутствует упоминание оружия и угрозы смерти от ножа или сабли, что говорит, вероятно, о том, что процедура шертования в указанных случаях была другой. В целом, указанные санкции ссылаются на религиозно-мифологические представления о нарушении клятвы, что должно было дать гарантию того, что присягающий не нарушит положения шерты.

Царская администрация уделяла большое внимание учету религиозной специфики сибирских народов. В царских грамотах предписывалось «по их вере привести к шерты, как они шертуют», а воеводы, в свою очередь, пытались узнать всеми возможными способами (порой и пыткой)², какая у народности «прямая», то есть истинная шерть, которой присягающий будет следовать под страхом кары. Именно такую клятву и старались воспроизвести. Исходя из этого, неудивительно, что шертоприводные записи XVII в. не имеют в формуляре статьи-санкции: перечень последствий находился в пресуппозиции (за текстом) шертоприводной записи, поэтому не имело смысла включать его в саму грамоту.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что статья-санкция, описывающая последствия нарушения статей присяги, в Московском государстве присутствует только в крестоцеловальных записях времен Смутного времени и содержит религиозные, церковные и правовые последствия измены государю. Причем санкция располагалась после подтверждающей формулировки «на том на всем... как в сей записи написано», то есть была дополнительным, «усиливающим» элементом присяги. По мнению Д.А. Савченко, «это дает основание полагать, что в московской религиозно-правовой системе начала XVII в. сложилось понятие "крестного" (государственного) преступления ("к Государю крестное преступление", "от Государя преступление"). Оно охватывало ставшие достаточно массовыми случаи нарушения присяги на верность государю, влекущие, по представлениям того времени, возмездие от бога»³. По аналогии с санкциями при крестном целовании формулировались и санкции для шертоприводных записей.

С началом правления династии Романовых санкции исчезают из текстов крестоприводных записей. Вероятно, это было связано с процессом отделения клятвы от крестоцелования, потому как первая осуждалась церковью, а целование креста не нуждалось в дополнительном подтверждении какими-либо словами и тем более призыванием на себя прокля-

¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 4. Д. 354.

² См., например: РГАДА. Ф. 177. Оп. 3. Стб. 269. Л. 30 (рассказ служилого человека); Ф. 214. Оп. 3. Стб. 53. Л. 778 (рассказ казачьего пятидесятника о «прямой» шерты якутов.).

³ Савченко Д.А. «Государю хотети добра во всем»: присяга подданных московскому царю (начало XVII в.) // Актуальные проблемы российского права, 2013. № 8. С. 944.

тия¹. Правовое осуждение измены государю регламентировалось в Сборном уложении (2 глава «О государственной чести, и как его государственное здоровье оберегать»), поэтому также не нуждалось в дополнительном подкреплении текстом санкции.

Сформировавшийся в 40-х гг. XVII в. формуляр шертоприводных и крестоцеловальных записей имел кольцевую композицию с последней статьей, подтверждавшей сказанное. Выявленные в трех шертоприводных записях статьи-санкции были, вероятно, разработаны и внесены сибирскими воеводами, потому как учитывали этносоциальную специфику региона. Такие санкции располагались над подтверждающей статьей, поэтому общий формуляр шертоприводных записей не менялся и совпал с формуляром крестоцеловальных записей.

Анализ содержания санкций шертоприводных записей показывает формирование «зависимого» положения присягающего по отношению к государю. Такие атрибуты, как хлеб, соль, сабли, во всех случаях называются «государевыми», таким образом царь «жалует» подданного, требуя взамен «служить и прямить во всем». К тому же тексты отсылают к обряду, в котором были задействованы «посредники» государевой воли – воеводы, приказчики, служилые люди, казаки, которые при неисполнении статей присяги и являлись тем негативным последствием «государевой немилости». Исходя из этого контекста, шертоприводные были ясны военные и силовые последствия нарушения шерты. Другая часть обряда, связанная с религиозно-мифологическим представлением присягающего, должна была дополнительно сдерживать человека от измены на психологическом уровне.

¹ Подробнее см.: Антонов Д.И. Клятва и крест. Проблема судебной присяги в древнерусской правовой культуре // Древняя Русь. С. 45.

Е.А. Клочихин

**Отражение идейных основ церковной политики
грекофилов в Основной редакции книги «Щит веры»
(1691 г.)**

В последней четверти XVII в. Русская Церковь переживала один из самых сложных этапов в своей истории. Помимо проблемы церковного раскола, внутри официальной Церкви обострилось противостояние двух идейных движений, известных в историографии под названиями латинствующих и грекофилов. Во второй половине 80-х гг. XVII в. между этими культурно-политическими течениями возникла дискуссия по поводу характера обучения во вновь учреждаемой академии, которая вскоре трансформировалась в масштабную конфронтацию по широкому спектру различных вопросов.

Во второй половине 1689 г. латинствующие потерпели поражение. В январе следующего года грекофилами был созван церковный собор, на котором патриарх Иоаким, ярый сторонник грекофилов, инициировал создание полемического сборника «Щит веры». Основная редакция этого памятника была готова уже во второй половине 1691 года¹. Первоначальной целью данной книги было изобличение и опровержение воззрений латинствующих, однако в итоге это стало лишь поводом для упорядочения и закрепления фундаментальных принципов церковной политики грекофилов, которые нашли своё место в текстах «Щита веры».

Данный сборник не был напечатан и сохранился лишь в рукописных списках². В нашем распоряжении были сборник подготовительных материалов к книге, составленный в 1690 г., и список Основной редакции «Щита веры», хранящийся в Библиотеке Академии Наук³. Не преследуя цели охарактеризовать каждое из сочинений, входящих в состав памятника, попытаемся выделить ключевые идеи, содержащиеся в них.

В первую очередь, в «Щите веры» провозглашалась ценность греческой учёности для Русской Церкви и российского общества. Постоянные ссылки в сочинениях русских грекофилов на произведения восточных авторов⁴ явно говорят о приверженности патриарха Иоакима и его сподвижников религиозно-культурной ориентации на европейский право-

Клочихин Егор Александрович, студент Новосибирского национально-исследовательского государственного университета. Эл. почта: egor.klochikhin@gmail.com

¹ Подробнее об истории создании книги см.: *Панич Т.В.* Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте XVII в. Новосибирск, 2004. С. 131–151.

² Об этом подробнее см.: Там же. С. 153–165.

³ Археографическое описание рукописей см.: *Панич Т.В.* Книга «Щит веры»... С. 151; Она же. Литературное творчество Афанасия Холмогорского. Новосибирск, 1996. С. 164.

⁴ См., например: БАН. П.И. В.8. Л. 8 об., л. 66–75, 82–82 об., 111–127

славный восток. Параллельно с этим проводилась мысль о принципиальном неприятии иного знания. В эпизоде, описывающем прения восточных архиереев с католическими кардиналами в ходе Ферраро-Флорентийского собора¹, представителям Константинополя приписывалась следующая фраза: «Мы, имущие самый источник святых писаний, струй не требуем. Светяще самому Солнцу... лучи звёзд погасают»². Таким образом, в «Щите веры» провозглашалась идея религиозно-культурного детерминизма развития общества.

Вместе с объявлением греческой учёности главной интеллектуально-культурной ценностью проводилась идея о крепкой связи Русской Церкви с восточным православием. Так, цель будущего печатного издания «Щита веры», согласно «Изъявлению» патриарха Адриана, состояла в том, чтобы «...ради ведения истины всем православным христианом всех народов, великороссияном, и малорусцем и белорусцем... и самим грекам ради согласия и единомыслия с восточною святою Церквиею»³.

С отсутствием должного влияния греков на жизнь Русской Церкви связывалась проблема возникновения в русском обществе массовых движений, которые придерживались искажающих «истину» взглядов. По мнению авторов «Щита веры», это происходило исключительно из-за греческих книг от неучения и непрочитания»⁴. Этим объяснялись расколы в Русской Церкви. Показательно, что проблема раскола виделась в очень широком историческом контексте. На страницах «Щита веры» мы встречаем отсылки к грамоте митрополита Фотия, осуждающей стригольников⁵. Предводитель латинствующих, Сильвестр Медведев, постоянно сравнивался с отрицательными, в глазах Церкви, историческими персонажами – Арием⁶, Григорием Отрепьевым⁷.

Противодействие различным ересям являлось одним из важнейших направлений церковной политики, о чём свидетельствует уже само название сборника. Грекофилы подчёркивали это, говоря о практическом применении «Щита веры»: «Вы же над всеми восприимите сей наш Щит Веры, в нем же возможете вся стрелы лукаваго разжженные угасити, им же возможете противогаляющыя обличати, баснословы запрещати и еретицы заграждати»⁸.

Идея борьбы с ересями неизбежно соприкасалась с вопросом о вероисповедной «чистоте» православия в Киевской митрополии, всего не-

¹ Исторические параллели с событиями данного собора, отождествление латинствующих с католиками занимали важную роль в полемических сочинениях грекофилов.

² ОР ГИМ. Синодальное собр. № 452. Л. 44 об. – 45.

³ БАН. П.И. В.8. Л. 17 об. Ср.: Там же. Л. 63.

⁴ Там же. Л. 132.

⁵ См.: Там же. Л. 30 об.

⁶ См.: ОР ГИМ. Синодальное собр. №452. Л. 253–254 об., 259 об.

⁷ См.: БАН. П.И. В.8. Л. 26.

⁸ Там же. Л. 22.

сколько лет назад вошедшей в юрисдикцию Московского патриархата. Этой проблеме была посвящена серия посланий патриарха Иоакима митрополиту Гедеону Киевскому и архиепископу Лазарю Черниговскому и ответы иерархов московскому предстоятелю, вошедшие в сборник. По-видимому, патриарх Иоаким изначально понимал, что воззрения латинствующих исходили именно из Киевской митрополии, а значит, они не чужды тамошнему духовенству¹. Поэтому сам повод обращения был формальным. На наш взгляд, главной целью данных посланий было утверждение идеи единоначалия в церковной политике.

Патриарх Иоаким, обращаясь к малороссийским иерархам, пересмысливал требование послушания матери-Церкви, которое ранее встречалось у грекофилов лишь в виде абстрактных метафорических фраз. Эта идея стала более конкретной: послушание в первую очередь должно быть внутри Церкви. Иоаким ставил вопрос ребром: «Рцыте же нам, с ким прочее согласие и общение имети будете, к кому выю поклонити и благословение восприимати, кого же пастыря и главу стяжати имате»². Своим категоричным требованием публично осудить воззрения, не согласующиеся с позицией грекофилов, патриарх Иоаким, с одной стороны, пресекал возможное развитие дискуссии, с другой – подчёркивал собственную значимость. Митрополит Гедеон и архиепископ Лазарь сначала пытались отмолчаться, однако, после повторных посланий Иоакима, в которых требование подчиниться официальной позиции Церкви было выражено прямо и ещё более настойчиво, решили подчиниться московскому предстоятелю³.

В данном эпизоде ярко проявился ещё один принцип, которого грекофилы придерживались в своей церковной политике – Церковь как строго иерархичная структура. В частности, это просматривается на уровне обращения от нижестоящих духовных лиц к их руководителям. Архиепископ Лазарь закончил своё второе письмо патриарху Иоакиму следующими словами: «Вашему архипастырству изряднейшему господину отцу и великому благодетелю моему нижайший раб и всегдашний богомолец Лазарь Баранович, смиренный архиепископ Черниговский и Новгородский⁴»⁵. Соблюдение подобной субординации являлось важнейшим качеством иерарха и в глазах самого патриарха Иоакима⁶.

¹ См.: БАН. П.И. В.8. Л. 31, 31 об., 52, 61 об., 63 об., 94, 130 об. – 131 об., 137 об., 150 об.; ГИМ. Синодальное собр. № 452. Л. 251 об.

² БАН. П.И. В.8. Л. 98 об.

³ Подробнее о ходе и результатах переписки см.: *Смирнов П.А., свящ.* Иоаким, патриарх Московский. М., 1881. С. 195–200; *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вв. СПб., 1899. С. 201–222.

⁴ Так в источнике. Имеется в виду Новгород-Северский.

⁵ БАН. П.И. В.8. Л. 59 об.

⁶ См.: Там же. Л. 106 об.

Идея иерархичной организации провозглашалась исконным атрибутом общественных отношений вообще: «...чины наипаче всех храним быти должнствует»¹. Примечательно, что авторы «Щита веры» замечали иерархичность в устройстве самого здания церкви – алтарь, «самый храм», паперть². Отдельно подчёркивался высокий статус архиерея³, в том числе и в решении внутренних церковных проблемах: «...и аще убо иерей напыщаяся на епископа – анафеме подлежит, колми паче монах простец или людин, не сый не токмо иерей, но ниже клирик яковый крамолу деяй, и еще не к митрополиту, но токмо к епископу творяй раздор»⁴. Таким образом, идея иерархичности была важным звеном во многих аспектах церковной политики.

Идея иерархичности дополнялась мыслью о необходимости единоначалия, послушания Церкви. Так, «Изъявление» патриарха Адриана началось с однозначного требования: «...и в ничесом же разгласовати, но во всех согласие имети, паче же архиереем и прочим священным»⁵. Ценность «единства», консолидации в любом вопросе неоднократно подчёркивалась на страницах «Щита веры»⁶. На наш взгляд, это было своеобразное проявление реакции церковно-политической мысли грекофилов перед лицом старообрядческих и «латинских» вызовов.

В текстах «Щита веры» неоднократно демонстрировался соборный принцип принятия церковных решений, однако если раньше он использовался руководством Церкви для оправдания своих действий, то теперь следование этому принципу упоминалось лишь в контексте формальных, протокольных фраз⁷. Можно предположить, что идея соборности в осуществлении церковной политики использовалась грекофилами прагматично и выборочно. Нужно полагать, что к концу патриаршества Иоакима реальной основой каких-либо действий Церкви стал принцип единоначалия.

В третьей грамоте архиепископу Лазарю Иоаким грозно заявлял, что не потерпит в Церкви иного мнения, аргументируя своё требование следующими словами: «Да не будет безчинство и слияние в Церкви, соблазн же в людех»⁸. В этой фразе проявилась ещё одна важная идея церковной политики, присущей грекофилам – «забота о пастве». Латинствующим вменялся в вину тот факт, что они не просто придерживались иного мнения, но ещё и распространяли его: «И тем моим поущением премножайших прелстих и соблазних, и церковь смутих тем безмеством и без-

¹ См.: БАН. П.И. В.8. Л. 106.

² См.: Там же. Л. 142 об.

³ См.: Там же. Л. 108.

⁴ Там же. Л. 29. Ср.: Там же. Л. 29 об.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ См., например: Там же. Л. 60, 62, 62 об., 80 об., 130.

⁷ См., например: БАН. П.И. В.8. Л. 141, 152 об.; ГИМ. Синодальное собр. № 452. Л. 248 об.

⁸ БАН. П.И. В.8. Л. 108 об.

чинством, прившедшим семо в Россию из Малороссийския страны, по обычаю латинскому»¹.

Сравнение Церкви с пастырем, а народных масс с овцами постоянно использовалось авторами текстов «Щита веры»². Они неоднократно подчёркивали ответственность за доверенный духовенству «простой люд»: «...убо елма нам пастырем сичево попечение о словесных овцах вверися, лепотствует доброму нашему архипастырю Христу Спасу последующым правою душеспасительных заповедей Божиих стезею к царству небесному пасомыя вождествовати ... да не едина заблудит пути истинны»³. Таким образом, «забота о пастве» была основополагающей идеей в обосновании единоначалия внутри Церкви. Используя фактор угрозы «повреждения веры», грекофилы монополизировали своё право на официальную церковную позицию.

В контексте идеи «заботы о пастве» следует, по-видимому, рассматривать и следующую фразу: «Патриарх же самого Христа образ есть воодушевлённый [и елико кто болшей власти прираждается, толико вящше анафеме подлагается]»⁴. Ссылаясь на литургические нормы, грекофилы доказывали важность как отдельных представителей Церкви, так и её в целом. Таким образом, обосновывая «верность» литургических норм, церковная политика патриарха Иоакима и его сподвижников находила новые аргументы в защиту своей, на наш взгляд, магистральной идеи о высоком социально-политическом авторитете Церкви.

Концептуально эта идея грекофилов основывалась на евангельской цитате «Слушайяй вас, мене слушает: и отметаейся вас, мене отметається» [Лк. 10:16], именно с неё начинается сочинение «О власти архирейстей». Однако один ветхозаветный сюжет, включённый в текст «Щита веры», привносил в интерпретацию этой цитаты новый, гораздо более глубокий смысл. В связи с тематикой обрядово-литургических изменений в «Щит» был включён эпизод с царём Осией, который «...аще и праведен бе, но возгордився, царскою властью восхоте покадити»⁵. Священники пытались его предостеречь, что этим он прогневает Бога, если выполнит дозволенный только духовному лицу обряд. Далее повествуется о том, что царь не послушался, и в результате «...взнице проказа на челе его и изгнан бысть оттуду и бысть прокажен до дне смерти его»⁶.

Из этой истории грекофилы делали невероятно смелый вывод: «Аще убо образа токмо и сени священных не священи касатися хотящими, каз-

¹ БАН. П.І. В.8. Л. 108 об. Л. 138 об.

² В одном фрагменте юрисдикция Московского патриархата напрямую называлась «Великороссийской Христовой овчарней» (БАН, П.І. В.8, Л. 53). Также см.: БАН. П.І. В.8. Л. 95.

³ Там же. Л. 52 об.

⁴ Там же. Л. 29.

⁵ ОР ГИМ. Синодальное собр. № 452. Л. 217 – 217 об.

⁶ Там же. Л. 217 об.

ними бяху от Бога, не токмо простолюдины, но и самый царь»¹. Тем самым светской власти давалось предупреждение не вмешиваться во внутренние дела Церкви. Знаменательно, что этот ветхозаветный пример упоминал ещё патриарх Никон в качестве аргумента в своём рассуждении о необходимости мер самозащиты Церкви². Таким образом, можно утверждать, что в «Щите веры» впервые во последней четверти XVII в. оформилась с убедительной аргументацией мысль о высоком статусе Церкви.

Тем не менее, было бы ошибкой считать, что грекофилы решили резко обособиться от светской власти. Несомненно, политика официальной Церкви в отношении светской власти продолжала ориентироваться во многом на идею симфонии властей. Более того, тексты «Щита веры» признавали правоммерным определённое вмешательство царской власти в дела Церкви. Так, во время экскурсии в события Ферраро-Флорентийского собора, автор сочинения весьма положительно отозвался о поступке князя Василия Васильевича, который изгнал митрополита Исидора³. На наш взгляд, здесь можно усмотреть грекофильское понимание идеи симфонии, при котором применение силовых ресурсов гражданской власти для ликвидации каких-либо церковных проблем воспринималось как само собой разумеющееся.

И всё-таки в тексте «Щита веры» была однозначно усилена идея исключительного положения Церкви в Московском государстве. Грекофилы подчёркивали, что именно они являются хранителями не только церковной, но и государственной идеологии. Описывая процесс проникновения в Россию взглядов латинствующих, патриарх Иоаким с негодованием замечал, что «ложные» воззрения одними из первых в Москве восприняли «благородные мужи, достоинства великая в царских домах имущая»⁴. В тексте данная мысль не получила развития, однако, вполне можно предположить, что Иоаким, сетуя на подобное обстоятельство, настаивал на необходимости большего контроля над государственной идеологией со стороны Церкви.

Мысль о тщательном отборе полезных идей для «правильного» развития общества и государства, явилась, пожалуй, последним из важных принципов, отразивших религиозно-культурную ориентацию грекофилов и закреплённых в «Щите веры». Ключом к успеху в осуществлении данного направления церковной политики патриарх Иоаким и его соратники видели в «хранении древних отцов наших обычаев»⁵, при этом выдвигая строгое требование: «Ниже что вноси новое, ниже что прменяя»⁶. В глазах грекофилов любые перемены внутри Церкви неизбежно вели к глобальному культурно-историческому потрясению⁷.

¹ ОР ГИМ. Синодальное собр. № 452. Л. 217 об. – 218.

² Об этом подробнее см.: *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. С. 64–65.

³ См.: ОР ГИМ. Синодальное собр. № 452. Л. 229.

⁴ БАН. П.И. В.8. Л. 224 об.

⁵ См., например: ОР ГИМ. Синодальное собр. № 452. Л. 223 об., 227–227 об.

⁶ БАН. П.И. В.8. Л. 160.

⁷ См.: Там же. Л. 159 об.

Безрадостная характеристика авторам текстов «Щита веры» современной ситуации в русском обществе: «ныне... плача достойная сия времена»¹; горькое сожаление по поводу того, что «Ныне...освоеволишася нечиия человеков, страх Божий отринувше, и закона Божественнаго нехраняще и пастырей своих неслушающе,... не внемлюще кийждо своему чину в неже от Бога или от царя вчинишася»², по нашему мнению, наталкивали грекофилов на мысль о том, что подобное потрясение может произойти в самое ближайшее время. На этом основании, какие бы то ни было перемены, признавались однозначно вражескими происками³. Как отмечает Г.А. Скорцов, грекофилы в определённой степени вернулись к началу XVI в., к временам Иосифа Волоцкого и к установке «всем страстем мати мнение – мнение второе падение»⁴. Русская Церковь в представлении грекофилов была кораблём в бушующем море, и малейшее неправильное действие капитана этого корабля, по мнению авторов текстов «Щита веры», могло разбить его в щепки⁵.

Единственным средством, позволяющим «продолжить плавание», было следующее: «...держитесь же обычаев и чинов по древнему преданию святых восточных церкве, яко держаща святии росийстии чудотворцы, и праотцы и прадеды нашии»⁶. Упор грекофилов на необходимости строгой преемственности в передаче религиозных обрядов, их упование на то, что их вера «есть святых апостолов⁷,... есть святых отцев»⁸ исключали возможность практически любых преобразований. Наоборот, Церковь должна быть занята постоянной проверкой состояния общества, в том числе и самой себя на предмет различных «нестроений».

Таким образом, в Основной редакции полемического сборника «Щит веры» нашли своё отражение следующие идейные основы церковной политики грекофилов – ориентация на греческое православие, непримиримая борьба с расколом, единоначалие в управлении Церковью, «забота о пастве», провозглашение важной роли Церкви в обществе и приоритет «сохранения» имеющихся традиций. В 90-е гг. XVII в. новый патриарх Адриан пытался продолжать церковную политику, основанную на данных принципах, однако вскоре она вошла в противоречие с деятельностью будущего императора Петра I.

¹ БАН. П.И. В.8. Л. 29 об.

² Там же. Л. 142 об. – 143.

³ См.: Там же. Л. 14 об. – 15, 54 об.

⁴ Цит. по кн.: *Скорцов Г.А.* Патриарх Адриан, его жизнь и труды в связи с состоянием русской церкви в последнее десятилетие XVII века. Казань, 1913. С. 203.

⁵ См.: БАН. П.И. В.8. Л. 51.

⁶ ОР ГИМ. Синодальное собр. № 452. Л. 243 об.

⁷ Примечательно, что само название сборника взято из слов апостола Павла: «А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого» (Еф. 6:16)

⁸ БАН. П.И. В.8. Л. 128.

А.В. Дмитриев

**Уровень общего образования и профессиональной
подготовки офицеров русской армии на протяжении XVIII в.
по данным именных списков полевых и гарнизонных
частей Сибири**

При характеристике личных и профессиональных качеств офицеров русской армии в XVIII в., как правило, исследователи обращают внимание, прежде всего, на боевые заслуги, сословное происхождение и чиновную карьеру этих лиц. А вот об их уровне образования (как общего, так и специального) речь заходит далеко не всегда. Отчасти это связано, видимо, с тем, что сфера военного образования в Российской империи XVIII в. изучалась без прямой связи с военной службой, а авторы соответствующих работ ограничивались анализом ее внутренних содержательных составляющих, не затрагивая вопросов о применении получаемых знаний, умений и навыков в условиях пребывания на действительной службе¹. В публикациях, посвященных русской армии XVIII в. в целом и ее офицерскому корпусу в частности, данные аспекты также упоминаются достаточно бегло, в виде общей характеристики, без конкретных деталей². Наконец, изучение отдельных составляющих системы военного образования в Российской империи позволяет получить хорошее представление о конкретных принципах ее функционирования и тех лицах, которые проходили обучение в ее рамках³, но также не дает возможно-

Дмитриев Андрей Владимирович, к.и.н., доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета. Эл. почта: khaldeus@academ.org

¹ См.: *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. От основания в России военной школы до исхода первого 25-летия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1700–1880 гг. СПб., 1880. Ч. 1; *Греков Ф.В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910 гг. М., 1910; *Лушников А.М.* Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917 гг.). Ярославль, 1996; *Капитуров В.Г.* Исторический опыт подготовки офицерских кадров русской армии в XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

² *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVII веке (Очерки). М., 1958; *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993; *Леонов О.Г., Ульянов И.Э.* Регулярная пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995.

³ *Татарников К.В., Юркевич Е.И.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус. 1732–1762. Обмундирование и снаряжение. М., 2009; *Проскурякова М.Е.* Гарнизонные школы Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII в. (социальное происхождение школьников и педагогические средства обучения) // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 100–107.

сти нарисовать сколько-нибудь полную картину того, каков же был уровень образования русских офицеров, и каким образом он изменялся на протяжении указанного столетия.

Решить поставленную задачу могут помочь данные формулярных списков, в частности включающих сведения об офицерах, несших службу в полевых и гарнизонных частях, дислоцированных в Сибири с 1730-х до 1780-х годов. Изученные нами сведения показывают, что меры, предпринимавшиеся сначала в эпоху Петра Великого, а затем и в правление Анны Иоанновны к последним следует отнести открытие Шляхетского корпуса в 1731 г. и запрет на производство в офицеры неграмотных – стали давать надлежащий эффект лишь с 50-х годов XVIII века. Вплоть до середины столетия уровень грамотности не только среди унтер-, но даже и среди обер-офицеров в русской армии был отнюдь не стопроцентным, особенно, конечно, в гарнизонных частях. Например, в Тобольском гарнизонном пехотном полку еще в 1720-х годов успел получить чин капитана Г. Арсеньев, не умевший ни читать, ни писать. В. Басову и И. Белоусову аналогичное обстоятельство не помешало добиться производства в поручики Якутского пехотного (1736 г.) и Сибирского драгунского (1740 г.) гарнизонных полков соответственно¹. Причем неграмотными могли оказываться не только выходцы из тяглых сословий, крестьян или дворовых (как в примерах, приведенных выше), попавших на службу в ходе рекрутских наборов и сумевших подняться до офицерских чинов; с тем же успехом мы находим среди них и представителей дворянства. Премьер-майор Тобольского полка С. Петров, карауливший в Березове опальное семейство кн. Долгоруковых до 1739 г. и происходивший из дворян Вологодского уезда, тоже так и не выучился грамоте. В Оренбургском драгунском полку среди обер-офицеров числились неграмотными поручик И. Сухарев и прапорщик Г. Сушков². Словом, не будет преувеличением сказать, что в частях «Сибирского гарнизона» вплоть до 1750-х годов наличие лиц, вообще не имевших никакого образования, на офицерских должностях было вполне обычным явлением.

Значительно лучше обстояло дело в полевых войсках. Когда в Сибирь были передислоцированы зимой 1744/1745 гг. Ширванский и Нотебургский пехотные, а также Луцкий, Олонецкий и Вологодский драгунские полки, в их составе лишь два человека – поручик И. Воронин в Нотебургском и прапорщик Л. Масленицкий в Олонецком – несли службу в обер-офицерских чинах, не выучившись грамоте³. В основном же для лиц, не умевших читать и писать, пределом мечтаний в этих частях оказывались высшие унтер-офицерские звания: сержантов в пехоте, вахмистров в кавалерии. И здесь мы также находим среди них не только выслужившихся из бывших рекрут, но и какое-то число дворян и одно-

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 163. Л. 61 об., 62; Д. 210. Л. 154 об., 155; Д. 246. Л. 222 об., 223.

² Там же. Д. 246. Л. 2 об., 3, 34 об., 35; Д. 315. Л. 73 об., 74.

³ Там же. Д. 306. Л. 84 об., 85; Д. 339. Л. 89 об., 90.

дворцев. Правда, большинство таких унтер-офицеров на протяжении конца 1740-х и первой половины 1750-х годов были отправлены в отставку, поскольку у военного командования не было возможности ходатайствовать о повышении их в обер-офицеры. Относительно же грамотных офицеров в смотровых списках всех воинских частей, согласно принятому Воинской комиссией фельдмаршала Б.-Х. Миниха в 1731 г. и действовавшему вплоть до 1756 г. формуляру, лишь кратко указывалось: «Грамоте читать и писать умеет». Только для лиц иностранного происхождения специально оговаривалось, владеют ли они русским языком так же, как своим родным (и каким именно).

С принятием в 1756 г. нового образца послужных списков объем интересующей нас информации заметно расширяется. Дело в том, что теперь в бланке формулярного списка соответствующая графа выглядела следующим образом: «Кто грамоте читать и писать умеет, и другие какие науки знают»¹. То есть сюда вносились сведения уже не только о том, в состоянии ли офицер читать и писать, но и о том, чему и как он обучался в детстве и юности, а это позволяет достаточно уверенно судить об общем уровне его образованности. Кроме того, в графу о прохождении службы и ранее полученных чинах стали вносить данные об обучении в специализированных военно-учебных заведениях (для дворян) или школах при гарнизонах (для сыновей рядовых военнослужащих), что, в свою очередь, дает нам возможность оценить и степень профессиональной компетенции офицеров, исходя из указаний на полученные ими знания. Заметим в скобках, что в списках воинских частей Сибирского корпуса с начала 1760-х годов неграмотных лиц в офицерских чинах уже не осталось вовсе.

Вот, например, что говорилось относительно подполковника Луцкого драгунского полка Я. Еремеева (1767 г.), официально начавшего службу в 1737 г., когда ему исполнилось 13 лет, с обучения в «цифирной школе»: «Читать и писать по-русски и по-немецки умеет, арифметику, геометрию, тригонометрию и фортификацию знает»². Понятно, что получить знания по всем перечисленным наукам в обычной школе он вряд ли смог бы, так что, по-видимому, следует полагать, что этот человек также прошел обучение в одной из специализированных артиллерийских или инженерных школ Москвы или Петербурга. А вот, скажем, полковник Ревельского драгунского полка И. Нагаткин, обучавшийся еще в 1720-е годы, мог похвастать только тем, что «первую часть арифметики знает»³, то есть так и не продвинулся дальше начального уровня математического образования. При этом достаточно хорошими знаниями могли располагать не

¹ Об особенностях обоих этих типов послужных списков см.: *Татарников К.В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель. М., 2013. Т. 1. С. 3–42.*

² РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 162 об., 163.

³ Там же. Л. 159 об., 160.

только выходцы из дворян европейских губерний России, но и уроженцы Сибири. М. Павлуцкий, представитель одной из хорошо известных с XVII в. за Уралом служилых фамилий, ротмистр Якутского полевого карабинерного полка в 1770 г., начал службу с 1756 г. в возрасте 17 лет, перед этим пройдя обучение в гарнизонной школе Тобольска, где приобрел знания по арифметике, геометрии и тригонометрии¹. Командир Селенгинского пехотного полка в конце 1760-х гг. полковник И.В. Якоби, родившийся и выросший в далеком пограничном Селенгинске, где служил комендантом его отец, бригадир В.В. Якоби, несмотря на это получил в 1740-х – 1750-х годах вполне хорошее образование. Сам он утверждал, что «читать и писать по-русски и по-немецки умеет, арифметику и часть фортификации знает»². Как видим, даже в сибирских условиях с середины XVIII в. можно было рассчитывать на приобретение вполне достаточного для успешного прохождения военной службы уровня профессиональной компетенции, включавшей не только навыки чтения и письма, но и владение математическим аппаратом, равно как и специальными знаниями.

В этот же период на службе в частях Сибирского корпуса стали появляться лица, располагавшие специальным образованием, как правило, выпускники инженерных школ: Санкт-Петербургской (существовала с конца 1720-х годов) и Московской (открыта в 1743 г.)³. В частности, капитан Томского пехотного полка В. Козлянинов (1767 г.) после обучения в инженерной школе начал военную службу в минерной роте с 1747 г. и только в 1755 г. перешел в пехоту уже с чином подпоручика. А премьер-майор Селенгинского полка Я. Тевяшов после окончания одной из этих школ и до произведения в пехотные обер-офицеры в течение семи лет (1748–1755 гг.) служил в Инженерном корпусе в чинах кондуктора третьего, второго и первого класса (унтер-офицерские), получив отличную характеристику: «Арифметику, геометрию и фортификацию со всей принадлежностью довольно знает... занимался укреплением пограничных городов, крепостей и прочих мест, и сочинением оным карт и планов»⁴. Впоследствии армия стала пополняться и выпускниками специализированного Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса, созданного в 1762 году. А капитан Томского пехотного полка кн. А. Голицын в детстве поступил в Морской корпус («науки, подлежащие до флота, знает») и в первые десять лет после его окончания служил во флоте гардемарином и мичманом, только в 1765 г. перейдя в сухопутную армию⁵.

Встречались получившие аналогичное образование офицеры и в гарнизонных частях Сибири. Так, в третьем Тобольском пехотном батальоне (1772 г.) состоял капитан И. Карпов, в юности прошедший обучение в школе математических и навигационных наук в Москве, о чем свиде-

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 127. Л. 452 об., 453.

² Там же. Д. 83. Л. 207 об., 208.

³ *Бескровный Л.Г.* Русская армия... С. 175, 179.

⁴ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 138 об., 139, 208 об., 209.

⁵ Там же. Л. 139 об., 140.

тельствовали показания его формулярного списка: «Арифметику, геометрию и навигацию знает, в геодезии ученик»¹. А поручик второго Омского пехотного батальона И. Щетнев, закончив артиллерийскую школу, знал «арифметику, геометрию, тригонометрию плоскую и практическую, фортификацию и геодезию», да и военную службу начал сержантом в артиллерии². Наконец, в это же время в части «Сибирского гарнизона» начинают попадать даже выпускники Сухопутного кадетского корпуса (бывший Шляхетский, переименован в 1762 г.). Например, поручик первого Тобольского батальона А. Мякинин поступил в Сухопутный корпус в 1761 г., когда ему исполнилось 16 лет, а после трех лет обучения в 1764 г. был выпущен оттуда с чином прапорщика. Помимо знания основных математических и других «наук», он также умел рисовать пером и тушью и танцевать, то есть выглядел вполне светским человеком³. Уже в 70-х – 80-х годов XVIII в. мы находим немалое число таких людей практически во всех полках и батальонах Сибирского корпуса. По справедливому замечанию современных исследователей, именно за эти годы в русской армии нарастала численность «офицеров, если так можно выразиться, «нового типа». Это были, в основном, молодые дворяне (среди которых выделялись выпускники кадетских корпусов), считающие необходимым углублять свои знания, изучать, помимо пехотных уставов, фортификацию и артиллерию»⁴.

Кроме того, значительно большую роль, нежели ранее, стало играть для русских дворян и домашнее образование. Даже не обучаясь в тех или иных специализированных заведениях, они теперь поступали в армию, зная минимум один, а то и более иностранных языков – результат именно той подготовки, которая была получена в родительском доме. Например, поручики шестого мушкетерского полевого батальона Сибирского корпуса Н. Белевцов и Г. Иванов, зачисленные в 1786 г. в лейб-гвардию сержантами, а через год отправленные на службу в Сибирь: первый хорошо владел французским языком, второй – французским и немецким⁵. Прапорщик того же батальона Ю. Петрищев знал немецкий язык и арифметику, а также умел рисовать; прапорщик пятого мушкетерского батальона Д. Некрасов в возрасте 15 лет (в 1782 г.) также был зачислен в лейб-гвардию и за пять лет пребывания в столице успел приобрести немалый багаж: «Читать и писать по-русски и по-немецки умеет, арифметику и некоторую часть геометрии знает, фехтовать умеет»⁶. А поручик второго егерского батальона В. Пургасов за несколько лет службы

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 474 об., 475.

² Там же. Л. 543 об., 544.

³ Там же. Л. 501 об., 502. О предметах, которые включала программа обучения в корпусе, см.: *Татарников К.В., Юркевич Е.И.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус... С. 3.

⁴ *Леонов О.Г., Ульянов И.Э.* Регулярная пехота... С. 132.

⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 82 об., 83.

⁶ Там же. Л. 52 об., 53, 91 об., 92.

в гвардии, вероятно, одновременно обучался либо в Сухопутном кадетском, либо в Артиллерийском и инженерном корпусе, поскольку владел знаниями по целому ряду специальных дисциплин: «Арифметику, геометрию, тригонометрию, фортификацию, архитектуру и часть артиллерии знает»¹. Более того, широко образованные офицеры могли встречаться не только среди дворянских отпрысков. В штабе командующего Сибирским корпусом генерал-поручика Огарева числился в 1785 г. сначала канцеляристом, а затем младшим адъютантом солдатский сын А. Скульский, который не только знал арифметику, геометрию и тригонометрию, но даже, как специально отмечалось в его формулярном списке, «петь и рисовать умеет»². Все эти примеры, равно как и множество других, доказывают, что личности вроде фонвизинского Митрофанушки (персонаж комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль») отнюдь не были таким уж распространенным типом в среде русского дворянства второй половины XVIII века. Приобретая различными путями образование перед тем, как попасть на военную службу, русские офицеры, пожалуй, немногим уступали в этом отношении своим западноевропейским собратьям.

Даже в гарнизонных батальонах, где служба считалась гораздо менее престижной, нежели в полевых частях, можно было встретить довольно хорошо образованных людей. Прапорщик третьего Тобольского батальона Г. Вавилов, солдатский сын из Тобольска, после обучения в гарнизонной школе к 1770 г. не только знал арифметику и геометрию, но и умел рисовать. Капитан второго Омского батальона Е. Ратков попал на службу в «Сибирский гарнизон» после выпуска из Сухопутного кадетского корпуса, хотя нельзя сказать, чтобы он преуспевал там в учебе: «Науки знает, в немецком правописании и в немецком языке весьма слабо, в рисовании тушью нарочито, в арифметике слабо»³. А прапорщик того же батальона И. Мягкобрюхов (1772 г.) успел даже пройти часть курсов в Московском университете до поступления на военную службу в 1766 г.: «Читать и писать умеет по-русски, по-латыни, по-немецки, арифметики до геометрии слушал, танцевать, фехтовать и рисовать умеет»⁴.

Более того, к 1760-м годам уже появилась возможность получать специальное образование не только в столице, но и в Сибири. Обратимся к свидетельству капитана И. Андреева, содержащемуся в его «Домовой летописи». В 1758 г., когда он в возрасте 17 лет сделался драгунским капралом, прибывший в Омскую крепость бригадир К. фон Фрауендорф, «великий любитель наук... повелел находящемуся в крепости Св. Петра инженер-поручику Тренину обучать, выбрав из молодых солдатских детей, к которому по желанию моему, как уже был прежде учен, поступил и я для обучения арифметики и геометрии», а сменивший Фрауендорфа в 1760 г. на должности командующего Сибирскими линиями генерал-поручик И. Веймарн

¹ РГВИА. Д. 1989. Л. 79 об., 80.

² Там же. Д. 1985. Л. 62 об., 63.

³ Там же. Оп. 5. Д. 324. Л. 566 об., 567; Д. 508. Л. 835 об., 836.

⁴ Там же. Д. 324. Л. 549 об., 550.

«был по тому же человек ученый... приказал прислать из крепости Св. Петра поручику Тренину учеников его на экзамен, куда прибыв, экзамен учинил он сам многими задачами и с похвалою отпущены для наидальнейшего впредь научения»¹. Заметим, кстати, что еще в детстве И. Андреев со своим братом Александром специально обучались немецкому языку в Тобольске в школе учителя Сильвестровича (он был из остзейцев-лютеран) вместе с небезызвестным капитанским сыном В.Я. Мировичем, в 1764 г. пытавшимся освободить из крепости и возвести на престол императора Ивана Антоновича. Таким образом, упомянутые меры, предпринятые командованием Сибирского корпуса, были направлены на предоставление местным сибирским уроженцам возможности для получения соответствующего образования, прежде всего, инженерного.

Итак, мы можем заключить, что на протяжении XVIII в. уровень общего образования и профессиональной подготовки русских офицеров заметно вырос, особенно после 1750-х годов. Уже с середины века лиц, не владевших основами грамоты (то есть не умевших читать и писать), на офицерских должностях не осталось вовсе, а кроме того, начала стабильно возрастать доля людей, обладавших специальными математическими и инженерно-техническими знаниями и владевших иностранными языками. При этом возможность получить специальное военное образование оказывалась доступной не только представителям дворянства, но и выходцам из других сословных групп, в том числе уроженцам Сибири. Исследованные нами материалы доказывают, что задача, поставленная верховной властью еще со времен правления Петра I – создать образованные классы из военных и чиновников, готовых применять полученные знания на государственной службе – в принципе решалась достаточно успешно, особенно во второй половине XVIII века. В связи с этим, на наш взгляд, уже назрела необходимость постановки следующей исследовательской задачи, а именно: выяснения того, каким образом и насколько успешно использовались офицерами русской армии полученные в детстве и юности знания собственно на военной службе для решения тех или иных задач, ставившихся перед ними. Изучение данных аспектов позволит оценить не только степень профессиональной пригодности этих людей, но и их культурный уровень, круг жизненных интересов, особенности поведения в быту, на службе и за ее пределами.

¹ *Андреев И.Г. Домовая летопись Андреева, по роду их писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. Начата в Семипалатинске. [Семейная родословная и воспоминания о детстве и первых тридцати годах своей службы в Сибири (50-е гг. XVIII в. – 7 января 1787 г.)] // Андреев И.Г. Описание средней орды киргиз-кайсаков. Ч. 2. Алматы, 1998. С. 131.*

Е.В. Бородина

**Органы суда на Среднем Урале в конце 1720-х – начале 1730-х годов:
организация деятельности судного повья
Сибирского обер-бергамта**

На данный момент историографическим фактом является утверждение, что эпоха Петра Великого стала временем утверждение нового взгляда на управление государством. Этот взгляд нашел выражение и в реформах государственного управления, и в социально-экономических преобразованиях российского общества первой четверти XVIII века. Смерть первого императора России повлекла за собой отказ от ряда внедренных новшеств. Начинается ликвидация относительно недавно созданных органов власти на региональном уровне. В частности, уже в середине 1726 г. произошло уничтожение судебных канцелярий в уездах и дистриктах, на которые в 1720-е годы была возложена обязанность суда общей юрисдикции над всем населением страны. Позднее, в 1727 г., эта же участь постигла надворные суды – центральные судебные органы в наиболее крупных и важных губернских центрах.

Все петровские административно-судебные нововведения 1720-х годов. проходили под влиянием многообразных региональных факторов, обусловленных обширностью территории Российской империи. В частности, на Среднем Урале разделение судебной и административных ветвей власти происходило в условиях формирования органов управления горнозаводской промышленностью, во главе которых с 1723 г. находился Сибирский обер-бергamt¹. Здесь более ярко и четко, чем в других регионах страны, проявилась реализация принципов камерализма, являвшихся основой всех судебно-административных преобразований 1710-х – 1720-х годов².

Несмотря на строгое проведение в жизнь идей функционального разделения управления, уже в последние годы правления Петра Великого руководство горного ведомства выразило стремление приобрести всю полноту власти над территорией Среднего Урала и проживавшим на ней населением. Особое внимание в борьбе за приобретение новых полномочий обер-бергamt уделил расширению категорий подсудного ему населения³.

С самого начала своего существования Сибирский обер-бергamt, по меткому замечанию Н.И. Павленко, «приобрел черты сложного и раз-

Бородина Елена Васильевна, к.и.н., с.н.с. Института истории и археологии УрО РАН. Эл. почта: sosnovi-bor@yandex.ru

¹ Иванов П.А. Краткая история управления горной частью на Урале. Екатеринбург, 1900. С. 8.

² Зубков К.И. Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // Уральский исторический вестник. 2013. № 3.

³ Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX века: Уральское горное управление. М., 2008. С. 142.

ветвленного аппарата, решавшего важные и многочисленные задачи»¹. Его функции не ограничивались организацией заводских работ. Это можно увидеть еще по данному В.Н. Татищевым наказу комиссару Уктусского завода Т. Бурцеву от 27 февраля 1721 года. Среди многочисленных обязанностей последнего фигурировала и функция вершения правосудия², которая с организацией судебной канцелярии В. Томилова, осуществлявшей правосудие над жителями населенных пунктов в окрестностях Уктусских и Алапаевских заводов, была существенно сужена³.

Цель данной статьи – рассмотреть вопрос о роли Сибирского обер-бергамта в отправлении правосудия после проведения «судебной контрреформы», ликвидировавшей практически все суды общей юрисдикции в империи, и выяснить, насколько развились и прижились некоторые из инноваций первой четверти XVIII в. уже после смерти Петра I.

Сибирский обер-бергамт как орган управления горнозаводской частью на Урале и в Сибири долгое время являлся одним из ведущих государственных учреждений в регионе. Такое положение обер-бергамта было во многом обусловлено авторитетом личности В. де Геннина, наделенного еще в 1722 г. особыми полномочиями для решения наиболее важных вопросов организации управления региональной промышленностью⁴.

Сибирский обер-бергамт сохраняет свое коллегиальное устройство, свойственное большинству центральных учреждений, созданных Петром Великим, до 1866 года⁵. Это, возможно, было обусловлено необходимостью контролировать сеть подчиненных ему многообразных контор и ведомств. Правда, в связи с расширением полномочий данного органа власти с конца 1720-х годов наблюдаются изменения его структуры.

По наблюдениям Э. Пензина, канцелярия обер-бергамта делилась на повытья. Летом 1727 г. на правах повытий в состав канцелярии обер-бергамта были включены Екатеринбургские земская, заводская и припасная конторы. В результате этого количество повытий Сибирского обер-бергамта было увеличено до десяти. В 1729 г. в обер-бергамт было введено еще два повытья: «щетное повытье» и «судное и розыскное повытье». Таким образом, к концу 1720-х годов обер-бергамт состоял из присутствия (четыре ассессора) и разветвленного канцелярского аппара-

¹ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: промышленная политика и управление. М., 1953. С. 145.

² Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717 – 1750 гг. М., 1991. С. 54. № 20.

³ Бородина Е.В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург, 2012. С. 86–87.

⁴ Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С. 22–24. № 3.

⁵ Козлов А.Г. Фонд «Уральское горное управление» (1719–1917 гг.) как источник по истории казенных заводов Урала // Из истории заводов и фабрик Урала. Сб. статей. Свердловск, 1960. С. 14.

та, включающего 11 структурных подразделений с общим количеством служащих 82 человека¹.

Существование судебного повьятья подтверждают и сведения, найденные Н.С. Корепановым. Он отмечает, что по штатам 1730 г. горнозаводское ведомство делилось на приказной стол и ряд повьятий: горное (надзор за медными заводами и рудниками), заводское (надзор за железоделательными заводами и рудниками), земское, судных и розыскных дел, крепостных дел (прием челобитных и частных доношений с их последующим рассмотрением), прихода и расхода денежной казны².

По изученным нами источникам возникновение судебного повьятья следует отнести, как минимум, к началу 1728 г.³, а не к 1729 г., как это определил Э. Пензин. Об этом свидетельствует деятельность канцелярских служащих, работавших в течение длительного времени над составлением статейного списка колодников, находившихся под присмотром представителей этого отделения обер-бергамта⁴. По скрепам на полях списка можно сделать вывод, что контроль над работой низших канцелярских служащих в это время осуществлялся секретарем П. Клушиным. В качестве подканцеляристов (подьячих) здесь работали С. Шипицын и И. Попов⁵. В 1731 г. в судебном повьятье при записи протоколов работал подканцелярист Ф. Кузнецов, а запись внесенных судебных пошлин вел И. Кичигин⁶. Скрепы последнего также встречаются в процессуальной документации местного кригсрехта⁷.

Можно отметить, что судное повьятье функционировало на традиционной для того времени основе: служащие этого отделения канцелярии обер-бергамта готовили всю необходимую для суда документацию. Они вели запись челобитных и протоколы допросов, фиксировали резолюции присутствия, делали выписки из нормативных правовых актов, требующихся для решения рассматриваемого вопроса. Они же принимали и подшивали к делу поступившие в обер-бергамт документы. Кроме того, в повьятье велась приходо-расходная документация, при помощи которой осуществлялся учет пошлин и штрафов, поступивших от рассмотрения дел. Последнее обстоятельство было очень важным, так как в кон-

¹ Пензин Э. Сибирский обер-бергамт – орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: История, историография, источниковедение. Сборник научных трудов. Свердловск, 1988. С. 116.

² *Территориально-экономическое управление...* С. 120.

³ Н.С. Корепанов называет более раннюю дату создания судного повьятья Сибирского обер-бергамта – 1727 г., но не дает точных ссылок на документы, которые бы доказывали это. См.: *Территориально-экономическое управление...* С. 122.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1097.

⁵ Там же. Д. 277. Л. 97, 262–265.

⁶ Там же. Д. 301. Л. 10, 12.

⁷ Там же. Л. 35.

це 1720-х – начале 1730-х годов продолжает практиковаться финансирование канцелярии за счет судебных пошлин¹. В целом анализ делопроизводственной документации судного повьяты показывает высокий уровень подготовки ее делопроизводителей.

Несмотря на выделенность судебного отделения, в конце 1720-х – начале 1730-х годов рассмотрение судебного дела всегда осуществлялось членами коллегиального присутствия обер-бергамта. Приговоры и решения подписывала меняющаяся по составу комиссия. До 1730 г. присутствие включало в себя князя Р. Горчакова, С. Неелова и К. Гордеева, Н. Клеопина, С. Неелова и А. Томилова. В 1730–1731 гг. состав присутствия изменился. Теперь в нем можно найти С. Неелова и А. Томилова, Н. Клеопина, С. Неелова и А. Томилова². В большинстве приговоров присутствия Сибирского обер-бергамта стоят подписи «за секретаря» П. Клушина. Последний, как можно заметить, и в конце 1720-х годов участвовал в деятельности судного повьяты.

Таким образом, присутствие Сибирского обер-бергамта имело более или менее постоянный состав. Тем не менее, неоднократно мы можем наблюдать случаи, когда у судебных дел находился лишь один член из этой региональной «коллегии». Так, например, в течение 1731 г. были часты случаи, когда судебные дела решались в основном капитаном А. Томиловым. Он единолично производил пытки и допросы, а также принимал решения по разнообразным вопросам суда и следствия³. Эти факты свидетельствуют о частичном отходе от коллегиального порядка при вынесении судебного приговора «судьями» обер-бергамта, предпочтении процедуры единоличного ведения дела.

После назначения в качестве главы обер-бергамта В.Н. Татищева коллегиальные принципы решения судебных вопросов сохраняются⁴. Состав присутствия изменился, но, как можно заметить, некоторые из его бывших членов сохранили некоторые из своих полномочий. В частности, в документах 1736 г. Степан Неелов неоднократно называется земским судьей, несмотря на то, что возглавляет казначейскую контору в Екатеринбурге⁵.

Следует обратить внимание на статус Сибирского обер-бергамта и его повьяты, занимавшегося судебными вопросами. Изучение текущего делопроизводства показало, что в нем концентрировались не только дела по разнообразным жалобам и спорам местного населения⁶. Сюда поступали и судебнo-следственные материалы из нижестоящих по рангу

¹ Так, например, в 21 октября 1731 г. присутствие Сибирского обер-бергамта разрешило местному кригсрехту осуществлять закупки писчей бумаги и свечи на деньги от приводов. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 301. Л. 44.

² Там же. Оп. 1. Д. 277. Л. 265; Д. 301. Л. 146, 150 об.; Оп. 2. Д. 1097. Л. 3.

³ Там же. Оп. 1. Д. 301. Л. 58, 69, 151 об.

⁴ Тулисов Е.С. Организация управления горнозаводской промышленностью Урала во второй половине XVIII века. Екатеринбург, 1998. С. 18, 24.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 615. Л. 113, 166.

⁶ Там же. Д. 277. Л. 387; Д. 301. Л. 1.

учреждений – заводских и земских контор¹, которые после ликвидации судебных канцелярий получили всю полноту административно-судебных функций в дистриктах и уездах региона².

В данном случае Сибирский обер-бергamt выступал в качестве суда второй инстанции, активно руководил решением текущих вопросов, связанных с судопроизводством. Обращает на себя внимание тот факт, что обер-бергamt занимался разбором как гражданских, так и уголовных дел. Канцеляристы судного поветья обер-бергамта в совершенстве владели законодательством. В выписках по делам встречаются не только цитаты из Соборного Уложения 1649 г., но и отрывки из «новоуказных статей», последних из опубликованных указов.

Таким образом, обер-бергamt конца 1720-х – начала 1730-х годов представлял собой весьма интересное учреждение, в котором совмещались традиционные и «инновационные» элементы организации управления. С одной стороны, канцелярия горного ведомства функционировала на традиционных началах приказной системы управления. Выделение отделов канцелярии – поветий, осуществлявших разнообразные функциональные обязанности, в том числе и суд, говорит о возвращении традиционных представлений об организации управления. С другой стороны, «новым» явлением в устройстве обер-бергамта стало внедрение принципа коллегиального принятия решений по многочисленным вопросам, среди которых были как судебные тяжбы, так и уголовные дела.

Канцелярия обер-бергамта в целом и судное поветье в частности представляли образец работы бюрократического учреждения. Показателями уровня развития управленческих практик в нем являются строгое документирование и обмен бумагами между ведомствами, отслеживание текущего законодательства и стремление к верному оформлению формуляра документов. Все эти составляющие сложились не одновременно. Во многом основы работы бюрократической машины начали закладываться еще во второй половине XVII в., когда Соборным Уложением 1649 г. был сформулирован принцип протоколирования всех судебных процедур, а в практике государственных учреждений окончательно утвердилось правило контроля над составлением документов низшими канцелярскими служащими (писчиками и младшими подьячими) со стороны высших (дьяков и старших подьячих), что очень хорошо просматривается по документации судебного поветья.

О возвращении «традиционных» управленческих и судебных процедур нам также говорит и обращающий на себя внимание факт соблюдения принципа иерархичности судебных инстанций и других ведомств, сложившихся после смерти Петра Великого. Можно отметить, что обер-бергamt мог выступать как судом первой, так и судом второй инстанции, что было характерно для судебной деятельности приказов XVII века.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 301. Л. 15, 48, 61.

² *Территориально-экономическое управление...* С. 125–127.

И.А. Шипилов

**Работа вспомогательного персонала отряда К.Г. Мерка
во время Северо-Восточной географической и астрономической
экспедиции (1785–1795 гг.)¹**

Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиция (1785–1795 гг.) – самое масштабное российское научное и политическое путешествие последней четверти XVIII в., участники которого выполнили географические, этнографические и естественнонаучные исследования в Сибири, на Дальнем Востоке, в северной части Тихого океана и на северо-западе Северной Америки. По итогам экспедиции к Российской империи были присоединены земли, коренное население которых было приведено в российское подданство – значительная часть чукчей, алеутов, эскимосов, североамериканских индейцев².

Роль в работе Северо-Восточной экспедиции ее руководителя капитана-командора И.И. Биллингса, капитанов Г.А. Сарычева, Р.Р. Галла, Х.Т. Беринга, натуралиста К.Г. Мерка, составлявших руководящий корпус путешествия, в научной литературе уже показана³. Профессиональная деятельность штурманов, геодезистов, переводчиков, художников и иных помощников руководителя и командующих отрядами путешествия, напротив, слабо освещена в историографии. В частности, в полной мере еще не оценен вклад в экспедиционные результаты вспомогательного персонала академического отряда К.Г. Мерка, который составляли врачи и «натуральной истории помощники» К. Кребс и Д. Мейн, художник Л. Воронин, шихтмейстер (мастер горнорудного дела) Д. Гауз, штаб-лекарь М. Робек, подлекарь А. Лейман, часовой мастер и механик Д. Эдвардс (Эдворс), переводчики чукотского и эскимосского языков казачий сотник И. Кобелев и «ученый чукча» Н. Дауркин⁴.

Шипилов Илья Александрович, м.н.с. Института истории СО РАН.
Эл. почта: shipilof@yandex.ru

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ-219.2014.6.

² Подробнее см.: *Гренадер М.Б.* Научные результаты Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 гг. // Уч. зап. Петропавл. гос. пед. ин-та (Казахстан). 1957. Вып. 1. С. 261–280; *Алексеев А.И.* Судьба Русской Америки. Магадан, 1975. С. 99, 115; *Ширин Д.А.* Летопись экспедиций Академии наук на северо-восток Азии в дореволюционный период. Новосибирск, 1983. С. 42–45.

³ Обзор отечественной и зарубежной историографии см.: *Шипилов И.А.* Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиция (1785–1795 гг.): проблема статуса // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция. Новосибирск, 2014. С. 54.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 2562. Л. 451, 513 об.

О большинстве членов данной группы в научной литературе имеются лишь упоминания их имен или краткие сообщения об отдельных аспектах их деятельности¹, но специальное исследование их экспедиционной работы отсутствует. Исключение составляют И. Кобелев, Н. Дауркин и М. Робек, которым посвящены научные монографии и статьи². Однако в них не показана роль этих людей в реализации конкретных задач отряда под руководством К.Г. Мерка. Последние были определены в специальной инструкции академика П.С. Палласа «господину доктору Мерку». Согласно этому документу натуралист с помощниками в ходе экспедиции должны были составлять: 1) географические и естественнонаучные описания; 2) этнографические сообщения; 3) словари наиболее употребительных слов на языке и диалектах различных этносов. Эти данные следовало дополнить естественнонаучными и этнографическими коллекциями³. Посредством анализа источников и научной литературы определим степень участия помощников К.Г. Мерка в осуществлении целей и задач отряда и экспедиции в целом.

В 1786–1787 гг. Дж. Мейн вместе с К.Г. Мерком выполнил естественнонаучные исследования территорий, прилегающих к бассейну верхней и средней Лены, Лено-Амгино-Алданского междуречья, участков горных хребтов Сетте-Дабан, Сунтар-Хаята, Верхоянского, Охотско-Колымского и Оймяконского нагорий, речных систем Охоты, верхней Индигирки и Колымы. В августе 1786 г. Мейн по заданию руководителя отряда произвел осмотр горных районов побережья Охотского моря, Кух-

¹ *Jacobi A.* Carl Heinrich Mercks ethnographische Beobachtungun über die Völker des Beringsmeers 1789–91. Nach seinem Tagebuche bearbeitet // Baessler-Archiv. Berlin, 1937. Bd. 20/1. S. 113–137; *Stresemann E.* Dr. C.H. Mercks ornithologische Aufzeichnungen während der Billingschen Expedition von Ochotsk nach Alaska (1787–1791) // Zoologische Jahrbucher. Abteilung für Systematik, Ökologie und Geographie der Tiere. Jena, 1948. Bd. 78. N. 1. S. 97–132; *Доннерт Э.* Карл Генрих Мерк – естествоиспытатель, участник экспедиции Биллингса – Сарычева в Северо-Восточную Сибирь и на Аляску в 1785–1793 годы // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб., 2005. С. 227–232.

² *Алексеев А.И.* Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961; *Черненко М.Б.* Путешествия по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789–1791 гг. // *Летопись Севера.* М., 1957. Т. 2. С. 121–141; *Федорова С.Г.* Исследователь Чукотки и Аляски казачий сотник Иван Кобелев. // *Летопись Севера.* М., 1971. Т. 5. С. 156–172; *Петров А.А.* Эвенские и якутские лексические материалы Н.-К. Витсена и М.М. Робек (XVII–XVIII вв.) // *Культурное наследие Северной Евразии: проблемы и перспективы освоения.* Сб. мат. междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева. Якутск, 22–23 марта 2012 г. Киров, 2014. С. 250–258.

³ Инструкция господину доктору Мерку, состоящему в службе в качестве естествоиспытателя и путеописателя при господине капитане Биллингсе, командире тайной морской экспедиции // *Ширина Д.А.* Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг. Новосибирск, 1994. С. 263–269.

туйского и Юдомского хребтов, долины р. Охота от устья до селения Арка и собрал коллекцию минералов¹. В 1787–1792 гг. он осуществил такие сборы в Якутии, на Камчатке, Командорских, Алеутских островах, Североамериканском материке и Чукотском полуострове. Также во время путешествия Мейн вёл наблюдения за обычаями, обрядами и нравами аборигенов указанных земель, через переводчиков опрашивал их для получения дополнительной этнографической информации. Эти сведения он сообщал К.Г. Мерку, И.И. Биллингсу, Г.А. Сарычеву, а также своему другу и соотечественнику секретарю и переводчику экспедиции М. Сауеру. Последний отметил значительную роль Дж. Мейна в этнографическом изучении алеутов Андреяновских островов. Сауер пишет, что Мейн ещё в ходе поездок по северо-востоку Сибири беседовал с двумя алеутами, которые были наняты И.И. Биллингсом в качестве переводчиков в 1786 г. в Охотске, куда их ранее привёз с Андреяновских островов российский купец Г.И. Шелихов. Из этих бесед Мейн еще до посещения Алеутских островов узнал, что их коренное население, испытывав на себе варварские поступки русских промышленников и купцов, встречает любое российское судно с опаской и в полной боевой готовности. Знания и советы Мейна способствовали быстрому установлению мирных и достаточно доверительных отношений между путешественниками и туземцами в 1790 году. Это, в свою очередь, позволило участникам экспедиции в 1790–1792 гг. всесторонне исследовать архипелаг, составить детальные описания по этнографии алеутов и привести их в российское подданство без серьезных вооруженных столкновений².

Подобную работу среди коренного населения Чукотского полуострова в 1787–1791 гг. провели И. Кобелев и Н. Дауркин, ранее неоднократно бывавшие на данной территории и пользовавшиеся авторитетом у чукчей и эскимосов. Они предупредили глав чукотских и эскимосских племен о скором приезде российской научной экспедиции на их землю, убедили их в добрых намерениях путешественников, которые были достаточно дружелюбно приняты «немирными чукчами» в заливе Св. Лаврентия в августе 1791 года. Здесь казачий сотник и сибирский дворянин в устной и письменной форме доложили И.И. Биллингсу и К.Г. Мерку о своей поездке к гижигинским корякам и жизни у них зимой 1790 г., о странствиях по чукотской земле от Чукотского носа до Колючинской губы и р. Чаун, о путешествии с чукчами к островам Диомида и в Америку в июне 1791 года. Не без участия Кобелева и Дауркина было получено согласие чукчей на сопровождение в походе по крайнему северо-востоку

¹ *Сарычев Г.А.* Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение осьми лет, при Географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 год. СПб., 1802. Ч. 1. С. 57.

² *Sauer M.* An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia performed by commodore Joseph Billings in the years 1785–1794. London, 1802. P. 223–225.

Азии экспедиционного отряда во главе с И.И. Биллингсом, состоявшего из морских служителей, а также К.Г. Мерка с помощниками, исключая К. Кребса, М. Робека и Д. Гауза. Присутствие Дауркина и Кобелева в отряде и их посредническая деятельность во всех отношениях с чукчами в ходе семимесячного путешествия (август 1791 г. – февраль 1792 г.) от бухты Св. Лаврентия до Анюйской крепости обеспечили личную безопасность путешественников при выполнении научных исследований¹. Мерк, Биллингс, Сарычев и Робек (о нем см. ниже) составили чукотские, корякские и юкагирские словари, используя перевод и комментарии Дауркина². Как считают исследователи, большинство эскимосских слов в работах участников экспедиции даны в транслитации Кобелева. Собрания слов и словосочетаний на эскимосском языке, предоставленные Кобелевым Мерку, позволили последнему выявить четыре наречия этого языка на Чукотском п-ове и установить связь между его носителями на северо-востоке Азии и северо-западе Америки³.

Дж. Мейн описал внешний вид, одежду из шкур оленей и морских млекопитающих, типы жилищ (наземную и подземную яранги), виды оружия (лук со стрелами, копья различного размера) и защитного снаряжения (панцирь и доспехи из тюленьей и моржовой кожи, китового уса и костяных пластинок), средства передвижения (собачья и оленья нартовые упряжки, одноместные и многоместные лодки-байдары) чукчей и азиатских эскимосов. Также натуральной истории помощник непосредственно наблюдал традиционные чукотские обряды, в том числе с участием шамана, их любимые состязания по бегу и борьбе, способы охоты на сухопутных зверей, из расспросов узнал о промысле крупных морских животных – тюленей, моржей и китов. Кроме того, Мейн принял участие в традиционном чукотском обряде установления дружбы с представителями другой нации, который состоял в окуривании дымом от костра и обмене предметами гардероба⁴. О грубых нравах и диких поступках чукчей, часто грабивших путешественников, ломавших «все их мерительные и писательные инструменты», которых только и могли сдержать Дауркин и Кобелев от того, «чтоб капитана и всех... умертвить», суровых природно-климатических условиях той местности Мейн сообщал в многочисленных письмах Сауеру⁵.

Рассмотренные выше материалы Дж. Мейна были использованы М. Сауером и Г.А. Сарычевым в описаниях чукотского путешествия⁶. О результатах сво-

¹ Алексеев А.И. Ученый чукча Николай Дауркин. С. 71–82.

² Там же.

³ Chlenov M.A. The «Uelenski Language» and its Position Among Native Languages of the Chukchi Peninsula // Alaska Journal of Anthropology. 2006. Vol. 4. N. 1–2. P. 74–91.

⁴ Sauer M. An account... P. 319–320.

⁵ СПб ИИ РАН. Колл. 238. Оп. 2. Картон 146. Д. 21. Л. 35 об. – 36 об.

⁶ Sauer M. An account... P. 319; Сарычев Г.А. Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и

их исследований Мейн систематически докладывал своему непосредственному начальнику К.Г. Мерку.

Визуальный ряд к дневнику К.Г. Мерка составили рисунки художника экспедиции Л.А. Воронина. Во время путешествия по крайнему северо-востоку Сибири Воронин написал портреты чукотской женщины с татуировками на лице и руках, семьи оленных чукчей, чукчи-воина в защитном панцире, изобразил экстерьер и интерьер переносной и подземной чукотских и эскимосских яранг, предметы быта, культа и орудия промысла названных народов, вид якорного места и чукотских юрт в заливе Св. Лаврентия¹. Эти работы пополнили альбом художника, к тому времени уже состоявший из многочисленных этнографических и географических рисунков якутов, юкагиров, коряков, ительменов, алеутов, эскимосов острова Кадьяк и мыса Родней, внутренних районов и участков побережья северо-востока Азии и северо-запада Америки, Алеутских и Курильских островов². На страницах дневника и в рапортах П.С. Палласу Мерк часто приводит восторженные отзывы о совместной работе с Ворониным, отмечая его высокую квалификацию как «рисовального мастера», исполнительность в делах, отзывчивость к нуждам и проблемам коллег по экспедиции. Мерк, Сарычев и Биллингс неоднократно подчеркивали свойственное работам Воронина точное отображение всех деталей ландшафта местности, архитектуры строений, этнографического образа определенного народа или его представителя³.

В чукотском походе и в течение всей экспедиции А. Лейман старательно выполнял свои медицинские обязанности и помогал К.Г. Мерку и И.И. Биллингсу⁴.

К. Кребс и М. Робек в 1791–1792 гг. по заданиям К.Г. Мерка и И.И. Биллингса продолжили изучение природы и этнографии аборигенов Уналашки и соседних островов. К. Кребс еще во время мореплаваний 1789–1791 гг. успешно ассистировал К.Г. Мерку в его научной работе, проводил рекогносцировку местности, осуществлял сбор и описание экспонатов из «трех царств природы», следил за их сохранностью.

плавание капитана Галла на судне Чёрном орле по Северо-восточному океану в 1791 году. СПб., 1811. С. 6–7.

¹ *Jacobi A. Carl Heinrich Mercks ethnographische Beobachtungun... S. 116.*

² *Алексеев А.И. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966. С. 45, 47, 63, 93–95; Этнографические материалы Северо-восточной географической экспедиции. 1785–1795 гг. / Сост. З.Д. Титова. Магадан, 1978. С. 66, 102, 105, 107, 117, 123.*

³ *Siberia and Northwestern America, 1788–1792: The Journal of Carl Heinrich Merck, Naturalist with the Russian scientific expedition Led by Captains Joseph Billings and Gavriil Sarychev / Ed. by R.A. Pierce. Kingston, Ontario, 1980. P. 30, 37, 41, 43, 55, 58, 137–140, 193; Сарычев Г.А. Путешествие капитана Биллингса... С. III.*

⁴ *Siberia and Northwestern America, 1788–1792: The Journal of Carl Heinrich Merck...P. 195; Sauer M. An account... P. 100.*

Из поездок по Камчатке в 1789–1790 гг. на побережье Бечевинской бухты и на реку Паратунку, выполненных по поручениям руководителя и без его непосредственного контроля, Кребс привез и передал Мерку ценные естественнонаучные и этнографические материалы, доказав свою способность к самостоятельным исследованиям¹. В течение 1791–1792 гг. на Уналашке, других Алеутских, Курильских, Командорских островах и на Камчатке Кребс по личным наблюдениям составил ботанические, зоологические и минералогические описания и собрал соответствующие экспонаты. Наибольшее внимание в своих биологических исследованиях он уделил птицам Уналашки и Северотихоокеанского региона. Кребс описал, многих впервые, птиц из следующих семейств: вьюрковых (обыкновенная зеленушка, американский вьюрок), мухоловковых (бурый дрозд), утиных (гусь-белошей), буревестниковых (глупыш), куликов (кулик-сорока), чистиковых (длинноклювый пыжик, алеутская конюга, обыкновенный старик), баклановых (берингов и краснолицый бакланы), фазановых (белые куропатки) и других. Чучела большинства из этих птиц были изготовлены зверовщиком экспедиции И. Алексеевым². Также Кребсом были сделаны этнографические сообщения о традиционных алеутских церемониях, танцах, песнях, масках, обычаях, предметах домашнего обихода, средствах передвижения и одежде³. Материалы, привезённые Кребсом, существенно увеличили коллекцию академического отряда, а его описания были внесены Мерком в дневник⁴.

М. Робек в 1791–1792 гг. продолжил записи слов на языке алеутов Лисьих и Андреяновских остров, начатые во время первого их посещения в 1790 г. Эти записи вошли в «Краткий словарь двенадцати наречий [языков и диалектов] разных народов, обитающих в северо-восточной части Сибири и на Алеутских островах», который Робек составлял в течение всей экспедиции. Словарь разделен на четыре отделения, «содержащая в себе наречия: в первом якутов, ламутов [эвенов] и юкагиров; во втором сидячих [эскимосов] и кочующих чукчей и оленных коряков; в третьем камчадалов большевецких, нижекамчатских и тигильских; в четвертом алеутов на островах Андреяновских, Лисьих, и [эскимосов на] острове Кадьяк»⁵. Во время путешествия М. Робек часто обменивался этнолингвистическими данными с К.Г. Мерком, в дневнике которого множество лексем на языках и диалектах сибирских, дальневосточных и североамериканских этносов, заимствованных у штаб-лекаря⁶. Для ис-

¹ *Siberia and Northwestern America, 1788–1792: The Journal of Carl Heinrich Merck...* P. 58, 68, 137, 140–141, 152, 166.

² *Stresemann E. Dr. C.H. Mercks ornithologische Aufzeichnungen während...* S. 120–121, 125–131.

³ *Этнографические материалы...* С. 61–65.

⁴ *Siberia and Northwestern America, 1788–1792: The Journal of Carl Heinrich Merck...* P. 82–87.

⁵ *Сарычев Г.А. Путешествие капитана Биллингса...* С. 92–129.

⁶ *Siberia and Northwestern America, 1788–1792: The Journal of Carl Heinrich Merck...* P. 140–141, 195.

торической лингвистики и этнографии особое значение имеют словарные записи Робека, сделанные на диалектах алеутского, таежном (верхнеколымском) диалекте юкагирского и «уэленском наречии» эскимосского языков, которые в результате ассимиляции к настоящему времени утрачены ¹.

Д. Гауз в ходе экспедиции на основании отряда И.И. Биллингса от 23 апреля 1790 г., составленного в соответствии с упомянутой выше инструкцией П.С. Палласа, вел журнал, на страницах которого приводил физико-географические сведения о составе почв, формах рельефа и геологическом строении земной поверхности, видах флоры и фауны, водоемах посещенных территорий. Кроме того, он собирал «примечания достойных камни в реках и по берегу морскому», «зрелые семена от разных трав», «спелые плоды примечания достойных дерев, куски с их корами, серой и сгустившимися соками», то же и «из морских произрастений, особливо зоофитов разных раковин» и иные редкие образцы ². Участники экспедиции отмечали наибольшую продуктивность такого рода работ Гауза на Алеутских островах и побережье Северной Америки ³. Сохранность при транспортировке, ремонт и настройку оборудования во время путешествия обеспечивал механик Дж. Эдвардс ⁴.

Итак, все члены вспомогательного персонала отряда К.Г. Мерка в течение экспедиции успешно выполняли свои должностные обязанности – врача, переводчика, механика. Каждый из них успешно ассистировал в научных исследованиях К.Г. Мерка, И.И. Биллингса и Г.А. Сарычева. Большинство участников академической группы осуществляли сбор экспонатов, ценных для естественной истории изучаемых регионов и этнографии их коренного населения. Ряд помощников К.Г. Мерка выполнили весь корпус или большую часть научных работ, указанных в инструкции П.С. Палласа. К. Кребс и Дж. Мейн, благодаря личным способностям и грамотному руководству К.Г. Мерка и И.И. Биллингса, показали себя квалифицированными натуралистами и этнографами, Д. Гауз – физико-географом, М. Робек – этнолингвистом. Л.А. Воронин проявил себя самобытным «рисовальным мастером», рисунки которого в визуальной форме отражают детальную этнографическую и ландшафтную характеристику конкретных народа и местности. Деятельность Н. Дауркина, И. Кобелева, Дж. Мейна способствовала осуществлению политических замыслов путешествия на крайнем северо-востоке Сибири и островах северной части Тихого океана. Таким образом, представители вспомогательного персонала отряда К.Г. Мерка внесли значительный вклад в реализацию целей и задач данной группы и экспедиции в целом.

¹ Вдовин И.С. История изучения палеоазиатских языков. М.-Л., 1954. С. 75–78.

² Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. М., 1989. С. 265.

³ Сарычев Г.А. Путешествие флота капитана Сарычева... Ч. 2. С. 47–57; Русские экспедиции... С. 275–277.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 214. Оп. 1 Д. 1. Л. 6 об., 45 об., 122, 144.

С.В. Соколов**Восточные славяне до 862 г.: основные темы и тенденции в отечественной историографии XVIII – начала XIX в.¹**

Выявление отдельных тенденций и тем, интересовавших отечественных историков периода становления исторической науки в России (XVIII – начало XIX в.) является важной задачей историографических исследований. Данная работа представляется актуальной в связи с тем, что оценка исторических сочинений указанного периода зачастую ведется с позиций современности, при этом действительные интересы историков той эпохи остаются без должного внимания. Пожалуй, можно с достаточным основанием утверждать, что для историографических исследований, как и для современной исторической науки в целом, важным является дискурс прогресса. Существенным следствием утверждения идеи прогресса в историографии стало стремление дать оценку выводам и концепциям исследователей прошлого с точки зрения современной науки. Этот подход в полной мере проявился при изучении дискуссии по проблеме развития восточных славян до образования Древнерусского государства.

Особенно рельефно прогрессистские оценки выступали в историографических работах советских ученых. Например, согласно В.В. Мавродину проблему общественно-политического развития славян до образования государственности «светом подлинной науки» осветила лишь советская историческая наука. С точки зрения В.В. Мавродина, образование государства стало итогом внутреннего прогресса восточнославянского общества, поскольку само государство, в соответствии с марксистским взглядом на исторический процесс, возникает вследствие классового образования.

Несмотря на то, что представление о ведущей роли материальных (и внутренних) факторов в развитии общества стало доминирующим лишь с появлением позитивизма, при необходимости дать оценку мнениям историков, писавших в «допозитивистскую» эпоху, историографы критерием качества научной работы выбирали соответствие идей рассматриваемой эпохи представлениям современности. Положительная или отрицательная оценка достижений историка зависела от того, насколько им были «учтены» внутренние факторы в развитии общества. Такой подход был одним из факторов, который делал в глазах советских историографов М.В. Ломоносова наиболее прогрессивным среди историков XVIII – начала XIX века. «Немецкие ученые, – писал один из крупнейших советских историографов М.А. Алпатов, – неправильно решили главный вопрос

Соколов Сергей Васильевич, к.и.н., доцент Уральского федерального университета. Эл. почта: srg.sokolov@gmail.com

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ по программе государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации (договор № 14.125.13.4207-МК).

спора по варяго-русскому вопросу, полагая, что приход варяжских князей знаменовал собой начало Русского государства». Заслуга М.В. Ломоносова «в том, что он первый подошел к коренному вопросу всей проблемы – вопросу об уровне развития восточнославянского общества, о переходе от родового строя к государству». Из наблюдений М.В. Ломоносова, по мнению М.А. Алпатова, «вытекало, что славяне прошли стадию родового строя и уже далеко продвинулись в своем общественном развитии»¹.

Однако мыслил ли вообще М.В. Ломоносов такими категориями как «родовой строй»? В чем он и другие историки его времени видели в действительности свою задачу? Постановка подобных вопросов означает отчасти отказ от эксплуатации категории прогресса при расстановке историографических акцентов. Поворот в этом направлении произошел недавно. Однако отметить работы Т.В. Артемьевой, А.А. Горского, С.И. Маловичко и других ученых, в которых предпринята попытка взглянуть на концепции XVIII в. как бы от лица автора, не столько испытывая силу аргументов, сколько определяя точки исследовательского интереса каждого историка, сравнивая их с нынешними ключевыми вопросами и между собой².

Если попытаться встать на позицию историка XVIII – начала XIX в., то какие можно выделить наиболее интересные темы при рассмотрении вопроса об обществе и государстве восточных славян? Какие можно выделить характерные особенности науки того времени, проявлявшиеся при исследовании восточнославянского общества? В первую очередь следует указать на более широкое, чем сейчас, привлечение античных источников.

Еще киевский «Синописис» отразил концепции польской историографии относительно вопроса о происхождении славян, причислив их к античному племени сарматов³. Историография XVIII в. также широко обратилась к античным источникам и отчасти поддержала тенденцию к антиквизации. Г.Ф. Миллер в своей диссертации 1749 г. «О происхождении имени и народа российского» противился поискам славян в античности, но в более поздних работах поддержал противоположное мнение⁴. М.В. Ломоносов,

¹ Алпатов М.А. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории. 1982. № 5. С. 41–42.

² Артемьева Т.В. Идея истории в России XVIII века. СПб., 1998; Володина Т.А. У истоков «национальной идеи» в русской историографии // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 3–19; Горский А.А. К спорам по варяжскому вопросу // Российская история. 2009. № 4. С. 171–174; Маловичко С.И. Спор М.В. Ломоносова и Г.-Ф. Миллера как конфликт разных историографических культур // Imagines Mundi. № 7. Екатеринбург, 2010. С. 283–297.

³ Мечта о русском единстве. Киевский «Синописис». М., 2006. С. 56.

⁴ Миллер Г.Ф. Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие.

следуя за традицией, сформировавшейся в Европе в середине XV в., начал рассматривать античное племя роксолан как восточнославянское. Именно роксоланы, по мнению Ломоносова, дали начало русскому народу. Этому же мнению придерживались А.И. Манкиев, В.К. Тредиаковский, М.М. Щербатов и другие ¹.

Античный дискурс проявлялся и в обсуждении проблем политического устройства восточных славян до 862 года. Однако вопрос о происхождении государства в то время не ставился, поскольку представление о государстве как наборе институтов еще не вполне нашло себе место в работах отечественных историков XVIII в. Для политической истории значимым был вопрос о характере власти, который имел два основных решения: 1) власть у восточных славян была демократическая, то есть принадлежала народу; 2) власть принадлежала монарху.

Можно выделить группу историков, которая вела монархию у славян по прямой линии от потомков Ноя. По мнению В.К. Тредиаковского (которое сформировалось у него под влиянием польской историографии XVI в.), первым князем славян был сын Иафета Мосох. Сходным образом вопрос был представлен и у А.И. Манкиева. У М.М. Щербатова, как и у А.И. Манкиева или В.К. Тредиаковского, княжеская власть возникает еще во времена библейских патриархов. Непосредственным прародителем славянских народов также называется Мосох ².

Само появление понятий «монархия», «республика», «демократия» было явлением новым для отечественной историографии, они послужили базисом для принципиально иного, чем в предыдущий период (конец XV–XVII вв.) дискурса. Прежде самодержавие воспринималось как богоданная форма правления, любые попытки бороться с московским царем и великим князем оценивались как предательство и измена вере ³. Практически все авторы XVIII в. отдавали предпочтение монархии (для России – самодержавству) перед республикой. Однако при кажущейся неизменности результата (одобрение самодержавной формы правления) манера излагать свои мысли и аргументация в текстах XVIII в. совершенно иная. Монархия предпочтительнее не потому, что российских монарх – православный царь, поставленный богом, а потому, что в пользу самодержавия в такой стране, как Россия, свидетельствуют исторические примеры и теория политической философии. Вместе с тем другие формы правле-

Июль. СПб., 1761. С. 8–14; Он же. О народах издревле в России обитавших. СПб., 1773. С. 110–111.

¹ Ломоносов М.В. Древняя российская история. СПб., 1766. С. 28–29, 44–48; Манкиев А.И. Ядро российской истории. СПб., 1770. С. 10; Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. СПб., 1770. С. 185; Тредиаковский В.К. Сочинения. СПб., 1849. Т. III. С. 384–395.

² Манкиев А.И. Ядро российской истории. С. 8; Тредиаковский В.К. Сочинения. С. 384; Щербатов М.М. История... С. 4.

³ Книга степенная царского родословия: В 2 ч. М., 1775. Ч. 2. С. 153–155, 160.

ния вполне возможны, некоторые из них и существовали у восточных славян до 862 года.

Согласно М.М. Щербатову, первоначальное демократическое правление у восточных славян достигло своего расцвета в Новгороде, однако «по обыкновенным беспорядкам, бывающим в республиках, он подпал под власть варягам». И хотя, избрав князей, «новгородцы не дали им неограниченной власти, а единственно токмо препоручили им, дабы они границы от вражеских нападений защищали», позже Рюрик получил самодержавную власть. Ф.А. Эмин также полагал, что восточные славяне до призвания варягов управлялись демократически. А.Л. Шлецер писал, что «в начале гражданского общежития, полудикие еще славяне жили под демократическим... правлением»¹. В.Н. Татищев, напротив, заключал, что «предки наши всегда имели самовластных государей, как Геродот и Страбон вспоминают» для общей пользы и безопасности это «весьма им было нужное и лучшее правительство, которое чрез много сот лет ненарушимо содержали»².

В связи с рассуждениями о форме правления важной проблематикой для отечественной историографии XVIII – начала XIX в. являлась титулатура правителей восточных славян. В самой постановке этого вопроса чувствуется логика монархической эпохи, когда статус правителя и его могущество выражались в титуле. Г.З. Байер употреблял применительно к правителям руссов до Рюрика понятие «*reges*» – «цари», форма правления у славян определялась как монархическая³. Г.Ф. Миллер использовал титул «царь», но только по отношению к описанным им скандинавским правителям Руси. Существование восточнославянских царей он отрицал, подчеркивая, что призывавший варягов Гостомysl был не князем, а лишь старейшиной. В.Н. Татищев, напротив, указывал, что славянские правители всегда титуловались князьями, а «Рюрик... первое титул великого князя для различения от подданных ему князей принял»⁴.

Историография XVIII в. выработала особый дискурс, который можно назвать дискурсом «славности». Рассуждая в русле этого дискурса, историки давали оценки событиям в истории народов с точки зрения величия их деяний. Конечно, разные авторы в разной степени оказались под влиянием этого дискурса. Если М.В. Ломоносов прямо видел одну из своих задач в том, чтобы показать славность и дальнюю древность дел славянского народа, то И.Н. Болтин, например, рассматривал свои возражения на «Российскую историю» француза Леклерка лишь как оборону истины от

¹ Эмин Ф.А. *Российская история*. СПб., 1767. Т. I. С. 58–60; Щербатов М.М. *История...* С. 191–192; Шлецер А.Л. *Нестор*. СПб., 1809. Ч. I. С. 51.

² Татищев В.Н. *История Российская с самых древнейших времен*. М., 1769. Кн. 1. Ч. 2. С. 542.

³ Bayer T.S. *De Varagis // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. 1735. Vol. IV. P. 275.

⁴ Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа российского. С. 379–384, 396; Татищев В.Н. *История...* М., 1769. Кн. 1. Ч. 2. С. 540.

порушения, чем славные дела русских для истории будут сохранены¹. Избежать влияния дискурса «славности» не удалось практически никому. Даже такой оппонент М.В. Ломоносова, как Г.Ф. Миллер, критиковал В.Н. Татищева, который отождествил русь Рюрика и финнов, указывая, что невозможно «произвесть россиян от толь неславного народа». Екатерина II считала оскорбительными для чести русского народа попытки возвести происхождение руси к финнам².

Дискурс «славности» напрямую оказал влияние на представления М.В. Ломоносова о власти у восточных славян. Он ясно сформулировал идею о том, что настоящую славу славяне стяжали только под монархическим правлением. Славные военные походы не могли предприниматься республикой, поэтому М.В. Ломоносов полагал, что во время успешных войн славяне избирали себе единственного правителя. Пример этому – Кий, который, правда, не стал родоначальником династии³.

Из всех славянских племен только у роксолан, по мнению М.В. Ломоносова, было постоянное самодержавное правление. Именно роксоланы сыграли важную роль в славянской истории, поскольку для приведения прочих славян «под самодержавство необходимо нужен был герой с храбрым народом, приобыкшим добровольно повиноваться, каков был Рурик с роксоланами»⁴.

А.Л. Шлецер весьма пренебрежительно отзывался об общественном и государственном развитии целого региона, который он называл «Верхним севером». В этот регион, по мнению Шлецера, входили восточные, западные славяне, Прибалтика, Скандинавия. «Люди жившие в верхнем севере были разделены на малые орды, предводительствуемые старейшинами или кациками, которых баснословы... называют царями и князьями...»⁵. Интересно, что здесь А.Л. Шлецер обращался к тому же вопросу о титулатуре, который был актуален и для авторов середины XVIII века. Он специально указывал на то, что Швеция была в то время еще «малою и неважною землею... множество корольков, похожих на славенских князей и африканских и американских кациков управляли оною»⁶. Таким образом, уровень общественно-политического развития славян и шведов А.Л. Шлецер оценивал примерно одинаково. Однако шведы

¹ Ломоносов М.В. Древняя российская история. С. 2; Болтин И.Н. Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. I. Уведомление читателю (б.с.).

² О сочинении российской истории для училищ в царствование императрицы Екатерины II // ЖМНП. 1835. Ч. 5. С. 141; Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа российского // Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006. С. 372–373.

³ Ломоносов М.В. Древняя российская история. С. 54.

⁴ Там же.

⁵ Шлецер А.Л. Нестор. С. ЛЕ–ЛЗ, НД.

⁶ Там же. С. 320.

были более воинственны, поэтому славяне призвали шведов на княжение, а не наоборот.

Пренебрежительное отношение А.Л. Шлецера к «Верхнему северу» обусловлено его ориентацией в историко-философском отношении на идеи века Просвещения. Отсюда его представление о том, что в основе всего общественного развития лежит рост образованности, прогресс наук. Этим не мог похвастаться северный регион. Насколько важным для Шлецера было именно развитие образованности можно увидеть, например, из оценки им культурной ситуации в Причерноморье. «В царствование императора Трояна – писал Шлецер, – читали на Днепре Гомера и Платона. После сего прекрасные украинские долины покрылись мрачной ночью, продолжавшейся почти тысячу лет, не прежде как около 1100 г. возвратилась опять в Киев византийская словесность»¹.

Итак, А.Л. Шлецер фактически отказывал северным народам в политическом и культурном развитии до создания государства в IX в., которое у восточных славян произошло насильственным путем (в результате захвата варягами). Вторым важным шагом на пути образованности для восточных славян стало принятие христианства, которое также стояло против воли. Приведем эти два примера, А.Л. Шлецер даже добавил нравоучительную сентенцию на тему того, что человечество, «как упрямого ребенка, должно по неволе приводить к счастью»². Следует отметить, что для А.Л. Шлецера образование государства именно событие, а не процесс. В этом вопросе он разделял представления историософии своего времени, связывая создание государства с моментом появления верховной власти.

Все вышеуказанные наблюдения над историографией XVIII в. можно выразить другими словами. Например, указать, что М.В. Ломоносов просто не учел всей суммы данных об организации власти у славян и поэтому приписал им самодержавный характер правления. Можно отметить, что Г.Ф. Миллер недостаточно критически подошел к сагам и поэтому принял данные о скандинавских царях. Можно заключить, что А.Л. Шлецер необоснованно придавал первостепенное значение культурному фактору, не учитывая экономической. Однако, думается, для того, чтобы картина прошлого получилась более насыщенной, иногда полезно отказываться от оценок именно «достижений» исторической науки, ориентируясь не столько на верификацию, сколько на то, какие мысли о прошлом и почему были высказаны.

Российская историография XVIII в. активно осваивала новый метод исторических реконструкций. Если прежде летописная и даже хронографическая традиция в основном ограничивались воспроизведением текстов предшественников (иногда изменяя их), то в просвещенный век российские историки начинают исследовать прошлое, стараясь восстановить в первую очередь раннюю историю народа. Образцами для подоб-

¹ Шлецер А.Л. Нестор. С. 13–14.

² Там же. С. HE.

ных изысканий стали труды европейских историков, в первую очередь польских. Европейские историки возводили начало своих народов к античным временам, использовали античные источники. Это вполне понятно, поскольку античные тексты являлись наиболее древними свидетельствами по европейской истории вообще. Продлить свою историю в античную эпоху пытались и в тех европейских странах, народы которых не попали в античные источники. Различные национальные историографические школы начали искать корни своего народа в античности, антиквизировать свою историю, соотнося себя с теми народами, что были упомянуты античными историками и географами.

В Швеции, например, возник и развился «готтицизм» – идеология шведского дворянства XVI–XVII веков. В соответствии с этой идеологией шведы вели свое происхождение от античных готов. При этом последние представлялись народом славным, одержавшим множество великих побед и совершившим множество великих подвигов¹. В Польше в XVI–XVII вв. выводили своих предков от античных сарматов, соответственно, идеология той эпохи получила наименование «сарматизм»². Подобное же направление оформилось и в России. Сделав первые шаги в XVII в., оно достигло апогея в следующем столетии.

Антиквизация российской истории как бы сблизила ее с античной: Новгород теперь обозначается как республика, а его деятели сближаются с римскими республиканскими деятелями, Русь периода раздробленности осознается как аристократия, Московское государство – как монархия. Успех одних и упадок других форм правления теперь все больше связывается с характеристиками имплицитно присущими этим формам.

Ключевой момент здесь заключается, на мой взгляд, в том, что авторы XVIII в. занимались именно реконструкцией истории на рациональной основе, а рациональную основу могла дать только античная гражданская история. Даже те, кто декларировал, что изображение славных дел народа стоит на первом месте, искали этих рациональных оснований. В этом смысле и привлечение библейских сюжетов является научным поиском: восстановление библейской генеалогии славян представлялось вполне научной задачей. Это прекрасный пример того, как тупиковые в большинстве своем поиски закрепляют в историописании рациональный подход, формируя историческую науку.

¹ Толстиков А.В. «Шведскость» как «готскость»: шведский готицизм XV–XVII вв. // Шведы: Сущность и метаморфозы идентичности. М., 2008. С. 59–76.

² Лескинен М.В. Образ сармата в истории. На пути формирования национального самосознания народов Речи Посполитой во второй половине XVI – первой половине XVII в. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1998.

Н.С. Нестерова Варяго-русский вопрос в работах И.Н. Болтина¹

Среди вопросов, касающихся начального периода истории Руси варяго-русский вопрос всегда занимал одно из ведущих мест. Можно даже сказать, что с этого вопроса началось становление российской исторической науки в XVIII веке. Одним из представителей XVIII в., который внес свой вклад в изучение этого вопроса является И.Н. Болтин. Его концепция не настолько популярна, как, например, концепции Г.Ф. Миллера, М.В. Ломоносова, М.П. Погодина, но она представляет определенный историографический интерес.

Считается, что интерес к исторической науке у И.Н. Болтина возник после знакомства с трудами В.Н. Татищева, личность и произведения которого оказали значительное влияние на И.Н. Болтина. Это обстоятельство трудно оспорить, в особенности то, что касается варяго-русского вопроса. Сходство их взглядов в этом вопросе уже было замечено М.А. Максимовичем. Он говорит о том, что финское происхождение руссов в «Истории Российской» В.Н. Татищева было поддержано И.Н. Болтиным², он даже называет эту концепцию татищево-болтинской школой (или *северно-финского* происхождения Руси). Согласно М.А. Максимовичу, эта школа образовалась в период между господством *Русской* (или *Ломоносовской*) исторической школы и появлением Байеро-Шлецеровской (*Северно-скандинавской*) школы³. Преемственность И.Н. Болтина от В.Н. Татищева была отмечена В.А. Мошиным и В.В. Фоминым. В.А. Мошин говорит о том, что финская версия происхождения варягов была выдвинута В.Н. Татищевым, а затем была поддержана И.Н. Болтиным⁴, это находит свое подтверждение и у В.В. Фомина⁵. Современные ученые склоняются к тому, что И.Н. Болтин придерживался финской версии происхождения Руси, поскольку это кос-

Нестерова Наталья Сергеевна, магистрант Уральского федерального университета. Эл. почта: natalia.nesterova88@gmail.com

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ по программе государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации (договор № 14.125.13.4207-МК).

² Максимович М.А. Откуда идет земля Русская. Киев, 1837. С. 83.

³ Там же. С. 84.

⁴ Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / под ред. В.В. Фомина [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://historylib.org/historybooks/Fomin_Varyago-Russkiy-vopros-v-istoriografii/2 (Дата обращения 25.06.2014)

⁵ Фомин В.В. История разработки варяго-русского вопроса в трудах ученых дореволюционного периода. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/41842.php> (Дата обращения 25.06.2014)

венно прослеживается в его примечаниях и критических замечаниях, он перечисляет угро-финские племена, утверждая, что они жили на территории наших предков¹. Однако эта версия не рассматривается серьезно современными учеными, и она представляет больший историографический интерес, нежели исторический.

И.Н. Болтин, в отличие от других историков XVIII в. (В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, Ф.А. Эмина и др.) не написал концептуального труда по истории России, но его точку зрения и аргументы можно проследить в его примечаниях и критических замечаниях к трудам других историков, в частности это его «Примечания на историю древнюю и нынешнюю г. Леклерка»², его полемика с М.М. Щербатовым – «Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том истории князя Щербатова»³, «Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории»⁴, а также редактирование труда «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии»⁵, приписываемого Феофану Прокоповичу⁶.

Вопросами, связанными с древнейшей историей России И.Н. Болтин начал заниматься в связи с рассуждениями М.М. Щербатова о различных народах, живших в древности на территории России, и для И.Н. Болтина история России является историей общественных нравов, которым он уделяет особое внимание⁷. Это можно проследить по его критическим примечаниям к истории М.М. Щербатова – «русский народ нравы и свойства получил своеобразные климату, правлению и воспитанию, под коими он жил»⁸. То, что касается происхождения народов, живших на территории древней России, то по И.Н. Болтину они имеют сарматское происхождение. «Все те народы, которые издревле заселяли все пространство нынешней России, разумею мы под общим названием сармат... некото-

¹ Болтин И.Н. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб, 1793. С. 70.

² Он же. Примечания на историю древнюю и нынешнюю России г. Леклерка в 2 т. СПб, 1788.

³ Он же. Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том истории князя Щербатова. СПб, 1793.

⁴ Он же. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб, 1793.

⁵ *Подробная летопись* от начала России до Полтавской баталии. Ч. 1. СПб., 1798.

⁶ Авторство Феофана Прокоповича является спорным, поскольку оно было приписано редактором. Как указано в предисловии, редактором был И.Н. Болтин. «Искусный в отечественной истории и беспристрастный в оной писатель, покойный Иван Никитич Болтин, принявший на себя труд исправить погрешности переписчиков первой части, посчитал летопись сию произведением митрополита Феофана» Н. Л.

⁷ *Шанский Д.Н.* Из истории русской исторической мысли. И.Н. Болтин. М., 1983. С. 98.

⁸ Там же.

рые из них отошли в другие страны и там новые царства основали... другие оставшиеся на прежних своих местах или далее к северу отступя, превратились в русских и свой язык вовсе утратили; таковы суть Меря, Мурома, Весь и пр.»¹. Перечисление здесь угро-финских племен с оговоркой на то, что они превратились в русских, в очередной раз указывает на принадлежность И.Н. Болтина к финской концепции. Также из этого рассуждения И.Н. Болтина напрашивается вывод о том, что перечисленные им угро-финские племена имеют сарматское происхождение. То, что первые древнерусские князья, по мнению И.Н. Болтина, имели отношение к сарматам, подтверждается следующим: «...что в Новгороде и Киеве в начале Российской Монархии Сарматский язык был в употреблении, кажется, и сомневаться о том читателю летописи не можно»². Довольно сложно дифференцировать сарматов и финнов, скорее всего, И.Н. Болтин хотел сказать всем этим, что финны, которые являются предками руссов, являются потомками сарматов. Однако И.Н. Болтин признается, что он не знает, на каком языке говорили руссы прежде чем уйти на север, и сам же сомневается в том, являлись ли они одним племенем с теми сарматами, которые жили на юге и на востоке современной ему России. То, что касается языка, то И.Н. Болтин уверен в том, что «руссы, переселяясь на север, многие века в пределах Новгородских жили, нежели история наша начинается, и что наречие употребляли одинаковое или сходное с племенами им соседними, каковы суть Чудь, Кривичи и другие...»³. Далее И.Н. Болтин, ссылаясь на летописи, говорит о том, что эти племена говорили тем же или похожим языком с оставшимися на Юге и Востоке с сарматскими поколениями⁴.

Интересным представляется вопрос о соотношении руссов с варягами. И.Н. Болтин рассуждает об этом следующим образом: в начале Руссы были самостоятельным народом, но после того, как они были вытеснены из Новгорода, они «принуждены были уклониться к своим соседям Варягам и поселясь между ними смешались с ними, по чему и стали называть их Варягоруссами, в отличие от тех Варягов и Руссов, кои были не смешаны. Через сие сожитие и частью смешение, в течение нескольких веков, язык Русской с Варяжским и более сделался сходен, если и разнствовал с ним прежде»⁵. То есть, по мнению И.Н. Болтина руссы просто слились с варягами и затем даже говорили с ними на общем языке.

Можно заметить, что языку и лингвистическим аргументам, так же как нравам и обычаям, И.Н. Болтин уделяет особое значение, считая это своими главными аргументами. «Не что иное, как сие крайнее сходство языка, и может быть нравов и обычаев между Варягами и Руссами заста-

¹ Болтин И.Н. Ответ генерал-майора Болтина... С. 70.

² Там же. С. 80.

³ Там же. С. 80–81.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Там же. С. 81–82.

вило и Нестора признать оба сии народа за один...»¹. Язык, как один из главных аргументов, И.Н. Болтин использует и при аргументации своей финской концепции, приводя в пример финские слова *Winaeja* и *Wen-alaieienel* (курсив мой – Н.Н.). Этими словами соответственно финны называют Россию и русского человека². При аргументации И.Н. Болтин апеллирует к известному названию *Венеты* или *Венды* (курсив мой – Н.Н.), которые владели обоими берегами Финского залива, исходя из этого, по мнению И.Н. Болтина, «и Финляндия в старину Венетию называлась»³.

И.Н. Болтин не отрицает летописный факт призвания варягов. По-видимому, к этому времени они уже слились с руссами, или же шел процесс этого слияния, поскольку у И.Н. Болтина мы видим: «Рурик, отправясь по приглашению Славян, в их область, всех Русских взял с собою, то есть тех, кои между Варяг жили; что получил самодержавие против воли Славян...»⁴. Это также может свидетельствовать о том, что, по мнению И.Н. Болтина, Рюрик и его люди подчинили не совсем добровольно.

Как пишет В. Юшков, летописные источники для И.Н. Болтина имели большое значение, в частности Иоакимовская летопись⁵. Обоснованию полезности данного источника И.Н. Болтин посвящает несколько страниц своего труда⁶. В частности, он считает, что данный источник внес определенную ясность в толкование летописи Нестора, и он ее называет «достоверный подлинник Иоакимов»⁷. Весьма вероятно, что влияние личности В.Н. Татищева могло сыграть роль при формировании мнения на этот источник у И.Н. Болтина. Это обстоятельство является важным, поскольку И.Н. Болтин даже отдает предпочтение Иоакимовской летописи в некоторых вопросах. «О пришествии славян, например, в Новгородские пределы, повествование Иоакимово является более вероятным, нежели Несторово, первый полагает оно в половине пятого столетия, а последний прежде Рождества Христова... Призвание славянами Новгородскими Рурика с братьями на княжение, по причине их родства с Гостомыслом, видится боле с обстоятельствами сходным по Иоакиму нежели по Нестору; по первому и род Руриков и повод к избранию его известны, а по последнему и то и другое остается в темноте»⁸. Если проследить далее сравнение И.Н. Болтиным двух источников, то исходя из этого мы увидим, что И.Н. Болтин отдает предпочтение летописи Иоакима лишь потому, что она дает больше сведений.

¹ Болтин И.Н. Ответ генерал-майора Болтина... С. 82.

² Там же. С. 81.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Юшков В. Очерк из истории российского самосознания XVIII века. Общие исторические взгляды И.Н. Болтина. Киев, 1912. С. 13.

⁶ Болтин И.Н. Ответ генерал-майора Болтина... С. 12–18.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Там же. С. 15.

Свое предпочтение Иоакимовской летописи И.Н. Болтин высказывает и в «Примечаниях в Леклерку», где И.Н. Болтин останавливается на личности Гостомысла и приводит аргументы в пользу этого источника. «Иоаким был первым епископом в Новгороде, а умер в 1030 году; Нестор жил в последней половине XI, а умер в начале XII века, следовательно, Иоакимова летопись старше Несторовой близ ста лет»¹. Здесь мы видим, что И.Н. Болтин отдает предпочтение Иоакимовской летописи не только потому, что она дает больше сведений, но и потому что И.Н. Болтин считает ее более древним и аутентичным источником.

В настоящее время финская концепция И.Н. Болтина не пользуется популярностью среди ученых и представляет, в основном, историографический интерес. Если в целом рассматривать личность И.Н. Болтина как историка, то все же, несмотря на такое скрупулезное отношение к Иоакимовой летописи и другим источникам, на которые И.Н. Болтин постоянно ссылается², он известен, прежде всего, как критик. Это отмечает историк В.А. Бердинских. «Порой на несколько строк текста Леклерка Болтин пишет несколько страниц примечаний»³, а полемику И.Н. Болтина с М.М. Щербатовым⁴ он называет первой полемикой двух профессиональных ученых в русской исторической науке, обозначая ее гораздо важнее и значимее, чем полемику Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова. И.Н. Болтин критикует приведенные М.М. Щербатовым филологические и географические данные, указывая на ошибки в названиях городов, рек, древнерусских слов⁵.

¹ Болтин И.Н. Примечания на историю древнюю и нынешнюю России г. Леклерка. Т. 1. СПб, 1788. С. 58.

² Юшков В. Очерк из истории российского самосознания XVIII века. Общие исторические взгляды И.Н. Болтина. Киев, 1912. С. 13.

³ Бердинских В.А. Ремесло историка в России. М., 2009. С. 296.

⁴ Щербатов М.М. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории к одному его приятелю. М., 1789; Болтин И.Н. Ответ генерал-майора Болтина...; Щербатов М.М. Примечания на ответ господина генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. М., 1792.

⁵ Там же. С. 298.

Д.Ю. Плотников

**К вопросу о реализации стратегических возможностей
Кавказского корпуса в 1855 г. (на примере операций
на Эрзерумском направлении)**

Крупнейшими театрами военных действий (ТВД) Крымской войны после прекращения активных русских операций на Дунае летом 1854 г. остались Крымский и Кавказский. На первом из них на протяжении 1854–1855 гг. обстановка неизменно складывалась в пользу союзников, медленно, но неуклонно ведя к их окончательному успеху. Однако в Закавказье в ходе кампании 1854 г. Отдельный Кавказский корпус нанёс туркам ряд поражений, результатом чего стал переход стратегической инициативы на ТВД к русской армии. В силу этого, а также общей стратегической обстановки в кампанию 1855 г. перед Отдельным Кавказским корпусом открывались широкие наступательные возможности, претворение которых в жизнь могло оказать (и оказало даже в том объёме, в котором реально состоялось) серьёзное влияние на общий ход войны. В силу этого, характер и стратегической обстановки, и упомянутых возможностей, а также степень полноты их реализации и её вероятных причины, заслуживают внимательного исторического исследования.

Историография не обошла вниманием общую стратегическую обстановку, в которой проходила кампания 1855 г. в Закавказье. Исследователи неоднократно выделяли её существенные характеристики в общем контексте войны, а также вероятные сценарии её использования. У.Э.Д. Аллен и П. Муратов обратили внимание на то, что результатом успехов в Закавказье могло стать «отвлечение франко-британских войск от действий в Европейской России» и на постоянно учитываемую командующим Отдельным Кавказским корпусом Н.Н. Муравьёвым возможность прибытия вражеских подкреплений через Трапезунд¹. Также они указывают, что возможности транспортировки крупных воинских контингентов в Закавказье открывались перед союзниками только после победоносного исхода военных действий в Крыму², и что, собственно, задачей Анатолийской армии было продержаться до этого момента³. И.В. Бестужев указал, что блокада Карса могла быть предпринята только при уверенности Н.Н. Муравьёва в том, что союзники не смогут перебросить в Закавказье крупные силы⁴. Х.М. Ибрагимбеили процитировал доку-

Плотников Дмитрий Юрьевич, студент Новосибирского национального исследовательского государственного университета. Эл. почта: rkr-va-149@yandex.ru

¹ *Allen W.E.D and Muratoff P. Caucasian battlefields. Cambridge, 1953. P. 82, 85.*

² *Ibid. P. 102.*

³ *Ibid. P. 85.*

⁴ *Бестужев И.В. Оборона Закавказья в Крымской войне 1853–1856 годов // Вопросы истории. 1954. № 12. С. 64.*

мент, в котором обозначено намерение крупной наступательной операции вглубь Анатолии после взятия Карса с целью облегчить положение Севастополя¹; однако не раскрыл контекст этого документа и, видимо, не имел интереса к более внимательному рассмотрению связи между Кавказским и Крымским ТВД. Дж. Ш. Кёртисс счёл, что Кавказский корпус в кампанию 1855 г. «не сумел достичь всего, чего мог бы»² однако, следует признать, что его источниковая база, касающаяся Закавказья, оставляет желать лучшего. Наконец, В.В. Дегоев обратил внимание на то, что до тех пор, пока англичане и французы осаждали Севастополь, «у него (Н.Н. Муравьёва – Д.П.) имелся запас времени для достижения решительного успеха, в то время как союзники находились в цейтноте»³. Констатация известного «стратегического иммунитета» Кавказского корпуса в смысле отсутствия крупных угроз извне вплоть до окончания осады Севастополя принципиально важна; но и Дегоев оставляет открытым вопрос «почему то, что явилось предметом панической озбоченности англичан, выпало из стратегических расчётов Петербурга»⁴.

Итак, историография единодушна в том, что Кавказский корпус не реализовал все представлявшиеся ему возможности и обращает внимание на стратегическую взаимосвязь между Крымом и Кавказом, проявившуюся в том, что действия союзников в Крыму не позволяли им уделять должное внимание Закавказью, но успехи русских войск в Восточной Анатолии всё же могли повлечь за собой переброску туда подкреплений. Но нельзя считать вполне изученным следующий вопрос: как смотрело само русское командование на общую стратегическую обстановку в Закавказье (в частности, на взаимную обусловленность положения на Кавказском и Крымском ТВД) и каким образом, в каких объёмах намеревалось использовать эту обстановку? Этому вопросу, ответ на который необходим для более полного понимания решающей кампании на втором по важности ТВД войны, посвящена настоящая статья.

Цель работы – установить наличие или отсутствие у русского командования в кампанию 1855 г. намерения крупной наступательной операции вглубь Восточной Анатолии в целях максимальной реализации возможностей, представившихся благоприятной оперативной и стратегической обстановкой.

Источниковую базу исследования составляет делопроизводственная документация, официальная и частная переписка, а также мемуары и воспоминания свидетелей и участников событий.

Как уже было указано выше, общий ход войны в кампанию 1855 г. создавал для Отдельного Кавказского корпуса определённый «стратегический

¹ *Ибрагимбейли Х.М.* Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М., 1971. С. 274.

² *Curtiss J.S.* Russia's Crimean war. Durham, 1979. P. 411.

³ *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы 1829–1864. Политика, война, дипломатия. М., 2009. С. 261.

⁴ Там же. С. 260.

иммунитет». До успешного исхода боевых действий под Севастополем союзники были скованы его осадой, и всякое усиление Анатолийской армии могло происходить только за счёт союзной армии в Крыму. Даже при наличии сколько-нибудь крупных и боеспособных контингентов, которые можно было бы перебросить в Закавказье не из Крыма, эта переброска могла быть осуществлена только силами союзного флота. При планировании экспедиции Омер-паши, синхронном описываемым событиям, изначально оговаривается, что «Порта полагается на помощь британских и французских адмиралов в транспортировке войск в Редут-Кале»¹. Турецкое правительство, фактически, расписывается в неспособности к переброске морем крупных соединений, и после этого приведённые там же заверения в готовности Порты выделить и приобрести для этой цели и другие транспорты² выглядят несолидной попыткой прикрыть собственное бессилие. Союзный же флот был целиком занят обеспечением Крымской десантной операции, и отвлечение его от этой задачи означало бы удар по армии в Крыму, пусть без сокращения её численности, но за счёт ухудшения снабжения. Учитывая предсказуемую реакцию союзных генералов, это очевидным образом затрудняло переброску сколько-нибудь значительных подкреплений в Закавказье.

Такое положение позволяло Отдельному Кавказскому корпусу выполнять задачи кампании 1855 г. (в том числе и проводить крупные наступательные операции) с меньшими рисками и большими шансами на успех. Первоочередной целью Н.Н. Муравьёв справедливо считал взятие Карса. Осуществить это предполагалось путём строгой блокады крепости. В интересах достижения цели командующий намеревался заблокировать Карс, прервав его сообщения с Эрзерумом, занять для более полной изоляции Ардаган и Кагызман, захватить или уничтожить турецкие провиантские склады между Эрзерумом и Карсом и совместным движением Эриванского отряда и части Александропольского атаковать прикрывающего Эрзерум Вели-пашу³.

К выполнению двух первых задач приступили в самом начале кампании с началом установления блокады Карса и занятием без боя Ардагана (Кагызман был занят позднее, в июле). Выполнение третьей и четвёртой подразумевало наступательное движение в направлении Эрзерума, и соответствующие операции следует рассматривать в тесной связи с политическим и стратегическим значением этого города.

Столица турецкой Восточной Анатолии безусловно рассматривалась обеими сторонами как потенциальная цель русской наступательной операции. При всякой возможности перехода русских в наступление город

¹ Lord Stratford de Redcliffe to the Earl of Clarendon. Constantinople, June 30, 1855 // The siege of Kars, 1855. Defence and capitulation, reported by general Williams. L., 2000. P. 26.

² Ibid.

³ Карсаков А. Из записок генерал-адъютанта Муравьева о войне 1855 года в Малой Азии // Русский вестник. № 1. 1863. С 399–400.

становился объектом опасений. Ещё в 1854 г. после победы Эриванского отряда над Баязетским корпусом в Чингильском сражении поступали известия, что командующий отрядом генерал К.К. Врангель развивает успех, наступая на Эрзерум, хотя ничего подобного русский генерал не мог предпринять по малости сил. Ещё более актуальными подобные опасения должны были стать в кампанию 1855 г., когда и Эриванский, и Александропольский отряды действительно перешли в наступление. Чтобы оценить обоснованность этих опасений необходимо рассмотреть операции кампании, в ходе которых Эрзерум подвергался угрозе.

Первой из них была Еникёйская операция 19–24 июня (1–6 июля) 1855 г., в ходе которой Н.Н. Муравьёв, оставив около половины Александропольского отряда продолжать блокаду Карса, выдвинулся с остальными войсками к селениям Бардус, Еникёй, Караурган и Зивин, находящимся на пути из Карса в Эрзерум и уничтожил находившиеся в них турецкие провиантские склады, после чего вернулся под Карс.

В рапорте о результатах операции командующий обозначил, что в её ходе «не располагал ещё дойти до Эрзерума», а целью движения было только «истребление продовольственных запасов Анатолийской армии»¹. Но это мнение он высказывает уже после окончания действий. До начала же операции в числе её целей Николай Николаевич упоминал именно Эрзерум, но в очень общих выражениях: «...двинуться прямо к Эрзеруму. Что Бог даст нашему оружию – одному ему известно»². В целом замыслы, высказывавшиеся наместником Кавказским, довольно амбициозны: речь шла ни много ни мало о «кампании, которая должна отвлечь неприятельские силы от Крыма сильной диверсией в центр Малой Азии»³.

Логичным развитием такой диверсии, призванной иметь не только стратегическое значение, но и политический резонанс, было бы взятие Эрзерума. В возможности занять город командующий несколько не сомневался: «Эрзерум оставался открыт перед нами, и легко было занять его после панического страха, объявшего турок»⁴. Ему вторили и находившиеся в Эрзеруме англичане. Пребывавший с широкими полномочиями при тамошнем гарнизоне майор Ольфертс просил о срочной отправке подкреплений из Трапезунда, не теряя ни дня, «поскольку противник едва ли не у самых ворот этой столицы»⁵. Английский консул в Эрзеру-

¹ *Предписание* ген. Муравьёва начальнику Эриванского отряда ген.-м. Суслову, от 25-го июня 1855 года, №256 // Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. XI. Тифлис, 1888. Документ 362. С. 359.

² *Письмо* ген. Муравьёва к кн. Бебутову, от 15-го июня 1855 года. Весьма секретно // Там же. Документ 354. С. 353.

³ *Предписание* ген. Муравьёва кн. Бебутову от 15-го июня 1855 года, №18 // Там же. Документ 353. С. 352.

⁴ *Письмо* ген. Муравьёва к кн. Долгорукову, от 22-го июня 1855 года, №22 // Там же. Документ 359. С. 357.

⁵ Major Olpherts to Lord Stratford de Redcliffe (Extract). Erzeroom, July 2, 1855 // The siege of Kars... P. 35.

Единственной заявленной причиной операции было лишение гарнизона Карса надежды на помощь от Вели-паши¹, нанеся последнему поражение; громких целей, как в июне, не обозначалось. В качестве потенциальной цели, при благоприятном ходе событий, снова рассматривался Эрзерум, хотя о его занятии говорилось очень осторожно: «В случае совершенного поражения Вели-паши... и то в таком случае, если бы соединились все условия к успеху сего поиска»².

Как и месяц назад, столица Восточной Анатолии подвергалась серьёзной опасности. Сам Н.Н. Муравьёв не имел сомнений в возможном исходе штурма, будучи уверен, что Вели-паша «ни тут (на позиции при Деве-бойну – Д.П.), ни там (в самом Эрзеруме – Д.П.) не удержится»³. Мнения англичан по этому вопросу расходились. Находившийся при Деве-бойну майор Ольфертс считал позицию надёжной при условии, что силы противника, как он полагал, не превышают 8000 чел. при 10–14 орудиях⁴, в то время как те насчитывали 15500 солдат, 46 орудий и 8 ракетных станков⁵. Консул Брант в своей депеше, характеризующей положение дел на позиции, отмечал панику и массовое дезертирство из турецкого десятитысячного отряда, почти наполовину составленного из башибузуков, и полагал, что «в случае атаки русских едва ли была бы предпринята хоть попытка к сопротивлению»⁶, а турецкие паши «несомненно разбежались бы, будь они атакованы»⁷. Как и прежде, логично предположить, что консул драматизирует, но и при этом угроза Эрзеруму не вызывает сомнений. За город опасались и офицеры осаждённого Карса⁸.

Занятие города высоко подняло бы авторитет русского оружия, впечатлило колеблющееся правительство Персии, нанесло удар по английской транзитной торговле, устранило саму возможность провоза провианта в Карс и отдавало Кавказскому корпусу парк артиллерии крупного калибра⁹, использования которой, попади она в руки русских в качестве

¹ *Отношение* ген. Муравьёва к кн. Долгорукову от 24-го июля 1855 года, №28 // Там же. Документ 67. С. 84; *Отношение* ген. Муравьёва к кн. Долгорукову, от 4-го августа 1855 года, №641 // Там же. Документ 385. С. 379.

² *Карсаков А.* Из записок генерал-лейтенанта Муравьёва о войне 1855 года в Малой Азии // «Русский вестник». 1862. №1. С. 334.

³ *Отношение* ген. Муравьёва к кн. Долгорукову от 24-го июля 1855 года, №28 // АКАК. Документ 67. С. 86.

⁴ *Consul Brant to Lord Stratford de Redcliffe.* Erzeroom, August 4, 1855 // *Siege of Kars...* P. 69.

⁵ *Отношение* ген. Муравьёва к кн. Долгорукову, от 4-го августа 1855 года, №641 // Там же. Документ 385. С. 379–380.

⁶ *Consul Brant to Lord Stratford de Redcliffe.* Erzeroom, August 6, 1855 // *Siege of Kars...* P. 70.

⁷ *Consul Brant to Lord Stratford de Redcliffe.* Erzeroom, August 7, 1855 // *Siege of Kars...* P. 71–72.

⁸ *Lake A.* Narrative of the defense of Kars historical and military. L., 1857. P. 113.

⁹ *Карсаков А.* Из записок ... С. 332.

осадной, страшился гарнизон Карса¹. Тем не менее, было принято решение не брать город. Объяснение этого решения заслуживает подробного рассмотрения.

Н.Н. Муравьев справедливо указывает, что задержка в Эрзеруме полотины Александропольского отряда невыгодна для хода дел под Карсом – не полностью блокированный гарнизон мог бы запасти провиант и фураж из окружающей местности. Но наиболее интересны соображения, по которым он счёл невозможным оставить в качестве Эрзерумского гарнизона несколько усиленный Эриванский отряд: «небольшие силы занявшие Эрзерум, при появлении нового неприятеля от Трапезунда, нашлись бы вынужденными возвратиться в долину восточного Евфрата»².

С победой над Вели-пашой и взятием Эрзерума уничтожалась и единственная крупная, кроме карсской, группировка противника в регионе и административный ресурс, позволявший бы сформировать новую средствами региона. Соответственно без переброски в Закавказье подкреплений взятому Эрзеруму едва ли что-то угрожало, и всякий «новый неприятель» должен был бы высадиться в Трапезунде. В начале статьи отмечено, что переброска войск морем в Закавказье до окончания осады Севастополя неизбежно влекла ухудшение положения, а вероятнее всего и численное ослабление союзников в Крыму. То есть, именно те последствия, желание вызвать которые Николай Николаевич декларировал месяцем ранее, теперь послужили причиной отказа от операции с большими шансами на успех. Кёпрюкёйская операция, как до того Еникёйская, позволяет усомниться в искренности заявленных командующим намерений об отвлечении союзников из Крыма.

Итак, обстановка кампании 1855 г. (стратегическая инициатива и общее превосходство в силах) располагала к наступательным действиям русских войск на Кавказском ТВД. В случае достижения Отдельным Кавказским корпусом крупных успехов до конца осады Севастополя возможны были два сценария: переброска противником сил в Закавказье за счёт союзной армии в Крыму или отказ союзников от такого шага и, как следствие, сохранение кавказскими войсками достигнутого, как минимум, до появления крупных угроз извне ТВД. К концу 1855 г. не было ясности в вопросе, станет ли эта кампания последней в войну, и потому потенциальное занятие Эрзерума необходимо рассматривать применительно к обоим вариантам развития событий. В случае мирных переговоров город стал бы ещё одним аргументом российских дипломатов, дополнив в этом качестве одинокий Карс. В случае же продолжения военных действий в 1856 г., одним из ключевых ТВД, учитывая и возможную переброску туда сил союзников, оставался Кавказский, и при таких условиях взятие Эрзерума Отдельным Кавказским корпусом резко сокращало оперативный простор противника в ходе новой кампании, улучшая вместе с тем стратегическое положение кавказских войск. Не

¹ *Sandwith H.* A narrative of the siege of Kars. L., 1856. P. 266.

² *Карсаков А.* Из записок ... С. 333.

стремясь, как показано выше, предпринимать действий, способных повлечь за собой первый сценарий, Н.Н. Муравьев отказывался тем самым и от второго. В отсутствие настойчивой наступательной активности, способной вызвать реакцию союзников, был реализован третий вариант, не подразумевавший ни облегчения положения Севастополя, ни максимизации успехов Кавказского корпуса. Под знаком отказа от крупных наступательных операций далее Карса и использования благоприятной обстановки, вытекающей, в том числе, из взаимосвязи Крымского и Кавказского ТВД, прошла вся кампания 1855 г. Лучше других это осознал командовавший карским гарнизоном генерал Вильямс: в ходе Кёпрюкёйской операции, когда многие вполне трезвые головы опасались действительно реальной угрозы Эрзеруму, он писал, что целью Н.Н. Муравьева является не взятие этого города, а лишь опустошение местности и уничтожение поспевающих хлебов¹. Английский офицер понимал: будь у его визави действительно намерение взять Эрзерум, тот сделал бы это ещё в июне; в отсутствие же такого намерения нет оснований для серьёзных опасений и можно предположить, что все крупные события текущей кампании ограничатся районом Карса – что, в итоге, и произошло.

Рассмотрев обширные и нереализованные возможности Отдельного Кавказского корпуса в кампанию 1855 г., В.В. Дегоев пришёл к выводу, что «мнение политиков и дипломатов взяло верх над смелыми военно-стратегическими идеями»². С учётом вышеизложенного можно предположить, что смелые военно-стратегические идеи не вполне овладели умами и русского командования в Закавказье.

¹ *Brigadier-General Williams to the Earl of Clarendon. Kars, August 3, 1855 // The siege of Kars...* P. 62.

² *Дегоев В.В. Кавказ...* С. 261.

Отечественная история второй половины XIX – начала XX в.**Д.Ю. Хоменко****Лютеране в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: межэтнические отношения**

Население Енисейской губернии всегда было полиэтнично и поликонфессионально. Лютеране были представлены в Енисейской губернии различными национальностями. Согласно переписи населения 1897 г., 34,6 % всех лютеран губернии составляли эстонцы, 34,1 % – латыши, 20,8 % – немцы, 7,3 % – финны ¹.

На сегодняшний день существует ряд работ, посвященных отдельным сюжетам жизни лютеран в Енисейской губернии: история населённых пунктов ², диаспор ³. Работы Н.А. Баранцевой посвящены реконструкции этносоциальных процессов среди населения юга Средней Сибири, в том числе лютеранского ⁴. Однако вопросы взаимоотношений между различными народностями лютеранского вероисповедания, отношения их с русским населением, а также государственная политика в отношении лютеран представляются на сегодняшний день недостаточно изученными. Целью настоящей работы является попытка изучения межэтнических отношений как внутри категории населения «лютеране Енисейской губер-

Хоменко Денис Юрьевич, старший преподаватель Красноярского государственного педагогического университета. Эл. почта: khomenko_denis@mail.ru

¹ Подсчитано по: *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.* Вып. LXXIII. Енисейская губерния. СПб, 1904. С. 56–59.

² *Гаупт В.* Состояние колоний ссыльных лютеранского вероисповедания в Шушенской волости Минусинского округа, 1850–1863 г. // Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865–1866 гг. СПб., 1865. С. 58–78; *Яковлев Е.К.* Описание этнографических коллекций Минусинского музея // Описание Минусинского музея. Вып. 4. Минусинск, 1900. 212 с.; *Чернышёва В.Г.* Немецкое население Минусинского округа в XIX – начале XX веков // Немцы в Сибири: история, язык, культура. Красноярск, 2004. С. 104–108.

³ *Ойнец-Николаева В.А.* Эстонцы в Сибири в XXI веке. Музейный проект как символ сохранения и развития // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск, 2004. С. 159–165; *Тихомиров Н.М.* Сохранение этничности сельскими эстонцами-сету Партизанского района Красноярского края. // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск, 2004. С. 165–173.

⁴ *Баранцева Н.А.* Этносоциальные процессы среди прибалтийских и немецких народов Енисейской губернии как отражение государственной политики в кон. XIX – перв. тр. XX вв. // Мартъяновские краеведческие чтения. Вып. VI. Минусинск, 2010. С. 78–84.

нии» (то есть между финнами, латышами, немцами и эстонцами), так и с другими этносами.

Таблица 1*

Динамика изменения численности лиц лютеранского вероисповедания в Енисейской губернии

Год	Мужчин	Женщин	Всего	Минусинский округ	В %
1850	118	68	186	0	0%
1859	475	153	628	0	0%
1863	969	296	1357	982	72%
1868	1285	571	1856	1541	83%
1888	3209	1034	4243	3572	87%
1897	2449	1422	3871	3184	82%
1901	3482	2889	6454	4459	69%
1905	4698	4011	8814	5135	58%
На 1 января 1917	6197	6145	12342	4169	33%

* Составлено и подсчитано по: РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 87. Л. 183; Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 9. Ед.хр. 96. К. 1736. Л. 181; *Памятная книжка Енисейской губернии на 1865–66 гг.* Красноярск, 1865. С. 188; РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 86. Л. 91, 102; *Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 год.* Красноярск, 1889; *Первая всеобщая перепись...* Т. 73. С. 51; *Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 год.* Красноярск, 1902. С. 87; *Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 год.* Красноярск, 1906. С. 9; ГАКК. Ф. Р-1800. Оп.2. Д. 1. Л. 7.

Изучение статистических данных показывает, что численность лиц лютеранского вероисповедания в Енисейской губернии в изучаемый период постоянно росла, за редкими исключениями. Основным источником роста до начала XX в. была ссылка. Этим фактором объясняется диспропорция между мужским и женским населением (см. табл. 1). В конце XIX, и в особенности в начале XX в., эта диспропорция практически исчезает, что связано как с отменой уголовной ссылки в Сибирь, так и с увеличением числа добровольных переселенцев.

С начала 1860-х гг. и до конца XIX в. основанная масса лютеранского населения проживала в Минусинском округе. Это было связано с тем, что на территории Шушенской волости в 1850-х гг. были основаны лютеранские колонии-поселения.

Основатель первого поселения (Верхний Суэтук) Юрий Кульдем проживал в с. Рыжковом – колонии для лютеран Тобольской губернии. В 1847 г. он и ещё четыре финских семейства отправились в Минусинский округ Енисейской губернии на поиски места для нового поселения, так как Рыжково уже не вмещало всех желающих. Только в 1850 г. им удалось найти подходящее место: близ речки Суэтук. В 1851 г. под по-

селение было официально отведено 2638 десятин удобной земли¹. Однако долгое время число жителей этого поселения оставалось незначительным и начало расти с 1857 г., когда всех ссыльных лютеранского вероисповедания стали водворять в Верхний Суэтук. Сосредоточение всех ссыльнопоселенцев лютеранского вероисповедания в одном месте отвечало интересам властей – так было проще осуществлять за ними надзор.

Кроме финнов, в Верхний Суэтук стали поступать лютеране и других национальностей: латыши и эстонцы. Однако уже в 1858 г. латыши основали отдельную колонию – Нижнюю Буланку. А в 1861 г. пять эстонских семейств из Верхнего Суэтука основали новое поселение, Верхнюю Буланку. Отмечается, что сделано это было «во избежание национальной розни с тамошними финнами»². Таким образом, этнический фактор, несомненно, был для финнов, эстонцев и латышей важнее, чем конфессиональный – несмотря на принадлежность к одной религии, представителям всех трёх народов трудно было ужиться в рамках одного поселения.

Кроме ссыльных, изредка в колонии прибывали и вольные переселенцы. На начало XX в. в Нижней Буланке насчитывалось 20 семей вольных переселенцев из Остзейского края (вероятно, немцев)³.

Сосредоточение ссыльных лютеран в пределах трёх колоний объяснялось заботой об их духовном попечении: в 1863 г. было объявлено о назначении лютеранского пастора в Верхний Суэтук, которому вменялось в обязанность духовное призрение не только финнов, «но и латышей и эстов лютеранского вероисповедания, проживающих в смежных с Суэтуком поселениях Верхней и Нижней Буланках, и вообще всех лютеран в Енисейской губернии»⁴. Расходы по содержанию прихода (ежегодное жалование в 1000 руб., единовременное пособие на приобретение земельного участка и строительство дома в 2000 руб.) возмещались из финляндских статских сумм⁵.

Однако созданная система духовного попечения над лютеранами Шушенской волости оказалась недееспособной. Эстонцы, и особенно латыши, не принимали финляндских пасторов, объясняя это тем, что последние не владели латышским языком. В 1877 г. представители Лифляндского дворянства обратились в Евангелическо-лютеранскую генеральную консисторию с предложением учредить особого пастора для эстонцев и латышей в Минусинском округе. Тогда же были собраны средства: «со стороны Лифляндского дворянства 500 руб., со стороны города Риги и Лифляндского окружного комитета Вспомогательной кассы по 300 руб., и со стороны Центрального комитета вспомогательной кас-

¹ Гаупт В. Состояние колоний... С. 58–61.

² *Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Т. 4. Вып. 2. Иркутск, 1893. С. 28.*

³ Яковлев Е. К. Описание этнографических коллекций... С. 160.

⁴ *Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 5. Д. 159. Л. 10 об.*

⁵ Там же. Л. 15 об.

сы 900 руб. в год»¹. В начале 1880-х годов Генеральная консистория обратилась в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД с предложением: во-первых, удовлетворить просьбу Лифляндского дворянства, а во-вторых, перевести финляндского пастора в Омск, чтобы он мог осуществлять в разъездах духовные требы для финнов². В 1881 г. был основан новый приход в Нижней и Верхней Буланках, в 1885 г. финский пастор был переведён из Верхнего Суэтука в Омск и получил статус «странствующего проповедника» – ему вменялось в обязанность обеспечивать духовные потребности протестантов-финнов на всей территории Сибири³.

Таким образом, дифференциация населения по конфессиональному признаку, которой придерживалось правительство, не соответствовала потребностям населения. Для представителей прибалтийских народов национальные различия были важнее конфессиональных, в результате чего они не только селились отдельными поселениями, но даже не принимали священников иной национальности.

Несмотря на то, что поселенцы в лютеранских колониях были уголовными ссыльными, соплеменники проявляли о них заботу. В 1860-х гг. в каждой деревне было открыто по школе (к концу XIX в. в Верхнем Суэтуке было уже две школы). Школы в обеих Буланках содержались на средства, отпускавшиеся «центральной комитетом вспомогательной кассы для лютеранских приходов в России, а для содержания третьей отпускается ежегодно 2000 марок финляндских сенатом»⁴.

В 1884 г. группа лиц в Гельсингфорсе приобрела орган для Верхнего Суэтука. Расходы по доставке органа до Санкт-Петербурга брали на себя дарители, от столицы до Томска оплачивала Генеральная консистория, а от Томска до конечного пункта снова оплачивали дарители. К сожалению, в документах нет прямого указания на то, что орган был доставлен по назначению, однако косвенные свидетельства позволяют предположить, что это всё-таки произошло⁵.

Такая забота о своих соотечественниках может объясняться тем, что в сознании эстонцев, латышей и финнов Сибирь и Россия в целом была некоей чуждой цивилизацией, а попавшие в её условия соотечественники нуждались в особой поддержке.

Далеко не все прибывавшие в колонии поселенцы водворялись в них. На конец XIX в. в Верхнем Суэтуке на 105 наличных хозяйств приходилось 101 отсутствующее, в Нижней Буланке – на 145 наличных – 188 отсутствующих, в Верхней Буланке – на 46 – 217 отсутствующих⁶.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 159. Л. 2.

² Там же. Л. 6 об.

³ Там же. Л. 157 – 157 об.

⁴ Яковлев Е.К. Описание этнографических коллекций... С. 161.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 159. Л. 80, 97 об., 109.

⁶ Яковлев Е.К. Описание этнографических коллекций... С. 162.

Не водворившиеся в колониях поселенцы шли на заработки в соседние деревни или в г. Минусинск, занимались сапожным или столярным мастерством. Многие отправлялись работать на золотые прииски. Отмечалось, что на золотых приисках находили себе место самые «неисправимые» из преступников¹.

Подтверждением этого тезиса может служить случай на Павловском прииске в Минусинском округе 26 января 1876 г., когда тремя рабочими этого прииска, А. Розендалем, Г. Аппелем и А. Липшелем был убит брат хозяина прииска, дворянин В. Мозгалевский². Причиной убийства стало грубое и пренебрежительное отношение последнего к рабочим. Как выяснило следствие, замысел убийства созрел у преступников ещё накануне³. Очевидно, что данное преступное сообщество сложилось на национальной основе. Это может говорить о том, что в иноязычной (русской) среде, даже в условиях работы на прииске, представители изучаемых национальностей старались держаться вместе.

Взаимоотношения с русскими соседями затруднялись для поселенцев языковым барьером, конфессиональными отличиями, относительной замкнутостью обществ. Однако отмечается, что, несмотря на эти сложности, происходил определённый культурный обмен между русским и иноэтничным населением. Например, под влиянием эстонцев соседние русские научились изготавливать сыры и колбасу. Эстонцы и латыши, в свою очередь, к концу XIX в. предпочитали использовать в качестве повседневной одежды русскую, а традиционную надевали во время праздников⁴.

Сложно говорить о том, насколько поселенцы стремились найти общий язык с русским старожильческим населением. С одной стороны, известно, что преподавание на русском языке велось только в одной из школ Верхнего Суэтука, в остальных же дети обучались на родных языках: «в ниже-буланской школе – на латышском и немецком; в верхнее-буланской – на эстонском и в верхнее-суэтуцких – на финском и эстонском языках»⁵. Когда в 1895 г. Иркутский генерал-губернатор высказал пожелание о введении обучения русскому языку, то поселенцы заявили, что не имеют средств к найму учителя, «хотя желали бы, чтоб дети их знали русский язык»⁶.

Гораздо чаще контактировали с русскими те из поселенцев, которые уходили на заработки. Однако эти отношения вряд ли носили характер

¹ Гаупт В. Состояние колоний... С. 68.

² Архив города Минусинска. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1879. Л. 135–135 об.

³ Там же. Л. 139 об.

⁴ Иванова И.П. Взаимодействие и взаимопроникновение контактирующих этнических культур на юге Красноярского края // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск, 2004. С. 177.

⁵ Яковлев Е.К. Описание этнографических коллекций... С. 161.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 746. Л. 1 об.

культурного обмена, скорее они были бытовыми, обыденными. Возникшие конфликты не носили этнический оттенок. Например, 15 октября 1896 г. поселенцем из Нижней Буланки Я. Скуталем в питейном заведении с. Сергиево-Мигнинского Идринской волости был убит крестьянин С. Дураков. Сам убийца сознался в содеянном. Причиной убийства стала пьяная ссора за карточной игрой ¹.

В 1890 г. на Троицком прииске товарищества на вере гг. Кузнецовых произошёл значительный конфликт между администрацией и рабочими. 31 января 1890 г. рабочий Р. Вейниг, поселенец из Верхней Буланки, вызвал недовольство своим вызывающим поведением у представителей администрации прииска. Он был схвачен охраной и высечен, после чего его выдворили с прииска ². Возмущённые рабочие стали требовать вернуть Вейнига, мотивируя это очень плохой погодой. В знак протеста работы были приостановлены ³.

Следствие выяснило, что среди зачинщиков беспорядков двое были из лютеранских колоний-поселений (из Верхней и Нижней Буланок), а ещё пятеро – поселенцы из разных территорий Енисейской губернии, русские по национальности ⁴. Кроме них в беспорядках также участвовало 19 русских, 10 инородцев (предположительно хакасов), 4 представителя лютеранских колоний-поселений ⁵.

Приведенные примеры показывают, что в условиях совместного проживания и труда на приисках лютеране-поселенцы контактировали с русским населением достаточно тесно, а возникавшие конфликты не носили этнического характера. Беспорядки на Троицком прииске стали коллективным ответом трудящихся на злоупотребления администрации.

Отмеченное выше увеличение численности лютеранского населения Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. связано с аграрными переселениями. Наиболее активно из рассматриваемых этносов в колонизации губернии участвовали латыши и эстонцы. Кроме того, было основано несколько немецких поселений.

Современники писали, что хозяйство эстонцев и латышей отличалось от русского несколькими характерными чертами: стремлением вести хуторское хозяйство, введением семипольного севооборота, активным ведением скотоводства параллельно с земледелием, выращиванием корнеплодов и кормовых трав для скота, засеванием ягодных садов, использованием в хозяйстве машин и удобрений ⁶.

Известно, что переселенцы часто развивали в Сибири те отрасли хозяйства, которых ранее здесь не было либо они были слабо развиты. От-

¹ Государственный архив Красноярского края. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1244. Л. 52–54.

² Там же. Д. 1029. Л. 1–1 об.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 7 об., 43–55.

⁵ Подсчитано по: Там же. Л. 57–103.

⁶ Хуторянин А. Латыши в Сибири (очерк) // Сибирская деревня. 1915. № 5. С. 6–7.

мечалось, что в Ново-Новосёловской волости и районе Зачулымья Ачинского уезда на хуторах проживали «эсты и латыши (католики и лютеране) из Витебской и Лифляндской губерний», которые развивали промышленное льноводство «в довольно значительных размерах, доходящих местами у отдельных домохозяев до 6, 7, 8 и 9 десятин»¹.

К сожалению, имеющиеся источники не позволяют судить о том, насколько было развито хозяйственное взаимодействие между русскими и переселенцами – латышами и эстонцами. Последние предпочитали селиться компактно. Например, на территории современного Партизанского района Красноярского края до сих пор сохранились образованные в начале XX в. компактные поселения эстонцев-сету. Первым стало село Хайдак, основанное в 1900 году². Языковой барьер, а также природные условия (сету поселились в труднодоступных, до них не заселённых, местах) способствовали тому, что в Сибири им удалось сохранить свою этническую идентичность, язык, духовную и материальную культуру, тогда как в самой Эстонии они были ассимилированы³.

Своеобразным примером межэтнического взаимодействия в хозяйственной сфере и доказательством существования хозяйственных контактов между русским населением и переселенцами является распространение самогонарения. Отмечалось, что особенно сильно этот промысел был развит среди «западных» переселенцев: латышей, эстонцев, белорусов. Причинами широкого распространения самогонки именно среди переселенцев современники называли следующие факторы: отсутствие у переселенцев в первые годы свободных средств, на которые можно было бы приобрести водку, и наличие большого количества дешёвого хлеба⁴. С началом Первой мировой войны и введением сухого закона самогонарение получило ещё большее распространение. Например, в Кияской волости Красноярского уезда первыми самогонщиками «были эстонцы, за ними начали латыши, а затем пошло по всей волости»⁵.

Известно о существовании нескольких немецких поселений на территории губернии. В начале XX в. в Абаканской волости Минусинского уезда был создан переселенческий участок Сайбарский, специально предназначенный для заселения его «немцами колонистами лютеранского вероисповедания»⁶. Однако на нём незаконно водворились русские пе-

¹ *Соболев П.* Льноводство в Енисейской губернии. // Сибирская деревня. 1917. № 15. С. 3.

² *Тихомиров Н.М.* Сохранение этничности сельскими эстонцами-сету Партизанского района Красноярского края // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур... С. 167.

³ *Ойнец-Николаева В.А.* Эстонцы в Сибири в XXI веке. Музейный проект как символ сохранения и развития // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур... С. 159.

⁴ *А.Б.* Самогонка // Сибирская деревня. 1914. № 11. С. 10–12.

⁵ *Сибирская деревня.* 1915. № 6. С. 16.

⁶ АГМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 361. Л. 11 об.

реселенцы. При этом отмечалось, что немцы и русские не стали создавать общую деревню, а образовали два разных поселения: Карасук и Гнадендорф, между которыми происходили постоянные земельные споры. Власти характеризовали отношения русских и немцев как вражду «в резкой форме»¹. В 1909 г. Сайбарский участок был разделен на два, дабы прекратить поземельные конфликты².

Когда уже в 1919 г. встал вопрос о возможности допричисления к Гнадендорфу русских переселенцев, то заведующий Северо-Минусинским подрайоном отмечал, что он не счёл «себя вправе ... приселять на участок с немецким населением лиц русской национальности, во избежание недоразумений и столкновений на почве совершенно различных укладов жизни»³. Таким образом, поземельный конфликт русских и немцев был осложнён особенностями культурно-исторических типов («различные уклады жизни») и, несомненно имел этнический оттенок.

С началом Первой мировой войны четыре населённых пункта Енисейской губернии, имевших немецкие названия, были переименованы согласно ходатайствам, которые подавали сами жители⁴. Степень «добровольности» таких переименований вызывает сомнения. Настроения немецкого населения относительно начавшейся войны иллюстрирует случай в Мариенбурге-Сибирском. В сентябре 1914 г. в этом поселении обсуждался вопрос о посильной бесплатной помощи «по обработке полей женам призванных в настоящее время из запаса на действительную военную службу нижних чинов»⁵. Часть крестьян высказалась против этого, указав, что не они начали эту войну и поэтому не должны никому помогать. Прозвучала также фраза о том, что «у нас нет отечества»⁶. Таким образом, немецкое население в условиях начавшейся войны с Германией и Австро-Венгрией оказалось в очень сложном положении и не было единым по вопросу об отношении к этой войне.

В заключении можно сделать следующие выводы. Лютеране губернии (как ссыльные, так и добровольные переселенцы) предпочитали проживать компактно, причём концентрировались по национальному, а не конфессиональному признаку. Это способствовало сохранению их национальной идентичности и при этом не носило враждебного характера по отношению к другим этносам. Однако полностью исключить хозяйственные и иные контакты было невозможно, особенно активно они развивались на золотых промыслах, где представители многих национальностей работали плечом к плечу.

¹ АГМ. Ф. 71. Оп. 2. Д. 53. Л. 24.

² Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 361. Л. 13 об.

³ Там же. Д. 468. Л. 1 об.

⁴ ГАКК. Ф. 595. Оп. 29. Д. 2225. Л. 38.

⁵ Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1472. Л. 371.

⁶ Там же. Л. 371 об.

Б.А. Илюшин**К вопросу о том, кто изображён на картине В.В. Верещагина
«Бухарский солдат (сарбаз)»**

Картины известного русского художника и путешественника ¹ В.В. Верещагина являются не только памятниками изобразительного искусства, но также могут привлекаться в качестве источников по истории и этнографии Средней Азии XIX в., а также военного дела государств этого региона в период русского завоевания. Ряд картин, созданных при знакомстве художника с Туркестаном, вполне соответствуют историческим реалиям, запечатлённым во многих других источниках. Однако среди них есть исключения.

Наше внимание привлекла картина «Бухарский солдат «Сарбаз» ², написанная в 1873 году. На ней изображен стоящий на зелёном холме лучник в красном халате. Сопоставление образа этого «сарбаза» с этнографическими описаниями позволяет высказать предположение о том, что он не соответствует реалиям Центральной и Средней Азии, а схож с подданными империи Цин. Попытаемся доказать это предположение, используя мемуары самого В.В. Верещагина, его другие картины туркестанской серии, письменные источники по истории и этнографии Средней и Центральной Азии.

Сарбаз ³ в Средней Азии XIX в. – это пехотинец регулярных войск, созданных при попытке модернизации армии в ряде стран региона, включая Афганистан. Устройство регулярных войск по европейскому образцу с 1830-х годов произвёл эмир Насрулла по совету бежавшего с английской службы некоего Абдус-самата. Реформирование армии начали с создания регулярной пехоты, отчего особенно возмущались узбеки, не понимая её значения и предпочитая кавалерию. Во многом поэтому основную массу сарбазов составили персы, афганцы, жители Российской империи (прежде всего русские) – беглые или пленные, а также охотники из таджиков ⁴. Первоначальная численность сарбазов составила 2500 человек. Обучение ружейным приемам и маршировке велось ежедневно беглым знатным персом Шагрух-ханом ⁵.

Илюшин Борис Анатольевич, выпускник аспирантуры Нижегородского государственного университета. Эл. почта: arunta-desert@yandex.ru

¹ Можно добавить также – и война.

² Дёмин Л. С мольбертом по земному шару. Мир глазами В.В. Верещагина. М., 1991. С. 64–65.

³ В переводе с иранского – «удалец, сорвиголова».

⁴ Крестовский В.В. В гостях у эмира бухарского. СПб, 1887. С. 193.

⁵ Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб, 1868. С. 209.

Письменные и изобразительные источники содержат достаточно подробную информацию об этой военной реформе¹, в том числе есть сведения о внешнем облике сарбазов. Сарбазы отличались однообразием, прежде всего, в одежде – они носили определённую форму, чего не было у сипаев (узбекской конницы) и туркмен. Участник русской миссии в Бухару в 1870 г. отметил: «Одежда рядовых состоит из красной куртки, с чёрным стоячим воротником, из кожаных шаровар, сапог и мерлушковой шапки»². Судя по источникам более позднего времени, к 1887 г. обмундирование сарбазов несколько изменилось: «Одежда сарбаза состоит из красного суконного полукафтана с отложным воротником жёлтого, синяго, белого или зелёного цвета, смотря по батальону... Полы полукафтана выпускаются наружу только при полной парадной форме, во всех же остальных случаях остаются заправленными под чембары³ из жёлтой кожи, которые заправляются в голенища высоких, доходящих до колен, сапог русского покроя»⁴. Красная куртка или полукафтан по-прежнему остались главным атрибутом обмундирования сарбаза, а цвет воротника, который первоначально, возможно, был только черным, теперь определялся принадлежностью пехотинца к определенному батальону. Также уточняется, что штаны (чембары) должны были быть сшиты из желтой кожи, а сапоги иметь русский покрой.

На картине В.В. Верещагина «Бухарский солдат» лучник облачен не в красную куртку, а в халат, остальные детали одежды также описанию сарбаза не соответствуют. Обращает на себя внимание тот факт, что на картинах этого художника имеются и другие изображения сарбазов⁵. Это картины «После удачи» и «После неудачи», обе написаны в 1868 году.

¹ О ней и о военном деле народов Средней Азии в XIX в. литературы существует немного. Причём с ней смыкаются источники – воспоминания и дневники участников русского завоевания Средней Азии. Можно назвать несколько общих работ: *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975; *Демезон П.И., Виткевич И.В.* Записки о Бухарском ханстве. М., 1983; *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1–3. СПб., 1906; *Вяткин В.Л.* Каршинский округ, организация в нём войска и события в период 1215–1217 (1800–1803) годов. Известия Среднеазиатского отделения РГО. Вып. XVIII. Ташкент, 1928; *Троицкая А.Л.* Военное дело в Бухаре в первой половине XIX в.: (По материалам Гос. Публ. б-ки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина) // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. 1953. Т. 17; *Ботяков Ю.М.* Некоторые особенности традиционной военной организации северных туркмен: (на материале войска Хивинского хана) // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений, 1990–1991 гг.

² *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. СПб, 1871. С. 105; *Галкин М.Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб, 1868. С. 209, 214.

³ Чембары – широкие штаны.

⁴ *Крестовский В.В.* В гостях у эмира бухарского. СПб., 1887. С. 193.

⁵ *Дёмин Л.* С мольбертом по земному шару. С. 72, 74.

На первой изображены сарбаз и всадник, разглядывающие отрубленную голову русского воина. На второй – трупы сарбазов, лежащие возле крепостных стен. На картине сарбазы одеты в обычные халаты, поверх которых – короткие красные куртки, и чалмы поверх тюбетеек. Такое изображение пехотинцев больше соответствует сведениям письменных источников. Следовательно, художник знал, как выглядели сарбазы, хотя в своих воспоминаниях описаний сарбазов он не оставил.

В том, что на картине «Бухарский солдат» в действительности изображен не сарбаз, позволяет усомниться и такая деталь, как лук, которым вооружен герой. Российский исследователь-ориенталист П.И. Демезон отмечал ещё в 1830-е годы, что бухарские воины абсолютно потеряли навык стрельбы из лука¹. Рассмотренные нами письменные источники также не дают оснований считать, что в 1860-х – 1870-х годы войска среднеазиатских государств всё ещё пользовались луками (хотя их ручное огнестрельное оружие зачастую было устаревшим и некачественным). Итак, совершенно точно, что лучник, изображенный Верещагиным, не соответствует описаниям сарбаза в источниках.

Теперь попытаемся выяснить, кем же в таком случае является герой верещагинской картины. Для большей ясности рассмотрим по частям его внешность. Красный халат идентичен монгольскому дэли (дээл) – по крою, правостороннему запаху, всему внешнему виду. Он не характерен для народов Средней Азии, издавна носивших халаты совсем иного вида.

Шапка соответствует одному из типов монгольских шапок, встречающихся у бурят и монголов², но в Средней Азии найти ей аналоги не получилось. Подтверждение тому, что такой вид головного убора был знаком художнику не от жителей Средней Азии, а от народов Монголии и Синьцзяна, удалось найти в мемуарах В.В. Верещагина. Повествуя о набеге на территорию Синьцзяна, художник поместил рисунок таранчи (уйгура), на голове которого надета шапка, схожая с той, которая имеется у «сарбаза»³. Этот рисунок воспроизведен в издании мемуаров В.В. Верещагина, осуществленном в 1898 году.

Еще одной характерной деталью является нож. Он выглядит как монгольский или бурятский хутаг, а совсем не среднеазиатский пычак. В последнем случае это должен быть нож с узкой рукоятью и лезвием, ширина которого примерно в два раза больше, чем рукоять. Лезвие в конце плавно загибается к острию. На картине же нож в ножнах выглядит как узкая пряма трубка, и практически идентичен монгольским ножам, носимым на поясах⁴. Таким образом, и эта деталь внешнего вида лучника говорит о его монгольском происхождении.

¹ *Записки о Бухарском ханстве* (Отчёт П. И. Демезона и И. В. Виткевича) М., 1983. С. 72.

² См., например: *Буряты*. М., 2004. С. 112.

³ *Верещагин В.В. На войне в Азии и Европе*. М., 1898. С. 94.

⁴ *Буряты*. цветная вклейка.

Причёска. У героя верещагинской картины сзади спускается достаточно толстая коса. Как известно, в Средней Азии все мужчины в XIX – начале XX в. всю голову брили¹. С такой косой ходили маньчжуры, также её обязаны были носить все подданные империи Цин. Кроме того, возможно, что и для монголов, ойратов, а за ними и тувинцев, алтайцев была традиционна подобная причёска, когда косицу заплетали из оставленных на темени волос². Следовательно, и причёска говорит о восточном происхождении лучника. Также отметим отсутствие бороды – обязательной составляющей внешности среднеазиатских мужчин.

Лук. По мнению специалиста в области военного дела народов Центральной Азии позднего средневековья и раннего Нового времени Л.А. Боброва, высказанному в личной беседе, лук на картине – цинского типа. Также Л.А. Бобров обратил внимание на европеоидные черты лица человека, изображенного на картине «Бухарский солдат». Выступающий нос и усы, как у русских воинов на картинах самого В.В. Верещагина, действительно делают лицо лучника похожим на европейское. Однако, во-первых, лицо прорисовано, всё же, недостаточно чётко, поэтому нельзя говорить об антропологической принадлежности с уверенностью. Во-вторых, если посмотреть на картину В.В. Верещагина «Богатый киргизский охотник с соколом» (1871 г.), то можно заметить, что тот также имеет совсем не киргизское лицо. Видимо, в обоих случаях художник не стремился точно передать антропологические особенности, заостряя внимание на kostюме, позе и окружении.

Таким образом, мы можем констатировать, что на картине В.В. Верещагина «Бухарский солдат» изображён не среднеазиатский сарбаз, а подданный империи Цин – монгол, калмык или маньчжур. Хотя в Бухарском эмирате имелась группа служилых людей монгольского происхождения – калмок, – они ассимилировались с местным населением и выделялись только антропологическими признаками³. Поэтому на картине изображён не подданный среднеазиатского государства второй половины XIX века. Почему художник дал картине наименование «сарбаз», изобразив цинского подданного? На этот вопрос мы ответить затрудняемся. Но можем предположить, откуда взялся сам образ цинского лучника.

В 1869 г. В.В. Верещагин участвовал в набеге российского отряда на территорию Синьцзяна, охваченного восстанием местных народов. Небольшие силы казаков и солдат сопровождали несколько вооружённых луками китайцев⁴ и некий «калмыцкий полковник», описание которого даёт художник: «колчан, набитый стрелами, за спиною; в руках – готовый

¹ *Сухрева О.А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1982. С. 94.

² *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. М., 1991. С. 194.

³ *Абашин С.Н.* Национализм в Средней Азии: В поисках идентичности. СПб, 2007. С. 45–52.

⁴ *Верещагин В.В.* На войне в Азии и Европе. М., 1898. С. 93.

к смертоносному действию лук...»¹. Возможно, именно эти цинские военные с их «традиционными луками» послужили прообразом при создании картины, призванной продемонстрировать восточную экзотику во времена, когда и для Средней Азии саадак сам стал экзотикой.

Таким образом, предпринятое нами рассмотрение данной картины как исторического источника показало её противоречивость: изображение соответствует историческим реалиям того времени, но другого региона, а не Средней Азии, как предполагает название. Это показывает, что к картинам В.В. Верещагина нужно относиться весьма критично, всегда сверяя с источниками иного вида и происхождения.

¹ *Верещагин В.В.* На войне в Азии и Европе. М., 1898. С. 101.

П.А. Афанасьев

**Злоупотребления в горнозаводской деятельности
на Алтае в 1880-е гг.¹**

К началу 80-х годов XIX в. Алтайский горный округ, находившийся в ведомстве Кабинета Его Императорского Величества, оказался в глубоком кризисе. Главным его проявлением стал упадок горнозаводской промышленности и ее центральной отрасли – выплавки серебра. Кризис сопровождался масштабными злоупотреблениями и коррупцией в среде горных инженеров. Долгое время негативные стороны их деятельности оставались неизвестными широкому кругу общественности. Лишь с 1881 г. после смелого и отчаянного обнародования в центральной прессе схем хищений в отрасли горным инженером Ф.К. Ионшером сибирская пресса запестрела критикой и масштабными разоблачениями алтайского «горного мира» и его порядков. Проведение в 1882 г. всесторонней ревизии Алтайского горного округа, рассматривавшейся современниками как центральное антикризисное мероприятие, отчасти способствовало успокоению общества, вселив надежды на возможность дальнейшего поступательного развития кабинетского региона Западной Сибири. Административная реформа, приезд в округ группы уральских горных инженеров, становление новых отраслей хозяйства вытеснили из поля зрения коррупционную составляющую кризиса горнозаводской промышленности Алтая. Поэтому создается впечатление, что после проведения ревизии 1882 г. и последующей кадрово-административной реформы в годы руководства Алтайским округом Н.И. Журина (1893–1891 гг.) злоупотребления в горнозаводской деятельности уже не имели прежнего масштаба.

Немногочисленные исследовательские работы, анализировавшие систему алтайских злоупотреблений и ее отдельные факты, во многом подтверждают это наблюдение. Как правило, большинство авторов характеризует неправомерные поступки в горнозаводской деятельности в период их наивысшего проявления в конце 50-х – начале 80-х годов XIX в., отмечая условия их развития (В.А. Должиков), расценивая их как рядовое системное явление местной жизни (Т.Н. Соболева, М.А. Осипова, В.В. Ведерников), или рассматривая механизмы противодействия и борьбы с ними (П.А. Афанасьев)². В отношении периода 1880-х годов, сле-

Афанасьев Павел Алексеевич, к.и.н., доцент Алтайской государственной педагогической академии. Эл. почта: pavel_afanasev@mail.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Алтайского края, проект № 13-11-22007а(р)

² См., например: *Должиков В.А.* Институциональные истоки коррупции в «кабинетском» хозяйстве Алтайского горного округа (1830-е – начало 1860-х гг.) // *Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв.* Вып. 4. Томск, 2012. С. 41–46; *Должиков В.А.* Коррупция в Алтайском горном округе 50–60-х гг. XIX в.: системные истоки // *Актуальные вопросы истории Сибири.* Барнаул,

дующего после ревизии округа, исследователи практически единодушно подчеркивают кристальную честность нового начальника заводов Н.И. Журина, связывая, видимо, с этим невозможность продолжения масштабных злоупотреблений. Поэтому в исследовательской литературе об Алтайском горном округе в «журинский» период практически не содержится характеристик и фактов злоупотреблений в кабинетском округе, а наоборот, подчеркивается наибольшее количество «примеров достойного поведения»¹. Только в монографии В.В. Ведерникова можно обнаружить факты наиболее ярких рецидивов прежних отношений, рассматриваемых автором как межличностное проявление конфликтного управления двух «партий» горной элиты вне их связи с коррупционной составляющей предшествовавшего времени². Поэтому перед исследователями в первую очередь встает необходимость выявления совокупности фактов, характеризующих злоупотребления в горнозаводской деятельности на Алтае в период ее относительной стабилизации под руководством Н.И. Журина. Вместе с тем, рассматривая алтайские злоупотребления этого периода, в данной публикации предпринимается попытка выделить их специфику в контексте предпринятых в начале 1880-х годов антикризисных мер.

Деятельность ревизионной комиссии летом 1882 г. прямо или косвенно затронула наиболее одиозных личностей, «засветившихся» в крупных злоупотреблениях. Началось судебное дело над бывшим управляющим Салаирским краем М. Быковым, был разоблачен в фиктивной деятельности лесничий округа Аносов. Однако «чистка» алтайской администрации носила щадящий характер, состоявший в том, что «намеренно или ненамеренно, остались не у дел только лица, выслужившие полные пенсии, прочие же все переменены с прежних мест на другие»³. Одним из способов устранения причин противоправных деяний стало повышение жалованья всем служащим округа, введенное в новых штатах в 1883 году. При этом можно согласиться с мнением, что увеличение окладов содер-

2013. С. 96–97; *Соболева Т.Н.* Осипова М.А. Алтайская бюрократия 60-х – начала 80-х гг. XIX в. (Негативные штрихи к портрету кабинетской горнозаводской администрации) // *Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в.* Барнаул, 2003. С. 109–137; *Ведерников В.В.* Горные инженеры на Алтае в 1747–1896 гг. Барнаул, 2005. С. 125–130, 133; *Афанасьев П.А.* Сибирская газетная периодика начала 1880-х годов как орудие общественного контроля (на примере освещения проблем Алтайского горного округа) // *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных.* Новосибирск, 2011. С. 131–137; *Афанасьев П.А.* Особенности огласки алтайских злоупотреблений в начале 1880-х годов (по материалам дела Ф.К. Ионшера) // *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных.* Новосибирск, 2012. С. 111–117.

¹ См., напр.: *Соболева Т.Н., Осипова М.А.* Алтайская бюрократия... С. 131.

² *Ведерников В.В.* Горные инженеры... С. 144–146.

³ *Восточное обозрение.* 1883. 22 сентября. С. 8.

жания «не удовлетворило запросы и ожидания местной бюрократии, а, следовательно, окончательно не ликвидировало одну из причин злоупотреблений»¹. В совокупности с сохранением на службе многих прежних горных инженеров и чиновников, с учетом корпоративного характера алтайской бюрократии и невозможностью ее масштабной ротации в короткий срок, в деятельности нового начальника Алтайских горных заводов Н.И. Журина борьба против сохранения и возможного роста злоупотреблений с очевидностью обозначилась в первых распоряжениях.

Уже составление сменных списков при вступлении Н.И. Журина в должность ярко продемонстрировало, что большинство злоупотреблений связано с отчетной документацией, не отражавшей реальное положение дел. Так, в сменном списке по Гурьевскому заводу было отмечено 142 короба «излишне показанного» древесного угля. Последовавшее разбирательство показало, что возникшее расхождение стало результатом подлога в приемке древесного угля заводским урядником Ф. Оксеновым, уплатившим за фиктивно поставленный уголь подрядчику С. Анофриеву 326 рублей. Объем подлога составил 16,0 % от общего количества запасов угля на заводе (по стоимости – 11,0 %), а виновные подверглись судебному преследованию². И хотя в стоимостном выражении выявленное нарушение составило всего лишь 0,6 % от общей стоимости всего имущества Гурьевского завода, примеров подобных явных или ненамеренных несоответствий было немало. После окончательной приемки всего имущества округа Н.И. Журиным в июле 1883 г. сообщил в Кабинет, что из более трехмиллионной стоимости заводского имущества капитала, «в натуре не существующем», выявлено 240 тыс. руб., составивших 7 % от стоимости всех заводских капиталов³. Недостача была сформирована не только случаями, подобными приведенному примеру, но и тянувшимися еще с 1870-х годов делами, связанными с переопробованием и перевеской руд⁴, косвенно свидетельствовавшими о существовавших махинациях.

Анализ отчетов и объяснения с управляющими заводов быстро убедили Н.И. Журина в необходимости дополнения правительственных антикоррупционных мер внутривзаводскими предписаниями. Как горный инженер, начальник Алтайских заводов ясно представлял схему злоупотреблений, вскрытую для общества Ф. Ионшером и основанную на различии сметных предположений и реальных показателей добычи руды и плавки металлов. Поэтому, пытаясь максимально искоренить сложившуюся систему, Н.И. Журиным свои усилия направил на изменение соотношения сметной документации и руднично-заводских отчетов, посвятив этому в сентябре 1883 г. отдельное предписание. Отмечая, что «в округе существует странный, если не сказать более, взгляд на отчетность»,

¹ *Соболева Т.Н., Осипова М.А.* Алтайская бюрократия... С. 132.

² ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1496. Л. 36–36 об.

³ Там же. Л. 50–50 об.

⁴ Там же. Л. 37 об.

начальник Алтайских заводов констатировал, что отчеты по всем производственным операциям не отражают действительности: «Отчетность непременно показывает то, что назначено по смете, ни больше, ни меньше»¹. Резко критикуя укоренившуюся ситуацию, Н.И. Журин, однако, не стал выяснять цели, «скрывающие истинное положение дел». Тем не менее, предписание явно намекало не только на неэффективность и производственные издержки, отмеченные начальником, но и на имевшиеся злоупотребления. Об их возможности Н.И. Журин обтекаемо отметил, что сметные расходы рассматриваются как «личная и неотъемлемая собственность» управляющих заводами и рудниками. Поэтому начальник призвал «устранить навсегда эту официальную ложь», заявив, что скрывание в отчетах реальных показателей повлечет преследование виновных «как за обман». Хотя провозглашенный курс объявлялся для снижения затрат и издержек, для всех должна быть очевидна его антикоррупционная составляющая, выраженная в убежденности Н.И. Журина, что только предложенным способом «можно стремиться... к искоренению посягательств на собственность Кабинета»².

На протяжении всего периода руководства Н.И. Журина Алтайскими горными заводами деятельность Главного управления округа по контролю и совершенствованию смет и отчетности была одним из приоритетных направлений. В первую очередь, это объяснялось желанием сократить издержки производства и облегчить сложную и запутанную систему отчетов. Уже в 1883 г. на период вступления Н.И. Журина в должность была временно отменена часть промежуточных отчетов, действовавших с 1856 г., в 1885 г. проводилось усовершенствование системы отчетности. Менялись принципы составления заводских смет, которые должны были исходить из реального состояния и возможностей предприятий³. Изменения коснулись всей вертикали отчетности, затронув нововведениями даже учет производственных операций.

Однако реализацию намеченного курса нельзя назвать гладкой и успешной. Наиболее отчетливо это демонстрировало состояние текущей учетной документации на уровне отдельных предприятий. Главное управление округа далеко не всегда было в курсе возникавших затруднений и даже неисполнения предписаний на местах. Показательный случай произошел в 1889 г., когда окружное управление затребовало из Змеевского завода шнуровую книгу ежедневных плавок серебра для выяснения причин неудовлетворительного хода разделительной операции. К удивлению Главного управления завод представил измененные формы учета, которые к тому же представляли собой не шнуровые книги, а «простые тетради без скреп и утверждения»⁴. Последовавшее разбирательство выявило, что новая отчетность по заводским операциям,

¹ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 247. Л. 9.

² Там же. Л. 9 об. – 10.

³ Там же. Л. 1, 3–3 об.

⁴ Там же. Д. 88. Л. 4.

установленная в 1883 г., на Змеевском заводе так и не была введена. Управляющий заводом Д. Богданов оправдывался перед Н.И. Журиным тем, что «ни в чем не изменил порядок хозяйства» своего предшественника Бересневича, считая его соответствующим утвержденным правилам. Рекомендованные формы учета Д. Богданов обнаружил «только случайно роясь в архиве», так и не сумев найти в делах причину их неиспользования. Только при помощи уставщика удалось установить, что «в 1886 году управляющий Бересневич вводил эти формы, но только не более как на один месяц, а затем отменил, приказав вести отчетность по плавному операциям по ныне существующим тетрадам». В ходе разбирательства аналогичная ситуация обнаружилась в Локтевском заводе ¹.

В.В. Ведерников в описанной ситуации увидел один из примеров противостояния «старой» и «новой» (журинской) «партий» горных инженеров ². Но этот случай больше свидетельствует, что управляющие заводов сознательно не спешили вводить отчетность, ограничивавшую им возможность маневрирования в свою пользу и подтасовки результатов производства. Указание на сложность новых форм было, скорее всего, лишь уловкой, поскольку делопроизводство не зафиксировало обращений заводоуправлений за разъяснениями возникших трудностей.

Не лучшим образом состоял учет на рудниках, также оставляя простор для махинаций их управляющих. Один из первых крупных случаев был выявлен в 1885 г., когда при смене управляющего Салаирским краем Ф.П. Брусницына в сменном списке было приписано 106 869 пудов серебряной руды, так и не обнаруженной дальнейшими проверками ³. В 1887 г. уставщик Сугатовского медного рудника И. Ярославцев донес на управляющего рудником К.Д. Маляревского в неучете сверхсметно добытых 140 000 пудов руды, также в дальнейшем не обнаруженной ⁴. Массовые нарушения отчетности были выявлены в 1891 г. в Зырянском руднике. Не вдаваясь в детальный анализ приведенных примеров, заслуживающих самостоятельного рассмотрения, отметим их двойственность. С одной стороны, все они демонстрировали, что Н.И. Журина, несмотря на его старания, не удалось до конца навести порядок в отчетной документации. С другой стороны, именно пристальное внимание начальника заводов к этой стороне деятельности позволило чаще, чем в прежний период, выявлять злоупотребления горной администрации и отчасти препятствовать им.

Характер и формы злоупотреблений в горнозаводской деятельности в период руководства Н.И. Журина не претерпели существенных изменений. По-прежнему наиболее выгодными являлись махинации с приписками, основанные на разнице реальных показателей добычи и сметных предположений. Классический образец был представлен в действиях управ-

¹ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 7, 9–10, 12 об.

² Ведерников В.В. Горные инженеры... С. 146.

³ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1535. Л. 10.

⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 22. Д. 1400. Л. 2–2 об.

ляющего Салаирским краем Ф.П. Брусницына. Приписав 106 000 пудов руды, он присвоил себе деньги, выделенные на ее добычу. При отставке с должности управляющий не смог отчитаться в этой сумме, вследствие чего злоупотребление было вскрыто. Длительное расследование подтвердило, что «излишков в полном смысле слова в натуре не было, следовательно, деньги, в которых г. Брусницын не может отчитаться, не на добычу серебряных руд им истрачены»¹. Противоположный случай представляет упомянутое выше дело К.Д. Маляревского. По заявлению уставщика Ярославцева, управляющий медными рудниками в 1884–1886 гг. из-за превышения сметной плотности руды и флюсов добыл сверх сметы до 140 000 пудов, не записав их на приход и не сообщив о них. Позже К.Д. Маляревский решил воспользоваться этим излишком для личного обогащения «путем показания их новой добычей с выводом всех расходов». Однако в ходе расследования было установлено, что К.Д. Маляревский доносил Алтайскому горному совету об избытке руды, поэтому его действия были квалифицированы Кабинетом как служебный подлог без противозаконности намерений. К тому же, проверка наличности руд установила приблизительный излишек только в 21000 пудов, которые были записаны в приход².

Также продолжали существовать мелкие злоупотребления, основанные на неполном соблюдении норм и требований организации производства. Они касались неправильного расходования рабочих материалов (свечи, порох), обвеса подвод с рудой, потребления казенного фуража для содержания собственных лошадей, использования казенного железа для его частной переработки в части сельхозорудий и дальнейшей продажи и т.п. На золотых приисках в 1884 г. была выявлена приемка намытого золота без взвешивания и опечатывания, что породило сомнения в том, «все ли количество намываемого золота поступает по назначению»³. Распространенным явлением, очевидно, были махинации с использованием лошадей. В 1883 г. был выявлен случай закупки рабочих лошадей старше полагавшегося возраста и вследствие этого быстро выработавших свой ресурс⁴. Другой вариант был связан с предоставлением горными чинами для производственных нужд собственных лошадей с отнесением всех расходов на счет казны. Некоторые из злоупотреблений, однако, не подтверждались из-за противоречивости показаний или очевидного их мстительного характера. Примером последнего может выступать указание на обмер рабочих при приемке у них объемов рудных выработок, в чем был обвинен уставщик П. Ярославцев. Расследовавший дело чиновник указал, что сами рабочие стараются не допускать подобных случаев, а само обвинение типично для ситуации отставки уставщи-

¹ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 47. Л. 178–181.

² РГИА. Ф. 468. Оп. 22. Д. 1400. Л. 2–2 об., 3 об., 29 об. – 30.

³ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 247. Л. 20–21.

ков, с которыми управляющие пытались свести свои счета¹. В целом, возможностей для злоупотреблений было множество, но большинство так или иначе было основано на желании горнозаводских чиновников любого уровня воспользоваться разницей в сметах и отчетности. Для управляющих это, как правило, заканчивалось обвинением с формулировкой «виновный в слабом надзоре за подчиненными и нерадении по службе»².

В годы руководства Алтайскими заводами Н.И. Журина преследование злоупотреблений получило свои особенности. В рассмотренных примерах инициатором расследования и дальнейшего преследования нарушителя, как правило, выступало Главное управление округа во главе с Н.И. Журиным. По сравнению с прежним периодом, когда Горное правление всячески тормозило любые расследования, отмеченная особенность уже являлась несомненным прорывом. Некоторые расследования проводились чиновником особых поручений округа Сергеевым. В частности, именно он осуществил тщательное изучение запутанного взаимного обвинения К.Д. Маляревского и П. Ярославцева. Но даже в таких расследованиях нередкими были рецидивы предшествующего отношения к делу. Так, выяснение излишков руды по вышеприведенным примерам ничем не закончилось, поскольку, как и в 1870-е годы, выполнявшие это поручение инженеры указывали на неправильную форму рудных куч, невозможность их перевеса, постоянное пополнение руд и их отпуск, различный учет (грудами и количеством), ограничиваясь глазомерной проверкой³. Тем не менее, выявленные обстоятельства доводились до сведения Кабинета, принимавшего решение о наличии состава преступления и начале судебного преследования.

По документам практически не прослеживается роль Барнаульского отделения контроля в выявлении или помощи в расследовании выявленных нарушений. Создается впечатление, что Н.И. Журиным сознательно не допускался независимую от него структуру к горнозаводским делам. Возможно, он опасался критики его деятельности, но, скорее всего, начальник заводов стремился к единоличной ответственности за состояние округа перед Кабинетом. Игнорирование Контроля в деле К.Д. Маляревского заведующий его барнаульским отделением Высоцкий назвал «странным», даже не пытаясь объяснить причины недоверия к своему учреждению⁴. В итоге, Высоцкий телеграммой был вынужден просить Контроль Министерства двора не рассматривать дело до получения его доклада, поданного по собственной инициативе⁵.

Таким образом, горнозаводские злоупотребления на Алтае в эпоху руководства Н.И. Журина продолжили существование, практически не изменившись ни по форме, ни по содержанию. Можно лишь отметить,

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 22. Д. 1400. Л. 12 об., 16 об. – 17.

² Там же. Л. 3, 20; Д. 1471. Л. 180.

³ Там же. Д. 1400. Л. 39.

⁴ Там же. Л. 40.

⁵ Там же. Л. 23.

что нарушения стали активнее преследоваться горнозаводской администрацией, вследствие чего наказание было неизбежным. Однако одержать существенную победу над коррупционной составляющей горнозаводского дела Н.И. Журину вряд ли удалось. Представляется, что это напрямую вытекало из особенностей ревизии Алтайских заводов в 1882 г., члены которой отказались от преследования имевшихся злоупотреблений или выявления новых¹. Поэтому Алтай с его махровой коррупцией в силу принадлежности императору оказался в итоге в более мягком положении по сравнению с Туркестаном или военным ведомством, где ревизии закончились громкими судебными процессами. Отсутствие показательных процессов на Алтае успокоило многих горнозаводских служащих. Возможно, что в перспективе это стало одной из основных причин недостаточной успешности Н.И. Журина в борьбе со злоупотреблениями. Начатые по его инициативе судебные преследования затягивались. Внезапная смерть Н.И. Журина в конце 1891 г. прервала активную борьбу со злоупотреблениями. Судебные дела закончились списанием начетов (Ф. Брусницын)² или амнистией (К. Маляревский)³. Это произошло уже в середине 1890-х годов после закрытия Алтайских заводов, в силу чего преследование прошлых злоупотреблений для Кабинета становилось, очевидно, не актуальным ввиду ликвидации широкой основы для их дальнейшего существования и развития.

¹ См.: *Афанасьев П.А.* Ревизия Алтайского горного округа 1882 г. в освещении газеты «Восточное обозрение» // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск, 2010. С. 77–79.

² ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 47. Л. 241.

³ РГИА. Ф. 468. Оп. 22. Д. 1400. Л. 54–55.

А.А. Кружалина

Формирование этнического образа сибиряка на страницах региональной газетной прессы второй половины XIX в.¹

На протяжении многовековой истории заселения Сибири формировалось полиэтничное региональное сообщество, которое к середине XIX в. представляло собой не только общность людей, объединённых по географическому принципу проживания, но конгломерат из коренных народностей и «пришлых» представителей различных этнических групп, по несколько поколений, проживших в регионе и ставших неотъемлемой частью сибирской этнической идентичности. В данном исследовании предпринимается попытка проследить формирование образа сибиряка на страницах периодических изданий второй половины XIX в. с целью выявить в публикациях доминантные черты тех или иных этнических групп, повлиявшие на формирование сибирской идентичности, с одной стороны, а также оценить степень актуальности проблемы формирования «сибирской идентичности» для региональных авторов исследуемого периода, с другой.

Заявленная проблема напрямую не являлась объектом каких-либо исследований, однако такие учёные, как Л.М. Дамешек², В.Н. Кудряшев³, Е.А. Сенина⁴, Н.Н. Родигина⁵, М.В. Шиловский⁶ и др. в своих работах касались смежных вопросов. В данных публикациях характеризуется формирование концепции «областничества», роль и место периодической печати в формировании образа Сибири, а также раскрывается специфика этноконфессиональной палитры в регионе, обусловившая особенности формирования региональной идентичности, в связи с чем указанные исследования легли в основу историографической базы. Вместе с тем новизна данного исследования заключается в том, что сибирская идентичность рассматривается не только с географической точки зрения, но и с этнической.

Кружалина Анастасия Алексеевна, к.и.н., специалист по учебно-методической работе. Эл. почта: kliokru@gmail.com

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВПО «ИГУ»: Грант Ректора ИГУ «Молодым сотрудникам и аспирантам» №111-13-213

² Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – нач. XX). Иркутск, 1986.

³ Кудряшев В.Н. Национальные окраины Российской империи в русской общественно-политической мысли второй половины XIX в. LAP Lambert Academic Publishing, 2013.

⁴ Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Сенина Е.А. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.). Иркутск, 2007.

⁵ Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири русской журнальной прессе второй половины XIX – начале XX века: монография. Новосибирск, 2006.

⁶ Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой половине XX в. Новосибирск, 2008.

К исследованию были привлечены официальные периодические издания (в основном «Губернские ведомости»¹) и частные газеты² – всего двадцать пять изданий в географических границах от Тобольска до Владивостока. Наиболее информативными для нас стали газеты: «Восточное обозрение», «Сибирский листок», «Сибирь», пик активности которых приходится на 80-е – 90-е годы XIX века. Нами были просмотрены подшивки этих изданий за годы, хронологически совпадающие с исследуемым периодом. Сплошной просмотр и анализ годовых комплектов обозначенных изданий позволяет определить место национального вопроса в программе периодических изданий региона, степень его теоретической и практической разработки. Отметим, что максимальной информативностью по интересующим нас проблемам отличались частные общественно-политические газеты, которые, очевидно, дистанцировались от официальных изданий в виду того, что на последних «неизгладимо лежала печать «казённой важности» и «строжайшей умеренности»³.

К середине XIX в. население Сибири включало в свой состав не только разновеликие этнические группы, входящие в общую категорию коренных народов региона, но и значительное количество русского, еврейского, польского, украинского и других элементов. Постепенное проникновение последних в регион было обусловлено не только масштабами колонизации Сибири, но и тем, что регион фактически с момента его присоединения к Русскому государству стал местом ссылки неугодных правительству «уголовных» и так называемых «политических». Масштабы полиэтничного уголовного элемента вызвали обоснованное недовольство у формирующейся провинциальной интеллигенции. Последних волновал вопрос: «Доколе же Сибири служить клоакой для всевозможных нечистот, скопляющихся среди стомиллионного народа? И что это будет впоследствии за население, составленное из отбросов русских, татар, башкир, киргизов, черкесов, финнов, поляков, евреев, и так до бесконечно-

¹ «Иркутские губернские ведомости» (1857–1899), «Иркутские епархиальные ведомости» (1863–1899), «Енисейские губернские ведомости» (1857–1899), «Забайкальские областные ведомости» (1865–1899), «Томские губернские ведомости» (1857–1899), «Томские епархиальные ведомости» (1880–1899), «Акмолинские областные ведомости» (1871–1899), «Якутские областные ведомости» (1892–1899), «Приамурские ведомости» (1894–1899).

² «Амур» (1860–1862), «Сибирский вестник» (1864–1868), «Восточное Поморье» (1865–1866), «Сибирь» (1875–1887), «Сибирская газета» (1881–1888), «Восточное обозрение» (1882–1900), «Владивосток» (1883–1899), «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» (1885–1900), «Енисей» (1889–1900), «Сибирский листок» (1890–1899), «Дальний восток» (1892–1899), «Степной край» (1893–1899), «Сибирская жизнь» (1894–1899), «Амурская газета» (1897–1899), «Жизнь на восточной окраине» (1895–1897), «Восточный вестник» (1898–1899).

³ Иркутская пресса // Сибирский вестник. 1865. № 29. С. 1.

сти?»¹. Сибирь к середине XIX в. действительно представляла собой азиатскую окраину, «где сосредотачиваются самые разнообразные народности, сливающиеся в общем течении гражданской жизни и стремлении к цивилизации»².

К концу XIX в. сформировалась довольно пёстрая религиозная палитра Сибири, что подтверждается данными переписи населения³. Примечательно, что по пестроте этноконфессионального состава населения не все губернии и области Сибири были равнозначны. Так, максимальное число различных категорий населения было зафиксировано в Тобольской и Енисейской губерниях (по 16 категориям⁴), те же группы населения, за исключением баптистов, встречались в Томской и Иркутской губерниях. Минимальное количество этноконфессиональных групп представлено в Забайкальской и Якутской областях (13 и 12 соответственно). Отметим также, что в ряде губерний и областей наблюдалось преимущественное (в сравнении с наличием представителей данной группы в других губерниях) присутствие таких категорий населения, как армяно-григориане (176 чел. в Иркутской губернии), реформаты (166 чел. в Томской губернии), караимы (48 чел. в Томской губернии), менониты (17 чел. в Томской губернии), англикане (10 чел. в Енисейской губернии).

В связи с вышесказанным, считаем уместным отметить ряд особенностей. Во-первых, к началу XX в. многие представители коренных народов Сибири, так же, как и определённое количество евреев-иудеев, приняли православие, и официально фиксировались по последней категории вероисповедания. Во-вторых, следует также отметить трудность подсчёта среди кочевых народов Сибири, добраться до мест пребывания которых было весьма трудно. Вместе с тем, имеющихся данных достаточно, чтобы утверждать, что приоритет, отданный нами в ходе исследования изданиям именно Енисейской, Томской и Иркутской губерний, основывается на преимущественной пестроте этнонационального состава населения последних. Как следствие, общественность обозначенных губерний имела максимальную степень контактов с представителями других этнических и конфессиональных групп в сравнении с жителями остальных сибирских губерний. Именно последнее способствовало актуализации национально-

¹ *Сибирские вопросы* // Сибирь. 1885. № 3. С. 3.

² *Пробуждающаяся жизнь на окраинах* // Восточное обозрение. 1887. № 5. С. 1.

³ *Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.* Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 1. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 года. СПб, 1905. Распределение населения по вероисповеданию.

⁴ Православные и единоверцы, старообрядцы и уклоняющиеся от православия, армяно-григориане, армяно-католики, римско-католики, лютеране, реформаты, баптисты, менониты, англикане, лица остальных христианских исповеданий, караимы, иудеи, магометане, буддисты и ламаиты, лица остальных нехристианских вероисповеданий.

го вопроса для сибирской общественности Енисейской, Томской и Иркутской губерний исследуемого периода.

Отмеченные суждения подтверждаются и частными случаями, которые охарактеризованы, в том числе и в периодической печати. Так, ещё к середине XIX в., когда русские всё активнее начали осваивать более отдаленные сибирские территории, инородческое население края по-прежнему составляло весомую долю. «Из числа инородческого населения [всей Иркутской губернии] самую большую группу составляют кочевые инородцы, которых более 70 т. душ (27 %), гораздо меньшую группу составляют оседлые – всего 10,5 т. душ (4 %), прочие инородческие группы не составляют одного процента населения»¹.

Пёстрый этноконфессиональный состав населения региона в комплексе с обсуждаемой идеей сибирского сепаратизма способствовал актуализации проблемы идентичности сибирского общества, в том числе и на страницах периодической печати. Всё чаще региональной общественностью стала обсуждаться «идея о своей самобытности»², о «сплочении Сибири воедино»³. Все без исключения периодические издания региона признавали характерную особенность края, состоящую в «весьма разнообразном составе его населения, где рядом живут люди всех состояний, весьма различные по культуре, вероисповеданиям, расовым отличиям, нравам и прочему»⁴. Издания со своих страниц призывали учитывать обозначенную специфику не только при общем взгляде на регион, но и, что более важно, при формировании экономической, социально-культурной и «национальной» политики.

Всё чаще на страницах сибирских газет появляется термин «сибиряки» (по несколько раз в номере; и даже по несколько раз на одной странице). Однако какое содержание вкладывали в него авторы? На начальном этапе термин имел сугубо географическое обоснование и в изданиях второй половины XIX в. также продолжал использоваться в данном значении. Однако именно в исследуемый период, во многом стараниями корреспондентов сибирских газет (преимущественно идеологов и сторонников идеи областничества), содержание термина «сибиряки» дополняется отчётливыми этноконфессиональными признаками. Так, например, по свидетельству корреспондента столичной газеты «Сибирь» Владимира Студницкого: «несмотря на присутствие «варначьей крови», сибиряки представляют сильную и здоровую расу»⁵. Более того, мысль о том, что «сибиряк многим отличается от жителей Европейской России и

¹ Астырев Н. Черты быта населения Иркутской губернии // Сибирский листок. Тобольск, 1891. № 41. С. 1–2.

² Потанин Г.Н. А.Д. Шайтанову. 29 декабря 1864, г. Томск // Потанин Г.Н. Письма: в 4-х тт. Иркутск, 1977. Т. 1. С. 38.

³ Потанин Г.Н. Ф.Н. Усову. 8 апреля 1865, г. Томск // Потанин Г.Н. Письма: в 4-х тт. Иркутск 1977. Т. 1. С. 42.

⁴ Газетная печать Сибири // Байкал. 1898. № 46. С. 3.

⁵ Преступность в Сибири // Сибирь. Санкт-Петербург, 1897. № 24. С. 3.

что он на всём громадном пространстве Сибири приобрёл свою специальную физиономию»¹, стала восприниматься корреспондентами сибирских изданий как очевидный факт.

Упомянутый термин «сибиряки» в этноконфессиональном контексте, корреспонденты, тем не менее, не стремились дистанцироваться от этнической палитры всей Российской империи. Более того, наиболее смелые из них даже подчёркивали следующее: «Мы, сибиряки, гораздо более русские люди, чем ваши москвичи ... Вот уже 300 лет живём мы бок о бок с китайцами, 300 лет и по настоящее время занята Сибирь борьбой с инородческим элементом, 300 лет все мы... стоим перед задачей ассимиляции аборигенов Сибири и каждый день и каждый час мы являемся свидетелями и участниками борьбы русской национальности с чуждыми ей элементами». Последнее позволило автору заключить, что всем носителям «русских начал» следовало бы «поучиться у сибиряка: там вы узнаете и культурную и национальную силу русского человека»².

Вместе с тем не отрицали авторы статей и региональной специфики, которая накладывала особые отпечатки на всех жителей азиатской окраины и позволяла выявить особый сибирский колорит, включающий в себя экономические, культурные и этноконфессиональные особенности: «все частные областные особенности через одно поколение стираются и пришлые элементы претворяются и преобразуются в новую этнографическую форму и вид сообразно местным условиям»³.

Формирование региональной идентичности сибирского общества, основанием которому изначально послужила специфика административно-территориального устройства, а также колонизационные процессы в регионе, имело в своей основе поливариантность моделей и форм. Соглашаясь с мнением известного сибирского историка и общественного деятеля А.П. Щапова, «Восточное обозрение» отмечает, что «русская история, в самой основе, есть, по преимуществу, история различных областных масс народа (история постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации). Только в русской истории вы встретите своеобразное, территориальное и этнографическое самообразование областей путём колонизации»⁴. Интересно, что исходя из данной концепции, «сибиряки» рассматриваются как специфическая этнографическая категория, что подтверждается цитатой Щапова: «Нет в Европе народа, который бы отличался таким провинциальным этнографическим разнообразием, как народы, обитающие в разных русских областях.

¹ *Брониславский В.* Существует ли сибирская народность // Сибирь. Санкт-Петербург, 1897. № 29. С. 3.

² *Сибирский читатель* – г. Каткову // Сибирь. 1885. № 13. С. 4.

³ *Осибирячивание переселенцев* // Восточное обозрение. 1884. № 31. С. 12.

⁴ *Народно-областное начало в русской истории* // Восточное обозрение. 1884. № 10. С. 1.

Много ли общего, например, между малороссийским, белорусским и сибирским народонаселением?»¹. В связи с этим российская история видится автору как «история великорусских областных общин», каждая из которых обладает набором специфических этнографических, социально-культурных и других черт, которые позволяют, в частности, выделить самостоятельную этнографическую группу – «сибиряки».

В контексте обсуждения обозначенной концепции сибирские корреспонденты вполне обоснованно ставили вопрос о соотношении или разграничении таких категорий как «национализм» и «провинциализм». Сибирь являлась огромной азиатской «окраиной» Российской империи с пёстрым этноконфессиональным составом. Последнее обуславливало специфику межнациональных отношений в регионе, особенности формирования особой не только географической, но и этноконфессиональной идентичности: «национальность есть только больший оттенок, а провинциализм только меньший; но оба они суть дети одной и той же семьи, и одно без другого немислимы, или же мыслимы лишь при неполноте развития, при непоследовательности его ... Русская национальность, дробясь и подразделяясь на провинциализмы, образует собой новый целый микрокосмос»². Сибирь является наиболее масштабной составной частью этого наднационального конгломерата российских провинций. За более чем трёхсотлетнюю историю содержание понятия «сибиряки» не просто оформилось, но и упрочилось как в сознании сибирской, так и общероссийской общественности. Встаёт очевидный вопрос: кто же он – сибиряк? Какие специфические, не только культурные, наднациональные, но и этнографические характеристики отличают представителей сибирской идентичности?

Этот сложный, многогранный и, безусловно, дискуссионный вопрос был поставлен на повестку дня именно корреспондентами сибирских периодических изданий второй половины XIX века. Интересная и одновременно сложная этноконфессиональная картина, сложившаяся в регионе в исследуемый период, привлекала внимание провинциальных интеллектуалов. Так, сибирская периодика 70-х годов, по мнению их последователей конца XIX в., «удовлетворялась и успокаивалась тем, что сибиряк (не инородец) – тот же великоросс, и не замечала и не хотела по достоинству оценить того многозначительного факта, что не этот человек – великоросс подчинял себе сибирскую природу, а сибирская природа подчиняла его себе, регулируя и его время, и его хозяйственные приёмы, и всю его жизнь, кладя отпечаток даже на всю его духовную, физическую и нравственную физиономию»³.

Для региональной общественности всей третьей четверти XIX в. вообще было актуально причислять к «сибирякам» попросту всех «родившихся в Сибири» в противовес остальной массе «русских» («рассей-

¹ *Народно-областное начало в русской истории* // Восточное обозрение. С. 2.

² *С. Провинциализмы* // Восточное обозрение. 1882. № 8. С. 3–4.

³ *Сибирские отголоски* // Сибирский листок. Тобольск, 1891. № 39. С. 2.

ских»), к которой принадлежали «приезжие из Европейской России, были это чиновники высшие и низшие, военные и гражданские»¹. Кроме того, современники свидетельствовали, что «отношения между партиями, туземной и «навозной» как её тогда называли в Сибири были и прежде – как покорённых и победителей, а с пробуждением общественного сознания, с восшествием на престол Александра II, стали делаться ещё более натянутыми – тем более, что к этому времени и между туземцами появилось много людей с университетским образованием»².

Для сибирской общественности следующего десятилетия (80-е годы XIX в.) стал более актуален поиск единообразных, общесибирских качеств, личностных черт, антропологических характеристик, форм хозяйственно-экономической деятельности и многого другого, что в комплексе позволило бы составить этнографический портрет «сибиряка».

Общественность отмечала, что «русский (российский) мужик в Сибири с течением времени становился чем-то иным, особенным, становился "сибиряком"», особым этнографическим типом с особым языком, особым внешним *habitus*´ом, особым складом ума. «Живя в Сибири они, конечно, приняли особенности, свойственные всему её населению и объясняемые местными условиями, родом жизни и т.д. Конечно, это преимущественно отразилось на речи и на одежде. – П.А. Кропоткин отмечал, что, – Беспрестанно слышатся выражения или совершенно оригинальные или же имеющие вовсе не тот смысл, который придаётся им в Великой России. Из них можно бы составить целый местный очень интересный словарь»³.

Отмечался также тот факт, что «русский (российский) мужик – переселенец не только осибирячивался в указанном роде, но сплошь и рядом даже обьинородчивался, ... усваивая себе её [инородческий] говор, её хозяйственные приёмы, её бытовые черты, её мировоззрение»⁴. Так, меуарное наследие сохранило множество свидетельств «обьякучивания» русских переселенцев: жители Амги «успели утратить черты русской народности. Мужчины ещё говорили по-русски, хоть и с сильным якутским акцентом. Женщины говорили только по-якутски, и порой, понимая русский язык и даже умея немного говорить на нём, как будто стыдились говорить по-русски»⁵; в верховьях Лены «всё русское поддается инородческому влиянию – все уже обьякутились: занимаются больше скотоводством, нежели хлебопашеством, живут тесно и в разброс; избы всё более становятся похожими на юрты. Многие забывают родной язык и го-

¹ *Дыбовский Б.* Иркутск 1860–1880 годов (Публикация Б. С. Шостаковича) // Земля Иркутская. 2001. № 17. С. 46.

² *Белоголовый Н.А.* Три встречи с Герценом // Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. М., 1897. С. 621.

³ *Кропоткин П.А.* 4 января 1863 г., Чита. Письма из Восточной Сибири // Кропоткин П. А. Дневники разных лет. М., 1992. С. 288.

⁴ *Сибирские отголоски* // Сибирский листок. Тобольск, 1891. № 39. С. 2.

⁵ *Короленко В.Г.* Слобода Амга её обитатели // Короленко В.Г. История моего современника. Харьков, 1922. Т. 4. XVIII. С. 88.

ворят между собою в семье по-якутски. Старики ... говорят ещё по-русски но картаво, с каким-то иностранным акцентом; по-русски говорят они только с приезжими. Молодые вовсе не понимают по-русски... [во всём их поведении проявляются типичные инородческие черты] у них решительный, сосредоточенный вид, серьезное, спокойное выражение лица; покорность судьбе видна в чертах этих тружеников»¹. Примечательно, что не только через несколько поколений в образе и поведенческих реакциях переселенцев можно было угадать преимущественно «сибирские» черты; это ярко просматривалось уже через несколько лет пребывания «русских» переселенцев в инородческой среде. А.В. Алексеев в своих воспоминаниях свидетельствует: «На четвёртый год пребывания среди дикарей [некто] Копылов свьязал с обстановкой, сжился с якутами; на шестой год он чувствовал себя как дома, усвоил себе все привычки дикарей и стал равняться им в ловкости и выносливости... Крепкого от природы сложения и выносливый, Копылов не отставал от туземцев и добился того, что они не тяготились им, как другими выселенными к ним поселенцами, а стали считать его равным себе и ценить его»².

Именно в последнее двадцатилетие XIX в. сибирская общественность и печать, в том числе, начинают серьёзно задумываться над данной проблемой. Просматривается попытка проанализировать, какие специфические черты отдельных этнических групп (как коренных, так и пришлых) и в какой степени «отложились» в новом типе «сибиряка», который сформировался (и это корреспонденты не ставили под сомнение) методом смешения и перекрёстной ассимиляции нескольких поколений жителей региона. Если попытаться кратко аккумулировать видение данного вопроса корреспондентами сибирских газет, то получится следующее: В наследство от коренных народов региона сибиряки получили стойкость к температурным перепадам, морозоустойчивость, выносливость. Предпринимательская сметка и «добрая расчётливость» были привнесены сибирским еврейством. Активность и «жизненная сила» присущи сибирякам благодаря смешению с украинским и белорусским элементами.

Сибирские издания не только давали статические характеристики экономической, политической активности сибиряков, их социального и нравственного развития; но, что наиболее важно, корреспонденты пытались опровергнуть неправильные, сформировавшиеся у российской общественности клише, по которым последними интерпретировался этнографический тип сибиряка вообще. Так, сибирские издания настаивают на том, что следует понимать и правильно анализировать степень участия ссыльнопоселенческого (уголовного) элемента в формировании сибирской идентичности: «борьба за существование в Сибири не легка, а тут приходится приютить целые легионы изгнанников». В результате чего «оборванный, обездоленный, несчастный изгнанник внушал сострадание и чуть не симпатию, на голову же сибиряка обрушились

¹ Алексеев П.С. Вверх по Лене в почтовой лодке: путевые заметки // Вестник Европы. 1898. Кн. 6. С. 746.

² Там же. С. 764.

иные чувства душевно оскорблённого и возмущённого посетителя страны «чудес и курьёзов». В силу странной логики чувств, на сибиряка и пала ответственность за безобразные устои сибирской гражданской жизни»¹ и совершенно напрасно. Так как, по убеждению сибирских авторов, последний во многом воспринял негативные качества именно от переселенцев и ссыльных «уголовников». Его же самого отличают терпимость, свобода действий, хлебосольство и т.п.: «вольномыслие, терпимость, свобода действий, а следовательно осознание свободы личности и признание ея за всеми в равной мере, глубоко засели в душе сибиряка, несмотря на то, что она формировалась между молотом беспощадного чиновничьего произвола и наковальной поселенческого нравственного растления»². И именно эти традиции свободомыслия и поспособствовали актуализации исследуемого вопроса. И это не случайное мнение отдельных лиц, а формировавшаяся в сознании региональной общественности на протяжении всей второй половины XIX в. концепция. Ещё в середине века Н.Д. Фонвизина в письме к духовнику протоиерею С. Знаменскому, имея возможность сравнить, сообщала: «Сибиряки имеют свой характер, хотя и схожий с российским в основании, но и отличный несколько от русских или российских наших ... он ласков, добродушен, большой хлебосол, но не кладет ему пальца в рот – он без намерения, по одной привычке или природному свойству, откусит, и вы же будете виноваты, что положили слишком доверчиво, вы же потеряете в его мнении. Сибирское основное свойство: недоверчивость и осторожность, чтобы не дать в обман и, если можно, самому обмануть. Российских людей свойство: развязность, ласковость и тем большая хитрость; одним словом, сибиряк всячески старается не быть обманутым, что считается за стыд»³.

В своих характеристиках и сравнениях сибиряков с представителями общероссийского сообщества известный сибиряк, издатель газеты «Восточное обозрение», идеолог областничества Н.М. Ядринцев пошёл ещё дальше. Прежде всего, он выделял «два типа сибиряков: любвеобильные, добрые, открытые и эгоисты, сухие, расчётливые, ведущие свою линию, – по его мнению, вообще – Сибирь – страна контрастов, и здесь рядом со здоровыми энергичными колонистами живут уроды»⁴. Признавая этот факт, Ядринцев, однако, пояснял, что «натура сибиряка – совершенно иное. Её нельзя сравнивать с пылкой ... страстью других племён и народностей... Особая впечатлительность, особая нервная система, привычка сдерживать душевные настроения обуславливает и степень восприимчивости и увлечения. Это психология сибиряка».

¹ Брониславский В. Существует ли сибирская народность // Сибирь. Санкт-Петербург, 1897. № 68. С. 2–3.

² Там же. С. 2.

³ Фонвизина Н.Д. Письмо С. Знаменскому. 18 июля 1843 г. // Знаменский М., Н.А. Белоголовый. Исчезнувшие люди: Повести, статьи, воспоминания. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 210.

⁴ Ядринцев Н.М. В.И. Семидалову, Петербург, 22 декабря 1893 // Литературное наследие Сибири. Николай Михайлович Ядринцев. Письма. Новосибирск, 1970. С. 296.

ряка»¹. Примечательно также, что Н.М. Ядринцев именовал Сибирь «страной» не единожды, чем всячески подчёркивал обособленность, самодостаточность и специфичность региона в сравнении с остальной Российской империей. Так, например, в связи с принятием сибирских учёных в Географическое общество он иронично писал: «мы, сибиряки, начинаем завоёвывать места в ваших учёных обществах. Как у вас в России все живые вопросы умолкли, и покончены были живые вопросы для нас, и мы будим ваш уснувший персонал. У нас исследования, доклады, путешествия. Каждая страна переживает свою золотую пору оживления, ренессанса. У нас это время, у вас закат»².

Итак, имеющиеся в периодической печати материалы свидетельствуют, что проблема поиска основ формирования и типологических характеристик сибирской идентичности привлекла внимание сибирских корреспондентов второй половины XIX века. Последние всё активнее включались в дискуссии по данному вопросу, вели полемику на страницах не только региональных, но и столичных изданий. Сибирские авторы пытались не только высказать своё мнение в отношении существования и характеристики сибирской идентичности своего времени, но и реконструировать модели «построения» и «развития» этой идентичности на протяжении многовековой истории колонизации Сибири. Примечательно, что характеризуя процесс «осибирячивания» пришлого населения, корреспонденты рассматривали его в многостороннем формате: описывая и анализируя как влияние региона и местного инородческого населения на «пришлый элемент», так и «взносы» последних в формируемую этнографическую общность «сибиряков», при этом выделяя их также по национальному признаку: польские, еврейские, украинские и т.п. «взносы».

Таким образом, обращение сибирских корреспондентов к проблеме сибирской идентичности и роли национального фактора в ней имеет высокое значение, которое заключается в признании и описании сибирскими изданиями поливариантности формирования сибирской идентичности; тогда как многие представители преимущественно российской общественности рассматривали этот процесс в одностороннем порядке, в результате чего искажали действительность.

¹ Ядринцев Н.М. Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири (Впервые опубликовано: «Литературный сборник», издание редакции «Восточное обозрение», СПб., 1885 г.) // Литературное наследие Сибири. Николай Михайлович Ядринцев. Статьи, рецензии, воспоминания о писателях. Новосибирск, 1970. С. 92.

² Ядринцев Н.М. В.П. Острогорскому, Петербург, 9 ноября 1885 // Литературное наследие Сибири. Николай Михайлович Ядринцев. Письма. Новосибирск, 1970. С. 279.

К.Н. Митрофанова

**Детский дискурс в журналах для семейного чтения
второй половины XIX – начала XX в.**

Изучение проблематики детства в России второй половины XIX – начала XX в. возможно с использованием не только специализированных детских изданий, но и журналов для семейного чтения. Среди тонких иллюстрированных еженедельных изданий для анализа был выбран журнал «Нива» – одно из наиболее популярных изданий второй половины XIX – начала XX веков. Журнал «Нива. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни» выпускался беспрецедентным тиражом, который достигал 235 тыс. экземпляров. Издание выходило с 1870 по 1918 гг. и являлось наиболее популярным изданием своего времени. Его издавал книготорговец А.Ф. Маркс, поставивший своей целью создать еженедельное издание семейного типа для массовой аудитории. В журнале публиковались литературные произведения, исторические, научно-популярные и различные юбилейные очерки, репродукции и гравюры картин современных художников. Материалы политического и общественного содержания давались в «благонамеренном» духе и сопровождались многочисленными иллюстрациями – до начала XX в. обычно гравюрами, затем фотографическими обзорами. Страницы изданий «Нивы», включая журнал и приложения, имели сквозную нумерацию для последующей брошюровки годовых комплектов, обложки к которым рассылались редакцией. Таким образом, журнал номер один имел страницу 1, а журнал номер 51 или 52 (последний в году) – страницу 1200. Нами был осуществлен сплошной просмотр годовых комплектов журнала с 1870 по 1917 гг.

Цель работы – выявить особенности детского дискурса на страницах еженедельного иллюстрированного журнала «Нива». Если понимать под дискурсом, вслед за Ф.Б. Шенком¹, корпус текстов, высказываний и изображений, связанных общей темой, то дискурс еженедельной журнальной прессы для семейного чтения данного периода можно определить как совокупность разножанровых журнальных текстов и изображений, иллюстрирующих детскую повседневность, интересы и ценности читательской аудитории данного вида изданий.

Научная новизна заключается в том, что впервые выявлены особенности детского дискурса на страницах еженедельных изданий для семейного чтения в России второй половины XIX – начала XX в. (на примере «Нивы»). Журналы для семейного чтения ранее не предлагались в качестве комплексного источника исследований в данной области. Тот факт, что «Нива» предназначалась для семейного чтения, говорит

Митрофанова Ксения Николаевна, студент Новосибирского государственного педагогического университета. Эл. почта: sifero00@yandex.ru

¹ Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 21.

о том, что ее редакция понимала и допускала тот факт, что читать журнал будут не только взрослые, но и дети – либо совместно с взрослыми, либо самостоятельно.

В журнале «Нива» ориентация не только на взрослую, но и на детскую аудиторию подтверждается и оформлением, и обращением редакции к читателям. Редакция подчеркивает, что «Нива» является журналом для семейного чтения, и признает, что «семья составляет постоянное и тесно связанное общество, которого члены постоянно передают друг другу понятия и опыт жизни [...], а журнал – рассказчик о жизни и работах человечества»¹. Семья является учительницей своих новых членов, в том числе и детей, то есть выполняет воспитательную функцию. Исходя из этого, редакция «Нивы» обязуется не допускать на страницах журнала ничего противного религии и нравственности, как незыблемых основ русского семейного начала².

О том, что редакция «Нивы» не обошла вниманием детей как своих читателей, говорит и оформление журнала. На обложке издания, ставшей его визитной карточкой, среди виньеточного орнамента изображена семья из трех человек. Глава семьи читает вслух журнал (видно, что это «Нива»), а жена и дочка внимательно его слушают. Это не художественный вымысел автора гравюры. Текстовые и визуальные материалы, помещаемые в «Ниве», подбирались с таким умыслом, чтобы заинтересовать читателя любого возраста, в том числе и детского. В основу нового журнала были положены несколько принципов, которые становятся очевидными при внимательном изучении журнала: научность, популярность, занимательность, доступность и разнообразие материалов. Интересующие нас тексты, публикуемые в журнале «Нива» и затрагивающие тематику детства, представляют собой как краткие заметки, так и полнотекстовые, продолжающиеся из номера в номер произведения.

Огромной заслугой издания является публикация большого количества биографий. Все биографии начинались с повествования о том, как прошло детство и отрочество героя биографии, как и где он учился и кем были его родители. Некоторые биографии носили откровенно нравоучительный характер и могли служить примером для тех, кто их читает, будь то взрослый или ребенок. К таким биографиям можно отнести, например, биографию А.Ф. Кокоринова – выдающегося русского архитектора, который родился в Тобольске. В первой главе его биографии рассказывается о его детских годах, о родителях, об обучении в Петербургской Академии художеств³. Авторами журнала постоянно подчеркивается, что только талант и усердие могут помочь достигнуть каких-либо высот. Замечательна в воспитательном плане биография знаменитого химика Ю. Либиха⁴. Во-первых, здесь внимание читателя обращается

¹ *Нива*. 1870. № 1. С. 1.

² Там же. С. 1.

³ *Александр Филиппович Кокоринов* // *Нива*. 1870. № 47. С. 744–747.

⁴ *Юстус Либих* // *Нива*. 1870. № 46. С. 731–734.

на взаимоотношения между школьником-Либихом и учителями, которые не могут и не хотят понять наклонности мальчика к химии и естественным наукам. Только отец, души не чаявший в сыне, понял увлечение мальчика и отдал его в обучение в одну из аптек, после чего Либих смог поступить сначала в Боннский, а потом в Эрлангенский университет. Кроме того, статья дополнена иллюстрацией «Либих в лаборатории», где ученый изображен за работой среди бесконечных колб и пробирок, что, несомненно, должно было привлечь интерес юного читателя, так как детям, как правило, интересны изображения разнообразных научных лабораторий¹.

Подобно тому, как специализированные детские журналы помещали на своих страницах рассказы и очерки о жизни других народов, «Нива» печатала занимательные статьи о тех или иных местностях и ее жителях. В основном это были описания различных частей Российской империи. В качестве примера можно привести очерк «Устье Дуная»², в котором подробно рассказывается и о природе, и о культуре местности, и о ее жителях. Рассказ о жителях особенно подробен, он описывает и детей, и молодежь, и взрослое население местности.

Необходимо отметить, что в изучаемый нами период уже осознается значимость и ценность жизни и здоровья ребенка. Общество начинают все больше и больше волновать проблемы социальной защиты детства. Отмечаются проблемы детей из беднейших сословий. Редакция «Нивы» не обходит вниманием и этот вопрос, публикуя на страницах журнала тексты и гравюры данной тематики. Большой интерес вызывает, например, изображение под названием «В город на работу», где изображены мать с ребенком, пробирающиеся сквозь метель и снег в город, чтобы заработать себе средства к существованию³. В комментарии к картине указывается на то, что снег валит уже несколько часов к ряду, и путь до города становится необычайно трудным, особенно для малютки⁴. Бросается в глаза бедная одежда обеих путниц. Вызывает интерес небольшой рассказ Г. Гейберга «Оторванная от семьи»⁵. С дидактической точки зрения вызывает интерес сюжет рассказа в том, что глава обнищавшей семьи вынужден отдать старшую дочь двенадцати лет на воспитание и содержание своим обеспеченным родственникам за соответствующую плату. Он убеждает в этом и жену, и дочь, и сделка совершается. Но в приемной семье девочка несчастна. Она становится замкнутой, не идет на контакт с приемными родителями. Это расстраивает и приемную мать, она понимает, что девочка скучает по дому. В это время родная мать девочки от горя начинает болеть, и приемные родители решают вернуть ребенка в семью. Для того, чтобы все же помочь семье вырастить своих

¹ Либих в лаборатории (изоматериал) // Нива. 1870. № 46. С. 733.

² Кельсиев В. Устье Дуная // Нива. 1870. № 9. С. 137–140.

³ В город на работу (изоматериал) // Нива. 1892. № 4. С. 81.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Гейберг Г. Оторванная от семьи // Нива. 1892. № 10. С. 227–231.

детей, обеспеченный родственник отдает во владение беднякам постоянный двор, который поможет им прокормить детей. Значение этого рассказа заключается в том, что в любом случае семья является единым неделимым целым, которое нельзя разрушать по каким-либо экономическим причинам. В целом, тема семьи и детей в семье является неотъемлемой частью детского дискурса на страницах еженедельных иллюстрированных журналов для семейного чтения.

Вообще, в номерах «Нивы» второй половины XIX в. можно увидеть целую серию изображений повседневного быта крестьянских детей. Но эти изображения выполняли, прежде всего, развлекательную функцию, поэтому большая часть рисунков и гравюр посвящена детским играм, и все дети на этих изображениях всегда улыбаются. К подобным изображениям можно отнести картину Шюблера «Катанье с гор», на которой изображены катающиеся на санках крестьянские ребяташки¹. Один мальчуган взбирается в гору со своими салазками и при этом норовит запустить снежком в кого-нибудь из благополучно скатывающихся ребят. Те, в свою очередь, ловко управляют санками с помощью ног и несутся вниз с головокружительной скоростью. Еще один мальчишка, которому не посчастливилось, перекувыркнулся вместе с салазками в снег. На его лице написан ужас, который кажется особенно комичным, потому что не имеет под собой оснований. Подобный сюжет зимних детских игр встречается в рисунке А. Писемского «Деревенский скульптор»² в новогоднем номере «Нивы» за 1892 год. Таким шутивным прозвищем автор наградил деревенского мальчишку, слепившего из свежего снега огромного снеговика выше самого себя ростом. На всех картинах царит безмятежное веселье, какому могут предаваться только дети.

Однако на страницах «Нивы» встречались и рисунки, отражавшие суровые реалии крестьянского детства. В 1891–1892 гг. в России был голод, охвативший основную часть Черноземья и Среднего Поволжья (17 губерний с населением 36 млн. человек). Голод приводил к болезням среди населения. События голодных лет вызвали значительный резонанс в общественной жизни России. Не было другого события, столь оживленно обсуждаемого русской печатью, публицистами, писателями и журналистами различных направлений, как «летопись народного разорения» (слова Г.И. Успенского)³. В том же 1892 г. почти во всех номерах редакция «Нивы» призывает к благотворительности и помощи голодающим и помещает сообщения и картины на данную тему. Помимо помощи губернских комитетов и правительства (крестьянам выдавались ссуды зерном), имела место частная благотворительность. Например, на картине Н.Д. Дмитриева-Оренбургского изображен сюжет о помощи помещиков крестьянам. Помещицья чета поместилась на лавке за столом, хозяин избы рассказывает о своих бедах, о болезни жены, о беспомощном

¹ Шюблер. Катание с гор (изоматериал) // Нива. 1892. № 6. С. 122.

² Писемский А. Деревенский скульптор (изоматериал) // Нива. 1892. № 1. С. 12.

³ Успенский Г.И. Бесхлебье // Русская мысль. 1892. № 11. С. 93.

положении детей. Самый маленький ребенок в одной рубашке ползком пробирается к доброй барыне, тянет к ней ручонку, чтобы взять предложенный пряник. На заднем плане лакей и кучер вносят в избу мешки с зерном¹. Вообще необходимо отметить, что журнал «Нива» проповедовал патриархальные, даже идилические отношения между крестьянами и помещиками, ориентируясь на свою читательскую аудиторию².

Конечно же, редакция «Нивы» публиковала в журнале не только картины из жизни крестьянских детей. Она старалась охватить вниманием и такие события, как карнавалы и праздники, а также нравственные вопросы в воспитании молодых читателей. Периодически на страницах журнала появлялись нравоучительные картинки, по содержанию больше похожие на карикатуру. Как и остальные изображения, они сопровождалась кратким текстовым пояснением. Такова картина Эрдмана «Выданная тайна»³. Предыстория изображенных событий такова: однажды в тенистом саду один молодой человек назвал 16-летнюю девушку «своею милою», и это было необходимо держать в секрете, чтобы не запятнать честь девушки. Но девушка по секрету доверилась сестре, сестра же с наказом хранить тайну рассказала обо всем своим четырем кузинам и шести подругам, а потом проболталась и дядюшке. На картине главная героиня пытается остановить сестру, но вся история уже рассказана дяде на ушко, и героиня испытывает стыд, когда дядюшка укоряет ее в таком поведении.

Также представляет интерес помещенная в «Ниве» серия «Силуэтов из военной жизни» молодого художника, подписавшегося инициалами М.Ф. Первая часть «Силуэтов» вышла в феврале 1892 года⁴. Данная серия изображает сюжеты из военно-педагогической и офицерской жизни. Рисунки представляют собой сцены из жизни кадетского корпуса, военного училища, роты и офицерского полкового сообщества. Фигуры выразительны, хорошо видны детали военной формы взрослых и детей, отношения между детьми и педагогами, внешние особенности и манеры держаться героев зарисовок.

Особое внимание при изучении детского дискурса в журнале «Нива» необходимо уделить рекламе, помещаемой в журнале. Среди объявлений достаточно часто появляется информация не только о продаже товаров для детей, но и о выходе новинок детской литературы. Во время просмотра рекламных материалов «Нивы» за 1892 г. нам встретилось несколько подобных объявлений, например, о продаже сочинений В. Скотта в сокращенном переводе с иллюстрациями издательства Ф. Павленкова⁵. Особо

¹ Дмитриев-Оренбургский Н. Д. Помещицья помощь крестьянам (изоматериал) // Нива. 1892. № 7. С. 148–149.

² Пушкарская Е. Ю. Самый популярный российский журнал XIX века «Нива» и его издатель Адольф Маркс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu/www.woa/wa/Main?textid=3021&level1=main&level2=articles>. (дата обращения 06.04.14).

³ Эрдман. Выданная тайна (изоматериал) // Нива. 1870. № 15. С. 238.

⁴ М.Ф. Силуэты из военной жизни (изоматериал) // Нива. 1892. № 9. С. 206–207.

⁵ [Реклама] // Нива. 1892. № 1. С. 23.

подчеркивалось, что эти собрания одобрены для ученических и школьных библиотек.

В журнале публиковались и объявления с просьбой о «помощи рублем» нуждающимся детям. В Петербурге, как и во многих других крупных городах, создавались так называемые Фребелевские общества, состоявшие из деятелей дошкольного воспитания. Эти сообщества на собственные средства открывали детские сады для детей из числа самых бедных жителей города и нуждались в помощи. В «Воззвании к матерям», опубликованном в 1894 г., содержится обращение к женщинам из более обеспеченных слоев населения с просьбой о финансовой помощи в организации дополнительных мест в детских садах, чтобы дети трудящихся женщин тоже могли получать достойное физическое и нравственное воспитание¹.

Встречаются объявления, которые невозможно отнести к рекламным материалам. Таково объявление о похищении двухлетнего ребенка, которого в течение полугода не могут найти ни полиция, ни добровольцы². Незнакомка, выдающая себя за польку Е.К. Иванову, в сентябре 1891 г. буквально втирается в доверие жене бедного отставного солдата Ципиной, приходит к ней на чай и располагает к себе маленького Борю Ципина, которого через три дня похищает и увозит в неизвестном направлении. Далее сообщаются приметы мальчика, указывается, что он только научился говорить и может произносить только «мама» и «дядя». За любую информацию о местонахождении ребенка обещано вознаграждение. В конце объявления редакция задает вопрос о том, кому и для чего понадобился ребенок? Какие же чувства и цель руководили похитительницей? Очевидно, что похищение было тщательно спланировано заранее.

Подводя итог, можно сделать вывод, что журнал для семейного чтения «Нива» существенно расширяет наши представления о культуре и быте детей в России второй половины XIX – начала XX веков. Будучи одним из самых популярных изданий изучаемого периода, журнал помещал на своих страницах тексты, предназначенные для чтения не только взрослыми, но и детьми. Соответственно, редакция исходила в том числе и из ориентиров в воспитании и развитии детей, в руки которых попадал журнал.

Необходимо подчеркнуть, что детский дискурс на страницах данного издания имеет свои особенности. Во-первых, с течением времени происходит смена приоритетов редакции в выборе материала о детях к публикации: в первые годы выхода издания мы встречаем материалы в основном о зарубежных детях, к концу существования «Нивы» такие публикации становятся редкостью, кроме нескольких фотографий с фронта Первой мировой войны. Во-вторых, в силу того, что «Нива» являлась иллюстрированным журналом, большая часть материалов о детях представлена изобразительными материалами, за исключением биографий и нескольких рассказов.

¹ *Воззвание к матерям* // Нива. 1894. № 5. С. 118.

² *Похищенный ребенок* // Нива. 1892. № 6. С. 143.

И.С. Козлова

**Материальное положение как фактор влияния
на повседневную жизнь сибирских журналистов
второй половины XIX – начала XX в.**

В исследовательских работах по истории сибирской журналистики основное внимание уделяется становлению газетной периодики, определению идейной направленности тех или иных изданий, изучению взаимодействия органов печати с цензурой¹. Однако за пределами исследовательского внимания остаются непосредственные субъекты печати, то есть сами журналисты. В данной статье мы попытаемся восполнить этот пробел, охарактеризовав материальное положение и его влияние на повседневную жизнь² представителей этой профессии во второй половине XIX – начале XX веков.

Данная проблематика соотносится нами с предметным полем истории повседневности, а именно микроисторическим подходом, часто применяемым в этой области знаний. Под повседневностью вслед за А. Людтке мы считаем жизненные проблемы людей в их обыденности³. Главным образом нас интересует анализ «повседневных практик ... людей в жизненных ситуациях»⁴. Под материальным положением мы понимаем гонорар как «вознаграждение, выплачиваемое автору произведения литературы, науки или искусства или его наследникам за использование этого произведения»⁵.

В качестве источников использовано эпистолярное наследие наиболее известных сибирских журналистов. К исследованию привлечены письма Н.М. Ядринцева, опубликованные в журнале «Сибирские записки», которые охватывают период пребывания лидера областничества в ссылке и касаются его сотрудничества в периодических изданиях «Дело», «Камско-Волжская Газета», «Отечественные записки». Нами также

Козлова Ирина Сергеевна, студент Новосибирского государственного педагогического университета. Эл. почта: kozlovairina0611@mail.ru

¹ Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982; Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012; Жилиякова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011.

² Подробно об истории повседневности см.: Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998–1999. М., 1999. С. 77–101; Людтке А. История повседневности Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.

³ Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998–1999. М., 1999. С. 77–101.

⁴ Людтке А. История повседневности Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 19.

⁵ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1972. Т. 7. С. 67.

было востребовано эпистолярное наследие Ядринцева, опубликованное редакционной коллегией пятого тома «Литературного наследства Сибири». Приведенные письма относятся к 1860-м – 1880-м годам и характеризуют его деятельность в качестве сотрудника периодических изданий, так и редактора газеты «Восточное обозрение». Другим объектом нашего исследования стала переписка А.В. Адрианова и Г.Н. Потанина¹, из которой можно почерпнуть сведения о деятельности Адрианова в качестве редактора и сотрудника различных периодических изданий, прежде всего «Сибирской Газеты», «Восточного обозрения». Кроме того, в статье мы использовали воспоминания И.И. Попова, которые охватывают период его пребывания в Сибири в должности редактора газеты «Восточное обозрение»².

Прежде всего, необходимо отметить, что размеры гонорара за журналистский труд у представителей данной профессии (редактор, корректор, секретарь, постоянный сотрудник и другие) были различны. Приблизительные суммы применительно к началу XX в. можно узнать из переписки А.В. Адрианова и Г.Н. Потанина. Адрианов в 1902 г. планировал начать издание первого сибирского журнала под названием «Сибирское обозрение», поэтому, обдумывая проект издания, детально все рассчитал. В результате он остановился на гонораре в 30 руб. с листа, на жалование двух редакторов по 1200 руб., двух секретарей по 600 руб. и двух корректоров по 400 руб. в год³.

Важную роль при определении размера гонорара играли личные взаимоотношения автора с редактором. Об этом нередко упоминает Н.М. Ядринцев. В письме Г.Н. Потанину от 11 февраля 1873 г. он отметил, что его коллега С.С. Шашков, отбывавший ссылку в Архангельской губернии, имел более стабильное финансовое положение «благодаря постоянно мягкому и терпеливому обращению с редактором»⁴. У самого Ядринцева периодически возникали проблемы во взаимоотношениях с редакторами, что нередко было причиной тяжелого материального положения журналиста. Н.М. Ядринцев часто жалуется на то, что Г.Е. Благодетель, редактор журнала «Дело», с которым Николай Михайлович тесно сотрудничал, не высылал гонорары за статьи. Он сообщает, что деньги приходилось «вытаскивать из Благодетельского тиска, при том он постоянно обсыпывал»⁵.

Кроме умения наладить отношения с редактором, гонорар, по наблюдениям Ядринцева, зависел также от выбора темы для статьи: «Как только я принялся за общие статьи, мало имевшие восточного интереса, так,

¹ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г.Н. Потанину. Томск, 2007.

² Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989.

³ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 166.

⁴ Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1. (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки. Красноярск, 1918. С. 174.

⁵ Там же. С. 12.

например, за тюремный вопрос, деньги повалили, и я прожил 3 года не в особенной нужде. Проживал до 25 и 30 р. в месяц»¹. В отличие от статей, освещавших злободневные общественные проблемы, статьи на сибирскую тематику в большинстве случаев не оплачивались редакцией.

Таким образом, привлеченные нами источники личного происхождения свидетельствуют о том, что в повседневном литературном труде журналист, как правило, осознавал, какие материалы могут принести доход, а какие нет, и старался понимать их «цену». Так, Н.М. Ядринцев в письмах своему другу и коллеге Г.Н. Потанину советовал, чтобы он разделил работы по принципу «обеспечивающие» и «не обеспечивающие». Он указывал, что еще не пришло время погружаться в «серьезные и уважаемые труды», так как они могут не пройти ни в один журнал, тем самым не обеспечив средств на жизнь².

Иной сюжет мы встречаем в переписке А.В. Адрианова. Он писал о том, что ряд его статей редактор газеты «Восточного Обозрения» И.И. Попов не печатал в газете³. Не вдаваясь в характеристику взаимоотношений Адрианова и Попова, сфокусируем внимание на том, что нередко редакции надолго задерживали публикацию статей и только спустя время высылали обещанные гонорары. Порой задержанные редакции литературные труды так и не были опубликованы. Это тяжело переносилось журналистами. Н.М. Ядринцев писал, что его статью в журнале «Отечественные Записки» «продержали 6 месяцев, захватив самые холодные месяца. Для бедного писателя это невыносимо»⁴. А.В. Адрианов также отмечал, что «Русское Богатство» не платит ему гонорар. Он сообщал, что если средства у издания имеются, то работать даром он отказывается⁵. В таких случаях Адрианов часто просил Потанина перенаправить свои статьи в другие издания. Таким образом, материальное положение журналистов во многом зависело от желаний и требований редакционного состава. Им приходилось подстраиваться под стиль периодического издания, чтобы их собственный труд был оценен и оплачен.

При подборе сотрудников для работы в периодическом издании редакторы, как правило, указывали ту сумму гонорара, которую могло себе позволить издание. Так, Н.М. Ядринцев, приглашая деятелей печати для работы в «Восточном Обозрении», предложил Д.Н. Мамину-Сибиряку невысокий гонорар, указывая на бедность газеты⁶, а более известному на тот момент автору В.Г. Короленко был определен высший гонорар

¹ Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1. (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки. С. 12.

² Там же. С. 50.

³ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...» С. 165.

⁴ Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1 (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки. С. 6.

⁵ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...» С. 29.

⁶ Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 281.

в размере 100 руб. за лист ¹. Получается, что плата за работу в органах периодической печати зависела от известности автора, востребованности результатов его журналистского труда читательской аудиторией. Следовательно, редактор был заинтересован в работе тех журналистов, чьи статьи могли повышать популярность издания. В этом смысле особо примечателен вывод А.И. Рейтблата: «Подписчик определял, в конечном счете, негласную литературную табель о рангах, согласно которой одни писатели имели право на большой гонорар, другие – на меньший, а третьи – на совсем малый» ².

Журналисты порой выбирали именно те издания, в которых за работу можно было получить более высокий гонорар. Так, А.В. Адрианов писал, что «у нас есть новости и вещи любопытные» для сообщения в газету, но нет времени писать, а если и найду его, вынужден отправить в «Русские Ведомости», где платят хорошо. Не патриотично, но руководство брюха слишком неотразимо» ³. Однако, исходя из проанализированных нами источников, подобные факты встречались достаточно редко. К примеру, Н.М. Ядринцев, когда узнал об издании П.А. Клиндером газеты «Сибирь» в Иркутске, хотел писать фельетоны, хоть даром. Естественно, это объясняется преданностью родному краю.

Кроме того, финансовое положение журналистов поправлялось за счет работы вне их профессиональной деятельности. К примеру, А.В. Адрианов давал уроки, с которых получал за один раз 25 руб., при этом был секретарем и корректором «Сибирской Газеты» и получал еще 25 рублей ⁴. Нередко журналистам поступали предложения о составлении биографий. Уже упомянутый Адрианов собирал различные сведения, касающиеся жизни И.Я. Словцова, бывшего директора Тюменского реального училища ⁵.

Своеобразным источником стабилизации финансового положения выступала дружеская взаимовыручка между журналистами. В переписке Г.Н. Потанина с Н.М. Ядринцевым встречаются сведения о том, что Николай Михайлович нередко высылал часть денег, полученных за статьи, своему другу. И наоборот, когда у Ядринцева были трудности с финансами, Потанин предлагал свою помощь. Тем самым друзья по переписке, зная заработок своего коллеги, всячески старались помочь друг другу.

Материальный достаток естественным образом сказывался и на образе жизни сибирских журналистов, на их повседневных заботах. Они должны были соизмерять свой доход со своим нуждами. К тому же у них были семьи, которые также нуждались в обеспечении. Типична в этом смысле фраза из письма уже упомянутого нами А.В. Адрианова: «Теперь я нахожусь, увы, в ожидании четвертого птенца в моем гнезде, который

¹ *Литературное наследство Сибири*. С. 285.

² *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 93.

³ *Адрианов А.В.* «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 134.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 199.

появится на свет в январе. Беда, да и только! Доходы все те же, а ребята ползут и растут как грибы после дождя»¹.

Вопрос о расходах на одежду не раз возникал в переписке между журналистами. Случалось, что они с трудом приобретали необходимые для себя вещи на полученный ими литературный гонорар. Тем самым в переписке литераторы нередко просили помощи друг друга в этом вопросе. Н.М. Ядринцев всегда спрашивал у Г.Н. Потанина, в чем он нуждается, так как знал, что сам Григорий Николаевич не станет просить. Порой Николай Михайлович писал, что самостоятельно позаботится и купит необходимое белье². Аналогичный сюжет мы встречаем в эпистолярном наследии А.В. Адрианова. В письме к жене Г.Н. Потанина, А.В. Потаниной, от 23 мая 1887 г. Александр Васильевич просил купить для детей подвязки, чулки, шляпки, детские ботинки. Оплатить это Адрианов мог не сразу, лишь по приезду семьи Потаниных в Томск, так как деньги были только в редакционной кассе, а он их трогать не мог³.

Кроме ежедневных бытовых расходов на содержание семьи журналисты тратили немалую часть своих доходов на съём жилья – творческая работа журналиста требовала и особых квартирных условий. Так в одном из писем Н.М. Ядринцев упрекал Г.Н. Потанина в том, что он снял слишком маленькую квартиру, так как она может навести только уныние⁴. Примечательно письмо Николая Михайловича, уже редактора «Восточного обозрения», где он описывал свою новую квартиру: «Цена тоже 75 рублей с дровами, но квартира – великолепия. 7 комнат с ванной, мраморные камини и подоконники, паркет и лепные потолки. Зеркала в нишах и проч. В кабинете я поставил прекрасную статую Венеры из фасового гипса. Купил зелени и т.д.»⁵. И.И. Попов, редактор газеты «Восточное обозрение» писал, что вместе с семьей они поселились в доме с большими комнатами. Они были удобны для устраиваемых им журфиксов, на которых обыкновенно присутствовало много народу⁶. В дополнении к вышесказанному, Адрианов, приглашая Потанина в Томск, писал: «Вы мои гости – помещений у нас достаточно; так, минуя все гостиницы и постоялые дворы, и шагайте на Юрточную гору – тут, при подъеме, в полугоре мы и живем в доме, которого Вы, конечно, не видали еще – он недавно отстроен. Мы первые в нашем помещении квартиранты»⁷. В дальнейшем Адрианов отказался от должности редактора «Сибирской Газеты». Как

¹ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 72.

² Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1. (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки. С. 8.

³ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 77.

⁴ Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1. (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки. С. 137.

⁵ Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 254.

⁶ Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 47.

⁷ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 68.

следствие, это отразилось на его положении. Вместе с семьей они переехали в квартиру за 12 руб., а дом удалось сдать в аренду за 35 рублей. Таким образом, жилищные условия зависели от того дохода, который получал журналист за свою деятельность в периодическом издании.

Значительную часть литературного дохода журналисты чаще всего тратили на книги, ведь они были одним из источников для написания новых статей. Для этого их нередко выписывали и пересылали друг другу для прочтения. Ядринцев не раз посылал деньги Потанину на книги и просил выписать только капитальные труды по тем или иным сюжетам, так как многие другие работы он уже имел на руках ¹. Порой получение книг задерживалось. Чаще всего по причине того, что редакция медлила с выплатой гонорара.

Нередко случалось так, что полученный гонорар журналисты тратили в счет уплаты тех долгов, которые у них уже накопились. Такова была ситуация у А.В. Адрианова, который писал: «Были долги, все нужно было – мебель, одежда, сапоги, провизия; словом, передо мной стояли открытые пасти, которые нужно было засыпать деньгами» ². Ядринцев также констатирует, что ему были высланы 25 руб., которые ему все равно никак не помогли, только привлекли кредиторов ³. Таким образом, даже полученный гонорар приходилось порой сразу же отдавать и снова жить в долг.

Примечателен тот факт, что и Ядринцев, и Попов, в бытность свою редакторами периодических изданий, часто отправляли свои семьи в деревни, а сами отправлялись в отпуск за границу, чтобы отдохнуть от газетной работы. Адрианову это не удавалось, так как дела в газете были не стабильны. На лето семью свою он отправлял в деревню Заварзино, где была снята квартира ⁴. Бывали ситуации, что Ядринцев также, собираясь на отдых, отменял его в связи с увеличением работы в газете. Что касается Попова, то он писал, что удостоверившись в стабильных делах газеты, решил дать себе отпуск за границей ⁵.

Сложившаяся ситуация была такова, что практически все свое время журналисты проводили за работой в органах печати, написанием различных литературных работ сразу в несколько периодических изданий, в связи с этим у них практически полностью отсутствовало свободное время. Как писал А.В. Адрианов, редактор «Сибирской Газеты», «газетная работа придавила меня своей тяжестью; изо дня в день, с утра до глубокой ночи строчишь, строчишь, строчишь, не разгибая спины, а работа,

¹ *Письма* Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1. (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки. С. 134.

² *Адрианов А.В.* «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 20.

³ *Письма* Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1. (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки. С. 34.

⁴ *Адрианов А.В.* «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 61.

⁵ *Попов И.И.* Забытые иркутские страницы... С. 174.

как вода ... еще прибывает»¹. И.И. Попов также писал, что у него слишком много работы в газете, поэтому у него не было времени для других дел². Получается, что, отдавая все время газете, журналисты все равно с большим трудом могли обеспечить свои семьи и самих себя.

Таким образом, материальное положение журналистов зависело от многих факторов. Уровень дохода был напрямую связан с той должностью, которую занимал журналист в периодическом издании. При выборе литератором периодического издания существенную роль играл размер гонораров, выплачиваемых ее редакцией. Кроме того, популярность в читательской среде того или иного журналиста играла непосредственную роль в определении платы за работу. Гонорар за литературную работу напрямую был связан с тем, как складывались взаимоотношения журналиста с редактором. Нередко литераторам приходилось иметь заработок вне профессиональной деятельности, чтобы обеспечивать свои семьи. Случалось, что журналисты помогали друг другу, высылая деньги, книги для прочтения, одежду.

Материальное положение журналиста определяло его повседневную жизнь. От уровня дохода, получаемого за работу в периодическом издании, зависели жилищные условия журналистов. Как правило, доход журналистов был невысоким. Часть полученного гонорара обычно уходила в счет уплаты долгов. Нередко редакторы отправляли свои семьи в деревню, а сами были заняты каждодневной профессиональной деятельностью в органе печати, что осложняло возможность отдыха. Однако несмотря на то, что литераторы не могли полноценно отдохнуть, постоянно вынуждены были заботиться о содержании своих семей, уплате долгов и решении прочих бытовых проблем, работа в изданиях давала им возможность творческого самовыражения. Ощущение того, что их труд нужен российскому обществу, для них было более ценно, чем размер гонорара.

¹ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 71.

² Попов И.И. Забытые иркутские страницы... С. 47.

А.А. Старышкина

**Образ власти в картине мира российских журналисток
рубежа XIX–XX вв.**

Проблема взаимоотношений власти и общества является одной из ключевых в российской истории. Особый интерес в этой связи вызывают представления о власти в картине мира российских журналистов в переломную для нашей страны эпоху рубежа XIX–XX веков. Литературоцентричность дореволюционного российского общества является давно устоявшимся историографическим фактом. Современные исследования показали, что в круге чтения образованных россиян доминирующую позицию занимали периодические издания. Следовательно, картина мира, транслировавшаяся через органы печати, воспринималась как референтная для читающей России.

Категория власти является одной из основополагающих в картине мира российских журналистов конца XIX – начала XX веков. Это объясняется не только их принадлежностью к социокультурной группе интеллигенции, но и положением прессы в Российской империи рубежа веков. Журналистам приходилось сталкиваться с государственной властью, прежде всего, в лице цензуры. Цензурный контроль периодической печати был наиболее жестким в связи с тем, что именно пресса была институтом, формировавшим общественное мнение, представление о власти у российских граждан. По мнению М.А. Пшеничной, запретительные действия правительства «порождали зону сопротивления, борьбы за свободу печати» имели наиболее массовый характер¹. Сопротивление выражалось, в том числе, в выработке специального арсенала средств сопротивления давлению цензуры: привлечение подставных лиц для открытия книгоиздательского дела, субективизм цензоров, конъюнктуру в цензурном ведомстве, «эзопов язык», самоцензура. Нагляднее всего способы сопротивления цензуре продемонстрировал А.Н. Гаркави на примере редакторской биографии Н.А. Некрасова².

Между тем, исследования, касающиеся изучения представлений о мире журналистов практически отсутствуют. В основном история журналистики понимается как история органов периодической печати, а не как история общества журналистов³. Исключение составляет работа Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой «Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX веков А.В. Амфетиатрова и В.М. Дорошевича», в

Старышкина Анастасия Александровна, студент Новосибирского государственного педагогического университета. Эл. почта: staryshkina@mail.ru

¹ Пшеничная М.А. Государственная политика в области цензуры печати в России XIX – начала XX веков. Автореф. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-politika-v-oblasti-tsenzury-pechati-v-rossii-xix-nachala-xx-vekov#.U578hRTH5bE.facebook>.

² Гаркави А.М. Н.А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966.

³ Есин Б.И. История русской журналистики (1703–1917). Учебно-методический комплект. М., 2000; Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2004.

которой вычленяются базовые компоненты картины мира русских журналистов¹. Работы же, касающиеся изучения профессионального мира женщин-журналисток, еще не появились.

Под картиной мира, вслед за А.Я. Гуревичем, нами понимается «сетка координат», при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании»². Понятие «образа власти» можно определить как «форму объяснения, воспроизведения, отражения представлений о власти в массовом и индивидуальном сознании общества, сформированные на чувственно-эмоциональном уровне»³.

Источниками для данной статьи послужили воспоминания и дневники российских журналисток исследуемого периода: Л.Я. Гуревич, Э.К. Пименовой, А.В. Тырковой-Вильямс, В.Н. Цеховской⁴. Их воспоминания опубликованы в разное время и в разных государствах (Российская империя, СССР, Франция), но содержат информацию о прошлом русской журналистики, в том числе, об образе власти, существовавшем в сознании журналисток.

Таким образом, задачей данной работы является выявление особенностей представлений о власти в картине мира российских журналисток рубежа XIX–XX веков и связанных с этим стратегий поведения.

Понятие «власть» в функционировавших в то время словарях⁵ связывалось в первую очередь с институтом монархии и бюрократическим аппаратом, то есть с официальной политической властью. Можно предположить, что данное смысловое наполнение концепта существовало в сознании россиян. Во всех привлеченных нами эго-текстах, официальная власть соотносилась с чиновниками различного ранга, реже – с монархом, и оценивалась негативно. Ярче всего образ власти российских журналисток отражен в дневниках А.В. Тырковой, где даны самые не лестные оценки некоторых значимых фигур политической арены Российской империи. В проанализированных нами текстах, российские журналистки чаще всего представляли власть темной, жестокой, аморальной, глупой и грубой. Вот один из ярких тому примеров: «Исцелили меня больше всего мощи Серафима. Эта отвратительная оргия официального мракобесия, эта царская шумиха, весь этот обман, лицемер-

¹ Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX вв.: А.В. Амфетиатрова и В.М. Дорошевича // «Avtobiografija». 2014. № 3.

² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

³ Шалаева Н.В. Формирование образа советской власти (1917–1920): теоретический аспект изучения // Теория и практика общественного развития. 2013. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://teoriapRACTICA.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/12/istoriya/shalayeva.pdf.

⁴ Гуревич Л.Я. История «Северного Вестника» // Русская литература XX века. 1890–1910. М., 1914. С. 141–159; Пименова Э.К. Дни минувшие. М.–Л., 1929; Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 2007; Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М., 2012; Цеховская В.Н. Из репортерских воспоминаний // Голос минувшего. 1913. № 7. С. 123–179; № 8. С. 119–151.

⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т.1. СПб., 1903; Абрамов Н. Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1999.

рие, ложь, при помощи которых туманят сознание безграмотной толпы, опьяняя ее суеверными легендами – точно мерзкие гады победоносные, сильные, торжествующие»¹. Здесь православное духовенство представляется одним из институтов официальной политической власти, следовательно, на него распространяются ее негативные характеристики. Кроме того, в данном фрагменте дневника Тырковой прослеживается еще один аспект образа официальной власти – ее сила и способность побеждать. Власть являлась «больше» своих противников. Это можно проследить по тем словам-маркерам, которые используются по отношению к ее действиям. Например, так говорится об убийстве В.К. Плеве, министра внутренних дел Российской империи начала XX в.: «Плеве убит. ... Что теперь будет? Кого *растерянный, бесхарактерный повелитель* приставит к покорному стаду в качестве пастуха или, вернее, *злой собаки*? Убит. Нет его, *чиновника-деспота, топтавшего и давившего* все живое и желающее жить. Быть может это радость рабов, которых какая-то внешняя сила избавила от *жестокого хозяина*»². Следует отметить, и это заметно по данной цитате, что «сила» власти не распространяется на всех ее носителей. Например, глава государства, император Николай II предстает исключительно в образе слабого и бесхарактерного человека, к которому обычно испытывали лишь чувство презрительной жалости. Даже в виде «жестокого хозяина» выступает не сам император, а министр В.К. Плеве.

Вся сила власти, таким образом, в сознании журналисток концентрировалась в руках бюрократии. Исходя из рассмотренных нами мемуаров, именно о ней говорится как о носительнице силы в большинстве случаев. Власть «*высасывает соки* из бедной России»³, «*душит* Россию *окровавленными цепями*»⁴, сравнивается с библейским Хамом, который потакает безобразиям регулярно напивающейся России⁵.

По мнению Т.А. Сабуровой, интеллигенция, а значит и входившие в эту социокультурную группу журналисты, относилась к власти как к внешнему, чуждому, закрытому институту, то есть воспринимала ее «чужой», что обуславливало негативное к ней отношение⁶. Это нашло отражение и в эгоистичниках наших героинь, в которых официальная политическая власть предстает чужеродным России элементом, который только убивает и развращает общество. Образ власти как «чужой» закреплялся в сознании журналисток действиями ее представителей. Для последних считаются правильными «аморальные» поступки, которые совершаются для защиты государства от «бунтовщиков». В воспоминаниях Э.К. Пименовой содержится яркий тому пример. Ситуация имела место в ее детстве. В гостях у ее отца были «усмирители» польских бунтовщиков (имеется в виду Польское восстание 1863 г.). На вопрос маленькой Милы (Пименовой) «И вам было не жалко их *убивать*?», «усмиритель» с удивлением ответил: «Жалко?.. Бунтовщиков?..». Свою пози-

¹ *Наследие* Ариадны Владимировны Тырковой... С. 58.

² Там же. С. 65–66.

³ Там же С. 69.

⁴ *Пименова Э.К.* Дни минувшие. С. 134.

⁵ *Гуревич Л.Я.* История «Северного Вестника» // Русская литература... С. 258.

⁶ *Сабурова Т.А.* Модель мира русской интеллигенции XIX столетия // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 309.

против он обосновывает так: «Их жалеть нечего, милая девочка ... Они бунтуют против великой России. А если вы русская, то должны любить только Россию»¹. Надо сказать, что отсутствие жалости к «бунтовщикам» распространилось не только на поляков, но и на «русских бунтовщиков», которых он «усмирял», по словам Пименовой, в 1905–1907 годах. Сами же «бунтовщики» маркировались журналистками как «свои», и потому их действия представлены как правильные и необходимые. Они не боялись говорить громко о народных нуждах, критиковать власть, которая их боялась, потому, что они проявляли инициативу в общественных делах.

Любая работа на такую негативно окрашенную власть считалась неприемлемой. Характерно в данном случае то, что испытывала Э.К. Пименова из-за факта своей работы в проправительственной газете «Гражданин», направленные которой она определяла как ультраконсервативные. Это были настоящие муки совести: она чувствовала себя подавленной, была «усталая и печальная», на душе у нее «было ... тоскливо», воспринимала себя «отщепенцем», ей было страшно встретить кого-либо из того литературного круга, к которому она стремилась². Чувства, испытываемые нашей героиней, так же доказывают разделение на «своих» и «чужих». Поэтому пространство проправительственной газеты ощущалось как «чужое». Это можно проследить по реакции Г.И. Успенского, которая описана в мемуарах Пименовой. Он входил в редакцию «Гражданина» испуганно оглядываясь, как на вражеской территории.

Как уже упоминалось, официальная политическая власть является «глупой», абсурдной. Ее даже нужно обманывать. Такие суждения можно услышать и от самих служителей власти по отношению к вышестоящим чинам, что еще больше подчеркивает абсурдную природу существующей власти. Примером этому служит ситуация, описанная в мемуарах Э.К. Пименовой. События происходили в начале XX в.: некий гвардейский офицер Г., состоящий при военном министре А.Н. Куропаткине, обратился к нашей героине «с предложением писать для него бюллетени по иностранной политике»³, которые потом он будет докладывать министру от своего имени. Пименова принимает данное предложение, но обман на этом не заканчивается. Нашей героине потом пришлось самой отправлять бюллетени А.Н. Куропаткину даже после увольнения Г., по просьбе последнего. В данной ситуации именно Г., то есть представитель власти, уговаривает согласиться Пименову на ложь, говоря, что «это самый невинный обман и никому не приносит вреда, а министров, вообще, приходится обманывать»⁴.

Любопытно, что рассказывая о данной ситуации, Пименова показывала тем самым свое превосходство над военным министром Куропаткиным. К тому же, в преддверии русско-японской войны она предупреждала его через господина Г. о том, что на восточном фронте «сгущаются тучи». По утверждению же министра все складывалось, как нельзя лучше, и война России была нужна для разрядки. Учитывая то, чем обернулась для царской власти русско-японская война, можно заключить, что Пименова оказалась более компетент-

¹ Пименова Э.К. Дни минувшие. С. 35.

² Там же. С. 136, 137.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же. С. 186.

ной в вопросах внешней политики, чем военный министр Российской империи, олицетворяющий в данном случае власть. В воспоминаниях В.Н. Цеховской так же описывается случай, когда представитель власти в лице мирового судьи уговаривает журналистку совершить обман: писать репортажи о выдуманных событиях, выдавая их за реально происходившие ¹.

Конкретный образ чиновника мог не совпадать с представлениями о власти среди журналистов. Например, образ вице-губернатора Киевской губернии, в которой жила и работала тогда Цеховская, в ее воспоминаниях далек от только что описанных представлений о власти. Он изображается простым, доступным, рыцарски-честным, утонченно-вежливым и деликатным. Мемуаристка приводит такой ответ вице-губернатора на ее просьбу о сотрудничестве с газетой, которую представляла наша героиня: «Собственно говоря, разрешить вам это официально я не могу. Мы – учреждение правительственное, у нас сообщать обо всем в газеты...ммм... как бы это сказать?.. ну не принято. ... Словом, если поставить вопрос на формальную почву, я с большим сожалением, но должен буду отказать вам. Это я вам говорю, как вице-губернатор, но лично я... я всегда был другом гласности, прессы и литературы также. И всегда сердечно рад оказать вам всяческое, доступное мне, содействие» ². Это можно расценивать как-то, что отдельные представители власти осознавали невозможность официально сочетать властные полномочия с позицией «друга прессы». Но сотрудничать с периодической печатью можно было неофициально, лично. Сам образ представителя власти в данном случае приобрел положительные характеристики именно в связи с его оценкой как «друга прессы». Хотя обыкновенно власть воспринималась через призму образа врага.

Что же касается гендерного образа власти у российских журналисток, то, по мнению Л.П. Репиной, властной составляющей гендерного аспекта отношений являются семья, религия, образование, определения гражданского равенства и политического подчинения ³. Власть в данном случае зиждется на системе права, которое закреплено в законе и/или сознании людей. В свою очередь в словарях, издававшихся в этот период ⁴, одним из смысловых аспектов власти было право. Власть в таком случае так же является негативно эмоционально окрашенной. Она деспотична, жестока, применяет меры насилия и унижения. Но главное – власть также абсурдна, так как именно абсурдом, по мнению наших героинь, является отрицание равных прав женщин и мужчин. Деспотичной властью может быть в семье, где подавляется личность женщины, не даются ей возможности умственно развиваться. Так, например, было в семье Э.К. Пименовой, в которой функции власти были сосредоточены в руках отца, единолично принимавшего все решения, подавляя при этом жену и дочь. Жестокой она может быть также в ситуациях подавления лично-

¹ Цеховская В.Н. Из репортерских воспоминаний // Голос минувшего. 1913. № 7. С. 146.

² Там же. С. 135.

³ Репина Л.П. От «домашних дел» к «делам государственным». Гендер и власть в историческом контексте // Диалог со временем. 2007. № 19. С. 5.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь...; Абрамов Н. Словарь синонимов...; Фасмер М. Этимологический словарь Фасмера. М., 1986.

сти, где при отрицании женского равноправия применяются методы насилия и унижения. Иллюстрацию этого можно найти в дневниках, которые велись А.В. Тырковой во время пребывания в Турции после сравнительно недавно произошедшей там младотурецкой революции. У нее вызывает негодование и удивление то, что женщинам в этой стране нельзя выходить на улицу одним, гулять с открытым лицом. В противном случае их могут закидать камнями. Не случайно Л.Я. Гуревич, Э.К. Пименова и А.В. Тыркова-Вильямс были активными деятельницами женского движения, развернувшегося в начале XX века. Показательны в данном случае их статьи о необходимости женского равноправия в различные журналы, обращения к партиям с петициями о включении в их программы требований о получении женщинами права голоса на выборах в Государственную думу, лекции А.В. Тырковой.

Данный образ власти оказывал влияние на стратегию поведения по отношению к ней, побуждая к борьбе. Естественно, что в этой борьбе применялись методы, общие для женщин- и мужчин-журналистов. Главный метод борьбы с властью для этого профессионального сообщества – выступление на страницах периодической печати. Но иногда для того, чтобы судьба публикации была успешной, необходим был личный разговор с цензором, в результате которого решалась судьба статьи или целого номера. Именно здесь журналистки использовали то, что недоступно мужчинам-журналистам – женское обаяние, флирт. Следует отметить, что флирт имеет игровую основу, на которую обращает внимание в своей статье З.К. Тимиргазина. Исследовательница выделяет следующие цели флирта: понравиться собеседнику, приятно провести время, доставив удовольствие себе и партнёру, произвести впечатление, блеснув остроумием и убедившись в собственной привлекательности для противоположного пола¹. Журналистки же использовали флирт для проведения через цензуру нужного им материала. Это нашло отражение в проанализированных нами воспоминаниях. В них содержатся сведения о посещении цензора журналисткой: как в статусе обычного сотрудника, так и редактора. Л.Я. Гуревич использовала, по нашему мнению, для защиты материала номера своего журнала флирт. В шуточной форме она отметала различные требования цензора по поводу содержания статей и направления журнала. Цензор принял тактику данной игры и так же в шуточной форме отстаивал свою позицию, обращаясь с нашей героиней «галантно». В данной «игре» дама всегда выигрывала, но это не вызывало сопротивления власти в лице цензора, а, напротив, доставляло удовольствие. В выигрыше оказывалась и журналистка, которая, благодаря данной стратегии, могла отстоять облик журнала и некоторые статьи². Использование женского обаяния как тактики поведения с цензором можно проследить на примере воспоминаний А.В. Тырковой. Во время ее работы в ярославской газете «Северный край» (1903 г.) цензор, которым был согласно закону от 30 сентября 1881 г. вице-губернатор³, вы-

¹ Тимиргазина З.Г. Культурные сценарии поведения мужчин и женщин: ухаживания и флирт // Гендерная лингвистика: коллективная монография. Павлодар, 2013. С. 182.

² Гуревич Л.Я. История «Северного Вестника» // Русская литература... С. 258.

³ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. Учебное пособие. М., 2001. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text9/37.htm>.

черкнул ее статью из номера газеты, и наша героиня решила ее «отвоевать». Когда она встретила с ним, то, по ее сообщению, «он не знал, как себя со мной держать. Я пришла к нему из "Северного края", из враждебного лагеря. Но перед ним была не задорная нигилистка с папироской в зубах, а молодая привычного дворянского круга, скорее привлекательная, смелая ... Бедный вице-губернатор явно был сбит с толку, что мне было очень приятно»¹. Но добиться разрешения напечатать статью у Тырковой не получилось. Над «добрым» вице-губернатором стоял его начальник – губернатор Б.В. Штюмер, которого наша героиня характеризует как «врага прессы». Способность женщин оказывать влияние на представителей власти мужского пола, как мы считаем, осознавалась и мужчинами-журналистами. Например, редактор газеты «Киевское слово» так комментировал свой выбор В.Н. Цеховской, как репортера, посылаемого за сведениями к вице-губернатору: «У нас нет регулярных сведений из губернского правления. Надо, чтобы барышня организовала это дело»². Стоит отметить, что это было одно из немногочисленных упоминаний в ее мемуарных заметках, когда редактор акцентировал внимание на гендерном статусе нашей героини.

Таким образом, судя по привлеченным нами источникам личного происхождения, в образе власти в картине мира российских журналисток конца XIX – начала XX вв. преобладают негативные характеристики, что является следствием восприятия ее как «чужой». Это относится и к власти как к начальству – «официальной», и к власти как к праву – гендерной. Власть официальная – темная и грубая, глупая и абсурдная, жестокая и аморальная. Но отношение к ней меняется, если она оценивается не как «враг прессы», а как ее друг, если она готова помогать периодической печати. Власть гендера, под которой в данной статье понимается закрепленное в системе права доминирование мужчин над женщинами, была такой же деспотичной, иногда такой же жестокой, но главное такой же абсурдной, так как отрицала равенство мужчин и женщин. Этот образ власти подталкивал наших героинь к борьбе с ней. Она выражалась в борьбе за женское равноправие – как в мемуарах, так и в статьях, петициях, чтении лекций и т.д. В печатных изданиях «воевали» с властью, с цензурой. Это вынуждало встречаться лично с цензором, чтобы уговорить его оставить статью, обговорить направление печатного органа и т.п. В ходе этих встреч журналистки использовали женское обаяние и флирт для того, чтобы отстоять плоды своего труда. Образ власти, существовавший в сознании журналистов, оказал значительное влияние на ход истории, потому что воспринимался как референтный наиболее активной частью общества и побуждал их к борьбе с не устраивавшей их действительностью.

¹ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. С. 119.

² Цеховская В.Н. Из репортерских воспоминаний // Голос минувшего. 1913. № 7. С. 134.

Т.А. Кузнецова

**Репрезентации Сибири в иллюстрированных еженедельных
журналах конца XIX – начала XX в.¹**

Во второй половине XIX в. в связи с распространением образования увеличивается число читателей и подписчиков периодических изданий. Появился слой читательской публики, который историк А.И. Рейтблат назвал «полуобразованными» читателями. К этой группе исследователь отнес мелких и средних чиновников, сельских священников, купцов и мещан, провинциальную интеллигенцию. Именно на таких читателей были рассчитаны появившиеся в пореформенное время еженедельные иллюстрированные издания «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение», «Нива», «Родина», «Звезда». Наиболее доступными для читательской аудитории были три последних: стоимость их годовой подписки не превышала шести рублей. Поэтому в данной работе сосредоточим внимание только на этих журналах.

Самый высокий тираж был у «Нивы»: к 1901 г. он составил 250 тыс. экземпляров (начал издаваться с 1870 г.). Из-за своей популярности среди читательской аудитории это издание стало образцом для редакторов отечественных иллюстрированных журналов. «Родина» выходила в свет с 1879 г., сначала с периодичностью раз в месяц, а с 1883 г. – еженедельно, однако популярным среди читателей этот журнал стал только с 1886 г., когда руководство перешло к А.А. Каспари. Он сумел увеличить число подписчиков с 200 до 40000 чел. за первые пять лет владения журналом, а в начале XX в. тираж достиг 120 тыс. экземпляров. Журнал «Звезда» выпускался с 1886 года. Его создателем был известный общественный деятель, журналист В.В. Комаров, занимавший должность редактора-издателя с момента создания журнала до 1893 года. Последним издателем этого журнала (с 1905 г.) стал художник И.Я. Билибин.

Все эти журналы издавались в европейской части России. Поскольку основная масса их читателей, как мы уже отметили, принадлежала к «полуобразованным» слоям населения, это наложило существенный отпечаток на тематику и качество публикуемых в журналах материалов. Издатель «Родины» А.А. Каспари так прокомментировал свою позицию: «Самый неграмотный русский публикум хлынул ко мне [после издания журнала – Т.К.], и я стал давать ей лубочные картинки, хорошо понимая, поверьте мне, что художественно исполненные ксилографии и фототипии еще приготовительный читатель не понимает. И я выбирал иногда плохие и малограмотные повести в самых старинных манерах и с мещанскими вкусами и законной моралью, чтобы не отпугивать неразвитой публикум, которая обижается, когда она видит или читает что-либо мало понятное ей, недо-

Кузнецова Татьяна Анатольевна, к.и.н., доцент Новосибирского государственного педагогического университета. Эл. почта: Kta_06@list.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 12-01-00258а.

ступное, новое или умное»¹. Стремясь увеличить тираж издания за счет читающих представителей традиционного патриархального российского общества, редакторы иллюстрированных журналов старались подбирать материал таким образом, чтобы по возможности избежать острой полемики и спорных моментов. «Законная мораль» занимала первостепенное место в иллюстрированных журналах «для семейного чтения» и заключалась она в том, чтобы «с какой бы то ни было стороны представлять одно лишь хорошее в русском народе, его истории, его быте и в характеристических чертах. Ни полемики, ни пререкательств, ни брани, ни разных неблаговидных выходов вовсе не будет...»². Благонадежность и патриотичность «журналов для семейного чтения» отмечали не только редакторы и авторы периодических изданий, но и цензоры в своих характеристиках³.

Все журналы имели схожую структуру: они знакомили читателей с обзорами современных событий, публиковали беллетристику, материалы познавательного характера. Отдельной рубрики, посвященной окраинам Российской империи, в рассматриваемых нами периодических изданиях не было. Публикации и иллюстрации о Сибири появлялись в различных разделах еженедельных изданий. На основе анализа этих материалов попытаемся определить, каковы были репрезентации восточного региона России на страницах иллюстрированных изданий.

Представления о Сибири в еженедельниках формировались благодаря большому количеству иллюстраций и текстов (очерков, статей и художественных произведений). Сибирская тематика в еженедельниках встречалась довольно часто. О внимании к восточному региону писали сами редакторы журналов: «В последнее время интерес русского общества заметно усилился ко всему, относящемуся к Сибири. Этому громадному, малонаселенному, но богато наделенному дарами природы краю вскоре предстоит сосредоточить на себе еще решительнее внимание России. Давно ожидаемая и теперь осуществляемая постройка железной дороги, которой предстоит, пройдя вдоль всей страны, соединить Петербург с Тихим океаном, а в особенности путешествие наследника цесаревича по Сибири, направило на восток не только взоры, но и любознательность Европы»⁴.

Под «любопытностью Европы» редактор подразумевал экспедиции иностранцев в сибирский регион. Сообщения и заметки об этих путешествиях, снабженные соответствующими иллюстрациями, регулярно появлялись на страницах еженедельников⁵. Например, несколько статей

¹ Цитата по: *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 105.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 6 (1878). № 356. Л. 59.

³ Там же. Л. 192.

⁴ *От редакции // Звезда.* 1891. № 11 (17 марта). С. 242.

⁵ См. например: *К рисункам.* Англичане на Енисее // *Звезда.* 1891. № 7 (17 февраля). С. 165; № 8 (24 февраля). С. 188; *Русская Азия.* По степям от Оренбурга до Казалинска (путевые впечатления г-жи Уйфальви-Бурбон) // *Звез-*

в «Ниве» было посвящено экспедиции Ф. Нансена, изучавшего возможности морского северного пути. В «Звезде» публиковались «путевые впечатления» г-жи Уйфальви-Бурбон, супруги представителя французского министерства народного просвещения К.-Е. Уйфальви. Она вместе со своим мужем путешествовала по Сибири, попутно занимаясь изучением «инородцев».

Проанализировав весь массив публикаций, посвященных восточному региону Российской империи, можно выделить приоритетные «сибирские» темы: 1) ссылка и быт каторжан; 2) население Сибири («инородцы» и русские); 3) боевые действия на Дальнем Востоке в ходе конфликта России и Китая в 1900 г. и во время русско-японской войны; 4) строительство Транссибирской железнодорожной магистрали.

Большое количество публикаций было посвящено теме ссылки и каторги в Сибири. Рубеж XIX–XX вв. – время обсуждения вопроса отмены ссылки в восточном регионе, поэтому периодическая печать активно включилась в этот процесс. В иллюстрированных изданиях регулярно публиковали корреспонденции, посвященные данной проблеме, в основном они были заимствованы из других газет и журналов¹.

Редакторы еженедельников, выступая сторонниками отмены ссылки, одновременно поддерживали уже существующий у обывателей европейской России образ преступной и уголовной Сибири. Особенно часто эта тема поднималась в журнале «Звезда», страницы которого в конце XIX в. пестрили сообщениями о грабежах и убийствах в сибирских городах и на железной дороге. Вот типичный комментарий журналиста «Звезды» к хронике сибирских событий: «В Сибири тоже жить не сладко! Убийства здесь чаще, чем случаи ласкового обращения»². Автор сопоставляет криминальную обстановку Сибири с ситуацией на другой российской окраине – Кавказе³.

Вполне возможно, что повышенное внимание журналистов «Звезды» к криминалистике, детальному описанию уголовных преступлений, акцентированию внимания на массовости этого явления было связано, главным образом, с предпочтениями редактора. Наиболее часто эта тема

да. 1886. № 20 (17 мая). С. 480–482; № 21 (24 мая). С. 504–506; *Полярные страны* // Нива. 1887. № 30 (25 июля). С. 745–751; *И. Б. Смелое предприятие новой полярной экспедиции* // Нива. 1893. № 30 (24 июля). С. 687, 690–691; *Где теперь может быть Нансен?* // Нива. 1896. № 27 (6 июля). С. 685, 688–690 и др.

¹ *Остров Сахалин* // Нива. 1897. № 47 (22 ноября). С. 1118–1119; *Об отмене или ограничении ссылки* // Нива. 1899. № 20 (15 мая). С. 383; *Остров Сахалин* // Нива. 1903. № 7 (15 февраля). С. 127–132; № 8 (22 февраля). С. 148–152; *А.С.Ф. Остров Сахалин* // Родина. 1893. № 27 (4 июля). С. 947–948; № 30 (25 июля). С. 1043–1046; № 31 (1 августа). С. 1075–1078; № 33 (15 августа). С. 1141–1142; № 34 (22 августа). С. 1173–1174; № 35 (29 августа). С. 1205–1206; *Ссылка* // Звезда. 1899. № 4 (24 января). С. 7; *Дневник событий* // Звезда. 1888. № 14 (10 апреля). С. 298.

² *Из жизни* // Звезда. 1899. № 37 (12 сентября). С. 12.

³ *Из жизни* // Звезда. 1899. № 43 (24 октября). С. 11.

поднималась в журнале с 1898 по 1901 гг., когда редакторский пост занимал столичный репортер Н.Н. Животов, ставший известным за романы, сюжеты которых были почерпнуты из уголовной и скандальной хроники. С 1901 г., когда Н.Н. Животова сменяет А.И. Осипов, статей на данную тему в журнале становится на порядок меньше.

Другой важной темой, освещаемой на страницах еженедельных журналов, было описание жизненного уклада, быта, традиций населения Сибири. В первую очередь, интерес у читателей вызывало коренное население – «инородцы». Регулярно публиковались иллюстрации с портретами представителей тех или иных сибирских племен: якутов, бурят, манси, эвенков и прочих¹. В привлеченных нами к исследованию журналах представлена традиционная для того времени точка зрения на «инородческое» население: сибирские аборигены описывались в патерналистском духе. По мнению авторов, коренные жители Сибири требуют внимания властей, а также воздействия русской культуры и православия, без которых «инородцы» влчат «жалкое существование». Иллюстрированные журналы были выразителями официального мнения центральной власти, суть которого заключалась в неоспоримости положительного воздействия славянского племени на зауральские территории и неизменного положения русского населения как носителя культуры.

Показательно, что в просмотренных нами журналах не нашла отражения дискуссия о культуртрегерской роли русских на восточной окраине, развернутая в ряде либерально-демократических изданий. Так, например, в областнической печати проводилась мысль о том, что сибиряки-старожилы являются особым народом, сформировавшимся в результате адаптации русских переселенцев к новым природным условиям и смешения с туземцами. В иллюстрированных еженедельных изданиях подобная точка зрения не представлена, авторы, наоборот, стремились подчеркнуть отсутствие различий у русского населения в центральной России и на окраинах. Так, например, автор заметки «Путешествие по реке Енисею» отмечает, что сибирские деревни «ничем не отличаются по виду от таких же селений всей России. Эти знакомые каждому русскому виды возникли на огромном расстоянии от коренной России в силу только того, что туда когда-

¹ Типы русских инородцев: киргиз: (ориг. рис. И. Крылов; грав. Ю. Барановский) // *Нива*. 1884. № 33 (18 августа). С. 776; *Среди инородцев Сибири*: Бурятская женщина в праздничном костюме; Бурят в зимнем одеянии; *Бурятский идол Дорагигей*; Бурятский идол Ямсау; *Хамбо-лама, верховный жрец бурятских буддистов*; *Семья тунгусов на пути*; *Тунгусские шаманы*; *Караван верблюдов на р. Амуре зимой*; *Народные увеселения*. Борьба атлетов: (по фот. грав. Gr.) // *Нива*. 1894. № 23 (4 июня.). С. 538–541; *С востока (камчатка)* // *Звезда*. 1898. № 50 (13 декабря). С. 4–5; *Самоеды*. // *Родина*. 1891. № 30 (21 июля). С. 992 и др.

то переселялся русский крестьянин и принес с собой свои обычаи, свою архитектуру, свое гостеприимство, свои понятия и привычки»¹.

С началом XX в. основными сюжетами стали военные конфликты с Китаем и Японией, что повлекло за собой усиление внимания редакций к Дальнему Востоку. В публикациях данного периода обращает на себя внимание то, что главным защитником восточных границ России выступало сибирское казачество. Отсюда возник стабильный интерес авторов к истории возникновения казачества в Сибири, быту казаков и их подвигам во время военных действий².

Важную роль для «приближения» Сибири к Европейской России и включения ее в ментальную карту жителей центральной части империи сыграло строительство железной дороги. Этот факт признавали многие периодические издания, в том числе журналы для семейного чтения. Так, в журнале «Звезда» авторы перечисляют последствия этого грандиозного строительства: «Наплыв пришлого населения из Европейской России ускорил рост городов и больших торговых селений, а развитие торговли вызвало появление новых рынков. Новая сибирская дорога видоизменила сибирскую жизнь и в культурном отношении. Открытие Томского университета и технологического института, рост прессы и журналистики, наблюдавшиеся за последние годы, открытие новых рынков книжной торговли и т.п. – все это показывает, что можно ожидать от Сибири в будущем»³. Тем не менее, те же авторы отмечают, что культурные изменения произошли только в тех городах и поселках Сибири, которые расположены вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, а большая часть территорий региона по-прежнему представляла собой «медвежьи углы».

Таким образом, репрезентации Сибири, представленные в иллюстрированных еженедельных изданиях, содержали основное противоречие. С одной стороны, для редакторов массовых изданий, ориентированных

¹ К рисункам. «Путешествие на реке Енисею» // Звезда. 1891. № 6 (10 февраля). С. 139.

² См., например: *Старшие представители* сибирского казачьего войска, мобилизованного ныне по случаю войны с Японией: Войсковой наказной атаман, командующий войсками сибирского военного округа и почетный казак сиб. казач. войска, ген.-лейт. Н.Н. Сухотин. Командующий сибирской казачьей дивизией ген.-майор Н.А. Симонов. Представ. войск. хозяйств. правления ген.-майор Г.Е. Катанаев. Командир 1-ой бригады сибир.-манчжур. казач. дивизии голк. Н. И. Еркувский. Командир 2-ой бригады сибир.-манчжур. казач. дивизии ген.-майор М. Г. Чирико: (фот.) // Нива. 1904. № 15 (10 апреля). С. 296; *Описание рисунка* «Казачий пикет на Амуре» // Родина. 1900. № 33. С. 1317–1318; *Описание рисунка* «На постройке Сибирской железной дороги. Уральские казаки конвоируют китайских манз (разбойников)» // Родина. 1899. № 34 (22 августа). С. 1358; *Зауерленд В., Мягков Н.* Походная жизнь русской армии (с рисунками) // Родина. 1904. № 32 (8 августа). С. 1005–1014; № 33 (15 августа). С. 1035–1046 и др.

³ *Внутреннее обозрение* // Звезда. 1902. № 40 (5 октября). С. 26.

на «полуобразованного читателя», главной задачей было показать Сибирь мало отличимой от европейской России в вопросах управления, образе жизни населения и пр. Для журналов (как и для власти) было важным представить в публикациях не колонию, а окраину Российской империи. Особую актуальность эта задача приобрела в связи с распространением областнических идей среди сибирской интеллигенции. С другой стороны, публикации иллюстрированных журналов формировали представления о Сибири как о пустыне, «далекой... как луна» от жителей европейской России, заполненной преступниками и инородцами-язычниками, вследствие чего восточный край чаще всего репрезентировался как колония.

В.А. Сердюк

**Труд женщин на железных дорогах Сибири
в конце XIX – начале XX в.**

Работа на железных дорогах рубежа XIX–XX вв., – времени, когда железнодорожный транспорт во всем мире стал превращаться в самостоятельную отрасль экономики¹, – традиционно ассоциируется с трудом многих поколений мужчин, считаясь сугубо мужской сферой деятельности. Не оспаривая справедливость данного положения, автор, тем не менее, находит, что и женский вклад в развитие железнодорожной отрасли в рассматриваемый период являлся достаточно весомым, чтобы об этом можно было заявлять, как о самостоятельной исследовательской проблеме в рамках истории железнодорожного транспорта.

Одним из первых исследований, содержащих анализ динамики численности женщин-работниц в дореволюционной России, стал труд А.Г. Рашина «Формирование рабочего класса России» (1958 г.)², до сих пор не потерявший своей актуальности. В частности, ссылаясь на работу А.Г. Рашина, петербургские ученые В.В. Фортунатов и В.И. Левин приводят сведения о количестве и возрасте железнодорожных служащих России в начале XX в., в том числе женщин³. Ретроспективный взгляд на деятельность женщин на железных дорогах приводится в научно-популярном издании А.Б. Вульфома⁴, в статье Л. Двоскиной⁵, на специализированных сайтах сети Интернет⁶. На основе анализа материалов личных анкет за период с 1885 по 1970-е годы. В.Л. Дьячков показал общий уровень образования тамбовских железнодорожниц, структуру их трудовой занятости⁷. В этой связи достаточно сложно согласиться с утверждением, что вопрос о начале использования женского труда на

Сердюк Владимир Александрович, преподаватель Омского государственного университета путей сообщения. Эл. почта: a.serdyuk@mail.ru

¹ *История железнодорожного транспорта России: уч. пособие для студентов вузов.* М., 2012. С. 26.

² *Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России.* М., 1958.

³ *Люди дела.* Вклад железнодорожников в социально-экономическое развитие России: Монография. М., 2007. С. 7, 10.

⁴ *Вульфова А.Б. Повседневная жизнь российских железных дорог.* М., 2007. С. 121–122.

⁵ См.: *Двоскина Л.* Первый инженер в юбке, или как женщины завоевывали железную дорогу // *Магистраль* [Всеукраинская транспортная газета]. 2011. № 16–17. С. 6–7.

⁶ См.: *Женщины на железной дороге* // *Инновационный дайджест* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rzd-expo.ru/history/railwaywomen>.

⁷ *Дьячков В.Л.* Русские железнодорожницы XX в.: сравнительный и профессионально-демографический облик (тезисы по материалам женских анкет) // *Железные дороги и процессы социальной модернизации России в XIX – начале XX в.: сб. мат-лов междунар. конф.* Тамбов, 2009. С. 199–204.

железных дорогах «остаётся недоступным для ученых»¹. Однако, стоит признать, что множество аспектов так называемого «женского вопроса» на железных дорогах России в конце XIX – начале XX вв. до сих пор остаются нераскрытыми и среди них: правовой статус, численность и образовательный уровень железнодорожниц Сибири.

Период ускоренного развития железнодорожного транспорта дореволюционной России в отечественной историографии условно именуется «поререформенным» (60-е гг. XIX в. – 1917 г.), начало которого связывается с отменой крепостного права, позволившей в короткие сроки интенсифицировать промышленное производство в масштабах всей страны. Растущий товарооборот требовал соответствующего развития путей сообщения, а строительство железнодорожных линий, в свою очередь, значительного количества рабочих рук. Отсюда резкое увеличение числа железнодорожников в данный период: если в 1860 г. на железных дорогах России трудилось 11,1 тыс. чел., то в 1900 г. уже 554,4 тыс. человек². Преимущественно это были мужчины, что следует из данных Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: из 175246 железнодорожников, зафиксированных переписью, 162784 чел. являлись мужчинами (92,9 %) и лишь 12462 чел. – женщинами (7,1 %)³. В среднем на 1 тыс. мужчин, занятых на железных дорогах, приходилось 76 женщин – такое соотношение можно признать характерным, совсем немного не дотягивающим до средних показателей по другим отраслям производства. Среди женщин встречались как совсем молодые – 12 лет и моложе (42 чел.), так и 60-летние работницы (102 чел.). При этом общий уровень их грамотности был низким – из 12462 женщин писать и читать могли лишь 1920 чел. (15,4 %)⁴, поэтому большая часть была занята низкоквалифицированным трудом.

Количество трудящихся на железных дорогах женщин законодательно ограничивалось установленными «Правилами о допущении женщин к занятиям в Управлениях железных дорог» (далее «Правила»), высочайше утвержденными 17 ноября 1889 г. и в дальнейшем неоднократно подвергавшимися редакции (циркуляры Управления казенных железных дорог № 29397 от 1 декабря 1889 г. и № 24876 от 7 октября 1892 г., циркуляр Управления железных дорог № 2818-133 от 1 ноября 1900 г. и т. д.). Изданными позже циркулярами (№ 50537 от 1 ноября 1900 г. и № 51508/250 от 25 ноября 1903 г.) сфера применения женского труда в железнодорожной отрасли была расширена⁵.

¹ Хобта А.В. Строительство Транссиба: очерки истории (конец XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2009. С. 18.

² Рашин А.Г. Формирование рабочего класса... С. 117.

³ Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. СПб., 1906. Т. I. С. IX.

⁴ Там же. Табл. III. С. 8–9.

⁵ В.Г.С. О сослуживцах (по поводу одной министерской попытки) // Железнодорожник. 1908. № 253-21. С. 3.

В соответствии с обозначенными выше Правилами, изложенными в циркулярах Управления железных дорог России № 29397 от 1 декабря 1890 г. и № 24876 от 7 октября 1892 г., женщины могли допускаться к замещению следующих должностей в местных Управлениях и на линиях казенных железных дорог: телеграфисток, конторщиков, переписчиков, младших счетоводов, билетных кассиров, чертежников, журналистов, библиотекарей, фельдшер и акушеров, переездных сторожих, горничных при дамских уборных¹. Правилами устанавливалась процентная норма для женщин: не более 20 % от общего числа служащих Управлений, а в отделениях статистики – не более 30 %. Это ограничение не распространялось на фельдшер и акушеров и переездных сторожих – на эти должности женщины принимались в зависимости от наличия вакантных мест. В 1903 г. женщинам разрешили работать билетными и товарными кассирами в пассажирских и грузовых кассах, конторщиками по коммерческой части, в передаточных конторах, городских станциях и т.д.² При этом оговаривался запрет принимать женщин на участки служб Пути и Тяги, в мастерские, материальные склады, конторы станций, где служба требовала командировок по линии.

Таким образом, к началу XX в. женщины принимались на службу, в основном, в письменные, хозяйственные, врачебные, учебные, счетные отделы и конторы дорог на должности, не требующие значительного напряжения физических сил, что, однако, не означало легкости возложенных на них обязанностей. Состоя на службе, женщины несли равную с остальными служащими ответственность, обладая комплексом прав и обязанностей согласно занимаемым ими должностям.

Стоит отметить, что в отличие от женщин, трудившихся непосредственно на линиях, женщины в службах Сборов и конторах Управлений дорог порой не воспринимались современниками как полноценные железнодорожницы, поскольку их труд мало чем отличался от работ в канцеляриях других ведомств³. Отдавая дань справедливости данной позиции, мы все же будем причислять к железнодорожному персоналу всех женщин, трудившихся в железнодорожных учреждениях, вне зависимости от рода их деятельности.

В отличие от Европейской России, в Сибири железные дороги появились сравнительно поздно. В 1891 г. началось возведение Транссибирской магистрали, и с этого момента можно говорить о постепенном формировании коллектива сибирских железнодорожников, состоявших преимущественно из мужчин. Строительство требовало мускульной силы, поэтому на первых порах женский труд был мало востребован. Привлечение же на службу в Сибирь квалифицированного персонала (в первую очередь из Европейской России) не только в части требований к образованию, но

¹ ГАТО. Ф. 215. Оп. 5. Д. 11. Л. 82–82 об.

² О допущении женщин к занятиям на станциях железных дорог // Железнодорожник. 1903. № 27. С. 16.

³ Т. Как живется // Железнодорожник. 1904. № 58. С. 3.

и в «нравственном отношении», затруднялось рядом обстоятельств: отдаленностью края от культурных центров страны, суровым климатом, высокими ценами на предметы первой необходимости, бытовой неустроенностью. Это отпугивало многих потенциальных служащих от перехода на местные дороги, однако, число сибирских железнодорожников все же увеличивалось.

Данные Всеобщей переписи 1897 г. зафиксировали наличие 7959 железнодорожников Сибири, из которых лишь 155 женщин (1,9 % от общего количества). Большая часть женщин состояла в браке: 124 чел. (80,0 %) ¹. Уровень их грамотности поначалу был чрезвычайно низким: из 155 чел. писать и читать умела лишь 21 женщина (13,5 %) ².

В 1900 г. на железных дорогах Азиатской России (Забайкальская, Сибирская, Средне-Азиатская и Уссурийская железные дороги) трудилось 50,3 тыс. чел. ³, а в 1913 г. – 106,2 тыс. чел. ⁴, большинство из которых, как и прежде, являлись мужчинами, но количество женщин и уровень их образования так же постоянно возрастали.

В 1905 г. на всей линии Сибирской железной дороги насчитывалось 1150 женщин: 619 чел. занимали низшие должности (сиделки, сторожихи, банщики и пр.) с годовым окладом в 60–240 руб., 528 чел. – средние должности (конторщики, переписчики, машинисты, чертежники и пр.) с годовым окладом в 300–840 руб., и лишь 3 чел. занимали старшие должности (старшие счетоводы и делопроизводители) с годовым окладом в 900–1200 рублей ⁵. Подавляющее большинство поступавших на службу были незамужними в возрасте от 19 до 45 лет (в соответствии с правилами, при выходе замуж девушка была вынуждена оставить службу в Управлении дороги), а также замужние (значительная часть из которых сторожихи) и вдовы. Средний возраст женщин-служащих на Сибирской железной дороге в 1903 г. равнялся 32 годам ⁶.

15 апреля 1906 г. на фоне событий Первой русской революции Управление железных дорог России издало циркуляр № 16127/87/2042, вносящий коррективы в процентную норму приема женщин на службу, установленную циркулярами 1890 и 1892 годов. Количество женщин, принимаемых в конторы Управлений дорог, служб, отделов и частей на линиях теперь не должно было превышать 10 % от общего числа служащих вательно взятом подразделении. Исключение сделали для служб Сборов и отделений статистики – 15 % ⁷. Оговаривалось, что при прие-

¹ См.: *Численность и состав рабочих в России...* Табл. II. С. 8–9, 122, 126–127, 130–131.

² *Численность и состав рабочих в России...* Табл. III. С. 41.

³ МПС. Статистический сборник. Вып. 69. С. 32–33, 43.

⁴ *Рашин А.Г. Формирование рабочего класса...* С. 123.

⁵ *Хроника // Железнодорожник. 1905. № 114. С. 13.*

⁶ *Женщина на железнодорожной службе (окончание) // Вестник Сибирской железной дороги. 1903. № 9. С. 7.*

⁷ ГАТО. Ф. 215. Оп. 5. Д. 11. Л. 82 об. – 83.

ме на службу предпочтение необходимо отдавать вдовам и сиротам бывших служащих, а также дочерям лиц, состоящих на действительной железнодорожной службе, имеющим аттестат о получении среднего образования. Женщины, не относящиеся к вышеперечисленным категориям лиц, могли приниматься на службу только при условии наличия аттестата о среднем образовании.

Причины, побудившие Министерство путей сообщения (МПС) пойти на такой шаг, широко дебатировались в периодической печати, порождая различные версии при отсутствии обратной реакции со стороны ведомства. Так, популярной являлась точка зрения, утверждавшая, что причины сокращения процентной нормы носят субъективный характер и связаны с предубеждениями министра путей сообщения Н.К. Шаффаузен-Шенберг-эк-Шауфуса. При совершении министром очередного обхода служб ранее подведомственной ему Николаевской железной дороги в 1899–1905 гг., женщины-служащие, якобы, были недостаточно почтительны: «они не вскакивали со своих мест, когда начальник дороги входил в комнату, а при разговоре с ним стояли так непринужденно... будто они беседуют не с начальством, а со своим хорошим знакомым»¹.

Трудно судить, насколько обоснованной являлась озвученная версия, однако Управление дорог оказались в затруднительном положении – за многолетнее действие предыдущей редакции Правил в различные службы было принято большое количество женщин, достигающие 25,0–30,0 % (а порой и 60,0 %²) от общего количества служащих в некоторых отделах и конторах. К 1905 г. на 25 казенных железных дорогах России трудилось до 22 тыс. женщин со средним размером годового оклада в 130–135 руб. (от 40 руб. у переездных сторожих до 450 руб. у конторщиков). Наибольшее количество женщин было на Балтийской и Псково-Рижской дорогах (до 15,0 % от общего количества работников), наименьшее – на Николаевской дороге (около 4,0 %)³. На Сибирской дороге в 1905 г. женщины составляли 5,5 %, но по отдельным службам и конторам эта цифра разнилась. Так, в Управлении дорогой процент женщин достигал 21,0 % от общего числа служащих⁴.

В связи с пониманием того, к чему может привести резкое сокращение штатов по половому признаку, было принято решение не увольнять женщин, а приостановить прием на службу новых, с тем чтобы естественным образом через 3–5 лет изменить процентное соотношение до требуемого⁵. И.К. Ивановский, исполнявший обязанности начальника Сибирской железной дороги, 29 апреля 1906 г. издал приказ № 126, в котором предписывал к неуклонному исполнению: «там, где % служащих женщин

¹ Б. Как живет? // Железнодорожник. 1908. № 245-13. С. 1.

² Хроника // Железнодорожник. 1906. № 141-8. С. 11.

³ Женский труд на русских жел. дор. // Железнодорожное дело. 1905. № 9–10. С. 112.

⁴ Хроника // Железнодорожник. 1905. № 114. С. 13.

⁵ Хроника // Железнодорожник. 1906. № 151-18. С. 11–12.

превышает... норму, женщины вновь на службу приниматься не должны, а освобождающиеся должности должны замещаться мужчинами, чтобы таким путем постепенно число служащих женщин было доведено до указанных пределов»¹.

Несмотря на ограничения по приему в отдельные службы, совокупное количество женщин на железных дорогах России росло вслед за увеличением общего числа железнодорожников. К 1908 г., по данным статистики пенсионных и сберегательно-вспомогательных касс, их насчитывалось 30 тысяч человек². На Сибирской железной дороге в силу процентных норм в это время трудилась 661 женщина, из которых 295 чел. находились на службе в Управлении дорожной полицией, а остальные на линии. По вероисповеданию преобладали православные – 599 чел., 44 чел. придерживались католической веры, 10 чел. – лютеранства и 8 чел. – иудаизма³. По данным за 1909 г. из 185 служащих Управления Сибирской дорожной полицией, имевших среднее образование, 83 чел. были женщинами⁴.

Показательным примером отношения к женскому труду является доклад начальника службы Сборов Сибирской железной дороги И.В. Рольке от 23 декабря 1911 года. В докладе на имя министра путей сообщения С.В. Рухлова были перечислены имеющиеся проблемы с комплектованием кадров: студенты местных вузов к работам не допускались, а каждый кандидат, ради повышения оклада согласившийся на переезд в Сибирь, по прибытии должен был получить разрешение на работу от местного отделения жандармской железнодорожной полиции, пройти врачебную комиссию. Зачастую кандидаты просто пугались ожидавших их трудностей и отказывались от переезда. Вследствие сложившихся обстоятельств Управление дорожной полицией вынуждено было набирать персонал «из контингента местных жителей (мужчин – С.В.), в большинстве случаев деморализованных и малограмотных»⁵. Основываясь на собственном опыте, Рольке просил увеличить процентную долю женщин, как наиболее образованных и интеллигентных, ценящих занимаемое рабочее место, дополнительно на 5,0–10,0 % к уже имеющимся 15,0 % для выполнения сдельных работ в службе Сборов при условии наличия аттестата о среднем образовании. Аналогичные просьбы выдвигали и другие службы Сибирской железной дороги. 14 июля 1912 года. Управление дорожной полицией просило МПС увеличить процентную норму до 25,0 % для женщин на должностях чертежников, счетоводов и инженеров по технической части службы Тяги⁶.

¹ ГАТО. Ф. 215. Оп. 5. Д. 11. Л. 82 об.

² См.: *Служба женщин на железной дороге* // Железнодорожник. 1908. № 280-48. С. 3.

³ *Женщины на службе Сибирской жел. дороги* // Железнодорожное дело. 1908. № 46.

⁴ ГАТО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 528. Л. 3а.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 62. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 12.

В 1912 г. в МПС создается специальная комиссия по рассмотрению вопроса о «расширении пределов применения женского труда на казенных железных дорогах». Вслед за этим министерство идет навстречу просьбам и к июню 1915 г. в службе Сборов Томской железной дороги (Сибирская железная дорога к этому времени была разделена на Омскую и Томскую) процентная норма для женщин составляла уже 25,0 % от общего количества служащих службы¹.

В целом, к 1 ноября 1913 г. из 488097 железнодорожников России, учтенных по платежным ведомостям, 42399 чел. являлись женщинами (8,7 %) ². Общее же количество железнодорожного персонала в 1913 г. достигло 815502 человека³. По обобщенным данным, за период с 1 января 1904 по 1 января 1914 г. женщины составляли около 9,0 % от общего числа участников пенсионных касс российских железных дорог⁴. Несмотря на то, что данные пенсионных касс не охватывали всех железнодорожников страны, а в отдельных службах железных дорог процентное соотношение женщин к мужчинам, как мы видим, могло быть выше, этот обобщенный показатель являлся достаточно устойчивым в исследуемый период.

В условиях начавшейся Первой мировой войны, призыва на службу значительной части мужчин-железнодорожников, МПС было вынуждено еще больше расширить «пределы применения женского труда». 28/31 июля 1915 г. вышел приказ Управления железных дорог России «О применении женского труда при работах на железных дорогах», по которому женщины допускались «к... работам в мастерских, участках, материальных складах и вообще таким работам, которые отвечают физическим силам и природе женщины»⁵. Приказ распространялся на здоровых и работоспособных женщин из состава семей служащих, ушедших на фронт или вернувшихся с войны неспособными к продолжению трудовой деятельности. Пойдя на такой шаг, МПС в то же время попросило местные Управления дорог к началу 1916 г. представить свои наблюдения по этому поводу – целесообразно ли расширение сферы применения женского труда? Ответы не заставили себя ждать. Начальник службы Движения Томской железной дороги М.А. Карпов, выразив удовлетворение исполнением подчиненными ему работницами своих должностных обязанностей, предложил увеличить процентную норму для всех отделов службы до 15,0 %, а для отдела статистики – до 25,0 %⁶. Упомянутый выше И.В. Рольке, к тому времени занимавший пост начальника службы Сборов Томской железной дороги, для своей службы предложил увели-

¹ ГАНО. Ф. 215. Оп. 2. Д. 62. Л. 28.

² См.: *Рашин А.Г.* Формирование рабочего класса... С. 248.

³ *Беспалов Н.Г., Елисеева И.И.* Железные дороги России в XX веке в зеркале статистики. СПб., 2008. С. 94.

⁴ *Рашин А.Г.* Формирование рабочего класса... С. 249.

⁵ ГАТО. Ф. 215. Оп. 2. Д. 62. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 24–24 об.

чить процентную норму до 40,0 % от общего числа служащих¹. Однако не все были настроены столь оптимистично. Начальник Телеграфа Томской железной дороги К.Н. Чеховский, применяя женский труд при ремонте телеграфных линий, признавал его абсолютно неэффективным в силу недостатка физических сил у женщин, и неприемлемым в силу причин морально-нравственного характера: в болотистых местностях рабочие порой были вынуждены работать полураздетыми, а в некоторых обстоятельствах и нагими².

12 февраля 1916 г. начальник Томской железной дороги С.М. Богашев направил в Управление железных дорог России доклад о применении женского труда на подведомственной линии, где, в частности, отмечал: «в последние полтора года (с середины 1914 г. – С.В.) ввиду ощущаемого некоторого недостатка мужчин, женский неинтеллигентный труд применялся... в довольно значительных размерах при всякого рода работах, где не требуется большой силы и специальной подготовки»³. Женщины стали допускаться по службам Пути и Материальной к текущему ремонту пути, развозки балласта, очистки кюветов, оправки бровок, дезинфекции путей, засыпки шпал, на садовых работах, ремонте зданий и т.п.⁴ По службе Тяги, помимо занятия должностей конторщиков, сторожих дежурных комнат, контор и депо, поломоек и станционных чистильщиц, обойщиков, водоливов, поварих при дежурных комнатах паровозных бригад, черно-рабочих в депо⁵, женщины стали привлекаться к очистным работам в поездах. В целом, учитывая положительный опыт применения женского труда, а так же его финансовую выгодность при существовавших расценках поденной платы⁶, Богашев предложил министерству и дальше придерживаться политики приема женщин на службу. А 12 июня 1917 г. начальник службы Движения Омской железной дороги В.И. Бухвостов, ввиду недостатка мужчин, предложил начальникам отделений службы использовать женщин в качестве стрелочников на боковых линиях с малым движением, а также на деповских и узловых станциях, после соответствующей проверки их знаний⁷.

К 1 февраля 1917 г. на Томской железной дороге трудилась 1871 женщина. Из них по службе Пути – 576 чел. (в основном переездных сторожих), по службе Движения – 256 чел. (конторщицы, билетные кассиры, водогреи, станционные и прочие сторожихи и др.), по службе Тяги – 501 чел. (конторщицы,

¹ ГАТО. Ф. 215. Оп. 2. Д. 62. Л. 29.

² Там же. Л. 62.

³ Там же. Л. 52.

⁴ Там же. Л. 52 об.

⁵ Там же. Л. 59.

⁶ *О недостаточных размерах оплаты труда женщин-служащих в сравнении с мужчинами см.: Эксплуатация женского труда // Сибирское слово. 1911. № 28. С. 3; Женский труд на железных дорогах // Железнодорожник. 1903. № 10. С. 11; Служба женщин на железной дороге // Железнодорожник. 1908. № 280-48. С. 4-5.*

⁷ ГИАОО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 1. Л. 100.

работчие, кочегары, сторожа дежурных комнат, истопники, чистильщики и проводники служебных вагонов, водоливы и др.), по службе Телеграфа – 69 чел. Значительное количество работало во Врачебно-санитарной службе (167 чел.) и Школьном комитете (124 чел.)¹.

Таким образом, на примере Сибири мы видим, как с конца XIX в. численность работавших на железнодорожных линиях женщин с каждым годом неуклонно возрастала. Объективными причинами к тому служили повышение уровня их образования и квалификации, недостаток в рабочей силе и невысокие расценки сдельной и подённой оплаты труда, установленные для женщин. Небывалая по своим масштабам Первая мировая война лишь усилила эту тенденцию. Железные дороги, затронутые мобилизацией, потерявшие часть своего служебного персонала (хотя и в меньшей степени, чем другие отрасли²), активно расширяли сферу применения женского труда. Субъективной причиной являлся отмечавшийся руководством достаточно высокий уровень их нравственного развития. К 1917 г., как свидетельствовала практика, женский труд на железных дорогах, отвечающий их «физическим силам и природе», в полной мере себя оправдал, заложив основы к дальнейшему привлечению женщин на железнодорожную службу.

¹ РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 4381. Л. 92–94.

² А.С.Б. Женский труд // Вестник Омской железной дороги. 1917. № 7. Часть неофициальная. С. 56.

О.С. Погоняйченко

Устав и действительность: учебные программы, учительские и ученические коллективы начальных школ Новониколаевска (1893–1917 гг.)

Образование всегда являлось одной из важнейших сфер общественной жизни, которая на протяжении всего своего существования подвергалась различным изменениям. Дискуссии о вариантах развития образовательной системы ведутся и в настоящее время. Очевидно, что всестороннее обсуждение данной темы невозможно без обращения к истории образовательного процесса в России. Так, одной из проблем истории образования является соответствие реального положения дел на местах законодательным актам. В данной статье на основе имеющихся источников и литературы анализируется состав учащихся и учащихся лиц новониколаевских начальных школ в заключительный этап существования Российской империи и определяется соотношение предписаний школьных уставов и реальных учебных планов.

Необходимо отметить, что начальное образование города в исследуемый период было представлено несколькими типами учебных заведений. Первыми и, в последующем, самыми многочисленными являлись одноклассные училища. Большинство из них, в том числе и частные, находилось в ведении Министерства народного просвещения (МНП), остальные, именуемые церковно-приходскими, подчинялись Синоду. Первая одноклассная школа МНП появилась в 1893 г., а спустя несколько лет, в 1897 г. в посёлке была открыта первая приходская школа. К 1917 г. Синод полностью утратил свои полномочия в школьных делах, и все одноклассные школы, которых на тот момент насчитывалось более 30, находились в ведении МНП¹.

Другим типом учебных заведений Новониколаевска были двухклассные училища. Они также находились в ведении МНП и Синода. Первое двухклассное учебное заведение возникло в посёлке в 1898 г., а к 1917 г. их насчитывалось не более десятка. Кроме того, в городе создавались воскресные школы, где обучались не только дети, но и взрослые. Как таковые, они появились в Новониколаевске лишь в 1910 г., по инициативе созданного годом ранее Общества попечения о народном об-

Погоняйченко Оксана Сергеевна, студент Новосибирского национального исследовательского государственного университета.
Эл. почта: oxana.bukhovetz@yandex.ru

¹ Цыплаков И.Ф. Сказание об учителе // Созидатели. Очерки о людях, вписавших свое имя в историю Новосибирска. Т. 2. Новосибирск. 2003. С. 209; *Всеобщее среднее* // История города: Новониколаевск – Новосибирск. Исторические очерки. Т. 1. Новосибирск, 2005. С. 410; *Войтик П. Д.* Возникновение и развитие школьного дела в городе Новосибирске с 1892 по 1920 гг. // ГАНУ. Ф. Р. 15. Оп. 1. Д. 128. Л. 7, 11–12.

разовании. Изначально в трех действующих воскресных школах было семь групп учащихся, число которых к 1917 г. увеличилось до тринадцати. Последним типом учебных заведений, появившихся в городе, были четырехклассные высшие начальные училища, находившиеся в ведении МНП. Первое высшее училище было открыто в 1913 г., а к 1917 г. их количество увеличилось до четырех¹.

Таким образом, начальное образование Новониколаевска было представлено четырьмя основными типами учебных заведений, которых к 1917 г. насчитывалось свыше 40. Деятельность учебных заведений регламентировалась следующими законодательными актами: «Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов» от 8 декабря 1828 г., «Положение о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г., дополнивший его «Проект нового положения о начальных народных училищах» от 25 мая 1874 г., «Правила о церковно-приходских школах» от 13 июня 1884 г. и «Закон о высших начальных училищах» от 25 июня 1912 г. и некоторыми инструкциями.

Рассмотрим, насколько учебные программы, по которым проходили занятия в новониколаевских школах, соответствовали требованиям, прописанным в уставах. Так, для каждого типа учебных заведений в законодательных актах предусматривался необходимый набор школьных предметов и устанавливались сроки обучения в них. В одноклассных училищах МНП обучение состояло из следующих дисциплин: 1) Закон Божий (краткий катехизис и священная история); 2) чтение по книгам гражданской и церковной печати; 3) письмо; 4) первые четыре действия арифметики; 5) пение (если это было возможно). Программа одноклассных школ Синода, в целом, совпадала с программой министерских учебных заведений. Но помимо этого в церковно-приходских школах на уроках Закона Божьего предполагалось объяснение порядка богослужения и заучивание молитв, также особое внимание уделялось церковному пению. Весь курс одноклассных школ, как МНП, так и Синода, был рассчитан на два года².

Программа двухклассных училищ была более обширной. Учебные планы первого класса, обучение в котором продолжалось два года, полностью соответствовали курсу одноклассных школ. Вместе с курсом второго класса, также двухлетнего, программа министерских школ включала в себя: 1) Закон Божий; 2) чтение и письмо; 3) русский язык и церковно-славянское чтение; 4) арифметику; 5) практическую геометрию; 6) географию и историю отечества; 7) краткие сведения по естествознанию и физике; 8) черчение и рисование; 9) пение; 10) гимнастику.

¹ *Всеобщее среднее...* С. 413; *Войтик П.Д.* Возникновение и развитие школьного дела... Л. 5, 7, 19, 41; *Новосибирск. 100 лет. События. Люди.* Новосибирск, 1993. С. 68; *НГА. Ф. Л. 590. Оп. 1. Д. 30. Л. 1-2; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 г.* Томск, 1909. С. 204.

² *Полное собрание законов Российской империи.* Собр. 2. Т. 39. СПб., 1867. С. 614; Собр. 3. Т. 4. СПб., 1887. С. 372.

В двухклассных церковно-приходских школах сверх программы одно-классных училищ давались начальные сведения по истории церкви и отечества. Окончившие начальное училище имели право поступать в первый класс средних учебных заведений¹.

В полный курс высших начальных училищ включалось изучение следующих дисциплин: 1) Закон Божий; 2) русский язык и русская словесность; 3) арифметика и начала алгебры; 4) геометрия; 5) география; 6) история России с необходимыми сведениями из всеобщей истории; 7) естествоведение и физика; 8) рисование и черчение; 9) пение; 10) физические упражнения. Кроме того, для девушек преподавалось рукоделие. Также здесь могли вводиться иностранные языки и другие дополнительные предметы. Курс обучения в высших начальных училищах был рассчитан на четыре года – по одному в каждом классе. Они давали полное начальное образование и открывали перед своими воспитанниками возможность поступать в соответствующий класс средних учебных заведений МНП².

Желательным для каждого учебного заведения было наличие библиотек, как ученических, так и учительских. А в высших начальных училищах помимо этого должен был иметься физический кабинет и собрание пособий по всем учебным предметам. Занятия в начальных школах длились целый год, за исключением воскресных и праздничных дней, а также летних и зимних каникул, деливших весь учебный год на два полугодия³.

В действительности же эти требования соблюдались не всегда. Так, местные жители сетовали на то, что в двухклассных городских училищах учебные программы мало отличались от программ одноклассных школ. Такие предметы, как физика, не преподавались в нужном объеме, и, по сути, ученики зря проводили в училищах лишних два года. Преподавание некоторых предметов упрощалось, а многое упускалось ввиду отсутствия в школах необходимых учебных пособий и библиотек. Так, в 1910 г. газета «Обь» писала: «Ни в одной из местных школ, не исключая и двухклассных, нет не только учительских, но даже ученических библиотек. «Дайте что-нибудь почитать!», – пристают ученики. Подать нечего»⁴.

Кроме того, как отмечает епархиальный наблюдатель, много уроков пропусклось в церковно-приходских школах, поскольку в них обычно прекращались занятия задолго перед Рождеством и Пасхой, а начинали слишком поздно после праздников. Частично в этом сказывалась другая проблема – отсутствие специальных зданий, приспособленных для школьных нужд. Условия занимаемых помещений были таковыми, что проводить занятия в холодную погоду было невозможно, и зачастую они отменялись. Бывало и такое,

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 4. СПб., 1887. С. 372.

² Там же. Собр. 3. Т. 32. СПб., 1915. С. 953.

³ Там же. Собр. 3. Т. 32. СПб., 1915. Ч. 1. С. 954; Там же. Собр. 2. Т. 46. СПб., 1874. Ч. 2. С. 87; Там же. Т. 47. СПб., 1875. Ч. 1. С. 628.

⁴ Народная Летопись. 1906. № 4. С. 2; Там же. 1909. № 17. С. 3; Там же. 1909. № 221. С. 3; Обская жизнь. 1910. № 51. С. 3; Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А. Так начинался Новосибирск. Конец XIX – начало XX века. Новосибирск, 1983. С. 120.

что в школах отсутствовали правильно устроенные парты, что в первую очередь сказывалось на результатах уроков по чистописанию¹.

Также большой проблемой начальных школ была нехватка квалифицированных специалистов, по причине чего некоторые предметы также могли отсутствовать или преподаваться не в полном объеме. Согласно законодательным актам, вести занятия в начальных учебных заведениях МНП могли лица, имевшие звание учителя или учительницы начального народного училища, а также церковные служащие. В школах Синода к проведению занятий преимущественно допускались лица, получившие образование в духовных учебных заведениях, а учителя, не имевшие духовного сана, могли вести занятия лишь с позволения епархиального архиерея. Более строгий отбор был в высших начальных училищах, где к ведению занятий допускались лишь лица, имевшие право преподавать в средних учебных заведениях, либо окончившие курс в учительском институте, или выдержавшие экзамен на звание учителя или учительницы высшего начального училища².

Но, как уже было отмечено, нехватка квалифицированных специалистов, особенно в первое десятилетие существования школьного дела в Новониколаевске, приводила к тому, что в ряде случаев к ведению занятий допускались лица, не имевшие надлежащей подготовки. Но и этого не всегда было достаточным, и случалось, что учитель одновременно вел занятия в нескольких разных классах (например, в первом и во втором)³.

Что касается учащихся, то согласно законодательным актам, в начальных школах империи могли получать образование все дети, независимо от их сословия и вероисповедания. Возраст поступавших в первый класс одно- и двухклассных училищ определялся 8–11 годами, хотя в некоторых случаях разрешалось принимать детей другого возраста, но не более, чем на год от отличавшегося. В первый класс высших начальных училищ принимались дети 10–11 лет, прошедшие курс не ниже одноклассного начального училища МНП или выдержавшие экзамен по соответствующему курсу. Состав класса не должен был превышать 50 чел., в противном случае рекомендовалось открывать параллельные классы. Что касается половой принадлежности учащихся, то уставы не запрещали открывать смешанные учебные заведения, и лишь в воскресных школах предусматривалось исключительно раздельное обучение⁴.

¹ ГАНО. Ф. Д. 157. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–28; *Народная Летопись*. 1909. № 88. С. 3; *Мироносицкий В.* Отчет Томского епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Томской епархии за 1907–1908 учебный год. Томск, 1908. С. 7; *Войтик П.Д.* Возникновение и развитие школьного дела... Л. 33; *Томские Епархиальные Ведомости*. 1904. № 15. С. 31.

² *Полное собрание законов Российской империи*. Собр. 3. Т. 32. СПб., 1915. Ч. 1. С. 955; Там же. Т. 4. СПб., 1887. С. 373; Там же. Собр. 2. Т. 39. СПб., 1867. Ч. 2. С. 615.

³ НГА. Ф. Л. 590. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 3–4; *Войтик П.Д.* Возникновение и развитие школьного дела... Л. 5; *Цыплаков И.Ф.* Сказание об учителе... С. 208–209.

⁴ *Полное собрание законов Российской империи*. Собр. 2. Т. 3. СПб., 1830. С. 1100; Там же. Т. 39. СПб. 1867. Ч. 2. С. 615; Там же. Собр. 3. Т. 32. Ч. 1. СПб., 1915. С. 954.

Рассмотрим, как в действительности реализовывались данные предписания. На самом деле в новониколаевских школах вместе обучались дети, имевшие разное сословное происхождение, хотя большинство учащихся все же являлись детьми малосостоятельного местного населения. Различной была и религиозная принадлежность учащихся. Наряду с русскими детьми православного вероисповедования, которых было большинство, вместе обучались дети буддистов, мусульман, иудеев, католиков. Примечателен и тот факт, что, несмотря на большое количество лиц иных национальностей, проживавших в городе, за весь период здесь была открыта только одна национальная школа¹.

Что касается возраста поступающих, то, как это и полагалось, классы старались формировать из детей 7, но чаще, 8–11 лет с разницей в возрасте, не превышающей 2–3 лет. Но все же приходилось принимать и более старших, поэтому в некоторых школах разница в возрасте учеников была более значительной. Количество учеников в классах зачастую превышало 50 чел., поскольку открытие параллельных классов далеко не всегда было возможным. Многие учебные заведения были смешанными, но помимо них в городе имелись как мужские, так и женские школы. Если проследить в целом соотношение числа мальчиков и девочек среди обучавшихся, то первых было в три раза больше, и лишь к 1910 г. это соотношение выровнялось².

Таким образом, проанализировав необходимые данные, можно заключить следующее. Знания, дававшиеся в городских школах, не всегда соответствовали указанным нормам. Это было связано с отсутствием приспособленных школьных помещений, из-за чего временами отменялись занятия. Также на качестве образования сказывалась нехватка квалифицированных специалистов, в связи с чем в школах работали лица, не имевшие нужного образования. Большой проблемой для начальных школ было отсутствие библиотек. Кроме того, в учебных заведениях формировались большие по численности классы, где обучавшиеся имели значительную разницу в возрасте, что также не соответствовало предписаниям уставов.

Выявленные несоответствия связаны, в первую очередь, с тем, что развитие образовательной сферы при ее малом финансировании просто не успевало за быстрыми темпами роста города и численности его населения. В связи с этим необходимо отметить сильные стороны имперской образовательной системы. Так, наличие большого количества различных типов учебных заведений позволяло удовлетворить интересы широких масс. Кроме того, школы были открыты абсолютно для всех желающих, независимо от их национальной, религиозной или сословной принадлежности. Здесь каждый мог получить необходимый набор знаний, открывавший дальнейшие жизненные перспективы.

¹ ГАНУ. Ф. Д. 157. Оп. 1. Д. 8. Л. 49; НГА. Ф. Л. 590. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; *Войтик П.Д.* Возникновение и развитие школьного дела... Л. 20.

² *Войтик П.Д.* Возникновение и развитие школьного дела... Л. 8, 12–13, 42; *Обская Жизнь.* 1910. № 11. С. 3.

Е.А. Карпенко

**Барнаульский лесопильный завод – первое
лесоперерабатывающее предприятие Кабинета
на Алтае (1897–1917 гг.)**

Организация лесопильных заводов Кабинета Его Императорского Величества (далее – Кабинет) была обусловлена стремлением ведомства получать прибыль от коммерческой эксплуатации лесных ресурсов не только в первозданном виде, но и путем продажи готовых сортиментов древесины. Ускорявшийся темп экономического развития региона расширял потребительский спрос на них. Переориентация Алтайского округа в 1896 г. с горно-металлургического производства на получение доходов от лесной и земельной отраслей хозяйства придавала этому процессу особую актуальность. По замыслу Кабинета промышленное лесопользование в виде кабинетских лесозаводов и лесных складов, торговавших лесными материалами, должно было составить основу коммерциализации лесного хозяйства региона ¹.

В настоящее время отсутствуют публикации, непосредственно посвященные особенностям функционирования Барнаульского лесопильного завода. В какой-то мере проблема затрагивалась в работе Т.Н. Соболевой, указавшей на деятельность Томского, Барнаульского и Новониколаевского лесопильных заводов как на одно из направлений коммерциализации лесного хозяйства округа. П.А. Афанасьев, анализируя ревизионные поездки по округу управляющего Кабинетом, отметил положительные отзывы администрации о необходимости дальнейшего совершенствования кабинетского лесопильного производства. Краткая статья А.В. Контева в «Барнаульском хронографе» является практически единственной публикацией, содержащей ряд сведений о Барнаульском лесопильном заводе. Поэтому деятельность предприятия на основе привлечения архивных материалов по-прежнему требует изучения. В данной статье эта попытка основана на привлечении материалов 4 и 154 фондов Государственного архива Алтайского края (ГААК) и официальном ведомственном издании «Обзор деятельности округа за пятилетие 1910–1915 гг.».

Барнаульский лесопильный завод был открыт в 1897 г. на территории бывшего Барнаульского сереброплавильного завода, хотя лесопилка всегда существовала при нем как вспомогательное производство ². Она действовала от водяного колеса и находилась у плотины, обслуживая нужды металлургического завода. Смена производственного профиля потребо-

Карпенко Елена Анатольевна, преподаватель колледжа Алтайского государственного университета. Эл. почта: Gudvin78@list.ru

¹ Соболева Т.Н. Коммерциализация лесного хозяйства Алтайского округа в 1911–1916 гг. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул, 1995. С. 187.

² ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4392. Л. 7–7 об.

вала создания новых мощностей. Имевшаяся лесопилка не могла в полной мере обеспечить полноценную работу созданного предприятия. Благодаря активной деятельности первого заведующего Барнаульским лесопильным заводом Б.А. Калинина (1897–1912 гг.) переоборудование производства прошло достаточно успешно. Так, в 1897 г. были установлены и пущены в работу 24-х сильная гидравлическая турбина Жонваля и лесопильный станок с полным приводом¹. В 1899 г. по личным чертежам заведующего был проведен ремонт и реконструкция головы рабочего прореза плотины и мостов. В 1900 г. были установлены токарный и сверлильный станки с приводом от турбины, в 1902 г. – лесопильная рама. В 1904–1905 гг. под руководством Б.А. Калинина был успешно проведен ремонт левого борта ряжей запасного прореза плотины. Управляющий Барнаульским имением В. Шубенко высоко оценивал работу заведующего заводом, считая, что он свои «обязанности исполнял усердно, трезво, честно, с полным пониманием дела»².

С конца XIX в. Барнаул стал одним из центров лесопильного производства. Однако дальнейшему росту и развитию завода препятствовало то обстоятельство, что он находился в непосредственной близости от города, и дальнейшее расширение его территории под лесные склады было невозможно. С севера и востока завод окружали городские постройки, с юга – высокий косогор, с запада – пруд. Кроме того, смена управляющего в 1912 г. (Б.А. Калинин приказом начальника округа был переведен в помощники заведующего коммерческими лесными операциями³), также негативно отразилась на судьбе лесопильного производства.

В 1913 г. городская дума Барнаула потребовала переноса «существующих в городе лесных складов за черту города», поскольку заводской пруд являлся постоянным источником заразных болезней и вызывал заболоченность прилегавшей к нему Зайчанской части города. Выход из этого положения администрация города видела в переносе завода на новое место и осушении заводского пруда. Сенат признал правомерность этих требований. Исполняя указание правительства, Управление округа направило просьбу в городскую управу о выделении для складов 12 десятин на набережной р. Обь. По решению управы на правах аренды сроком на 24 года был определен участок земли за городской скотобойней. Арендная плата за квадратную сажень земли на первые шесть лет устанавливалась не ниже 25 коп. с условием ее повышения через каждые шесть лет на 20,0 % за весь участок⁴. Однако в 1914 г. перенос не состоялся «за силу военных обстоятельств».

В январе 1916 г. на заседании комиссии лесных чинов Алтайского округа под председательством заведующего Лесной частью Г.В. Орлова с участием старших лесничих Е.Е. Родда и Н.Н. Абрамова, заведующего

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4000. Л. 4.

² Там же. Д. 761. Л. 52–52 об.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 4392. Л. 7–7 об.

барнаульским лесопильным заводом Н.М. Русанова, помощника заведующего лесоинженерным отделом И.Е. Лавренова вновь обсуждался вопрос о выборе места под лесопильный завод¹. Каждый из предложенных на обсуждение вариантов имел свои особенности. Одно из предлагаемых мест находилось за городской скотобойней на берегу р. Обь, но сооружение причалов и пристаней для остановки плотов на высоком и крутом берегу было затруднительно. Другое предложение сводилось к переносу завода на 4–5 верст по р. Обь выше Барнаула на земли, находившиеся в распоряжении крестьян деревни Ерестная. Невысокую луговую террасу каждой весной затапливало талыми водами, поэтому предварительно требовалось ее поднятие путем насыпки. Третье место также было признано непригодным для постройки завода, поскольку оно находилось ниже железнодорожного моста и требовало создания насыпи. Наиболее подходящим из всех вариантов был признан Мало-Казенный остров напротив Барнаула, где к этому времени уже имелся лесопильный склад². Однако, вероятно, в связи с революционными событиями в стране, вопрос о переносе завода так и не получил окончательного решения. Предприятие продолжало действовать на прежнем месте вплоть до своего закрытия³.

Лесозаготовительные работы для обеспечения сырьем Барнаульского лесопильного завода и складов проводились в Бобровской, Нижнепетровской, Нижнебольшереченской, Верхнебольшереченской и Соколовской лесных дачах, расположенных по правому берегу Оби, выше г. Барнаул⁴. Доставка бревен на завод и транспортировка полученной продукции осуществлялась традиционным способом – на лошадях, укладка бревен в штабеля – вручную. Годичные объемы распиловки составляли 800 тыс. куб. футов, что, по данным официального источника, «совершенно не удовлетворяло требования местного рынка», однако техническое состояние заводского оборудования не позволяло превысить эти показатели. Так, например, в 1899 г. было распилено 17600 бревен, в 1900 г. – 11500 бревен, в 1901 г. их объем сократился до 6200 штук. Причиной этого могло являться как падение спроса в Барнауле на пиленые сортаменты, так и, вероятнее всего, недостаток воды, необходимой в технологическом процессе обработки бревен при их распиловке на лесопильных рамах⁵. Произошедший на заводе 24 декабря 1915 г. пожар, в результате которого пострадали почти все устройства⁶, оказал еще

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4000. Л. 12.

² Там же. Л. 12–14.

³ Контев А.В. 100 лет Барнаульскому лесопильному заводу // Барнаульский хронограф: Календарь памятных дат. 1997. Барнаул, 1996. С. 38–40.

⁴ Обзор деятельности Округа за пятилетие (1911–1915 гг.). Барнаул, 1916. С. 154–155.

⁵ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4041. Л. 1 об.

⁶ Обзор деятельности Округа за пятилетие (1911–1915 гг.). Барнаул, 1916. С. 158.

большее негативное влияние на качество и объем производства. Стоимость сгоревшего имущества составила 13 369 рублей¹. Как следствие, наблюдалось падение качества и объема производства. Так, с апреля по сентябрь 1916 г. было получено сортовых пиленых материалов 48,95 %, брака и горбылей – 30,3 %, отбросов – 20,75 %. Получается, что более 1/5 всей массы круглого леса уходило в отбросы, а выход пиленых материалов первого сорта составлял всего 9,45 %. Завод явно работал себе в убыток².

Причины низкой производительности Барнаульского лесопильного завода состояли не только в несовершенстве оборудования и неудобном расположении завода, но и в организации предпроизводственного процесса. По мнению контролера Вознесенского, проводившего ревизию завода с августа по сентябрь 1916 г., транспортировка и выбраковка бревен велись непрофессионально. Плоты на Солдатском взвозе останавливались «черезполосно» с плотами лесопромышленника Козлова. Их выгрузка производилась хаотично – штабеля круглого леса и поленницы заводских дров стояли вперемешку с лесом предпринимателя. Администрация завода свои материалы от чужих отличала только по меткам: красные – заводские, черные – частные. Однако при движении по складу метки часто затирались, препятствуя распознаванию леса. При скатке бревен в штабеля бревна разной длины и диаметра помещались вместе, это затрудняло их учет. Сортировку на строевую и дровяную древесину производили временные рабочие, мало знакомые с техническими условиями выбраковки, которая на местах лесозаготовки велась неудовлетворительно. В Большереченском районе строевой лес заготавливался без ошкуживания, а на складах все неошкуренные бревна считались дровяными. По этой причине в каждом дровяном штабеле оказывалось много строевых бревен, их извлечение было невозможно без «раскатки» штабелей. На среднем острове «Большаков» строевые части дровяных бревен длиной шесть – девять аршин и диаметром в верхнем отрубе тоньше шести вершков по распоряжению администрации завода резались на дрова³. Умышленное использование строевой древесины на дрова может свидетельствовать о стремлении администрации завода получать быструю разовую прибыль и выполнять годовые задания. Тем более что управляющий заводом не надеялся на вложение средств из окружного бюджета на техническое переоснащение производства, подготовку кадров и увеличение оплаты труда квалифицированным работникам.

Ведение отчетной документации по движению лесного сырья на заводе, судя по всему, не отличалось скрупулезностью. Об этом свидетельствует тот факт, что 12 августа 1916 г. при передаче дел по Барнаульскому заводу вторым заведующим Русановым новому заведующему Рожевскому был обнаружен излишек строевых бревен в количестве 1520 штук, которые

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4652. Л. 3 об.

² Там же. Л. 8 об.

³ Там же. Л. 3–7 об.

до этого не были записаны на приход¹. В настоящее время нельзя с точностью назвать этому причину, но и исключать возможность администрации завода «приторговывать лесом на сторону» тоже не стоит. Кроме того, контролером Вознесенским было установлено, что наличие материалов в течение года не сверялось с данными бухгалтерии завода, следовательно, учет пиленых сортиментов зависел только от приказчиков по распиловке и продаже, которые работали большей частью бесконтрольно². Что касается кадрового обеспечения производства, то на заводе имела потребность в опытных рамщиках. Свидетельством этого может являться пример направления в мае 1917 г. из Новониколаевского лесопильного завода на Барнаульский подрядчика по распиловке Н.Г. Конечного³. Общий состав служащих предприятия на октябрь 1917 г. составлял 38 человек. Это были заведующий заводом и его помощник, бухгалтер, кассир, четыре счетовода, два конторщика, писец, машинистка, десять сторожей, два приказчика, семь нарядчиков, механик, машинист, слесарь, кузнец, сортировщик, конюх и пилостав (рамщик)⁴.

Недвижимое имущество Барнаульского лесопильного завода было достаточно обширным. Наиболее масштабными сооружениями являлись здания бывших плавильных и обжигательной фабрик, конюшня, важни (помещения для приема руды), кузница, заводская ограда с пятью воротами, плотина на р. Барнаулка с двумя прорезами, две турбины Жонваля, лесопилки. Оценочный акт зданий и сооружений, составленный в 1911 г. в связи с возможной передачей кабинетских земель Управлению проектируемой Алтайской железной дороги⁵, содержал 21 позицию в перечне имущества на общую сумму 297399 рублей⁶. Однако его большую часть занимали постройки, оставшиеся от сереброплавильного завода и переоборудованные для нужд лесопильного производства.

Радиус сбыта готовой продукции Барнаульского лесопильного завода, по данным официального источника, был незначительным. Предприятие обслуживало нужды барнаульского лесного рынка, покупателями которого в основном являлись жители города, городская управа и отчасти Алтайская железная дорога⁷. Деятельность предприятия обычно продолжалась не более семи месяцев в году. Для более продолжительной работы не хватало сырья. Тем не менее, в продаже леса имела определенная динамика, представленная в таблице. Доминирующее положение занимала продажа круглого леса и дров, в то время как реализация пиленого леса в силу низких технических мощностей предприятия не получила широкого распространения.

¹ ГАКК. Ф. 154. Оп. 1. Д. 10. Л. 38а.

² Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4652. Л. 8 об.

³ Там же. Ф. 154. Оп. 1. Д. 10. Л. 26.

⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 535. Л. 361–361 об.

⁵ Там же. Д. 1960. Л. 10.

⁶ Там же. Л. 8–9.

⁷ *Обзор деятельности Округа за пятилетие (1911–1915 гг.)*. Барнаул, 1916. С. 160.

Таблица 1

Динамика продажи древесины в 1911–1915 гг.

Наименование продукции	Год продажи				
	1911	1912	1913	1914	1915
Круглый лес и дрова (куб.саж)	3039	7681	9740	8635	11894
Пиленый лес (куб.саж)	947	935	2063	2749	2908
Общие показатели продаж (куб.саж)	3986	8616	11803	11384	14802

Источник: Обзор деятельности Округа за пятилетие (1911–1915 гг.). Барнаул, 1916. С. 159.

По замыслу Кабинета Барнаульский лесопильный завод должен был обеспечивать потребности местного лесного рынка и способствовать развитию конкурентной борьбы частных лесных предприятий за корневой лес. К 1914 г. их насчитывалось 28 единиц¹. Наиболее крупными были заводы братьев Козловых в г. Барнаул и с. Легостаево, предпринимателя Пупкова в с. Быстрый Исток, Бедаревых в Бийском лесничестве². Они мобильно реагировали на изменение конъюнктуры местного рынка, а по техническому оснащению соответствовали передовым технологиям своего времени. Так, на барнаульском лесном рынке с 1906 г. функционировал лесопильный завод «Торгового дома "Братья Козловы"». Мощность его парового двигателя составляла двести лошадиных сил, что в восемь раз превосходило показатели двигателя кабинетского лесопильного предприятия. Другой завод, располагавшийся в с. Легостаево, имел меньшую мощность, но и она превосходила кабинетскую почти в два раза³. Надежды Кабинета не оправдались. Создание Барнаульского лесопильного завода привело к неожиданным результатам: не он, а ему частные предприятия составили конкуренцию.

Подводя итог, следует отметить, что создание Барнаульского лесопильного завода являлось первой попыткой Кабинета придать коммерческую направленность промышленному лесопользованию, потерявшему свое монопольное положение после 1896 года. Осваивая новое для себя дело, ведомственная бюрократия не могла опираться только на свои монопольные права по отношению к ресурсной базе. От нее требовались иные качества: учет спроса потребительского рынка на различные сортаменты древесины, гибкая ценовая политика, хорошая организация производства, быстрота принятия решений. Но именно их и не доставало тем, кому было поручено отвечать за объемы и качество переработанной

¹ ГААК Ф. 4. Оп. 1. Д. 4480. Л. 64–66 об.

² Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг.: энциклопедия. Барнаул, 1996. С. 57.

³ Скубневский В.А. 100 лет со времени основания в Барнауле купцами Козловыми лесопильного завода // Барнаульский хронограф: Календарь знаменательных и памятных дат. 2006. Барнаул, 2005. С. 53–54.

древесины, ее успешную реализацию. Серьезное отрицательное последствие для Барнаульского лесопильного завода имел неудачный выбор места его размещения. Кроме того, слабым звеном являлся низкий уровень организации лесозаготовительных операций, негативно повлиявший на ритмичность работы и качество конечной продукции. Таким образом, благие намерения Кабинета разбивались об их непоследовательную реализацию. Тем не менее, нельзя отрицать приобретение ценного опыта по созданию первой промышленной базы Кабинета по переработке леса в Алтайском округе.

М.А. Шаршова

Роль сельских должностных лиц в системе крестьянского самоуправления в Томской губернии в конце XIX – начале XX в.

Возрастающий интерес к истории самоуправления крестьянства России обуславливает рассмотрение региональной сибирской специфики для раскрытия широты и глубины функционирования крестьянского сообщества. Ярким представителем дореволюционных историков, занимавшихся изучением сибирской общины, является А.А. Кауфман¹. В советский период вопросы функционирования местного самоуправления освещены в работах Л.А. Кучумовой², А.М. Анфимова³, Н.А. Миненко⁴, В.В. Рабцевич⁵. В постсоветский период сибирская специфика рассматриваемой тематики отражена в работах Н.Г. Суворовой⁶, О.Г. Вронского⁷, А.А. Чиркова⁸, В.М. Кимеева⁹. Наиболее полно представлено положение сельской общины в конце XIX – начале XX в. в работах Л.В. Котович¹⁰.

Шаршова Мария Александровна, соискатель Института истории СО РАН.
Эл. почта: sharshova@yandex.ru

¹ Кауфман А.А. Очерк крестьянского хозяйства в Сибири. Томск, 1894; Он же. Сибирские вопросы в сельскохозяйственных комитетах 1902 г. // Сибирские вопросы. СПб., 1905. № 1. С. 20–27.

² Кучумова Л.А. Сельская община в России второй половины XIX в. М., 1992.

³ Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962; Он же. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1914 гг. М., 1980; Анфимов А.М., Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914 гг.) // История СССР. 1980. № 4. С. 26–41.

⁴ Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX вв.). Новосибирск, 1979; Она же. Общинный сход в Западной Сибири XVIII – первой половины XIX вв. // Общественный быт и культура русского населения Сибири XVIII – начала XX вв. Новосибирск, 1983. С. 3–19.

⁵ Рабцевич В.В. Крестьянская община в системе местного управления Западной Сибири // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX вв. Новосибирск, 1977. С. 126–155.

⁶ Суворова Н.Г. Крестьянское самоуправление в государственной деревне Западной Сибири в 60-е гг. XVIII – первой половине 60-х гг. XIX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Омск, 1997.

⁷ Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. Тула, 1999; Он же. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). Тула, 2000.

⁸ Чирков А.А. Община и власть на Алтае (1906 – июнь 1918 гг.). Бийск, 2004.

⁹ Кимеев В.М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. Кемерово, 1997.

¹⁰ Котович Л.В. Крестьянская община Сибири периода капитализма. Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990; Она же. Организация общественного

Так же общий обзор развития самоуправления содержится в коллективной работе «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма»¹ и «Власть в Сибири. XV – начало XX вв.»². Основные выводы авторов по этому вопросу, сводятся к признанию постепенного усиления роли государства в делах местного самоуправления. Того же мнения придерживается А.Т. Топчий³. Следует отметить и работу Л.Е. Лаптевой⁴.

Не менее обширна историография работ, связанных с изучением ментальных структур, общинных представлений, напрямую влияющих на характер функционирования органов местного управления и судопроизводства. В XIX в. под историей ментальностей в основном подразумевали «историю нравов», то есть, характерные для того или иного народа или группы людей обычаи, привычки, взгляды на мир и т.д. Для русской историографии типичной и наиболее известной работой на эту тему можно назвать объемный очерк Н.И. Костомарова «Домашняя жизнь и нравы великорусского народа»⁵.

Одним из первых исследователей, специально изучающих «нравы» сибирского крестьянства, можно назвать Н.А. Кострова⁶. И в советское время велось изучение традиций, культурно-бытовых процессов, социально-политических взглядов крестьянства. Задача по научному исследованию мировоззрения сибирского крестьянства была поставлена еще в 1971 г. М.М. Громыко. Она указывала на необходимость изучения «общественного сознания», имея в виду исследование именно крестьянских представлений. Исследователь, рассматривая этические традиции, поведение членов общины, справедливо полагает, что основным регулятором общинной жизни крестьян было общественное мнение⁷. Среди сибирских ученых, затрагивающих данную тематику, необходимо отметить Н.А. Миненко, которая в своих работах освещает вопросы сохранения и воспроизводства традиций в общине⁸. Т.С. Мамсик исследует общественный быт

самоуправления у русских крестьян Сибири конца XIX – начала XX вв. // *Община и семья в сибирской деревне XVIII – начала XX вв.* Новосибирск, 1989. С. 39–51.

¹ *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* Новосибирск, 1983.

² *Власть в Сибири.* XV – начало XX вв. СПб., 2005.

³ *Топчий А.Т.* Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.). Томск, 1979.

⁴ *Лаптева Л.Е.* Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX в.). М., 1998.

⁵ *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

⁶ *Костров Н.А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876.

⁷ *Громыко М.М.* Некоторые вопросы общественного сознания в изучении досоветской Сибири // *Итоги и задачи изучения Сибири досоветского периода.* Новосибирск, 1971; *Она же.* Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // *Советская этнография.* 1984. № 5. С. 70–80.

⁸ *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половине XIX в.). Новосибирск, 1979; *Она же.* Община и трудовые традиции приписных

и социально-политические взгляды сибирских крестьян¹. Работы В.А. Зверева в основном посвящены проблемам демографического поведения крестьян и семейно-брачным отношениям. Однако, автор уделяет внимание и структурам самоуправления в сибирской деревне².

О задачах изучения среды обитания и повседневной жизни крестьян, как основных компонентах, формирующих общинные представления крестьянства, говорится в статье М.В. Шиловского³. Важной составляющей среды обитания автор называет уровень правосознания. К этому можно добавить социальное, в том числе, административное окружение, с которым крестьянин сталкивался повседневно, которое влияло на его жизнь и поведение.

В данной статье будет рассмотрена роль сельских должностных лиц в системе местного самоуправления Томской губернии в конце XIX – начале XX веков.

«Верховным» органом власти сельского общества являлся сельский сход. В рамках традиционной ментальности сход сельского общества имел непререкаемый авторитет, постановления его были обязательными для исполнения всеми членами общества. Право на участие в сельских сходах имели крестьяне-домохозяева с 25-летнего возраста. Не имели права голоса безземельные и батраки, а также лица, состоящие под судом и следствием⁴. Сход считался правомочным, если являлось не менее двух третей всех крестьян, «имеющих право на оном быть». Решения должны были приниматься большинством голосов.

Главным лицом в сельском управлении был староста, избираемый на определенный срок сельским сходом. Он, как и волостной староста, и волостной заседатель, освобождался от налогов⁵. Одной из задач сельского старосты было поддержание общественного порядка. Он мог налагать взыскания на крестьян без санкции сельского схода, волостного су-

крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. // Трудовые традиции сибирского крестьянства конца XVIII – начала XIX в. Новосибирск, 1982. С. 3–23.

¹ Мамсик Т.С. Общинное самоуправление и взгляды крестьян на «мирскую» должность (по материалам приписной деревни Западной Сибири второй половины XVIII века) // Крестьянская община Сибири XVII – начала XX вв. Новосибирск, 1977. С. 151–178.

² Зверев В.А. Изменение образа жизни крестьянства в ходе земледельческого освоения Сибири при капитализме // Земледельческое и промысловое освоение Сибири в XVII – начале XX вв. Новосибирск, 1985. С. 94–104; Он же. Экологические аспекты культуры и образа жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма // Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX вв. Новосибирск, 1986. С. 70–91.

³ Шиловский М.В. Некоторые аспекты изучения условий жизни крестьянства Сибири второй половины XIX – начала XX вв. // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1999. С. 63–66.

⁴ Чирков А.А. Община и власть... С. 26.

⁵ Кимеев В.М. Касьминские чалдоны. С. 34.

да и других инстанций. Он мог даже арестовать общинника за неподчинение, неуплату подати.

О заботе по сохранению общественного порядка в чрезвычайной ситуации свидетельствует следующий пример. Летом 1914 г., в связи с мобилизацией, по селам были разосланы рекомендации об охране винных лавок. Атамановский сельский староста доносил волостному правлению о распространении в народе слухов, касающихся закрытия винных лавок. Он сообщил: «Возможно, что волнения достигнут известного предела»¹.

В обязанности сельского старосты входили заверка различных расписок и выдача удостоверений крестьянам. Расписки, как правило, касались денежных сумм и раздела имущества². Удостоверения выдавались «воинским нижним чинам» для препровождения в сборочный пункт³.

Сельский староста должен был извещать волостное правление о потерянных или же найденных вещах для того, чтобы оно разослало по селам указания «произвести розыски»⁴. Утерянные вещи описывались достаточно подробно. Так, крестьянин с. Тулинское, утерявший пальто, писал, что оно было «на собачьем меху, шерсть на полах цвета бурого, а на спинке красно-желтоватого, покрыто черным сукном, воротник отложной, пуговицы черные, в кармане была одна коробка граммофонных иглолок и пружинка»⁵. В с. Завьяловское произошел несколько иной случай. Крестьянин нашел на дороге недалеко от села «один бочонок сливочного масла весом 3 пуда, 26 фунтов, на дне которого имеется "иностранная надпись" с литерами "О и М" и цифрой "150"»⁶. Волостным правлением, как и положено, были разосланы объявления по всем селениям. Уже через два дня хозяин бочонка был найден, о чем сельский староста был извещен телеграммой. Владельцем его оказалось Пароходство Мельниковой, извозчик которого при транспортировке утерял данный бочонок со сливочным маслом⁷.

Иногда действия старосты вызывали недовольство у крестьян. Староста мог быть обвинен в самоуправстве, пьянстве при исполнении служебных обязанностей, неправильном распределении хлеба из хлебозапасного магазина и др.

Следует заметить, что в отношении сельского старосты как должностного лица действовал своеобразный «судебный иммунитет». Крестьянин не мог получить через суд удовлетворение от старосты, так как последний не подлежал юрисдикции волостного суда. Жалобы подавались непосредственно крестьянскому начальнику. Также за какие-либо проступки на сельского старосту мог наложить взыскание волостной стар-

¹ ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 209. Л. 132.

² Там же. Л. 15, 18, 27, 81.

³ Там же. Л. 70, 76.

⁴ Там же. Л. 39-40, 42, 45, 49, 56, 61.

⁵ Там же. Л. 110.

⁶ Там же. Л. 36.

⁷ Там же. Л. 57-58.

шина. Штраф, взыскиваемый со старосты, вносился из мирских сумм, причем крестьяне знали об этом. Они полагали, что если выбрали старосту, то теперь должны его поддерживать ¹.

Должность сельского старосты, равно как и другие, не была особо привлекательна для крестьян. Нередко старосты просили о досрочном увольнении от должности, жалуясь на проблемы со здоровьем, нехватку времени на ведение хозяйства. Причиной отказа было и то, что крестьяне уже не один раз выполняли обязанности, касающиеся дел крестьянского самоуправления ².

Кроме обычных дел по наблюдению за порядком, старосты должны были выполнять все распоряжения начальства и нести вместе с писарем ответственность за ведение документации. Сельские старосты подавали в конце года сведения крестьянскому начальнику для составления годового отчета. Первый вопрос, на который они отвечали, был о сельских сходах: сколько было принято на них приговоров, по каким вопросам и сколько из них представлено на утверждение крестьянского начальника. Также указывалось, сколько решений сельских сходов оставались неисполненными; сколько было в сельском обществе должностных лиц; какие были болезни людей и скота; каким был урожай; сколько прожигало в сельском обществе переселенцев и какие на них налагались поборы; какие нововведения крестьяне использовали в хозяйстве; сведения о мирском капитале ³.

По окончании службы сельский староста подвергался ревизорской проверке. Проверялось состояние документов, наличие денежных сумм и правильность их расходования. По завершении составлялся учетный акт, который утверждался волостным правлением. Если обнаруживалась недостача, то деньги эти взыскивались со старосты. За неуказанное исполнение распоряжений властей старосты получали награды: похвальные листы Министерства Внутренних Дел, почетные кафтаны, серебряные медали с надписью «За усердие» ⁴.

В историко-статистическом описании Нарымского края говорится, что на должности сельских старост всегда старались выбрать бедных и скромных крестьян, то есть тех, кто «не смотря на предоставленную им власть, не смеют и рта открыть, против своих собратьев – богатых крестьян, считающих для себя унижением, быть избранным на эту должность». Унижение состояло в том, что общественная служба влекла за собой отношения с чиновниками, «которых, по имущественному состоянию, крестьяне ставят ниже себя» ⁵.

¹ Астырев Н.М. В волосных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896. С. 150.

² Чирков А.А. Община и власть... С. 28.

³ Котович Л.В. Крестьянская община Сибири... С. 75, 80–81.

⁴ Там же. С. 83–84.

⁵ Нарымский край. Историко-статистический очерк. Записки ИРГО по отделению статистики. Т. 10. Вып. 1. Томск, 1898. С. 363.

Отдельного рассмотрения заслуживает должность писаря. С одной стороны, писари, особенно сельские, были тесно связаны с крестьянами. Иногда сами они имели крестьянское происхождение. С другой стороны, писарь более других членов крестьянского самоуправления был связан с официальной властью. Уже сам факт грамотности, способности вести переписку, делопроизводство ставил его в особое положение. Обязанности писаря были весьма сложными и разнообразными. Он должен был знать не только законы, касающиеся быта крестьян, но и воинский устав, гербовый устав, устав о наказаниях, массу циркуляров и разъяснений Сената и других центральных учреждений. Жалование писаря было на порядок выше всех остальных должностных лиц. Так, в 1915 г. писарь с. Тулинского Тулинского волости Барнаульского уезда имел годовое жалование 420 руб., а сельский староста 60 руб. (213,2) Для устройства на службу писарь должен был подать прошение крестьянскому начальнику. В нем же могла быть указана предыдущая должность (как правило, помощника писаря) ¹.

На сборщиков податей возлагались следующие обязанности: «взимание с крестьян всех денежных платежей и выдача квитанций об их уплате, ведение учета полученных денег, наблюдение за безнедоимочным сбором, хранение полученных с крестьян сумм в порядке, который определял сельский сход, внесение в местное казначейство окладных сборов и получение квитанции на этот предмет, отчет перед сходом в поступивших от крестьян суммах, представление сходам неплательщиков для принятия по отношению к ним решений и мер» ². Множество крестьян привлекались к несению службы, функции которой были слабо определены. Сотские и десятские исполняли обязанности по передаче распоряжений начальства и по полицейскому надзору в деревнях.

На эти должности крестьяне избирались сельским сходом, но утверждались полицейским управлением. Отнимавшая немало времени служба сотских и десятских, как и прочие должности, не была привлекательна в среде крестьян, поэтому, стремясь избавиться от нее, крестьяне прибегали к различным способам освобождения от своих обязанностей. Можно было нанять вместо себя другого человека для исполнения службы.

Вообще крестьяне отмечали, что «все выборные должностные лица существуют не для крестьян, а для начальства, поэтому хороший мужик всеми силами старается отбиться от выборной службы, так как ему всегда приходится идти против интересов общества» ³.

Встает вопрос: были ли крестьяне заинтересованы в поддержке и развитии системы местного самоуправления, насаждаемого государством? С одной стороны, нежелание избираться в органы самоуправления, отношение к этому, как к повинности, зачастую халатное исполнение должностных обязанностей говорит о равнодушном отношении к усилиям властей. С другой стороны,

¹ ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 210. Л. 10.

² *Котович Л.В.* Крестьянская община Сибири... С. 86.

³ *Кауфман А.А.* Сибирские вопросы в сельскохозяйственных комитетах... С. 24.

чувствовалась забота о повышении эффективности системы самоуправления. Можно отметить следующие перспективные черты крестьянских организаций: стремление к самостоятельности; приспособление к изменяющейся ситуации; взаимодополнение и сочетание самоуправляющихся структур, решавших разные задачи; сочетание формального и неформального механизмов самоуправления¹.

Все более тесная интеграция органов самоуправления с государственной властью, тоже накладывала свой отпечаток на отношение крестьян к этим органам власти. Вообще восприятие этого уровня власти (особенно должностных лиц волостного и сельского управления) двойственно. Крестьянин относится к исполнению общественной должности неохотно, поскольку видит в ней дополнительную повинность, отвлекающую от хозяйства. Крестьяне, занимающие эти должности, в глазах односельчан рассматривались как «начальство», соответственно, и отношение к ним изменялось. Денежное содержание, выплачиваемое должностным лицам, рассматривалось как нарушение норм несения общественной службы. В глазах крестьянина это еще больше приближало должностных лиц сельского и волостного управления к положению официальных лиц.

Грамотность как желательное условие для несения службы была обусловлена, видимо, необходимостью иметь дело с органами государственной власти. В глазах крестьян грамотный человек может лучше защитить интересы волости (села) перед чиновниками. С другой стороны, высшие должности в системе самоуправления могли служить для отдельных крестьян инструментом в реализации каких-либо амбиций: властных, имущественных, социально-психологических (стремление повысить свою социальную значимость). Отсюда жалобы на злоупотребления должностных лиц, их поведение, неправильное решение ими спорных вопросов.

Не в последнюю очередь именно это обстоятельство и заставляло крестьян по возможности избегать этих должностей, ограничивать сроки службы. Не всякий крестьянин был способен занять положение, выдвигающее его из общинной среды. Особенно когда это положение было связано с несением почти государственной службы.

И если в середине XIX в. функционирование мирского самоуправления на сельском уровне определялось не административным вмешательством, а непосредственными нуждами самих крестьян, то в начале следующего картина значительно меняется.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. должности сельского самоуправления теряют свою престижность, переставая быть институтом реального самоуправления. Но вместе с тем крестьянам удавалось приспособиться к расширяющемуся вмешательству государства. И даже использовать органы самоуправления в своих интересах.

¹ Зверев В.А. Самоуправление в повседневной жизни крестьянского сообщества (по материалам Сибири конца XIX – начала XX в.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков: регион. науч. конф., 18–19 дек. 1997 г.: Тез. докл. Новосибирск. Вып. 2. 1997. С. 49–50.

Д.С. Дегтярев

Промышленно-селитебные районы в городах Томской губернии начала XX в.

Переход от традиционного общества к индустриальному повсеместно сопровождался возникновением и развитием крупных промышленных центров, функции которых, как правило, выполняли города. Уже в XIX в. промышленные предприятия разной величины стали неотъемлемой частью городской экономики. Это, в свою очередь, поставило перед градостроителями задачу размещения все возрастающего числа промышленных производств на территории города.

В советской историко-архитектурной традиции утвердилось мнение, что в городах дореволюционной России предприятия дисперсно размещались по территории населенных пунктов. Производства строились вблизи жилых кварталов, а жилые районы, в свою очередь, тяготели к местам приложения труда. Это как раз и стало главной причиной того, что в старых городах наблюдалась деконцентрация промышленности и полное отсутствие крупных специализированных промышленных площадок¹. Такое положение дел считалось ненормальным с точки зрения современного градостроительства.

Преодоление этой порочной практики началось лишь в середине XX в. Советскими архитекторами-градостроителями было признано, что функциональная «чересполосица» недопустима, поэтому начались поиски решения проблемы. Суть ее состояла в том, что в условиях, когда на современных производствах трудятся тысячи рабочих, их ежедневная перевозка из отдаленных от промышленных зон жилых кварталов на работу и обратно представляет большую сложность. В качестве альтернативы в 1950-е годы была выдвинута идея создания так называемых «промышленно-селитебных районов» или «производственно-селитебных районов» (далее – ПСР)². Согласно новой концепции, ПСР – это относительно обособленная часть города, которая формируется на основе сочетания крупных жилых массивов и группы предприятий, обеспечивающих занятость, и характеризующаяся замкнутостью трудовых связей³. В составе такого района должны быть не только предприятия и жилые дома, но и свой общественный центр и места отдыха, что обеспечивает замкнутость трудовых и иных социальных связей в ПСР⁴.

Дегтярев Данил Сергеевич, преподаватель Алтайского государственного университета. Эл. почта: danildegtyarev@yandex.ru

¹ Бочаров Ю.П., Филаваров Г.И. Производство и пространственная организация городов. М, 1987. С. 60–61.

² Гутнов А.Э. Эволюция градостроительства. М, 1984. С. 20.

³ Гутнов А.Э., Лежава А.Г. Будущее города. М, 1977. С. 15.

⁴ Смоляр И.М. Новые города (планировочная структура городов промышленного и научно-производственного профиля). М, 1972. С. 38.

Однако, стоит задаться вопросом: является ли идея создания ПСР новой для середины XX в., и не было ли в отечественной градостроительной практике примеров, указывающих на то, что такого рода территориальные схемы уже использовались? Для того, чтобы ответить на него, необходимо выделить существенные признаки ПСР, по которым его можно отличить от других пространственных образований в городе. На наш взгляд, это относительная обособленность от основного массива застройки и обязательное наличие промышленного производства и жилого сектора, а также локального общественного центра в непосредственной близости друг от друга. Опираясь на это, можно попытаться выявить подобные образования в составе городов начала XX века. Эмпирической базой исследования стали города Томской губернии как наиболее урбанизированной части Сибири в начале XX века.

В условиях, когда городской землей фактически могло владеть несколько собственников (государство, Кабинет Его Императорского Величества, муниципалитет и частные лица), создание больших по площади обособленных частей города стало невозможным. В городах дореволюционной Сибири (да и России в целом) относительно обособленными могли быть лишь пригородные поселения. Именно среди них уместно искать аналоги позднейших ПСР. В предыдущих работах нами была предложена классификация пригородных поселений в зависимости от их функций¹. В частности, промышленную функцию выполняли промышленные купеческие заимки, заводские поселки и многофункциональные поселения (например, предместья). Из этого списка можно сразу исключить промышленные купеческие заимки, так как они были небольшими поселениями и не могли претендовать на звание «района». Таким образом, прототипами ПСР могли быть либо относительно крупные заводские поселки, либо наиболее развитые в промышленном отношении предместья.

Самым развитым пригородным заводским поселком в Томской губернии был поселок спичечной фабрики Е.И. Кухтерина в окрестностях Томска. Спичечное производство на речке Киргизка возникло в 1879 году. Первым владельцем предприятия был екатеринбургский мещанин М.А. Ворожцов². 20 июня 1899 г. на это же место была перенесена с речки Ушайка уже существовавшая к тому времени шесть лет спичечная фабрика Е.И. Кухтерина³. С этого времени и началось формирование крупного заводского поселка. На фабрике стоял паровой двигатель мощностью в 82 лошадиных сил. Помимо производственных корпусов тут был выстроен трехэтажный каменный дом для хозяев фабрики, несколько барачков и казарм для работников предприятия. Часть рабочих, однако,

¹ См., например: *Дегтярев Д.С.* Пригородные зоны городов Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2012. С. 19–23.

² *Дмитриенко Н.М.* День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVIII–XX столетиях. Томск, 2003. С. 54.

³ Там же. С. 90.

селилась и в землянках на берегу близлежащего оврага¹. Количество занятых на производстве возрастало, достигнув к 1908 г. 342 человек².

Сохранился план поселения начала XX века. Анализ этого плана позволяет говорить о четком функциональном зонировании местности. В центре поселения находилось предприятие, занимавшее два крупных корпуса и около 20 мелких построек. К югу от него, вплотную примыкая к производственной зоне, проходила улица, застроенная казармами и бараками для рабочих (их общее число составляло 14). К западу от заводской проходной были размещены прогулочная зона с прудом и церковь³.

Поселок при спичечной фабрике являлся уникальным пригородом, не имевшим аналогов в губернии по уровню социального обеспечения населения и благоустройства. В центре поселка был выкопан пруд, вокруг которого разбиты цветники и высажены деревья. В поселке была открыта торговая лавка, больница и церковно-приходская школа на сто учеников⁴. В августе 1907 г. Кухтерин обратился к томскому архиепископу с просьбой об открытии в поселке храма. Петропавловская церковь на семьсот прихожан была выстроена архитектором К. Лыгиным за год и освящена в августе 1908 года⁵. Более того, 4 марта 1911 г. на фабрике был открыт первый и единственный в пригородной зоне Томской губернии электротheater для рабочих⁶.

Таким образом, в составе удаленного от основного массива застройки Томска на шесть верст поселения при спичечной фабрике были: промышленное предприятие, большой жилой массив и местный общественный центр. Промышленная, общественная и жилая зона непосредственно граничили друг с другом. Все это обеспечивало значительную степень закрытости социальных связей в поселке. Поэтому данное пространственное образование справедливо назвать производственно-селитебным районом с поправкой на то, что это был ПСР начала XX в. при частном предприятии.

Однако это далеко не единственный пример заводских поселков такого рода. На рубеже XIX–XX веков под Барнаулом существовал высоко-развитый поселок при содовом заводе семьи Пранг. Содовый завод располагался в 1,5 верстах от города вверх по течению реки Барнаулка. Основной корпус содового завода, являвшегося центром поселения,

¹ *История названий томских улиц*. Томск, 1996. С. 267.

² *Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.* Города Западной Сибири. Экономика. Население. Застройка и благоустройство. Барнаул, 2007. С. 259.

³ *Бойко В.П.* Сибирское купечество и архитектурный облик города Томска в XIX – начале XX веков. Томск, 2008. С. 134.

⁴ *Манонина Т.Н.* Загородная застройка Томска во второй половине XIX – начале XX века // Актуальные вопросы истории Сибири. 7-е научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2009. С. 159.

⁵ *Караваева А.Г.* Храм от Кухтериных // Томск Magazine. 2007. №2(21). С. 52–53.

⁶ *Гахов В.* 90 лет со дня открытия электротheaterа в поселке спичечной фабрики Кухтериных в Томске // Красное знамя. Томск, 2001. № 54.

находился в 32 сажнях от Пивоварки и в 70 сажнях от Барнаулки¹. Вот, какое описание предприятия и его поселка составил Завадовский, написавший в 1894 г. работу «Содовое производство в Сибири»: «На площади, занимаемой заводом, находятся: водокачальная башня, здание, в котором помещаются рабочие, несколько зданий, в которых происходят различные химические операции, и красивый дом с садом, занимаемый владельницей»². Сохранился еще один источник, характеризующий внешний вид завода и его поселка, – фотография всего комплекса со стороны реки Барнаулка. На ней запечатлено порядка семи строений, тесно примыкающих друг к другу, и водонапорная башня в восточной части³. Весь поселок занимал площадь в пять десятин. На этой площадке находился сам завод, состоявший из двух деревянных корпусов; склады для хранения соды, угля и извести; кузница; столярный цех; водокачка; дома для работников завода; школа на 30 учеников⁴. На плане 1907 г. также обозначена часовня. Таким образом, поселок содового завода также включал в свой состав промышленную, жилую и общественную зоны (впрочем, последняя была слаборазвитой). Как и поселок спичечной фабрики под Томском, поселок содового завода под Барнаулом был примером формирования раннеиндустриального ПСР при частном предприятии.

Однако можно найти и примеры формирования подобных структур при казенных производствах, в частности, при монопольных спиртоочистительных заводах. Наиболее развитым было поселение при казенном винокуренном складе под Барнаулом. Этот небольшой по территории заводской поселок располагался в 1,5 верстах к северо-востоку от Барнаула по Московскому тракту. Барнаульский склад № 3 был основан 21 декабря 1899 г., построен к 1901 г. и пущен в эксплуатацию в 1902 году⁵. К ноябрю 1901 г. все основные здания и сооружения предприятия и всего поселка были построены. В число производственных сооружений входили главный комплекс с хранилищем спирта, место первичной приемки спирта, здание для хранения смолки, угольный завод. Имелись также следующие вспомогательные сооружения: баня, конюшня, каретник, ледник, бондарка, кузница, мастерская, сторожка, пожарный обоз⁶. В производственный комплекс также входила водокачка, располагавшаяся на Оби между городской скотобойней и последними жилыми кварталами, завод был электрифицирован. Поскольку склад был удален от города, жилые дома для рабочих и служащих также строились рядом с ним. В новом поселке имелись соб-

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК) Ф. 31. Оп. 1. Д. 134. Л. 2.

² *Алтай* в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Т. 2. Барнаул, 2007. С. 257.

³ *Старцев А.В., Тяпкин М.О., Тяпкина О.А.* История Барнаула. Учебное пособие для средних школ. Барнаул, 2000. С. 124.

⁴ Там же.

⁵ *Барнаул: энциклопедия.* Барнаул, 2000. С. 169.

⁶ *Башунов В.М., Шамина Л.М.* Школа Диониса. Барнаул, 1999. С. 40.

ственные амбулатория и библиотека ¹. В поселке также находилась Пятая землеустроительная партия Алтайского округа, а с 4 октября 1912 г. – Четвертая землеустроительная партия. Производственные корпуса, жилые особняки и некоторые другие сооружения были сложены из красного кирпича и богато украшены. Из вышеизложенных фактов видно, что поселок при крупнейшем в губернии государственном спиртоочистительном заводе кроме производственной и жилой также имел еще и общественную зону. Однако набор предприятий по обслуживанию рабочих был недостаточен (там не было церкви и школы), что не позволяет говорить о полной закрытости социальных связей в рамках поселения.

Три приведенных выше примера свидетельствуют о том, что в составе пространств крупнейших городов Томской губернии – Томска и Барнаула – сформировались особые районы, обладавшие всеми или почти всеми признаками ПСР. Какое же место занимали такие районы в системе пригородных поселений начала XX в.? На наш взгляд, они стали высшей стадией развития пригородного промышленного поселения, завершающим звеном в цепочке «промышленная заимка – заводской поселок – производственно-селитебный район».

Таким образом, идея создания ПСР, возникшая и реализованная в СССР в 1950-е годы, отчасти была лишь возвращением к старым градостроительным практикам. Нужно иметь в виду, что профессиональные архитекторы начала XX в. не ставили перед собой задач создания обособленных производственно-жилых комплексов – такие образования возникали естественным путем, под влиянием экономических факторов. Разумное стремление владельцев предприятий сократить время на доставку рабочей силы от дома к заводу (в условиях капитализма сопряженное с дополнительными затратами) стало причиной объединения в одном месте промышленной, жилой зон и зоны социально-культурного обслуживания. Однако лишь в советское время, когда вся земля была в собственности у государства, стало возможным целенаправленное создание производственно-селитебных районов, что и нашло отражение в соответствующей концепции градостроителей. Можно предположить, что в условиях неразвитости систем транспорта структуры, подобные ПСР, являются наиболее рациональной формой пространственного взаиморасположения промышленной и жилой зон в индустриальном городе.

¹ *Барнаул: энциклопедия...* С. 169.

Н.А. Лысенко**Эволюция идеала священника-миссионера в Сибири
(по материалам официальной периодической печати РПЦ
начала XX в.)¹**

С конца XIX в. и особенно с начала XX в. священнослужители столкнулись с падением авторитета церкви среди населения России. Епископ Евдоким, ректор Московской духовной академии, среди причин отсутствия возможностей возродить христианскую веру называет «ненормальность положения духовенства в приходе и обществе»². По его словам, духовенство стало зрителем бурной общественной жизни, но не принимало никакого участия в ней, было далеко от народа. С другой стороны, униженное положение православного духовенства объяснялось также скудностью его содержания. Отстаивание своих интересов затруднял и тот факт, что священнослужители вынуждены были стоять «с протянутой рукой для пропитания» перед теми, кто с бранью и осуждением давал в эту руку жалкий грош³. В связи с этим появилось равнодушие и к миссионерской деятельности. От служения в миссиях, по замечанию «Томских епархиальных ведомостей», отпугивала бедность новокрещенных, трудность и ответственность служения, незнание местным населением русского языка и отдаленность приходов от миссионерских центров⁴.

Бурные общественные события начала XX в. повлекли за собой изменение отношения к духовенству и, в частности, к миссионерам. В религиозных периодических изданиях участилась критика поведения миссионеров, их внешнего вида, способов взаимодействия со своей паствой. Негативное отношение населения к религии, критику поведения и деятельности священнослужителей отмечали все церковные периодические издания. Критическими статьями они стремились побудить священнослужителей следовать сформированному идеалу духовенства.

С проведением в жизнь указа 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» в русском обществе вновь возрос интерес к положению духовенства, в частности, со стороны самих священнослужителей. Религиозная печать активно призывала духовенство участвовать в обсуждении назревших проблем и выработке возможных путей их решения. Одной из главных причин изменения требований к священнослужителям послу-

Лысенко Наталья Алексеевна, аспирант Новосибирского государственного педагогического университета. Эл. почта: zemtash@yandex.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-01-00258а

² *Пастырь-учитель* // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1904. № 13. 1 июля. С. 298.

³ *Богоявленский К.* Письмо к пастырям // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1905. № 10. 15 мая. С. 232.

⁴ *Отчет об Алтайской духовной миссии за 1902 г.* // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1903. № 7. 1 апреля. С. 22.

жила профессионализация сословия духовенства. Проблема заключалась в том, что материальная компенсация за труд священнослужителя вступала в противоречие с традиционным представлением об обязательности бескорыстного служения духовенства. Поэтому в начале XX в. возможность повысить авторитет духовенства стала усматриваться в том, чтобы на места священнослужителей стали поступать люди, знающие, что «никакого дохода и жалования не будет, что каждый кусок хлеба они должны зарабатывать собственным трудом и получить его как угодно, но только не в качестве вознаграждения за церковную службу, которая должна быть свободным призванием, а не профессией»¹. На страницах региональных Епархиальных Ведомостей проводилась мысль о том, что только призвание к духовному служению, основанное на бескорыстии, может возродить престиж священнослужителей в обществе.

В этих условиях в церковной печати начинает формироваться представление об идеале священника-миссионера, несущего христианскую религию населению имперских окраин. Попытаемся определить, каким был образ идеального миссионера в начале XX века.

Миссиям по-прежнему нужны были деятели, полные самоотверженности, особенно в тяжелых природно-климатических условиях². Необходимость посещения миссионерами огромных территорий, на которых были разбросаны поселения коренного населения Сибири, предполагала тяжелый труд. Деятели миссии по-прежнему приходилось разъезжать верхом, на телегах, санях, ходить по опасным тропам пешком, по глубоким снегам на лыжах, чтобы исполнить свой долг, поэтому одним из главных условий успешной миссионерской деятельности было наличие крепкого физического здоровья. Кроме преодоления тяжелых природно-климатических условий и длинных дорог, необходимо еще было вести и на саму миссионерскую деятельность – учение, лечение и проповедование. Представителей из Европейской части России ждали в Сибири тягостные лишения и неудобства со стороны «инородческого» полубродячего быта и дикой девственной природы, еще больше они страдали от незнания языка, обычаев и понятий местных жителей.

В связи с этим с конца XIX в. появилось желание заменить миссионеров из европейской части России на представителей коренного населения Сибири³: они привыкли к местным природно-климатическим условиям, были физически более выносливы, им легче было вступить в контакт с местным населением. Одним из первых шагов в этом направлении стала подготовка алтайцев в Казанской семинарии для преподавания в миссионерских школах с целью заменить миссионерское, религиозно-нравственное

¹ *К вопросу о реформе в положении духовенства* // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1909. № 11. 1 июня. С. 344.

² *Отчет Владивостокского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1905 г.* // Владивостокские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1906. № 10. 15 мая. С. 198.

³ *Харлампович К.Н. И. Ильминский и Алтайская миссия.* Казань, 1905. С. 45.

воспитание на инородческо-педагогическое. По сути, речь шла о создании школ, соответствующих местным потребностям населения. В последующем предполагалось подготовить из коренного населения миссионеров. Для этого нужно было более тщательно продумать систему образовательных учреждений на местах: если учителей могли подготовить духовные заведения первого звена (училища), то для миссионеров требовалось иметь более высокое образование (семинария) ¹.

Стремление подготовить миссионеров из местного населения объяснялось несколькими причинами. К концу XIX в. в обществе наметился упадок религиозного воодушевления. Претендентов, желающих просвещать православным словом коренные народы Сибири, становилось все меньше. Бескорыстное миссионерское служение оборачивалось желанием собственной выгоды, поэтому представлялось, что если кто-то и поедет в Сибирь из Европейской России, то лишь по материальным соображениям, а не по призванию ².

Миссионеры, происходившие из коренного населения и окончившие духовное учебное заведение, представляли особую гордость православной церкви. Яркий пример образованного миссионера из аборигенов приводят «Томские епархиальные ведомости». Л. Кумандин, ставший впоследствии миссионером, был сыном Я. Кумандина, проработавшего в миссии учителем тридцать лет. Лука был стипендиатом Православного Комитета, обучался в духовной семинарии и особо готовился к работе в Алтайской духовной миссии. Для миссии это был первый пример служения коренного алтайца, закончившего курс среднего духовного учебного заведения ³. Он владел русским и алтайским языками, а также имел способность к переводческой деятельности.

В Алтайской духовной миссии, готовившей преемников миссионеров из лиц, закончивших Бийское катихизаторское училище (и поступивших туда из миссионерских школ), большое внимание уделялось не количеству, а качественному результату. Именно от того, насколько миссионер был подготовлен к своей работе, зависел успех самой миссии. В подготовке воспитанника уделялось внимание как формированию правильного образа жизни, так и соблюдению нравственной чистоты ⁴. Похотливость, страсть к вину и курению табака были так же неприемлемыми для сохранения нравственной чистоты миссионера, как и праздность, чван-

¹ Харлампович К.Н. И. Ильминский... С. 67.

² Там же. С. 46.

³ Отчет Томского Комитета Православного Миссионерского Общества за 1900 г. // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1901. № 5. 1 марта. С. 4.

⁴ Макарий, епископ Томский. Советы для миссионеров Алтайской миссии // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1902. № 6. 15 марта. С. 3.

ство, щегольство и картежная игра. Кроме выше перечисленного, порицались воровство, грубость, леность и нарушение дисциплины¹.

В процессе обучения большое внимание уделялось развитию умственных способностей и таких навыков, как умение составлять разного рода отчетность, вести путевой журнал, переводить на алтайский язык, составлять статистику, записывать материалы о жизни, нравах и обычаях местного населения. Для реализации вышеперечисленных умений будущий миссионер должен был обладать наблюдательностью и аккуратностью во всем². Особое внимание уделялось владению речью. Миссионер должен был не только свободно владеть языком местного населения, но и уметь вести беседы на богословские темы, произносить речь не по тетрадке или книжке, а свободно, увлекая своих слушателей, заставляя их переживать произнесенное, использовать импровизацию, оживляющую речь. От православного миссионера требовалось также и стремление к самообразованию. В действительности у сибирских миссионеров было мало книг, пригодных для повышения уровня образования, возможность выписывать духовные периодические издания также была ограничена³.

В «Томских епархиальных ведомостях» отмечалось, что такие высокие требования к нравственным и умственным способностям миссионера должны были стать для них ориентирами. Впрочем, православные авторы высказывали сомнение в том, что этот идеал является достижимым: «В действительности миссионер никогда не достигнет идеала»⁴. Но успеху благоволило уже то, что у деятелей миссии был сформирован образ идеального миссионера и было желание достигнуть его.

Изменение приоритетов в службе миссионеров влекло за собой изменение нравственной составляющей идеала священника-миссионера. Миссии требовались люди, не выискивающие личных выгод и преимуществ в миссионерской деятельности. Церковная печать призывала миссионеров к отречению от себя, несению тяжелого креста служению ближнему, одинокому служению в отдаленном, угрюмом, пусть и прекрасном, диком и некультурном крае⁵. Для миссионерского служения была важна искренняя преданность Церкви и добросовестное отношение к своим обязанностям, так как с конца XIX в. все чаще встречались миссионеры, которые занимались исключительно своими частными делами,

¹ Новиков Ив. Томская епархия в 1902 г. // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1903. № 19. 1 октября. С. 40.

² Макарий, епископ Томский. Советы для миссионеров Алтайской миссии // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1902. № 6. 15 марта. С. 4.

³ Новиков Ив. Томская епархия в 1902 г. // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. Отд. 1903. № 15. 1 августа. С. 29.

⁴ ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 4. Л. 4.

⁵ Открытие нового стана миссии и приглашение сотрудника // Томские епархиальные ведомости. Миссионерская отд. 1902. № 7. 1 апреля. С. 15.

а на должность смотрели как на доходную статью¹. Однако проблема материального обеспечения миссионеров по-прежнему была актуальной и обсуждалась на страницах периодической печати.

Материальную сторону миссионерской службы особенно активно обсуждали «Благовещенские епархиальные ведомости» и «Владивостокские епархиальные ведомости». Так, священники северных территорий Владивостокской епархии не справлялись со своей миссией по причине необразованности и неподготовленности². Объяснялось это плохой материальной обеспеченностью: при тяжелых жизненных условиях они получали столько же, сколько и сельские священники епархии. Вследствие этого более образованные и подготовленные миссионеры выбирали доходные места, несмотря на то, что могли обеспечить успех миссии. Для привлечения сотрудников предлагались материальные стимулы: увеличение пособия в два раза и сокращение срока службы до выхода на пенсию в два раза.

В периодической печати публиковались и другие предложения по этому вопросу. Во «Владивостокских епархиальных ведомостях» священник Е. Шиверский отмечал, что духовенство еще больше, чем представитель любой другой профессии, нуждается в хорошем материальном обеспечении³. Он оспаривал устоявшееся представление о том, что духовенство, проповедующее спасение души, не должно быть заинтересовано в материальной обеспеченности своей профессии. Автор, не соглашаясь с данной точкой зрения, говорит, что каждый человек заслуживает соответствующей оплаты за свой физический или умственный труд, и духовенство не является исключением. Е. Шиверский отмечает, что оплата труда священника в 80–100 руб. в месяц предотвратила бы переход священнослужителей из одного места в другое в поисках более материально обеспеченного⁴. В данной публикации отчетливо прослеживается мысль о том, что конструируемый религиозной периодической печатью идеал священника-миссионера сталкивался с противоречащей ему реальностью. Отдельные представители духовенства, применяя к себе признанный эталон, стремились его изменить.

Таким образом, эволюция идеала священника-миссионера была связана с процессами, происходившими в обществе. Охлаждение и критика

¹ Отчет Владивостокского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1907 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1908. № 12–13. 15 июня. С. 326.

² Разумовский А. Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899–1903 гг.) // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1906. № 1. 1 января. С. 11.

³ Шиверский Е. К вопросу о материальном положении духовенства // Владивостокские епархиальные ведомости. Неоф. отд. 1909. № 5. 1 марта. С. 134.

⁴ Шиверский Е. К вопросу о материальном положении духовенства // Владивостокские епархиальные ведомости. Неоф. отд. 1909. № 6–7. 15 марта. С. 195.

духовенства и церкви коснулась и миссионеров. Миссионеров представляли как словесных полемистов, а порой и юридических притеснителей коренного населения. Предлагалось даже на эту роль выдвинуть женщину, образованную женщину, способную организовать борьбу с возрождающимся язычеством¹. Миссионер по-прежнему должен был быть физически крепким и выносливым, способным работать в тяжелых природно-климатических условиях и уметь обращаться с лошадьми, оленями, собаками, лыжами и другими средствами передвижения.

В начале XX в. с идеальным образом священника-миссионера религиозными периодическими изданиями соотносились и представители коренного населения. С одной стороны, аборигены представлялись более выносливыми и подготовленными к природным условиям Сибири. С другой стороны, их деятельность могла быть успешнее в силу знания нравов и обычаев коренного населения. К этому времени складываются династии священников из аборигенов, например, Чевалковы, Штыгашевы и др.

Изменения произошли также в нравственной составляющей священника-миссионера. Одной из проблем миссионерства, по замечанию «Владивостокских епархиальных ведомостей», было предпочтение духовными лицами более доходных мест службы. Особенно это касалось наиболее талантливых и образованных священников. Вследствие этого миссиям были необходимы бескорыстные люди, не стремящиеся к личной выгоде.

Одной из важных составляющих идеала миссионера стало владение искусством устной речью. С изданием указа об укреплении веротерпимости миссионерам все чаще приходилось полагаться на силу убеждения при помощи слова. Важно было не просто уметь говорить заученные проповеди или читать по тетрадке, но и уметь импровизировать, увлекая своим словом слушателей.

Эволюция идеала священника-миссионера в Сибири, отраженная на страницах официальной религиозной печати, затронула несколько его компонентов. Во-первых, в качестве агентов миссионерства предлагались аборигены Сибири и женщины. В целом, духовенство предлагало отказаться от своей замкнутости и привлечь к работе всех желающих. Во-вторых, одной из главных составляющих идеала миссионера был аскетизм и отказ от материальной заинтересованности в своей деятельности. Данный вопрос широко обсуждался на страницах церковной печати. Но священнослужители отстаивали свое право на материальное благополучие и достойную оплату труда. В-третьих, увеличились требования к уровню образования и владению речью. Формируемый религиозной периодической печатью идеал миссионера в период социальной нестабильности предоставлял ориентиры и нравственные ценности для профессионального сообщества духовенства.

¹ Тихомиров Кир. Женщина в деле миссии // Томские епархиальные ведомости. Миссионер. отд. 1914. № 5. 1 марта. С. 284.

К.А. Чукмасова

И.А. Малиновский: к вопросу об изучении государственного устройства Великого княжества Литовского

В 1898 г. в Томском университете состоялось торжественное открытие юридического факультета. Это событие стало важной вехой в развитии и распространении юридических знаний в Сибири. На юридическом факультете началась активная научная и преподавательская деятельность по разным отраслям общественных наук: юриспруденции, истории, политической экономии, статистике. За дореволюционные годы ученые университета опубликовали около двух тысяч научных работ в «Известиях Томского университета», «Трудах Юридического общества», в центральных медицинских и гуманитарных журналах¹. В 1901 г. по предложению профессоров юридического факультета было создано Юридическое общество при Томском университете. В планах Юридического общества, помимо обсуждения теоретических вопросов права, стояла организация конференций, посвященных практическим правовым вопросам, куда в качестве слушателей предполагалось приглашать студентов юридического факультета.

Профессора юридического факультета И.А. Малиновский, Н.Я. Новомбергский, М.Н. Соболев и другие занимались вопросами истории и права. Одни работы содержали огромное число исторических фактов. Их целью было воссоздание всех обстоятельств, касающихся избранной темы. Примером такого рода работ служит пятитомный труд Н.Я. Новомбергского «Врачебное строение допетровской Руси». Другая группа работ – это статьи публицистического характера на исторические темы. Например, работы И.А. Малиновского, М.Н. Соболева были посвящены экономическому развитию Сибири, быту и правовому положению местных жителей. Профессор М.А. Рейснер занимался изучением взаимоотношений церкви и государства. Результатом его работы стала серия статей на тему «Право, мораль и религия по действующему русскому закону». Таким образом, заслуга становления научных школ и направлений в области истории и юриспруденции принадлежит именно профессорско-преподавательскому составу Юридического факультета дореволюционного периода, не побоявшемуся перебраться в далекую Сибирь и встать у истоков нового дела.

Тяжело складывались отношения преподавателей и студентов университета с попечителем Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьевым, подчинявшимся непосредственно министру народного просвещения. Попечитель имел широкие полномочия в отношении сотрудников универси-

Чукмасова Кристина Алексеевна, магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета. Эл. почта: chukmasova@mail.ru

¹ *Томский университет (1880–1980)*. Томск, 1980. С. 60.

тета, что выливалось в борьбу за автономию. Периодически в министерство народного просвещения поступали докладные записки, если вдруг обнаруживалось, что лекции, научные работы профессоров, по мнению Попечителя, так или иначе агитировали к свержению существующего строя. Особенно остро эти противоречия проявились в 1905–1907 гг. из-за начавшихся беспорядков в ВУЗе и разделения студентов и профессуры по политическим взглядам. Под наибольшим вниманием Лаврентьева был один из представителей либеральной оппозиции, молодой профессор юридического факультета И.А. Малиновский, что впоследствии обернулось увольнением Малиновского из университета и возбуждением против него уголовного дела по обвинению в «возбуждении к бунтовщическим деяниям».

И.А. Малиновский посвятил себя развитию юридической науки в Сибири, стал основоположником историко-правового направления в Томском университете, а впоследствии, академиком ВУАН. В советский период имя Малиновского нашло упоминание в обобщающих работах, посвященных характеристике основных видов научной деятельности в Томском университете до 1917 г., например, в книгах «Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.)», «Томский университет. 1880–1980» (Томск, 1980). Личность Малиновского не перестает вызывать интерес у исследователей. В последние годы на Украине уделялось много внимания изучению научного наследия И.А. Малиновского, было переиздано множество его научных трудов, воспоминаний¹. Проводились международные научно-практические семинары, конференции, на которых исследователи обращались к проблемам смертной казни в творчестве И.А. Малиновского (К.А. Губар), к вопросам юридической ответственности в его научных работах (Д.М. Диновский), к исследованию И.А. Малиновским проблем права через призму художественной литературы (В.А. Люліч) и другим темам. С 9 июня 2011 г. с целью чествования памяти И. Малиновского, академика Всеукраинской академии наук, уроженца г. Острог, был образован Институт права им. И. Малиновского.

Настоящая статья посвящена одному из направлений деятельности профессора Малиновского – изучению государственного устройства Великого княжества Литовского. Будучи студентом, Малиновский увлекся историей русского права и был удостоен юридическим факультетом Киевского университета золотой медали за сочинение «Учение о наказании по Литовскому статуту», опубликованное в «Известиях университета»². Как сам Малиновский писал в своих неопубликованных воспоминаниях: «Остановился на этой теме, отчасти следуя советам М.Ф. Владимирского-Буданова, отчасти подчиняясь своей собственной научной любознательности: инте-

¹ См., например: *Древнейшая русская аристократия*. Острог, 2012; *Учение о преступлении по Литовскому Статуту*. Острог, 2012; *И.А. Малиновский*. Воспоминания. Острог, 2010. С. 3–13.

² *Профессора* Томского университета. Томск, 1996. Вып. 1. С. 161.

ресовался вопросом о роли и значении аристократического начала в государственной жизни»¹.

Более серьезной работой по данной теме стал «Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского», написанный в 1902 году. Малиновский тщательно подошел к поиску источников, для чего в августе 1900 г. он отправился в командировку в Киев и в Москву. Тем самым Малиновский стал первым из профессоров юристов Томского университета, кто выехал в научную командировку в Европейскую Россию. В Киеве он изучал материалы по истории русско-литовского права, имеющиеся в Центральном архиве². Итогом его работы в Москве стало составление более трехсот выписок из древнейших актов, относящихся к истории панов рады Великого княжества Литовского конца XV – середины XVI веков. Впоследствии Сборник был подготовлен к печати в четырех частях. «Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского, – писал Малиновский, – имеет значение для разъяснения некоторых вопросов по истории литовско-русского права. Документы первой части, указывая на состав рады, в то же время могут служить материалом для истории центрального и местного управления в литовско-русском государстве. Документы второй части характеризуют политическое значение панов-рады и в то же время могут служить материалом вообще для политической истории Литовского государства. Документы третьей части указывают на функции панов-рады в области законодательства, суда и управления; в то же время они важны для истории права гражданского, уголовного и финансового»³.

В свободное от преподавательской деятельности время И.А. Малиновский начинает работу над магистерской диссертацией, посвященной раде Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой Древней Руси. Выбор этой темы был сделан им еще до переезда в Томск, а за это время были опубликованы исследования профессоров М.В. Довнар-Запольского, М.К. Любавского, Ф.И. Леонтовича, М.Н. Ясинского. На протяжении ряда лет в каникулярное время он выезжал в Европейскую Россию для сбора материала, например, в библиотеки Румянцевского музея и Московского университета, где ознакомился с теми изданиями памятников литовско-русского права, которых не было в библиотеке Томского университета⁴.

1 февраля 1904 г. И.А. Малиновский получает степень магистра государственного права за первую часть исследования «Боярская дума древней России», которую защитил в Киевском университете в качестве дис-

¹ *Машинописная рукопись* воспоминаний И.А. Малиновского // Архив музея истории ТГУ. Личный фонд И. А. Малиновского. С. 90.

² *Некрылов С.А.* Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. С. 368.

³ *Приложение к ЖЗС ИТУ.* 5 марта 1901 г. // ИТУ. Кн. 31 (пагин. 3-я). 1909. С. 605.

⁴ *Профессора Томского университета...* С. 162.

сертации¹. Автор представил подробный анализ предмета ведомства боярской думы, ее характеристику в отдельных землях. Центральным вопросом монографии стало определение роли аристократического начала в государственном строе древней России. Малиновский пришел к выводу, что в «основе государственного строя древней России лежат три начала: монархическое (князь), аристократическое (боярская дума) и демократическое (вече)»². В разных землях приблизительно с конца XVII в. одно из начал берет перевес над другими в судопроизводстве и законодательстве. Труд Малиновского отличается фундаментальностью, так как автором были проанализированы условия образования Московского государства, что позволило ему рассуждать об особенностях развития институтов государственной власти Московского государства в дальнейшем, преимущественно, по монархическому пути.

Для завершения исследования на данную тему в 1908 г. Малиновскому была предоставлена длительная командировка в Европейскую Россию и за границу. Сверх того, отдельный выпуск исследования Малиновский предполагал посвятить сравнению рады Великого княжества Литовского с аналогичными учреждениями других народов. Такое сравнение предполагало изучение истории иностранного права и, соответственно, занятий в заграничных библиотеках, так как материалов библиотеки университета было для этого недостаточно³.

В декабре 1912 г. в Харьковском университете И.А. Малиновский защитил докторскую диссертацию «Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней Руси», явившуюся продолжением его ранней работы. К этому времени Малиновский уже был уволен из Томского университета за выпуск ряда работ по вопросу о роли смертной казни в системе наказаний. Монография же была удостоена Императорской Академией наук премии им. П.Н. Батюшкова⁴. И.А. Малиновский рассмотрел вопросы организации рады Великого княжества Литовского; ее соотношения с великим князем и сеймом, роли в исторической судьбе литовско-русского государства; предложил свою периодизацию русско-литовского государства как самостоятельной политической единицы. В этой работе И.А. Малиновский предстает перед нами как юрист и как историк. Как юрист, он поставил перед собой задачу ответить на вопросы о составе и предмете ведомства Рады, а как историк, изобразить это учреждение не в состоянии покоя, а в состоянии движения, исторического развития. Выводы, представленные в работе И.А. Малиновского, пред-

¹ *Фоминых С.Ф.* Томский период деятельности профессора русского права И.А. Малиновского // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 23.

² *Малиновский И.А.* Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России. Ч. 1. Томск, 1903. С. 147.

³ *Профессора Томского университета...* С. 162.

⁴ *Малиновский И.А.* Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой Древней России. Ч. 2. Томск, 1911.

ставляют интерес для истории государства и права, являются актуальными и по сей день. Подробно изучив архивные материалы, И.А. Малиновский сделал вывод, что все нити государственного управления находились в руках панов рады.

С именем Малиновского связывается формирование и развитие историко-правового направления в Томском университете, а также становление университета в Томске как одного из ведущих за Уралом и по всей России. Он много сделал для развития образования в Сибири. И.А. Малиновский одним из первых выехал в командировку с научной целью в европейскую часть России, так как материалы по истории Литовского княжества были сосредоточены в центральных архивах страны. К сожалению, данное направление исследований не получило дальнейшего развития в стенах университета. В 1911 г. И.А. Малиновский был уволен из университета из-за своей активной общественной деятельности. К сожалению, в то время как лучшие преподаватели несли свои знания в народ, чиновничество либо чинило препятствия к такой деятельности, либо относилось с полным равнодушием и подозрением. Малиновского можно назвать одним из ярких представителей научной интеллигенции г. Томска в начале XX в., столкнувшимся с непониманием со стороны как царской, так и впоследствии советской власти.

Э.Е. Шумилова

**Благотворительная деятельность как элемент
повседневного поведения горожан Западной Сибири
в условиях Первой мировой войны**

В годы Первой мировой войны благотворительная деятельность охватила без исключения все слои российского общества. Буквально с первых месяцев начала войны она затронула без исключения все регионы империи и постепенно превратилась в обыденное явление в жизни населения. Городское население Западной Сибири не стало исключением из общего правила. Напротив, именно здесь это явление проявило себя с наибольшей яркостью и во всём своём многообразии. И это понятно, ведь именно данные тыловые территории стали сосредоточением огромного в масштабах всей страны количества беженцев, военнопленных и призванных на войну.

Первые работы, посвящённые проблеме благотворительности появились ещё в годы Первой мировой войны. Они представляли в основном обзоры и очерки, авторы которых чаще всего являлись участниками различных обществ помощи нуждающимся, хорошо знавшие состояние благотворительности «изнутри»¹. Дальнейшее изучение темы было прервано революцией и Гражданской войной. В историографии советского периода проблема благотворительности в годы Первой мировой войны специально не изучалась, поскольку сама война трактовалась как противоречащая интересам народа. Внимание к теме возродилось лишь с начала 1990-х годов. С этого периода авторы часто затрагивают вопросы благотворительности как в общероссийском, так и региональном контексте. Благотворительную работу русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. рассмотрел Д.А. Пашенцев². Роли отечественной благотворительности в общественной и культурной жизни страны на рубеже XIX–XX веков посвятили работы Е.Ю. Горбунова и Е.В. Иванова³. Большой фактический материал, отражающий отдельные сюжеты данной

Шумилова Элина Евгеньевна, аспирант Института истории СО РАН.
Эл. почта: e-shumilova@yandex.ru

¹ *Аннанов И.* Союзы городов – Очерк деятельности Всероссийского союза городов за 1914–1915 гг. М., 1915; *Краткий обзор деятельности Всероссийского земского союза на Западном фронте (1915–1917)*. М., 1918; *Рацкевич О.Г.* Беженцы в Новороссийске. Новороссийск, 1916.

² *Пашенцев Д.А.* Благотворительная деятельность русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.

³ *Горбунова Е.Ю.* Благотворительность в России и ее роль в общественно-культурной жизни на рубеже XIX–XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; *Иванова Е.В.* Внедрение в российскую систему благотворительности зарубежного опыта социальной работы в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

проблемы, представлен в работах сибирских авторов Т.А. Кижяевой, А.В. Полуаршинова, О.В. Чудакова¹.

В данной статье автор постарался лишь более чётко классифицировать и коротко отразить инициаторов, формы, направления и источники финансирования благотворительности в крупных городах Западной Сибири. Кроме того, впервые была предпринята попытка выяснить причины, которыми руководствовались различные группы горожан, принимая решения о помощи пострадавшим от войны.

Инициаторами благотворительных акций в Западной Сибири, как в целом в империи, становились чаще всего местные власти и крупные общероссийские общественные организации, в том числе религиозные, имевшие местные представительства. Местные думы не реже, чем один раз в неделю, а то и чаще, через прессу обращались к горожанам. Возвания примерно такого содержания с небольшими уточнениями можно было прочитать почти в любом периодическом издании Западной Сибири в военный период: «Помогите семьям защитников нашего дорогого отечества, устройте так, чтобы ушедшие на защиту родины были уверены, что оставленные ими семьи не будут нуждаться, и эта уверенность даст им спокойствие и поднимет их дух на одоление врага и возвращение мира. Жертвуйте кто что может»².

Основными общественными организациями, занимавшимися благотворительностью на территории Западной Сибири, были благотворительные общества духовного ведомства, отделения Красного Креста, Дамские комитеты по оказанию помощи больным и раненым войнам, Учительские общества, отделения Комитета членов Государственной думы, Всероссийского союза городов, Сибирского общества для подачи помощи раненым войнам, губернские отделения Комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны и Комитета её императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны и т.д.³. Их инициативы активно поддерживались частными лицами и коммерческими организациями.

Общественное внимание было направлено, в основном, на такие незащищённые слои населения как раненные войны, семьи воинов, ушедших на вой-

¹ *Кижяева Т.А.* Благотворительная деятельность попечительства о призрении семейств нижних чинов при Барнаульской городской управе в годы Первой мировой войны // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. Барнаул, 2005. С. 119–121; *Полуаршинов А.В.* Оказание помощи пострадавшим от войны населением и общественными организациями Омска (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Актуальные проблемы отечественной истории XVIII–XX вв. Омск, 2002. С. 123–135; *Чудаков О.В.* Деятельность Омского городского самоуправления в организации помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 2000. С. 183–188.

² *Утро Сибири.* 1915. 3 января.

³ *Шахматов Ф.Ф.* Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями. Томск, 1966. С. 183.

ну, а также беженцев. Не обошли своим вниманием горожане и воинов действующей армии, для которых регулярно собирались подарки к различным праздникам. В частности, газета «Омский телеграф» в 1916 г. сообщала об отправке на передовые позиции девятисот подарков от Омского торгово-промышленного комитета, ста – от магазина Ганшина и Овсянниковых¹.

Существовало несколько основных направлений помощи. Первым направлением работы можно считать предоставление бесплатных помещений для вынужденных переселенцев и раненых. Так, например, к октябрю 1915 г. на средства Польского общества жертвам войны в Томске было размещено почти 400 человек². Вторым направлением было оказание медицинской помощи пострадавшим от войны. С 1 января 1915 по 1 января 1916 г. в Омске шестнадцать дамскими комитетами была оказана медицинская помощь 8876 раненым, прибывшим по железной дороге³. В Барнауле же на городские пожертвования для раненых воинов был открыт дополнительный лазарет врача Н.М. Буторина⁴. Третье направление – организация приютов, яслей, детских садов и школ для детей пострадавших от войны. В частности, в 1915 г. ученицами Барнаульской женской гимназии № 3 имени Красулиной была проведена лотерея, часть денег от которой была отдана в пользу приюта для детей-сирот, чьи отцы погибли на войне⁵. Летом воспитанницы женских гимназий в городах Западной Сибири добровольно работали в яслях и детских садах⁶. Четвёртым направлением являлось обучение и поиск работы для беженцев, раненых и «солдаток». В 1915 г. Томский городской дамский комитет по оказанию помощи семьям призванных создал посредническое бюро для поиска работы жёнам призванных на фронт⁷. Польское общество жертвам войны в Томске создало для вынужденных эмигрантов швейную мастерскую⁸. Почти в течение всего периода войны в Новониколаевске организовывали курсы для воинов-инвалидов с целью приобретения ими различных специальностей⁹.

Формы сбора средств на благотворительные акции были также более чем различны. Постоянным явлением повседневной жизни стали различные лекции, спектакли, концерты. Особой популярностью пользовались кружечные сборы, продажа поделок, а также проведение дней професий. Для сбора средств использовали также различные символические

¹ *Омский телеграф*. 1916. 12 марта.

² *Сибирская жизнь*. 1915. 31 октября.

³ *Омский телеграф*. 1916. 4 марта.

⁴ Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. С. 186.

⁵ ГААК. Ф. 47. Оп.1. Д.83. Л. 3.

⁶ Шахматов Ф.Ф. Школа Западной Сибири... С. 183.

⁷ *Утро Сибири*. 1915. 28 февраля

⁸ ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 37. Л. 48, 70.

⁹ Фабрика Ю.А. Новониколаевск и новониколаевцы в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Новосибирск, 2014. С. 239.

продажи знаков, открыток, флажков. 6 марта 1915 г. в Барнауле прошёл кружечный сбор для восстановления больницы Общества Красного Креста, на котором было собрано 2602 рубля¹. Немного позже, 27 марта 1915 г., горожане провели благотворительный базар «Привет от детей Алтая», на котором от продажи сделанных детьми игрушек, предметов рукоделия и прочего было выручено 710 рублей². В Новониколаевске во время войны успешно проводили день извозчика, где в пользу больных и раненых воинов было собрано 777 рублей 42 копейки³. Омские кадеты, воспитанники Омского кадетского корпуса, часто организовывали благотворительные вечера, лотереи, чтобы направить средства в помощь армии⁴.

Часто в городских газетах просто сообщалось о сборе средств и вещей и все желающие могли передать пожертвованное специальному сборщику. Во время войны на улицы Омска каждый день выезжало до 15 фур в сопровождении двух сборщиков, каждый из которых имел специальную книжку для приёма денежных пожертвований и ценных вещей. Сбор начинался в восемь – девять часов, а заканчивался в 21 час. Все вещи сдавались в приёмный пункт, где сортировались и упаковывались⁵.

Какие чувства двигали горожанами, которые массово стремились помочь своим соотечественникам? Почему это явление стало затихать? Однозначного ответа на этот вопрос дать невозможно. Многочисленные исследователи сходятся на мнении, что всему причина рост патриотических чувств, а позже их постепенное затихание, которое было спровоцировано большевистской пропагандой. Но только ли они объясняли поведение людей, только ли поэтому население отдавало часть своей зарплаты и запасов совершенно незнакомым людям?

Среди причин могла быть, например, боязнь за судьбу своих близких. Многие сибиряки понимали, что завтра они пойдут защищать родину, их семья тоже может остаться без кормильца или без крова, и им некому будет помочь. Именно поэтому трудовые коллективы отчисляли проценты от своих зарплат именно семьям коллег, чтобы завтра другие члены их коллектива помогли им. Так, например, служащие книжного магазина П.И. Макушина в Томске постановили отчислять два процента с получаемого месячного содержания в пользу запасных города Томска, призванных на военную службу⁶. Похожую ситуацию можно было наблюдать и в отношении помощи фронтовикам. Судя по письмам с фронта, подарки для воинов действующей армии из Западной Сибири

¹ Барнаул. Летопись города – хронология, события, факты. Барнаул, 2007. С. 100.

² Там же.

³ Фабрика Ю.А. Новониколаевск и новониколаевцы... С. 182.

⁴ Кадет-сибиряк. 1915. 4 января.

⁵ Полуаршинов А.В. Оказание помощи пострадавшим от войны населением и общественными организациями Омска (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Актуальные проблемы... С. 128.

⁶ Утро Сибири. 1914. 3 августа.

направлялись в основном в Сибирские полки, то есть помогать старались своим же землякам ¹.

Другой причиной могло стать желание не быть «белой вороной», желание не выделяться, иначе тебя могут посчитать не патриотом. С таким пятном было трудно жить в атмосфере постоянной пропаганды, поэтому даже бедные горожане старались как могли внести свой вклад в общественное дело. Очень часто в газетах печатались списки жертвователей, внесших всего 50 копеек ².

Желание приобрести общественное признание и укрепить свой авторитет тоже играло не последнюю роль. Подтверждением последнего может служить большая популярность среди купеческого сословия учреждение именных коек для помощи раненым. Вот что мы читаем в одном из многочисленных отчётов Барнаульского отдела Красного Креста: «торговый дом «А.Г. Морозов с сыновыми» пожертвовал на содержание одной, торговый до «Федулов с сыновьями» – одной койки, супруги М.М. Кашин и А.К. Кашина пожертвовали деньги на содержание двух коек». Отметим, что каждая подобная койка стоила по тем временам больших денег – около 1000 рублей ³. Население с презрением воспринимало богатых купцов, которые мало тратили на благотворительность. К тому же, эта деятельность могла отразиться при избрании человека на городские должности. Например, в феврале 1915 г. председатель Общества помощи раненым войнам купец первой гильдии А.Г. Морозов выдал солдатским жёнам и вдовам по одному пуду муки из своих запасов. Всего было обеспечено 1573 человека. Просто ли это жест доброй воли или же это желание укрепить свой авторитет, ведь Морозов был публичным человеком в Барнауле и занимал видные должности в городе ⁴. Томская газета «Утро Сибири» в 1916 г. сообщала, что товариществом «А.Ф. Второва с С-ми» предоставлены безвозвратно десять тысяч рублей на покупку продуктов первой необходимости и дров для раздачи беднейшему населению города, преимущественно семьям воинов ⁵. Купец первой гильдии А.Ф. Второв не жил в Сибири, а приезжал сюда периодически, зато в Томске жил его сын Николай, который стремился повысить свой авторитет и авторитет товарищества благими делами.

В конце 1916 г. количество поступлений на благотворительные акции резко снижается, снижается и активность членов благотворительных организаций. Всё сложнее и сложнее становится найти желающих участвовать в благотворительных мероприятиях. С одной стороны, это объясняется усталостью населения от войны и её затяжным характером, с другой – невозможностью удовлетворять не столько чужие, сколько даже свои самые простые экономические потребности. Когда в 1917 г. большин-

¹ ГААК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

² Утро Сибири. 1914. 2 августа.

³ ГААК. Ф. 142. Оп. 2. Д. 4. Л. 4; Ф. 219. Оп. 1. Д. 60. Л. 193.

⁴ Барнаул. С. 100.

⁵ Утро Сибири. 1916. 12 мая.

ство людей погрузилось в экономические трудности, остальные посчитали, что они тоже могут не помогать и не будут выглядеть исключением. Согласно отчёту Управления Барнаульского отдела Красного Креста в 1916 г. приток пожертвований резко понизился и едва достиг к 1 января 1917 г. 10000 руб., для сравнения в 1915 г. в кассу отдела поступило 40876 руб., а в 1916 г. – 34947 рублей¹. О трудностях поиска добровольцев свидетельствует и отчёт Барнаульского отдела Сибирского общества помощи больным и раненым воинам за 1916 г.: «Отдел в настоящее время находится в состоянии, позволяющем поставить вопрос, надлежит ли ему числиться в составе благотворительных обществ... Члены отдела, ранее с увлечением работавшие над осуществлением задач общества, ныне постепенно разошлись, передавая друг другу дела до тех пор, пока оставшимся уже некому было передать»².

Итак, в годы Первой мировой войны в Западной Сибири благотворительность постепенно превратилась в элемент повседневной жизни населения. Инициаторами благотворительных акций чаще всего становились местные власти и крупные общероссийские общественные организации, которые активно вовлекали в эту деятельность почти всё взрослое население городов. Общественная помощь была направлена на три группы: раненых воинов, семьи воинов, ушедших на войну, а также беженцев. По мере возможности этим категориям населения выделяли бесплатные помещения для временного пребывания, оказывали медицинскую помощь, помогали с работой и устройством их детей. Чтобы собрать на это средства, в городах устраивали лекции, спектакли, концерты, проводили кружечные сборы, продавали изделия, сделанные своими руками. Нельзя однозначно утверждать, что единственной причиной, толкающей горожан на путь благотворительности, был патриотизм. Среди причин следует также выделить боязнь за судьбу своих близких, желание не выделяться, а также стремление приобрести общественное признание и укрепить свой авторитет. Население рассмотренных городов помогало нуждающимся вплоть до февральской революции, когда психологическая усталость от войны и экономические трудности резко сократило число благотворителей.

¹ ГААК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 3. Л. 93, 95.

² Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 61. Л. 70.

Отечественная история 1917–1945 гг.

К.А. Конев

Применение методики контент-анализа при изучении содержания пропагандистских материалов периодической печати «белой» Сибири: опыт изучения «Нашей газеты» (октябрь – декабрь 1919 г.)¹

Гражданская война в России стала не только вооруженным противостоянием, но и борьбой различных идей и мировоззрений. Противоборствующие стороны «отстаивали противоположные по своему содержанию социальные проекты, олицетворявшие собой альтернативные модели развития российского общества»². Для более глубокого и всестороннего понимания особенностей Гражданской войны в России необходимо изучение идеологии и пропагандистской деятельности противоборствующих сторон, рассмотрение особенностей формирования информационного пространства на подконтрольных красным и белым территориях. Советская историография внесла весомый вклад в изучение идеологии и пропагандистско-агитационной работы большевиков. В последние десятилетия в отечественной исторической науке возрос интерес к идеологии белого движения, а также различным аспектам информационной и пропагандистской деятельности антибольшевистских сил³. Однако, как отмечает В.В. Журавлев, «идеологические процессы в контрреволюционном движении и на территориях, подконтрольных антибольшевистским режимам, трудно назвать изученными сколько-нибудь целостно и глубоко»⁴.

Конев Кирилл Александрович, магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета. Эл. почта: konev-k-92@rambler.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-01-00395

² *Шевелев Д.Н.* Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 гг.): дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2012. С. 4.

³ Подробнее см. *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998; *Голдин В.И.* Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е гг.). Архангельск, 2000; *Ушаков А.И.* Современная российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской войны в России. М., 2004; *Салов О.А.* Идеологические основания, политические программы южнороссийского Белого движения и их практическая реализация (ноябрь 1917 – 1920 гг.). Историографическое исследование. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

⁴ *Журавлев В.В.* Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения: опыт анализа приветственных посланий А.В. Колчаку // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Вып. 2. Новосибирск, 2013. С. 109.

Информационное пространство «белой» Сибири в годы Гражданской войны следует рассматривать как поле взаимодействия информационных потоков и различных видов коммуникации. Основой и стрижнем этой системы, как отмечает В.М. Рынков, являлась периодическая печать¹. Многочисленные и разнообразные периодические издания, существовавшие в Сибири в годы Гражданской войны, являлись наиболее распространенным каналом передачи информации, а также одним из важнейших инструментов политической и идеологической борьбы. Политические группировки и силы, входившие в состав антибольшевистского движения на востоке России, использовали прессу, с одной стороны, как средство распространения идей и программных установок, с другой – как орудие борьбы и с большевиками, и со своими политическими оппонентами внутри антибольшевистского лагеря.

Выстраивая пропагандистскую деятельность, официальные и проправительственные издания «белой» Сибири стремились сформировать особую картину мира. В ее основе лежали особым образом трактуемые элементы: образы, ценности, идеологемы, нарративы, реконструировать которые возможно по материалам правительственной и официальной периодики. Анализ данных элементов позволит раскрыть и уточнить содержательную составляющую идеологии и пропаганды белого движения на востоке России, а также выявить особенности применявшихся пропагандистских стратегий.

Выявление ценностей и идеологем, которые могут быть явно или неявно выражены в газетных публикациях, связано с обработкой большого массива информации, содержащейся в периодической печати. Применение контент-анализа позволяет структурировать значительные объемы данных, выявить среди них ключевые элементы и проследить их соотношение.

В настоящее время контент-анализ (КА) все активнее применяется в гуманитарных² и, в частности, исторических исследованиях. По словам С.А. Красильникова, «наиболее распространенным является использование историками КА в приложении к изучению политических, социальных и культурных феноменов на материалах массовых источников, главным образом, периодической печати». В статье исследователь приводит примеры КА при исследовании газет периода Гражданской войны

¹ Рынков В.М. Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // *Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.)*. Новосибирск, 2009. С. 125.

² Таршис Е.Я. *Контент-анализ принципы методологии, построение теоретической базы, онтология, аналитика и феноменология текста, программы исследования*. М., 2013; Шалак В.И. *Современный контент-анализ приложения в области политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы*. М., 2004.

и 20-х – 30-х годах XX века¹. Использование методики контент-анализа позволяет эффективнее работать с таким специфическим источником, как периодическая печать, отличающимся массовостью и обилием неструктурированной информации. КА позволяет собрать, стандартизировать и структурировать разбросанные на газетных страницах факты, мнения и оценки, что в свою очередь дает возможность «реконструировать отражение определенных процессов или явлений в общественном сознании прошлых поколений»². Методика контент-анализа позволяет подтвердить или опровергнуть уже существующие гипотезы. Вместе с тем, этот метод дает возможность обнаружить неявные связи и тенденции и тем самым ставит перед исследователем ряд новых вопросов. Особенностью КА является то, что он, создавая условия для более точного анализа хода и условий того или иного процесса, редко позволяет объяснить причины этого процесса. КА помогает задать вопрос «почему?», но не отвечает на него.

Важнейшими этапами КА являются отбор информации и интерпретация полученных количественных данных. Здесь наибольшее влияние на процесс исследования оказывает субъективный фактор. Таким образом, степень успешности применения КА зависит от особенностей составления выборки данных, определения категорий анализа и единиц измерения и анализа собранных количественных данных. Именно на этих этапах в полной мере «реализуются методологические позиции авторов и уровень научных знаний об объекте исследований»³.

В качестве объекта данного исследования выбрано проправительственное пропагандистское издание «Наша газета», которое выпускалось с августа по декабрь 1919 г. «Русским Бюро Печати» в Омске, Томске, Новониколаевске и Иркутске. Редактором издания являлся В.Н. Иванов. Тексты в газете написаны языком, доступным для широких слоев городского населения, солдат и крестьян. Издание было достаточно популярно и широко распространено благодаря тщательному подбору материала и невысокой стоимости газеты – 20, затем 40 коп. за номер. Наибольшего тиража (около 50 тыс. экземпляров) газета достигла в августе 1919 г.

¹ Красильников С.А. Контент-анализ периодической печати: опыт и границы применения в исторических исследованиях // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей». Томск, 2007. С. 218–222.

² Бочаров А.В., Скобелев К.В. Опыт разработки методики контент-анализа отражения крестьянской жизни в сибирской периодической печати начала XX века (на примере газеты «Восточное обозрение» за январь 1905 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 58.

³ Красильников С.А., Соскин В.Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти (1917 – лето 1918). Новосибирск, 1985. С. 15.

Всего же за этот месяц было выпущено 543616 экземпляров газеты¹. Издание публиковало разнообразные информационные и аналитические материалы, посвященные текущим проблемам: войне с красными, внутренней политике правительства А.В. Колчака, взаимоотношениям с союзниками, внутреннему положению Советской России и другим важным, по мнению редакции, вопросам.

Обращаясь к материалам данной газеты, автор ставил перед собой следующие задачи: выявить ценностные установки и идеологемы, несущие положительное содержание; определить, какие ценности выражены в исследуемом корпусе текстов наиболее ярко; проследить соотношение и взаимосвязь ценностных установок.

Аналізу подверглись номера газеты – с 3-го по 34-й, выпускавшиеся в Томске с 26 октября по 3 декабря 1919 года. В качестве учитываемых и анализируемых лингвистических единиц выбраны ценностные установки, выраженные словами-индикаторами, употребленными в контексте сакрального. В качестве единицы счета принята публикация (статьи, очерки, фельетоны, заметки, а также эпиграфы). Телеграммы и мелкие заметки, несущие преимущественно фактическую информацию, учету не подвергались. Всего была проанализирована 341 публикация.

В ходе исследования при помощи частотного и семантического (тематического) контент-анализа удалось выделить ряд ценностных установок и концептов, противопоставленных большевизму и требующих защиты от его посягательств. Доля публикаций, содержащих выявленные элементы, составила почти 31,0 % (106 публикаций). Еще 32,0 % (110 публикаций) составляли статьи и заметки антибольшевистского характера, не содержавшие положительных ценностей, выполнявшие функцию дискредитации и демонизации красных, создания образа врага. Оставшаяся треть публикаций не содержала ценностных установок и носила преимущественно информационный характер.

Всего в ходе исследования было выявлено шесть тематических групп ценностных установок.

– Религиозные ценности. Обозначались словами-индикаторами *вера, духовность, церковь, храм, святость, православие, мусульманство, «добровольческие дружины святого креста и полумесяца»*. Призыв защищать веру и религиозные ценности фигурировал в 25 % статей (27 из 106 публикаций).

– Ценности, связанные с трудом и благосостоянием. Индикаторами послужили такие понятия как *справедливый/честный и мирный труд, хозяйство, земля, собственность, земледелие, имущество, семья*. Они присутствуют в 29 % статей (31 из 106 публикаций).

– Патриотические ценности. Они обозначались словами-индикаторами *Родина, честь страны, государство/государственность, держава, власть, патриотизм, свобода/независимость*. Сюда можно отнести и концепт *«единая и неделимая Россия»* – лозунг, активно использовавшийся в

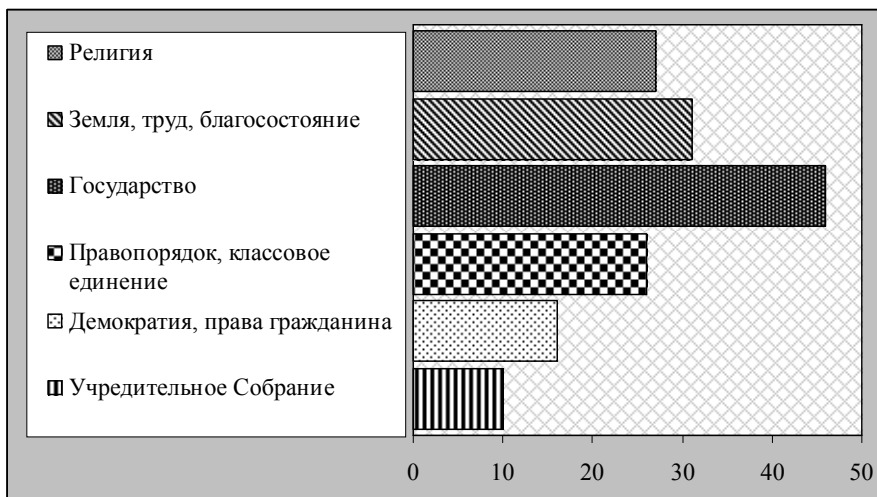
¹ Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2007. С. 64.

пропагандистской риторике кадетов и правительством А.В. Колчака. Данная группа ценностных установок содержится в 43 % публикаций (46 из 106 публикаций).

- Либеральные ценности, выраженные понятиями: *народоправство/демократия, права и свободы человека и гражданина*. Данные ценности представлены в 15,0 % статей (16 из 106 публикаций).
- Ценности *законности, правопорядка, классового единения и социального мира*. Эти категории присутствуют в 24,0 % статей (26 из 106 статей).
- Тема созыва *Учредительного Собрания* содержится в 9,0 % статей (10 из 106 публикаций).

Преобладающей в материалах «Нашей газеты» была идея сильного, единого государства, а также традиционные ценности, связанные с религией, землей и материальным благополучием. Следом за ними отстаивалась необходимость сохранения правопорядка и классовой солидарности. Направленность газеты на широкие слои населения позволяет предположить, что именно эти ценности рассматривались белыми как наиболее привлекательные и понятные для народных масс и использовались для привлечения на свою сторону крестьян, рабочих и солдат. В то же время, доминантные в период революции ценности демократии, прав и свобод, в пропагандистской риторике газеты были оттеснены на второй план.

Рис. 1. Количественное соотношение ценностных установок в публикациях «Нашей газеты»

Необходимо отметить, что из 106 публикаций только в 32 присутствует две или более видов ценностных установок. Так в статье, посвященной необходимости созыва Учредительного собрания, пересекаются сразу пять выделенных категорий – все, кроме религии. В статье под назва-

нием «Уроки революции» также сочетается пять тематик, но не упоминается Учредительного собрания. Одна статья содержит четыре вида ценностных категорий. В шести публикациях присутствует по три вида категорий, и в двадцати одной – по две. Остальные 77 публикаций содержат лишь одну категорию. Наибольшее количество из них (27) содержит ценности, связанные с темой государственности. Вместе с тем, данная тема чаще всего пересекается с другими ценностными установками – в 19 случаях.

Наиболее актуальная для газеты тема, связанная с ценностями государства, в наибольшей степени сочетается, с ценностями религии (восемь сочетаний) и темой материального благополучия (семь сочетаний). С темой «Учредительное Собрание» и темой законности и правопорядка – по пять сочетаний. С ценностями демократии данная тема встречается всего четыре раза.

Вторая по частоте упоминания тема, связанная с материальным благополучием, понятиями труда и земли, чаще всего сочетается помимо идеи государственности, с ценностями демократии и народоправства и категориями законности и правопорядка – шесть раз, а также с концептом Учредительное Собрание – четыре сочетания.

Ценности демократии/народоправства, прав гражданина чаще всего сочетаются с темой законности и правопорядка – шесть раз и темой Учредительного Собрания – пять раз.

Как показало сравнение, либеральные ценности демократии и правопорядка в большей степени сочетаются либо между собой, либо с темой земли, труда и благосостояния и темой Учредительного Собрания и достаточно редко встречаются с темой возрождения государственности. Тема религии является наиболее обособленной. Чаще всего она сочетается лишь с темой государства, с другими ценностями практически не пересекается. Так, с тематикой земля, труд, благосостояние – три пересечения, законностью и правопорядком и демократическими ценностями по одному сочетанию. Вместе с тем, 17 статей содержат упоминание исключительно о религиозных ценностях.

Необходимо отметить, что вышеназванные ценностные установки достаточно слабо пересекаются между собой. Явное доминирование идей сильного государства и «единой и неделимой России» позволяет сказать, что эти ценности были ключевыми в пропагандистской риторике «Нашей газеты». Идея сильного и единого государства рассматривалась идеологами белого движения, с одной стороны, как самостоятельная и самодостаточная, о чем свидетельствует высокий процент статей, где данные ценности не пересекаются с другими идеологемами. С другой стороны, идея сильной, независимой и единой России играла роль фундамента или каркаса, для дальнейших идеологических построений, дополнявших и уточнявших дискурс правительственной пропаганды. В пользу этого говорит факт сочетания, хотя и не столь частого, нескольких типов ценностных установок в одной публикации. Несмотря на то, что количество сочетаний тематик примерно одинаково, наличие даже небольших раз-

личий обращает на себя внимание. Например, религиозные ценности сочетаются с идеей сильного государства в два раза чаще, чем ценности демократии, прав и свобод (восемь и четыре соответственно), что красноречиво свидетельствует о вспомогательной, «декоративной» роли последних в общем тоне газеты.

Проведенный контент-анализ материалов «Нашей газеты» позволил выявить набор ценностей, на которые опиралась правительственная антибольшевистская пропаганда, адресованная широким слоям населения. Использование данной методики подтвердило предположение о том, что, несмотря на присутствие в текстах либеральной, демократической фразеологии, упор был сделан на традиционные ценности религии, справедливого распределения земли и необходимости честного труда. Основопологающей ценностью объявлялось сильное, независимое государство, на восстановление и укрепление которого должны быть направлены все усилия. Как отмечалось в одной из статей «Нашей газеты», каждый человек обязан, прежде всего, выполнять свои обязанности по отношению к государству, а затем уже думать о своих правах¹. Провозглашая идею сильного государства, газета неоднократно отмечала, что проводником данного принципа и «настоящей» властью является Верховный правитель. Несмотря на не столь активное обращение к демократическим ценностям и идее Учредительного Собрания, газета не ограничивалась лишь декларированием соответствующих данным темам лозунгов. Авторы статей стремились дать правильные, по их мнению, определения важным и спорным понятиям во избежание их неверного толкования. Так, говоря об «истинном демократическом порядке», в одной из статей газеты отмечалось, что большевики исказили значение понятия «демократический класс», устранили от власти широкие слои населения, оставив права и свободы только тем, кто находится в их партии².

Таким образом, применение метода контент-анализа позволяет реконструировать содержание официальной правительственной пропаганды. Для воссоздания более полной картины информационной и пропагандистской деятельности Омского правительства, несомненно, необходимо продолжение исследования всей совокупности изданий колчаковского Русского бюро печати. Вместе с тем, уже на текущем этапе результаты контент-аналитического исследования «Нашей газеты» позволяют вполне обоснованно поставить вопрос: почему, несмотря на преобладание в пропагандистской риторике традиционных, «народных» ценностей и идеалов, таких как православие, мирный труд в сочетании с идеей сильного государства, «осведомительная» деятельность "Русского бюро печати" не достигала успеха? Попытки опереться на традицию и стремление говорить с массами на понятном им языке, в конечном счете не принесли должного результата.

¹ *Что такое государство* // Наша газета (Томск). 1919. 2 ноября.

² *В чем состоит истинный демократический порядок* // Наша газета (Томск). 1919. 12 ноября.

Причины слабой эффективности пропагандистской работы белых следует искать в различных плоскостях: в особенностях организации данной деятельности (так, например, «Наша газета» выпускалась на протяжении всего трех месяцев второй половины 1919 г., когда Омское правительство терпело одно поражение за другим), содержательном аспекте, и, самое главное, в характере политики белых. Та же «Наша газета» писала, что сибирское крестьянство недовольно правительством, а на утверждения об опасности большевизма отвечало: «а у нас разве лучше?», – что, по мнению редакции газеты, и являлось «корнем зла»¹. Между тем, анализ содержательного аспекта пропаганды с помощью контент-анализа в сочетании с дискурсивным анализом позволит дать более точную и обоснованную оценку эффективности информационно-пропагандистской деятельности белых.

¹ *В чем спасение Сибири* // Наша газета. (Томск). 1919. 27 ноября.

Н.В. Куденко

**Основные подходы и практика борьбы
с несовершеннолетними преступниками на Алтае
в первой половине 1920-х годов ¹.**

Необходимость создания специальной системы мер по борьбе с преступностью в среде несовершеннолетних была осознана советской властью в первые годы ее установления. Сложившаяся ситуация во многом стала следствием резко возросшей в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны беспризорности. Ликвидация частной собственности в результате революционных преобразований привела к негативным последствиям в положении беспризорных детей, поскольку была исключена возможность индивидуальной благотворительности со стороны состоятельных слоев населения. Репрессии в отношении священнослужителей практически прекратили церковную деятельность по призрению детей-сирот. Тяжелейшие социально-экономические потрясения привели к разрушению традиционного уклада жизни и развитию таких явлений как беспризорность, сиротство, всплеск правонарушений среди несовершеннолетних.

По данным исследователя А.Ю. Рожкова к 1922 г. по стране насчитывалось около семи миллионов беспризорных детей ². На рубеже 1922–1923 гг. последствия произошедших потрясений обнаружили себя в полной мере, что способствовало наибольшему росту детской беспризорности и, как следствие, расцвету преступности в среде несовершеннолетних.

В связи с этим целью нашего исследования стало рассмотрение системы мер государственного контроля в решении проблемы детской преступности в первой половине 1920-х годов. Рассмотрение данного вопроса в контексте региональной проблематики является не случайным. Это обусловлено исследовательскими интересами автора к вопросу политики в отношении уголовного элемента на Алтае в 1920-е – 1930-е годы. В свою очередь, рассмотрение более частного сюжета, а именно претворения в жизнь данной политики на примере несовершеннолетних преступников в первой половине 1920-х годов, позволит детальнее воссоздать общую картину. Попытка изучения проблемы детской преступности в период существования Алтайской губернии осложняется наличием лишь

Куденко Наталья Валерьевна, аспирант Алтайского государственного университета. Эл. почта: natashakudenko@yandex.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и администрации Алтайского края в рамках проекта «Массовые репрессии в Алтайском крае в 1937–1938 гг.: механизм реализации и региональная специфика», проект № 14-11-22004

² Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории, 2000. № 11. С. 134.

отрывочных архивных данных. Вероятно, этим объясняется тот факт, что в работах, близких по проблематике, эта тема рассматривается лишь с периода Великой Отечественной войны.

В начале 1920-х годов в РСФСР активизируется деятельность представителей юридической и педагогической науки в отношении профилактики детской преступности и охраны детства. Летом 1920 г. прошло заседание первой медико-педагогической Консультации при Наркомате просвещения, на которой рассматривались проблемы малолетних правонарушителей, детской дефективности и прочие¹. Среди участников съезда в числе почетных председателей находились В.И. Ленин, М. Горький, А.В. Луначарский. В своих выступлениях докладчики рассказывали о разных сторонах такого явления как детская преступность. Они подчеркнули, что ее рост стал следствием разрушения основных составляющих уклада жизни населения (семья, системы школьного образования, церкви). Среди обозначенных проблем также отмечалось отсутствие педагогического опыта у специалистов, призванных решать задачи по профилактике и ликвидации детской преступности в регионах.

Среди работ ученых 1920-х годов, исследовавших проблемы детской и подростковой преступности, можно выделить труды Л.М. Василевского, Н.П. Гришакова, В.И. Куфаева, П.И. Люблинского и других². Эти авторы пытались выявить многообразие причин, факторов, закономерностей и обстоятельств, порождающих беспризорность, создать систему профилактической работы. В изданиях отразилась полемика о причинах беспризорности. В начале 1920-х годов их искали в особом психофизическом состоянии ребенка, предрасположенности к уличной жизни. К середине данного десятилетия пришло понимание того, что корни беспризорности находились в сложившихся социально-экономических условиях. В частности, М.Н. Гернет, а за ним и другие авторы, в своих исследованиях обратили внимание на связь роста численности беспризорников с увеличением числа преступлений, совершенных детьми³.

В области борьбы с детской преступностью была сделана попытка перенести весь вопрос в плоскость мер медико-педагогического и социально-педагогического характера. Исследователь А.Э. Дубоносова приводит

¹ «Детская дефективность, преступность и беспризорность. По материалам I всероссийского съезда 24.06. – 2.07.1920 г.» Редакция бюро Медико-педагогической Консультации Наркомпроса. М., 1920.

² Василевский Л.М. Детская преступность и детский суд. М., 1923; Гришаков Н.П. Детская преступность и борьба с ней путем воспитания. Орел, 1922; Куфаев В.И. Педагогические меры борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. М., 1927; Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). М., 1923.

³ Гернет М.Н. Социально-правовая охрана детства за границей и в России. М., 1924.

пример классификации применяемых мер по направлениям¹. Присмотр обследователя-воспитателя за несовершеннолетним и его содействие в развитии у подростка необходимых жизненных навыков является социально-педагогической мерой. К детям юного возраста применялась педагогическая мера, в частности, присмотр родителей или других родственников. Меры лечебного характера, в том числе не только в учреждениях здравоохранения, но и в детдомах, наряду с воспитательными, содержали медико-педагогическую помощь, которую получал подросток.

Необходимо отметить, что система борьбы с детской преступностью исключала уголовное наказание в виде лишения свободы и пыталась решить задачи перевоспитания малолетних правонарушителей более гуманными способами. Таково было положение дела при действии декрета от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних»² (так называемые КОМОНЕС). Согласно данному декрету применение судебного разбирательства и тюремного заключения в отношении несовершеннолетних не допускалось. Дела на несовершеннолетних, которые уже находились в судопроизводстве, передавались на рассмотрение комиссии. В состав комиссий входили представители общественного призрения, народного просвещения и юстиции в количестве не менее трех человек, при обязательном участии врача из числа членов заседания. Комиссии создавались как орган педагогического воздействия. В их компетенцию входила защита несовершеннолетнего от негативного воздействия среды, в которую попал ребенок, содействие развитию благоприятной социальной и педагогической обстановки.

Весной 1920 г. произошел некоторый поворот в политике по борьбе с несовершеннолетней преступностью. Так, 4 марта 1920 г. в декрет об учреждении комиссии по делам несовершеннолетних были внесены изменения, сужавшие сферу медико-педагогического воздействия. Согласно внесенной поправке, в отношении подростков от 14 до 18 лет, «неподдающихся мерам медико-педагогического воздействия»³, допустимо применение общих репрессивных мер. То есть рассмотрение дел проходило снова в порядке общего судебного разбирательства. По решению суда подростки 14–16 лет помещались в трудовые дома. При отсутствии такой возможности их направляли в места общего заключения с условием изоляции от взрослых. Однако данное положение повсеместно нарушалось, что приводило к попаданию подростка в среду взрослой преступности.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. также усиливал репрессивный компонент в системе мер борьбы с преступностью в среде подростков, закрепляя тем самым отход от практики исключительно медико-педагогического

¹ Дубоносова А.Э. Педагогические методы перевоспитания несовершеннолетних преступников (1918–1930 гг.) // Юриспруденция, 2010. № 4. Т. 20. С. 97.

² Декрет СНК РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14 января 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 918. № 16. Ст. 227.

³ Собрание узаконений и распоряжений. 1920. № 13. Ст. 83.

воздействия. Согласно ст. 18 УК РСФСР к несовершеннолетним в возрасте 16–17 лет могли применяться те же виды наказаний, что и к взрослым, вплоть до смертной казни¹. Декретом ВЦИК от 27 июня 1922 г. в статью 33 УК РСФСР было внесено примечание, согласно которому смертная казнь не применялась к лицам, не достигшим 18 лет на момент совершения преступления.

Наряду с оформлением уголовного законодательства, начиналось постепенное развитие социальной профилактики в виде создания отделов правовой защиты (позднее – социально-правовой охраны) несовершеннолетних, организующих приемники и распределители для детей, их устройство в новых семьях, опеку и юридическую помощь, патронат. К сожалению, внедрение этих мер совпало с периодом продовольственного кризиса, быстрым сокращением административно-служебного аппарата и резким переломом в области экономической политики, что не позволило эффективно развить сеть соответствующих учреждений.

В 1920-е годы в рассматриваемой нами Алтайской губернии практика борьбы с детской преступностью имела весьма противоречивый характер. В регионе также были созданы комиссия по делам несовершеннолетних, детский трудовой дом, дом для беспризорников. Однако эффективность работы этих учреждений в условиях постоянной нехватки средств, персонала, тяжелой социально-экономической обстановки сводила прилагаемые усилия к нулю. Данная ситуация отражена в переписке и отчетах милиции с Алтайским губернским совещанием².

В одном из рапортов Алтайского уголовного розыска 1923 г. отмечается, что в результате проверки притонов, постоянных дворов и «хазок» было обнаружено 83 беспризорника. Из них 55 чел. были в возрасте от 12 до 16 лет, 28 чел. – от 16 до 21 года³. В документе содержалась следующая характеристика этой группы выявленных беспризорников: «вся эта публика ничем не занималась, кроме попрошайничества и воровства». В большинстве случаев к данной «публике» относились подростки и молодые люди, потерявшие связь с родственниками и оказавшиеся в Барнауле в результате революционных событий и голода Поволжья. Положение их было ужасным: «почти босые, голые, питаются объедками и полукусками, выброшенными из «обжорок», «харчевок» и «барахолок», а за отсутствием и этих «продуктов» вылавливают отбросы из помойных ям». Все они заявили, «что проще пойти в тюрьму, чем помирать здесь голодной смертью с наступлением холодов»⁴.

В период с 1922 по ноябрь 1923 г., согласно перечню дактилоскопической экспертизы при Алтайском губернском уголовном розыске, возраст задержанных несовершеннолетних преступников не превы-

¹ Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР».

² ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 8, 12, 20, 25, 51, 65.

³ Там же. Д. 51. Л. 29.

⁴ Там же.

шал 14 лет. Самым юным правонарушителям было всего 10 лет¹. Они были задержаны за совершение различного рода краж, преимущественно карманных. Только в двух случаях обвиняемые привлекались за конокрадство. В примечании к списку указано, что практически все малолетние преступники являлись рецидивистами, что свидетельствует о сложной социально-экономической ситуации в стране и регионах. Поскольку дети в возрасте от 10 до 14 лет не просто единожды случайно преступили закон, а встали на путь постоянной преступной жизни, свыклись с правилами криминальной среды.

В борьбе с детской преступностью на Алтае, как и по РСФСР в целом, действовала специальная комиссия по делам несовершеннолетних (КОМОНЕС). Комиссия традиционно состояла из трех человек: представителей Народного просвещения (педагога), сферы здравоохранения (врача) и юстиции (прокурора). В обязанности комиссии входили защита прав несовершеннолетних, изъятие детей с улицы, ограждение их от тлетворного влияния среды и применение медико-педагогических мер (беседы, внушения, организация патроната, помещение в учреждения социального воспитания и другие меры, применение которых было возможно в отдельной взятой ситуации).

На основании заключения комиссии дети попадали в различные учреждения, в частности, приемники-распределители, трудовые дома и дома заключения для «морально-дефективных детей»². Основные информационные сообщения в переписке комиссии по делам несовершеннолетних в Алтайской губернии дают информацию преимущественно о деятельности дома для «морально-дефективных детей» (ДМДД) и детского дома. Применение на Алтае исправительно-трудовых работ в рамках организованной деятельности соответствующего учреждения – исправительно-трудового дома (ИТД) по отношению к взрослым правонарушителям началась с 1928 года³. Поэтому о создании подобного учреждения специально для несовершеннолетних речь не идет. Использование физического труда, как способа перевоспитания подростков, было возможно лишь в небольших мастерских при ДМДД или в случае довольно редкого получения рабочих мест при производственных предприятиях Барнаула.

Барнаульский дом для «морально дефективных детей» находился на улице Короленко № 3, в двухэтажном деревянном здании⁴. Условия, в которых

¹ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 51. Л. 30.

² Термин «морально-дефективные дети» появился в научной литературе в первой половине 20-х гг. XX века. Период популярности взглядов, которые усматривали причины преступности исключительно в генетической предрасположенности ребенка и его психофизическом состоянии. Во второй половине 1920-х годов научное сообщество отказалось от этого термина, ввиду появления новых подходов, которые рассматривали среду как основу формирования привычек, поведения и образа жизни личности.

³ ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 60.

⁴ Там же. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 51. Л. 40.

находилось учреждение были ужасными. Дом совершенно не отвечал своему назначению и влачил жалкое существование. Учреждение занимало три небольшие комнаты на нижнем этаже здания. В них отсутствовали специальные изоляционные комнаты для несовершеннолетних, требующих надзора и заключения. Вопрос о выделении подходящего помещения для дома поднимался на заседаниях комиссии не один раз. В декабре 1923 г. на запрос о необходимости его выделения Горono ответило, что здание будет предоставлено в ближайшее время. К сожалению, нам не удалось найти данных, свидетельствующих о том, был ли решен этот вопрос¹.

Серьезной проблемой для организации эффективной системы мер, направленных на перевоспитание подростков-преступников, стала нехватка квалифицированного персонала и финансирования. В отчетах периодически повторялась информация о сокращении штата сотрудников в домах для «морально-дефективных детей». Система держалась на инициативе и ответственности отдельных сотрудников, зачастую остававшихся один на один с возникающими проблемами.

Персонал воспитателей состоял из одного заведующего. Лица, занимающие эту должность, из-за тяжелых условий работы при возможности старались поменять место службы и уволиться. Из-за отсутствия надлежащего надзора, помещаемые для исправления малолетние преступники зачастую получив казенную одежду, убегали. При этом они старались что-нибудь украсть и увлечь за собой других детей. Недостаток работников и средств не позволяло создать условия для нормальной работы с подростками. Отсутствие адекватных мер по борьбе с юными рецидивистами создавало у них ощущение полной безнаказанности. Нередко эти правонарушители после выхода из правоохранительных учреждений в течение нескольких часов вновь задерживались за совершение нового преступления. Некоторые из них были весьма «популярны» и часто появлялись в оперативных сводках. Например, двенадцатилетний Михаил Аникин, четырнадцатилетние Артамонов, Смирнов, Иванов (имена неизвестны), за которыми числилось до 80 мелких краж. Они совершали новую кражу, спустя несколько минут после своего освобождения из уголовного розыска. В качестве эксперимента сотрудники милиции задержали Аникина в ДМДД на трое суток и краж не стало².

Из доклада начальника уголовного розыска и председателя комиссии по делам несовершеннолетних при Губернском отделе народного образования (Губоно) г. Барнаула Шамарина следовало, что «детская преступность в городе свила себе прочное гнездо». Подростки младшего возраста (12–13 лет) «работают» под патронажем сверстников чуть постарше (15–16 лет), которые подталкивают их к преступной деятельности. В других ситуациях подростки попадали в уже сформированную уголовную среду и становились «форточниками» в бандах взрослых преступников. Они использовались для проникновения в квартиры через оконные форточки, как правило, в дневное время суток, когда граждане находились на работе. Количество малолетних пре-

¹ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 51. Л. 58.

² Там же. Л. 40.

ступников из среды беспризорников в Барнауле было чрезвычайно велико. Так, в ходе рейда, произведенного в ночь на 17 ноября 1923 г., в «злочных местах» города, наиболее известных милиции, три агента уголовного розыска зарегистрировали сразу 89 бесприютных ребенка. Другие статистические данные в указанный период имеют следующие значения (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество детей-преступников, прошедших по статистическим листкам комиссии по делам несовершеннолетних за 10 месяцев 1923 г.*

Месяц	Количество возбужденных дел	Количество участников дела (несовершеннолетних преступников)
январь	6	10
февраль	13	17
март	15	16
апрель	17	18
май	14	14
июнь	11	16
июль	20	22
август	16	17
сентябрь	15	16
октябрь	6	7
Общее количество	133	153

* Составлено по: «Протоколы Алтайского губернского совещания по борьбе с преступностью. ГААК. Ф. Р-30. Оп.2. Д.51. Л.31.»

В рамках одного следственного дела могла проходить группа подростков, то есть они образовывали банды, имели сообщников в преступной деятельности. Об этом более наглядно свидетельствуют данные за февраль 1923 г.: на 13 возбужденных дел приходилось 17 их участников. Следовательно, в нескольких делах преступников могло быть более одного (табл. 1).

Таблица 2

Распределение по видам преступлений по делам несовершеннолетних за 10 месяцев 1923 г.

Вид преступлений	Количество дел	Количество несовершеннолетних	Количество несовершеннолетних, %
Кражи	63	75	50
Торговля**	48	46	30
Самовольную порубку леса	5	11	7
Хулиганство	17	21	13
Общее количество	133	153	100

* Составлено по: «Протоколы Алтайского губернского совещания по борьбе с преступностью. ГААК. Ф. Р-30. Оп.2. Д.51. Л.40.»

** Торговля как незаконный вид деятельности как правило фигурирует в отчетах подобного рода в значении – торговля краденными вещами.

Недостатки в практике борьбы с малолетними преступниками отмечались многими представителями народного просвещения, здравоохранения и юстиции. Некоторые документы содержат развернутые рекомендации по совершенствованию системы мер борьбы с детской преступностью. Особенно примечательным и выбивающимся из череды формальных и «сухих» предложений являлся доклад А. Довгней, временно исполняющего должность заведующего детдомом № 7 г. Барнаула для морально-дефективных детей¹. В нем был дан развернутый ответ на вопрос о том, какими мерами нужно перевоспитывать малолетних преступников. В качестве аргументов А. Довгней приводил опыт зарубежных коллег, сумевших достигнуть определенных положительных результатов. Он отмечал, что место пребывания несовершеннолетних правонарушителей должно быть изолировано от всех населенных пунктов, по примеру учрежденной в США «детской республики». Главной мерой педагогического воспитания здесь являлся физический труд в самых разнообразных его формах. Дети подразделялись на две категории: перевоспитуемых и исправляющихся. При включении в эту среду, у ребенка первоначально формировали привычку к дисциплине и необходимости трудиться. На практике требовалось реализовать принцип «Кто не работает – тот не ест». Дети должны сами решить внутренние проблемы, создать собственное самоуправление. Кроме того, Довгней особо отметил: «Прежде всего, нужно раз и навсегда отрешиться от взгляда, что при работе с дефективными детьми можно обойтись одними мерами педагогического характера, эту сентиментальность придется отбросить». В данном случае директор, вероятно, основываясь и на собственном опыте, констатировал, что лишь беседами, внушениями и разъяснениями (которые судя по перепискам и отчетам губернских органов, были основными мерами педагогического воздействия) нельзя решить глубинных проблем по искоренению уголовных привычек в характере подростков. В докладе также подчеркивалась необходимость наличия специальной охраны для предотвращения побегов. По мнению А. Довгней, необходимо прибегать к физическому принуждению, позволяющему достичь результатов в перевоспитании морально-дефективных детей. В этой нелегкой работе важна и личность педагогов, которые должны не только читать лекции, но и собственным примером привлечь детей к труду.

Особое место в решении проблемы детской преступности заведующий отводил пробуждению общественного интереса к ней с помощью прессы. Например, для организации рабочих мест при производственных мастерских для воспитанников требовалась частная инициатива. Местные же предприятия практически всегда отказывались давать заведующему заказ на выполнение работ его воспитанниками.

Предлагаемая система перевоспитания опиралась на те же методы, которые применял А.С. Макаренко. Но вряд ли заведующий детским домом в Барнауле в 1923 г. имел возможность ознакомиться с опытом из-

¹ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д.51. Л. 36 – 39 об.

вестного педагога. Тем более, что основные работы Макаренко были опубликованы в 1925–1935 годах. Вероятно, оба организатора воспитательной работы заимствовали использовавшиеся ими подходы из иностранной литературы, опубликованной в начале XX века. Данный факт является весьма удивительным: несмотря на сложные экономические условия в педагогической среде провинциального Барнаульского дома для малолетних преступников находились специалисты, демонстрировавшие не только высокий уровень образования, но и пытавшиеся решить существующие проблемы с использованием зарубежного педагогического опыта. Вместе с тем, в документах отсутствуют сведения о реализации в Алтайской губернии предложенной инициативы по организации автономной «детской республики».

В первой половине 1920-х годов система мер по борьбе с детской преступностью на Алтае применялась довольно хаотично и включала лишь мероприятия, осуществимые в условиях хозяйственной разрухи. В частности, речь идет о периодических рейдах, вследствие которых малолетние преступники оказывались на заседаниях комиссии по делам несовершеннолетних. В зависимости от характера совершенного правонарушения, исправительные меры ограничивались устным внушением и беседой с ребенком при незначительном проступке. В случае нарушения, имеющего серьезные последствия и характер рецидива, юные правонарушители направлялись для содержания в ДМДД для перевоспитания. В этих учреждениях, имевших ограниченные ресурсы, к ним применялись меры педагогического воздействия (беседы, обучение, трудовое воспитание). Однако бытовые условия и численность персонала не позволяли удерживать ребенка без его собственного желания и вести последовательную воспитательную работу. В связи с этим мероприятия по противодействию детской преступности носили случайный и ограниченный характер, что позволяет говорить об отсутствии серьезных достижений в профилактике правонарушений, совершенных несовершеннолетними. Взаимодействие различных административных, педагогических и правоохранительных учреждений не было налажено, о чем свидетельствует переписка соответствующих инстанций. Поэтому говорить о наличии полноценных статистических данных в виде полугодовых или годовых отчетов, отражающих итоги борьбы с малолетними преступниками, не приходится. Данный вопрос рассматривался на заседаниях мимоходом, в череде других задач. Поэтому собранный материал позволяет сделать лишь первый шаг в изучении представленной проблематики.

Т.И. Морозова

**Организация и деятельность отдела по работе в деревне
Сибирского крайкома ВКП(б) (январь 1928 – февраль 1930 г.)¹**

В 1920-е годы главным инициатором и руководителем всех политических, экономических и идеологических кампаний, который принимал ключевые решения, определявшие дальнейшее развитие РСФСР – СССР, являлась Российская (с декабря 1925 г. – Всесоюзная) коммунистическая партия большевиков. Такое положение в политической системе требовало от ЦК РКП(б)–ВКП(б) особого внимания к формированию партийного аппарата. В результате на всем протяжении 1920-х годов в Центре и на местах осуществлялся почти непрерывный поиск наиболее оптимальной структуры партийных органов. Создание или упразднение тех или иных отделов, подотделов, секций и групп в составе партийных комитетов различных уровней определялось состоянием коммунистической партии в целом, стоявшими перед ней целями и задачами, а также условиями, в которых эти последние решались.

Одной из таких наиболее значимых для большевиков задач в 1920-е годы неизменно выступало руководство сельским хозяйством. Стремясь укрепить свои политические позиции в деревне и решить проблему хлебозаготовок, коммунистическое руководство использовало широчайший спектр форм и методов работы от организации групп бедноты до создания «хлебных троек» и применения чрезвычайных мер. Хлебозаготовительный кризис 1927/28 года и провозглашенный состоявшимся в декабре 1927 г. XV партийным съездом курс на коллективизацию сельского хозяйства выдвинули работу среди крестьянского населения на первый план. Для усиления руководящей роли партии в деревне XV съезд ВКП(б) принял решение создать при партийных комитетах окружного, губернского, областного, краевого и высшего уровней специальные отделы по работе в деревне².

Особое значение решения XV съезда имели для Сибири, оставшейся в конце 1920-х годов одним из важнейших хлебозаготовительных районов СССР. Высшей партийной инстанцией в крае, ответственной за проведение этих решений в жизнь, являлся Сибирский краевой комитет РКП(б)–ВКП(б). Осознавая необходимость как можно скорее добиться «перелома» в хлебозаготовках и в то же время поставив, в соответствии с указаниями съезда, в центр внимания задачу коллективизации крестьянских хозяйств, партийное руководство Сибири одним из первых в Советском

Морозова Татьяна Игоревна, стажер-исследователь Института истории СО РАН.
Эл. почта: mti137@yandex.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ: проект № 13-01-00100 а

² *Резолюция* «О работе в деревне» // XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.-Л., 1928. С. 1317.

Союзе приняло решение об организации отдела по работе в деревне, просуществовавшего в итоге до начала февраля 1930 года.

Политика коммунистической партии в отношении крестьянства изучается историками на протяжении многих десятилетий. К настоящему времени отечественными и зарубежными исследователями введен в научный оборот обширный комплекс исторических источников, позволяющих выяснить основные цели, методы и результаты проведения этой политики в жизнь¹. В научной литературе получили освещение социально-экономические процессы, происходившие в российской, и в том числе в сибирской, деревне 1920-х годов, содержание и итоги хлебозаготовительных кампаний, массовая коллективизация сельского хозяйства и применявшиеся по отношению к крестьянству репрессивные меры². Исследователям удалось установить роль партийных органов в системе руководства сельским хозяйством, выявить основные решения Центрального, краевых и областных партийных комитетов РКП(б)–ВКП(б) в этой области, оценить их значение и проследить последствия. Однако деятельность отделов по работе в деревне, имевших самое непосредственное отношение к выработке этих решений, не получила освещения ни в советских, ни в постсоветских исследованиях. Даже в книге Л.М. Малейко, специально посвященной партийному аппарату, эти структурные подразделения партийных комитетов упоминаются лишь попутно³. В настоящей статье предпринята попытка частично восполнить этот пробел, выяснив

¹ *Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927–1937 гг.)*. Томск, 1972; *Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939*. В пяти томах. М., 1999–2006; *Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД (1918–1939)*. В четырех томах. М., 2000–2012; *Хлебозаготовительная политика Советского государства в Сибири в конце 1920-х гг.* Новосибирск, 2006; *Коллективизация Сибирской деревни*. Январь – май 1930 г. Новосибирск, 2009.

² *Боженко Л., Гагарин А.* Социально-политические организации в сибирской деревне (1920–1927). Томск, 1971; *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 233–234; *Шишкин В.И.* Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1985. 319 с.; *Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг.* Новосибирск, 1983; *Гущин Н.Я.* «Раскулачивание» в Сибири. 1928–1933 гг.: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия // *Гуманитарные науки в Сибири*. Новосибирск, 1996. № 2. С. 31–37; *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000; *Ильиных В.А.* Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2006. № 2. С. 20–26; *Он же.* Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М., 2010. 343 с.; и др.

³ См., например: *Малейко Л.А.* Партийный аппарат: становление и развитие (1917–1941). Ростов н/Д, 1981. С. 54.

обстоятельства создания и охарактеризовав деятельность отдела по работе в деревне Сибирского крайкома РКП(б)–ВКП(б).

В начале января 1928 г. Сибкрайком имел в своем составе шесть отделов: организационно-распределительный; агитационно-пропагандистский; отдел печати; отдел по работе среди женщин; испарт и общий отдел. Руководство этими структурными подразделениями осуществляли бюро и секретариат краевого комитета.

Решение о создании отдела по работе в деревне было принято бюро Сибкрайкома 3 января 1928 года¹. Возглавил новую структуру заместитель заведующего орграспредотделом краевого комитета В.Ф. Комаров. Выбор этой кандидатуры, несомненно, являлся отражением общепартийной тенденции. Так, в апреле 1928 г. в специальной статье, размещенной в «Известиях ЦК ВКП(б)», с одобрением сообщалось, что «большое значение партийные комитеты придают увязке работы отдела по работе в деревне с работой орготдела», добиваясь этого нередко именно путем «совмещения должности заведующего отделом по работе в деревне с должностью заместителя заведующего орготделом»².

Ко времени этого назначения В.Ф. Комаров имел уже довольно богатый опыт руководящей работы. Его партийная биография началась со вступления в РКП(б) в мае 1918 г., а стремительный карьерный рост пришелся на время расцвета нэпа. Выходец из крестьянской семьи, счетовод по специальности, пять лет проработавший по профсоюзной линии, в октябре 1923 г. В.Ф. Комаров был назначен секретарем Ленинского райкома РКП(б). Год спустя, в октябре 1924 г., бюро Томского губкома охарактеризовало В.Ф. Комарова как хорошего организатора и администратора и приняло решение прикрепить его к группе работников губернского масштаба, что открывало перспективы для дальнейшего восхождения по партийной «лестнице»³.

В 1925 г. в связи с вызванной районированием Сибири перестройкой партийного аппарата В.Ф. Комаров был командирован на пост секретаря Щегловского окружного комитета, а в октябре того же года переведен на аналогичную должность в Рубцовском окружкоме, которую занимал на протяжении почти двух лет⁴. Положительно зарекомендовав себя в качестве руководителя партийной организации одного из наиболее «хлебных» округов Сибири, в сентябре 1927 г. В.Ф. Комаров был отозван из Рубцовки в Новосибирск, где его назначили на должность сначала ответственного инструктора, а затем заместителя заведующего орграспредотделом Сибкрайкома. Таким образом, можно утверждать, что в январе 1928 г. бюро краевого комитета утвердило заведующим отделом по работе в деревне не просто сотрудника орграспредотдела крайкома, а коммуниста, обладавшего

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 24. Л. 3.

² В.Д. Организация отделов парткомов по работе в деревне // Известия ЦК ВКП(б). М., 1928. № 14. С. 4.

³ ГАНО. Ф.П-3. Оп. 15. Д. 8009. Л. 7.

⁴ Там же. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 2242; Ф.П-3. Оп. 15. Д. 8009. Л. 1–2.

го практическими навыками партийного руководства и по опыту работы в Рубцовском округе хорошо знавшего ситуацию в деревне.

Поэтому совершенно закономерно, что выработку специального положения, регламентировавшего деятельность отдела по работе в деревне, бюро Сибкрайкома поручило именно В.Ф. Комарову¹. На выполнение этого задания ушло почти четыре недели. В итоге «Временное положение об отделах по работе в деревне» было вынесено на обсуждение бюро Сибкрайкома и утверждено последним только 31 января 1928 года². Согласно принятому документу, новые структуры создавались в составе партийных комитетов «на правах самостоятельных отделов с непосредственным подчинением бюро и секретариату». Кроме того, в положении назывались семь функций новых отделов. Это изучение и суммирование опыта работы в деревне в целом; разработка отдельных кампаний; координирование мероприятий различных хозяйственных органов и общественных организаций, обслуживавших деревню; подготовка и проведение окружных совещаний групп бедноты; составление планов; созыв совещаний ответственных работников по вопросам деревни; участие в разработке программ обследования партийных организаций.

Возложенные на отдел по работе в деревне обязанности свидетельствуют о том, что первоочередной задачей нового структурного подразделения являлось изучение состояния деревни и выработка методов партийного руководства с учетом текущих условий. Все мероприятия, которые организовывал краевой отдел по работе в деревне, подлежали утверждению на заседании бюро или секретариата Сибкрайкома, а их непосредственное проведение осуществлялось через организационно-распределительный, агитационно-пропагандистский отделы и отдел краевого комитета по работе среди женщин.

Наряду с краевым отделом, «Временное положение» в равной степени распространялось на аналогичные отделы окружных парткомов. 31 января 1928 г. бюро Сибкрайкома приняло решение об учреждении отделов по работе в деревне в Омском, Новосибирском, Барнаульском, Бийском, Томском, Кузнецком, Красноярском, Иркутском окружках и в Бурят-Монгольском обкоме³. В конце июня 1928 г., секретариат краевого комитета дополнил это постановление, признав необходимым организацию отделов по работе в деревне также в Славгородском, Барабинском, Каменском, Рубцовском, Ачинском, Канском и Минусинском окружках ВКП(б)⁴. Тем самым к лету 1928 г. новые структуры были созданы почти во всех сибирских партийных организациях, за исключением наиболее отдаленных – Киренской, Тарской, Тулунской, Хакасской и Ойротской. Это позволило краевому партийному руководству более опера-

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 24. Л. 3.

² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 24. Л. 33; *Временное положение* об отделах по работе в деревне // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1928. № 3. С. 15.

³ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 24. Л. 33.

⁴ Там же. Д. 29. Л. 222.

тивно получать информацию о состоянии деревни, проведении там различных политических и экономических кампаний, а также исполнении партийных директив, только изредка прибегая к выездам на места инструкторов и информаторов краевого комитета.

Ограничившись во «Временном положении» подробным описанием функций отделов по работе в деревне, краевое партийное руководство, однако, никак не регламентировало их внутреннюю структуру, штат и формы работы. Рассчитывая получить по этим вопросам указания от ЦК, Сибкрайком на протяжении нескольких месяцев не принимал штатных сотрудников в свое новое структурное подразделение. В результате до середины мая 1928 г. всю работу, возложенную на краевой отдел по работе в деревне, пришлось вести его заведующему, продолжавшему в то же время выполнять обязанности заместителя заведующего орграспредотделом Сибкрайкома.

За первые четыре с половиной месяца 1928 г. В.Ф. Комаров представил на рассмотрение бюро и секретариата крайкома в общей сложности 27 вопросов: 17 организационных и 10 – по проблемам, связанным с крестьянством¹. Выступая в качестве заведующего отделом по работе в деревне, В.Ф. Комаров докладывал о порядке создания и распределении местных фондов бедноты, о формах партийного руководства кооперацией, интегрировании кооперативных органов в Томском округе и по другим более частным вопросам. Кроме того, с февраля по апрель 1928 г. В.Ф. Комаров успел написать и опубликовать в краевом партийном журнале «Известия Сибкрайкома ВКП(б)» две обобщающие статьи, посвященные постановке партийной работы в деревне и ориентированные в первую очередь на местных партийных работников². Такая загруженность сразу по двум основным должностям в краевом комитете, судя по всему, заметно утомляла В.Ф. Комарова и, что наиболее важно, отрицательно сказывалась на деятельности отдела по работе в деревне.

Но никаких директив от вышестоящего руководства о порядке формирования штатов нового отдела за всё это время так и не поступило. В апреле 1928 г. «Известия ЦК ВКП(б)» пояснили причины создавшегося положения следующим образом: «Трудно, конечно, в самом начале работы отделов по работе в деревне установить законченную типовую схему организационного их построения. В значительной степени организационную структуру отделов придется приспособить к тем задачам и методам работы, которые встанут перед ними в процессе дальнейшей работы»³.

¹ Подсчитано по: ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 24–25, 29.

² Комаров В.Ф. Работа среди деревенской бедноты // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1928. № 3. С. 4–6; Он же. О дальнейшем укреплении низовых деревенских парторганизаций // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1928. № 7–8. С. 2–3.

³ В.Д. Организация отделов парткомов по работе в деревне // Известия ЦК ВКП(б). М., 1928. № 14. С. 4.

Не дождавшись таким образом распоряжений ЦК, краевое партийное руководство перешло к самостоятельным действиям. 18 мая 1928 г. секретариат Сибкрайкома удовлетворил просьбу В.Ф. Комарова об освобождении его от обязанностей заместителя заведующего орграспредотделом краевого комитета с тем, чтобы дать ему возможность «сосредоточиться на работе деревенского отдела»¹. Вместе с тем на постоянную работу в качестве ответственного инструктора отдела по работе в деревне был назначен А.Р. Семенихин, занимавший до этого аналогичную должность в орграспредотделе крайкома.

Организационное оформление отдела по работе в деревне позволило приступить к планированию его деятельности. Первый план «деревенского» отдела, рассчитанный на май – сентябрь 1928 г., был утвержден секретариатом краевого комитета только 19 мая². За пять месяцев сотрудники отдела планировали подготовить шесть докладов, с четырьмя выступив на бюро и с двумя – на секретариате Сибкрайкома. Однако на практике план оказался выполненным только наполовину и с довольно большим отставанием от намеченного графика. Запланированные на май – июнь доклады «О мероприятиях по укреплению низовых партийных организаций», «О политических и хозяйственных итогах посевной кампании» и «О совещаниях и конференциях групп бедноты» были заслушаны в итоге только в июле – августе 1928 года³.

Приняв во внимание обнаружившееся несоответствие и готовясь, кроме того, к осенней сельскохозяйственной кампании, в октябре 1928 г. Сибкрайком увеличил штат краевого отдела по работе в деревне до пяти сотрудников: заведующего и четырех инструкторов. Эта мера позволила отделу по работе в деревне не ограничиваться подготовкой информационных докладов для бюро и секретариата крайкома, а приступить к непосредственному обследованию состояния сибирской деревни и инструктированию местных партийных организаций по вопросам деревенской работы⁴.

Очередные изменения в штате краевого отдела по работе в деревне произошли весной 1929 года. На состоявшемся 14 марта закрытом заседании бюро Сибкрайкома В.Ф. Комаров был рекомендован председателем Сибирского союза колхозов⁵. В связи с этим новым заведующим отделом по работе в деревне был утвержден бывший заместитель заведующего орграспредотделом, кандидат в члены бюро Сибкрайкома ВКП(б) В.А. Каврайский.

Член партии с 1917 г., бухгалтер по профессии, занимавший в начале 1920-х годов должности заместителя уполномоченного наркомфина по Сибири, а затем начальника Сибкрайстатуправления, В.А. Каврайский

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 29. Л. 126.

² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 29. Л. 140; *Отдел по работе в деревне* // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1928. № 10. С. 4–5.

³ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 28. Л. 1–2.

⁴ Там же. Д. 32. Л. 172–173.

⁵ Там же. Д. 33. Л. 128.

хорошо знал состояние сибирской деревни и с первых дней своего назначения на новый пост приступил к активной работе. По его инициативе и под его руководством в течение 1929 г. отдел Сибкрайкома по работе в деревне организовал первое краевое совещание «деревенских» отделов, подготовил проведение районных совещаний групп бедноты, разрабатывал директивы по проведению сельскохозяйственной налоговой кампании, изучал влияние сельскохозяйственного налога на экономику крестьянских хозяйств и разрабатывал план проведения хлебозаготовок.

Тем самым деятельность отдела по работе в деревне была направлена не только на сбор сведений и оценку состояния партийной работы на селе, но и, безусловно, имела практическое значение. Информационные сообщения и доклады этого отдела легли в основу целого ряда решений Сибирского крайкома ВКП(б), принятых на протяжении 1928–1929 годов. Не стало исключением и постановление бюро краевого комитета от 15 декабря 1929 г. об ускорении темпов коллективизации, принятое при непосредственном участии В.А. Каврайского¹. В то же время осуществляемое сотрудниками краевого отдела по работе в деревне инструктирование местных партийных организаций и вынесение наиболее важных вопросов в повестку дня краевых совещаний во многом обеспечивали правильность проведения принятых решений в жизнь.

Однако в начале 1930 г. ситуация заметно изменилась. Принятое в начале января 1930 г. постановление ЦК «О темпе коллективизации» и провозглашенный партией лозунг «ликвидации кулачества как класса» привели к тому, что изучение политического и экономического состояния деревни отошло на второй план. Курс на массовую коллективизацию крестьянских хозяйств требовал не столько учета местной специфики и поиска наиболее оптимальных методов партийного руководства деревней, сколько максимально быстрого достижения намеченного плана. С учетом новых условий высшее партийное руководство приняло решение о необходимости реорганизации партийного аппарата в Центре и на местах. Постановление ЦК от 5 января 1930 г. сообщало, что успехи, достигнутые в области колхозного и совхозного строительства, проведения хлебозаготовительных кампаний и организации шефства над деревней сделали нецелесообразным «разделение работы партии на работу в городе и деревне». На основании этого все «деревенские» отделы при Центральном, краевых и окружных партийных комитетах подлежали упразднению, а их функции – передаче в другие структурные подразделения парткомов².

В Сибири работа по реорганизации краевого партаппарата началась только после опубликования постановления ЦК в «Советской Сибири»³. 25 января 1930 г. бюро Сибкрайкома приняло решение провести реформу в

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 40. Л. 275.

² О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б) (Постановление ЦК от 5 января 1930 г.) // Справочник партийного работника. М., 1930. Вып. 7. Ч. 2. С. 170.

³ Коренная перестройка партийного аппарата. Постановление ЦК ВКП(б) о реорганизации аппарата ЦК ВКП(б) // Советская Сибирь. 1930. 18 января.

срок до 30 января¹. Не имея времени на детальное изучение вопроса, краевое партийное руководство в срочном порядке приступило к проведению московской директивы в жизнь, в точности копируя новую структуру ЦК ВКП(б). Базовым документом для реформирования краевого комитета стало «Положение и функциональное распределение обязанностей в аппарате крайкома ВКП(б)» от 14 февраля 1930 года. Руководство сибирской деревней оказалось рассредоточено по четырем отделам Сибкрайкома: организационно-инструкторскому, распределительному, отделу культуры и пропаганды, отделу агитации и массовых хозяйственно-политических кампаний². Но ликвидация отдела по работе в деревне не означала полного отказа от накопленного им опыта. В феврале 1930 г. бывший заведующий «деревенским» отделом В.А. Каврайский возглавил созданный при крайкоме отдел агитации и массовых хозяйственно-политических кампаний, что, несомненно, обеспечило преемственность двух структурных подразделений и заложило основу для дальнейшей работы по руководству деревней в целом, и сельским хозяйством в частности.

¹ ГАНУ. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 41. Л. 84.

² Там же. Д. 35. Л. 271–276.

А.А. Плясуля

Зерновые совхозы Сибири (1929–1932 гг.)

Зерновые совхозы Сибири – одна из интересных, но в то же время недостаточно изученных страниц в истории сельского хозяйства данного региона 1920-х – 1930-х годов. Часто зерновые совхозы не являлись собственно объектом исследований, а затрагивались мимоходом. Кратко тема зерновых совхозов Сибири рассматривалась в работе Ю.Г. Антошина и В.Т. Анискова «Совхозы Западной Сибири в годы первой пятилетки»¹. В ней освещались в основном достижения, но не проблемы деятельности зерновых и животноводческих совхозов в регионе. Наиболее обстоятельно зерновые совхозы Сибири охарактеризованы в монографии Н.Я. Гущина «Сибирская деревня на пути к социализму», которая стала заметной работой не только в региональной, но и в общесоюзной историографии². Правда, в этом исследовании история развития зерновых совхозов была представлена также кратко в контексте совхозного строительства в Сибири и коллективизации сибирской деревни. Роль зерновых совхозов в деле помощи и поддержки колхозного крестьянства исследована также в монографиях М.Л. Богденко, В.П. Данилова и И.Е. Зеленина³.

Объектом данного исследования являются зерновые совхозы Сибири, предметом – состояние производства в зерновых совхозах и выполнение ими плана хлебозаготовок. Его цель заключается в том, чтобы показать проблемы производства в зерновых совхозах, задачи – рассмотреть динамику производства зерновых совхозов, выявить степень выполнения ими плана хлебозаготовок, а также выявить проблемы, мешавшие совхозам выполнять этот план в полной мере (как связанные непосредственно с совхозами, так и с деятельностью органов власти). Хронологические рамки исследования охватывают период 1929–1932 гг.: от организации первых зерновых совхозов до окончания первой пятилетки.

Плясуля Антон Александрович, аспирант Института истории СО РАН.
Эл. почта: anto252@rambler.ru

¹ Антошин Ю.Г., Анисков В.Т. Совхозы Западной Сибири в годы первой пятилетки. Новосибирск, 1971.

² Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 379–413.

³ Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР. Краткий исторический очерк (1917–1975). М., 1976; Данилов В.П. История крестьянства России в XX в. Избранные труды. Ч. 1. М., 2011; Зеленин И.Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток (1928–1941). М., 1982.

Со времени прихода к власти в 1917 г. большевики стремились к организации в деревне крупных коллективных хозяйств, а также совхозов («крупных социалистических экономий»). При этом совхозы признавались совершенным («последовательно-социалистическим») типом сельхозпредприятия. В Сибири первые совхозы были созданы в 1918 году. Совхозное строительство в регионе возобновилось после восстановления советской власти в 1920 – начале 1921 года. В конце 1920-х годов совхозное строительство активизировалось. Ставка была сделана на организацию крупных специализированных совхозов. Им отводилась важная роль в преобразовании аграрного сектора экономики.

Совхозы должны были превратиться «в образцовые крупные хозяйства социалистического типа», результатами своего труда на деле доказывая крестьянам преимущества крупного обобщественного производства. Совхозный сектор сельской экономики с самого начала был призван вносить существенный вклад в валовое и товарное производство сельхозпродукции.

В первую очередь создавались зерновые совхозы. В 1929 г. на целинных и залежных землях Западной Сибири было организовано шесть крупных зерносовхозов. В 1930 г. в Западной Сибири было создано еще семь хозяйств, в Восточной – три. В 1931 г. в регионе в целом насчитывалось 23 зерносовхоза, в 1932 г. их число выросло до 36. Посевные площади в совхозах увеличились с 137 тыс. га в 1930 г. до 530 тыс. га в 1932 году¹. Зерносовхозы были очень крупными сельхозпредприятиями. В среднем на одно хозяйство Западной Сибири приходилось по 100 тыс. га, в Восточной Сибири – по 150 тыс. га. сельхозугодий².

Вклад совхозного сектора аграрной экономики в валовое производство сельхозпродукции постоянно возрастал. В 1929–1932 гг. доля совхозов в общей посевной площади в Западной Сибири выросла с 1,7 до 17,8 %, в Восточной Сибири – с 2,1 до 10,4 %, в СССР – с 1,9 до 10,0 %³. Темпы совхозного строительства в Сибири опережали контрольные цифры. В 1930 г. совхозы «Зернотреста» перевыполнили план весеннего сева на 8,0 %, в 1931 г. – на 10,0 %⁴. Эти факты порождали оптимистические настроения у власти. Председатель Запсибкрайисполкома Ф.П. Грядинский на пленуме крайкома ВКП(б) в ноябре 1930 г. заявил: «Мы уже имеем и можем подчитать успехи, которые говорят о том, что пятилетка в совхозном строительстве выполнена в 2 – 2,5 года. <...> Строительство

¹ *Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935.* С. 730–731, 736–737.

² *Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.).* Новосибирск, 1973. С. 380.

³ *Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935.* С. 246–247, 249, 256–257, 259.

⁴ *Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.* Новосибирск, 2011. С. 44, 50.

совхозов не только оправдало себя, но и показало, что оно является мощным рычагом перестройки сельского хозяйства и увеличения его товарности»¹.

Совхозы оказывали помощь колхозам в проведении сельскохозяйственных работ (прежде всего вспашке и севе). В принятой в апреле 1930 г. директиве Сибкрайисполкома предлагалось: «Расширить помощь колхозам, кроме помощи, оказываемой в весеннюю посевную кампанию, до 1 млн. гектар, согласно разверстке, прилагаемой для каждого зерносовхоза. Расширение помощи – путем использования ресурсов машинно-тракторных бригад и тягловой помощи зерносовхозов <...> Перестройка работы в соответствии с новыми заданиями по помощи совхозам должна идти за счет специального контроля и наблюдения партийных и общественных организаций – за рациональным использованием ресурсов – машин и орудий. Некоторые процессы в случае необходимости перевести на 3-х сменную работу. Добиться сокращения простоев машин до минимума»². В 1931 г. зерновые совхозы Западной Сибири шефствовали над 300 колхозами³.

Расширение посевных площадей сопровождалось увеличением производства зерна. В 1929/30 г. совхозы Западной Сибири сдали государству 6,1 тыс. т. хлеба, в 1930/31 г. – 68,7, в 1931/32 г. – 81,8 тысяч тонн⁴. Однако вклад совхозного сектора аграрной экономики в государственный хлебный фонд оказался существенно ниже ожидаемого. В 1930/31 г. совхозы Западно-Сибирского края выполнили годовой план лишь на 60 %. При этом 1930 г. был высокоурожайным. В неурожайный 1931 г. ситуация ухудшилась. Несмотря на почти четырехкратное увеличение посевных площадей, хлебосдача совхозов края выросла лишь на 19,0 %. Первоначальный план хлебозаготовок был выполнен на 61,5 %⁵.

Помимо неблагоприятных погодных условий, одной из причин невыполнения совхозами плана хлебосдачи являлась неудовлетворительная организация труда. Управление совхозами затрудняло их огромные размеры. Некоторые хозяйства располагались на территории четырех – пяти административных районов. Так, Алаботинский зерносовхоз имел 201,1 тыс. га, а Черепановский – 219,6 тыс. га. Возможностей для рационального использования сельхозугодий в таких размерах хозяйства не имели⁶.

Техника при уборке урожая использовалась также весьма нерационально. Некоторые совхозы испытывали недостаток в запасных частях для тракторов. Нередко отремонтированные трактора снова приходилось возвращать в ремонт. Так, например, в Павловском зерносовхозе в 1931 г.

¹ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 109. Л. 31.

² Там же. Оп. 1. Д. 958. Л. 111.

³ *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня... С. 394.

⁴ *Политика раскрестьянивания в Сибири.* Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. Новосибирск, 2002. С. 246.

⁵ *Политика раскрестьянивания...* С. 17, 246; *Аграрная политика советского государства...* С. 68, 70.

⁶ *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня... С. 379–381.

из имеющихся 65 тракторов систематически работало только шесть, из-за чего в этом совхозе не был выполнен план по посеву ¹.

Недостаточно механизированной оставалась уборка урожая. В 1930 г. в некоторых зерносовхозах комбайнами было убрано менее 50,0 % засеянной пашни. В Борисовском зерносовхозе комбайновой уборкой было охвачено 43,0 % посевных площадей. Большему охвату мешала лесистость некоторых участков совхоза (то есть то, что некоторые участки заросли лесом). Кроме того, часть комбайнов поступила в совхоз с опозданием (5–6 сентября) и на начальном этапе уборки участия не принимала. В Черепановском зерносовхозе осенью 1930 г. имевшимися 30 комбайнами была убрана только треть урожая. Из-за позднего созревания хлебов работники этого совхоза смогли пустить комбайны в работу только 18–19 сентября. В основном из-под комбайна выходило зерно влажностью 23–24 %, и в редких случаях влажность опускалась до 17,0–18,0 %. Влажность зерна, сырая солома сильно затрудняли уборку. Более поздняя уборка пшеницы комбайном (в первых числах октября) оказалась невозможной, так как колосья, охваченные заморозками, сильно осыпались. На производительность комбайнов влияла и слабая подготовленность комбайнеров, штурвальных и трактористов ².

О недостатках совхозного производства в 1931 г. свидетельствуют результаты обследования некоторых зерносовхозов. Обследование Бийского зерносовхоза показало, что 150 скирд хлеба ушло под снег (примерно 21700 га скошенных полей). Также была замечена плохая охрана урожая и совхозного имущества, что приводило к хищениям. Особо отмечалось, что зерносовхоз завышал в своих отчетах размер урожая: сначала речь шла о 74 тыс. ц, затем – о 92 тыс., и наконец – о 116 тыс., хотя по факту урожай пшеницы исчислялся в 30 тыс. ц). В ходе обследования выяснилось, что около 40,0% полей, принадлежащих зерносовхозу, заросли сорняками, в результате чего 150 га оказались вообще не убранными ³.

Обследование Сосновского совхоза выявило не менее удручающую ситуацию. Приблизительно 15,0 % земли совхоза не было засеяно. В погоне за темпами проведения весенней посевной кампании заделка семян проводилась на недостаточную глубину, что привело к потерям 12,0 % урожая ⁴.

Обследование Прокопьевского зерносовхоза показало следующее. В-первых, совхоз завысил свой валовой сбор, определив его в 250 тыс. ц, в то время как по факту он составлял 245 тыс. центнеров. Во-вторых, весной 1931 г. из 110 кг семенной твердой пшеницы было использовано для посева 88 кг, а из 100 кг семенной мягкой пшеницы – 86. В-третьих, качественно было засеяно только 2564 га, тогда как 4081 га был всего лишь «процарапан бороной» и засеян с большими огрехами. В-четвертых, не бы-

¹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 109. Л. 31; Д. 143. Л. 24.

² Мартынов Б.Ф. Комбайн на сибирских полях // Жизнь Сибири. 1931. № 4. С. 43, 44.

³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 157. Л. 1–6.

⁴ Там же. Л. 10–16.

ло убрано приблизительно 600–800 га, поскольку на этой территории вырост только пырей ¹.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что низкая урожайность в совхозах зачастую была вызвана нарушением правил агротехники. Недостаточная обработка почвы, пренебрежение парами и зябью, несоблюдение севооборотов – все это характерно для «упрощенной агротехники», проводившейся во многих совхозах. Кроме того, зерновые совхозы испытывали острый недостаток в квалифицированных кадрах, прежде всего – в агрономах. Большинство кадров для совхозов готовилось на краткосрочных курсах, где качество подготовки было низким.

Материальные трудности (недостаток жилья, низкая заработная плата некоторых категорий работников, длительные задержки в ее выплате и т. д.) порождали текучесть кадров. Так, в 1932 г. из зерносовхозов Западно-Сибирского края убыло 2264 тракториста, 1068 комбайнеров, 215 бригадиров ².

Пагубно отражалось на урожайности затягивание сроков весенних полевых работ. Так, в упомянутом выше Прокопьевском совхозе весной 1931 г. посевная компания проходила 30 календарных дней вместо положенных 17 по плану. В 1931 г. только четверть зерносовхозов провела сев в наиболее благоприятный срок (13–14 дней), остальные затянули его, из них 38,5 % – до месяца ³.

Снижению товарности зернового производства также способствовало сверхнормативное потребление выращенного в совхозах хлеба их работниками. Комиссия ЦК ВКП(б), которая провела проверку действительных размеров валовой и товарной продукции и выполнения плана хлебосдачи совхозами края в 1931 г., констатировала факт «расточительных расходов хлеба» в зерносовхозах: а) «незаконное снабжение хлебом организаций и лиц, не имеющих никакого отношения к зерносовхозам»; б) «самовольное повышение норм снабжения рабочих»; в) «безобразное массовое раздутие контингента снабжаемых лиц (мертвые души, увеличение численности семей в два – три раза)»; г) «незаконное снабжение продовольствием окружающего населения, семей колхозников» ⁴.

Перечисленные причины, по мнению членов комиссии, привели к перерасходу за три – четыре месяца 1931 г. 2700 т хлеба. Вместе с тем комиссия ЦК ВКП(б) отмечала, что в обследованных ею зерносовхозах крайне неудовлетворительно был поставлен учет хлебной продукции. В результате этого руководство тех или иных совхозов часто не имело представления о фактических размерах урожая, что создавало условия для бесконтрольного расходования и прямого хищения хлеба ⁵.

¹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 157. Л. 26–30.

² *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня... С. 398.

³ *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня... С. 396; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 143. Л. 28.

⁴ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 142. Л. 4.

⁵ Там же.

В ходе работы комиссии вскрылись и другие факты. Обнаружились незаезженные участки земель и фиктивность части посевных площадей, недостаточная борьба с сорняками, а также несоблюдение и затяжка сроков сева, усугубляющиеся тем, что некоторые руководители совхозов не учитывали климатических условий той или иной местности. В итоге отдельные зерносовхозы понесли существенные потери в урожае (от 12 до 40,0 %). Причины этих потерь комиссия ЦК ВКП(б) объясняла так: «а) затрудненные уборки комбайнами вследствие плохой обработки почвы и засоренности посевов; б) запоздалые и затяжные уборки комбайнами вследствие плохой обработки почвы и засоренности посевов; в) запоздание со скирдованием хлеба; г) плохая организация уборки; д) огромные пропуски при уборке; е) потери колосков комбайнами; з) небрежный обмолот; и) небрежное отношение к обмолоченному зерну; к) огромные потери при перевозке; л) непринятие мер против хищений; м) слабая массовая работа; н) недостаточность и несвоевременность подготовки кадров»¹.

Комиссия пришла к заключению, что только зерносовхозы Западной Сибири понесли потери, которые исчисляются в 2 – 2,5 млн пудов хлеба². Она также указала, что отрицательные явления в зерносовхозах Сибири были вызваны не только внутренними причинами. Затяжка хлебосдачи и злоупотребления в расходовании совхозного продовольствия объяснялись, по мнению комиссии, недостаточным вниманием Союзхлеба, Крайснаба и Сибкрайсоюза к делу осуществления государственного контроля над хлебосдачей и расходованием зерна в совхозах, а также недостатками в руководстве работой совхозов по хлебосдаче со стороны краевых и местных партийных органов. Иногда имели место получения совхозами нереальных и заведомо невыполнимых для той или иной местности планов. Одним из итогов работы комиссии стало отстранение от руководящих должностей в совхозах 16 человек³.

Ф.П. Грядинский, выступая на III городской партконференции в начале января 1932 г., заявил: «Иждивенчество, бесхозяйственность в смысле расходования основного продукта, т.е. хлеба в некоторых совхозах достигали громадных размеров. Это вместо того, чтобы к рабочим совхозов относиться так, как к рабочим заводов»⁴. В сущности, в данных словах звучал упрек следующего содержания: рабочие совхозов, в отличие от колхозников, получали заработную плату и вполне могли купить себе продукты питания. Однако вместо этого немалая часть совхозного хлеба уходила на то, чтобы совхозных рабочих прокормить, что наносило, по мнению властей, ущерб выполнению плана хлебозаготовок.

Ситуация в совхозах других регионов СССР была аналогичной. Вот как описывались хлебозаготовки в зерновых совхозах в «Ежегоднике

¹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 142. Л. 6–7.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 8–10, 15.

⁴ Там же. Д. 157. Л. 5.

хлебооборота» в 1931 г.: «Необходимо однако отметить, что при всех успехах реконструкции и механизации зернового производства в зерносовхозах Зернотреста и быстрым темпам освоения ими новых земель, одним из наиболее существенных недостатков в их работе является сравнительно низкая урожайность – в среднем по зерновым (по уборочной площади) в 7,1 цент, с га в 1930 г. и 8,8 цент, с га в 1931 году. При этом фактическая хозяйственная урожайность часто, особенно в 1931 г. была еще ниже указанной исчисленной биологической, благодаря довольно значительным потерям при уборке урожая. В уборочную кампанию 1931 г. вследствие запоздания в сроках уборки, осыпания зерна, прямых дефектов в организации уборки, общие потери в валовом сборе зерносовхозов оказались весьма крупными»¹.

В 1930–1932 гг. план хлебозаготовок не выполнили многие зерновые совхозы страны. В итоговом документе, подготовленном комиссией ЦК ВКП(б) по проверке хозяйственной деятельности совхозов, которая была создана осенью 1931 г. по инициативе И.В. Сталина, в частности, констатировалось: «Совхозы <...> фактически повисли на шее у государства, обманывали его в своей отчетности, требовали господдержки <...> преуменьшали планы хлебосдачи и отчитывались дутыми цифрами»². Выводы комиссии послужили причиной для свертывания программы совхозного строительства, и после того как в 1932 г. было создано в Сибири еще 13 зерновых совхозов, их дальнейший рост с 1933 г. прекратился.

Таким образом, для зерновых совхозов было характерно неэффективное производство и, как следствие, невыполнение планов хлебосдачи. Данное явление обуславливалось недостаточной технической инфраструктурой совхозов, нарушением правил агротехники, нехваткой квалифицированных кадров, отсутствием заинтересованности рабочих зерновых совхозов в высокопроизводительном труде, а также не всегда эффективным контролем за совхозами со стороны государственных и партийных органов.

¹ *Лященко П.И.* Зерновое хозяйство СССР в 1929/30 и 1930/31 гг. // Ежегодник хлебооборота. № 4: За 1929/30 и 1930/31 гг. М., 1932. С. 10.

² *Кондрашин В.В., Тюрина Е.А.* «Говорить о голоде считалось чуть ли не контрреволюцией». Документы российских архивов о голоде 1932–1933 гг. в СССР // Отечественные архивы. № 2. С. 100.

М.С. Каменских
Политика советского государства в отношении корейцев
Пермской (Молотовской) области
в конце 1930-х – начале 1940-х годов.¹

Одним из направлений репрессивной политики СССР второй половины 1930-х – середины 1940-х годов является политика депортаций ряда этнических сообществ. Причем единственным основанием для депортации являлась принадлежность человека к определенной национальности. Первым депортации подверглось корейское население Дальнего Востока. Вопрос о репрессиях против российских корейцев неоднократно изучался в отечественной историографии². Одним из первых темы депортации среди российских историков коснулся Н.Ф. Бугай. Автором введены в научный оборот основные источники, реконструированы события депортации³. Периодом депортации в контексте общей истории корейцев России касались Г.Н. Ким⁴ и Б.Д. Пак⁵. Официальные документы и делопроизводственная документация по истории депортаций обобщены в «Белой книге о депортации корейского населения в 30-х – 40-х годах»⁶, а также в отдельном разделе по истории депортации в коллективном научном труде «Энциклопедия корейцев России»⁷. Большая заслуга в подготовке этих работ, снабженных большим количеством документов, проделана историком Ким Ен Ун. В последние годы репрессив-

Каменских Михаил Сергеевич, к.и.н., н.с. Пермского научного центра УрО РАН.
Эл. почта: pomidorrr@mail.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ № 13-01-00072 «Этнокультурные процессы у народов Урала в конце XIX – начале XXI века».

² См.: Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004. С. 246.

³ Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30-40 годы // История СССР. 1989. № 6. С. 135–144; Он же. О выселении корейцев из Дальневосточного края // Отечественная история. М., 1992. № 6. С. 140–168; Он же. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // Вопросы истории. № 5. 1994. С. 141–148; Он же. Депортация этнических общностей: проблемы реабилитации в России и Казахстане // Россия и Казахстан: проблемы истории (XX – начало XXI века). М., 2006; Он же. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев России). М., 1998; Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004.

⁴ Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. Книга первая. Вторая половина XIX в. – 1945. Алматы, 1999; Он же. Происхождение корейских поселений в Казахстане [Электронный ресурс]: Lib.Ru. Режим доступа: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/as-1.shtml (дата обращения: 07.02.2014).

⁵ Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х годов). М., Иркутск, СПб., 1995.

⁶ Белая книга о депортации корейского населения в 30-х – 40-х годах. М., 1992.

⁷ Энциклопедия корейцев России Энциклопедия корейцев России. М., 2003.

ная политика СССР в отношении корейцев анализируется Ж.Г. Сон. В монографии «Российские корейцы: всевидение власти и несправедливость этнической общности» автор обобщает накопленный исторический опыт, вводит в научный оборот новые письменные источники¹.

Между тем исследователи в своих работах, посвященных репрессиям против корейцев, как правило, ограничиваются анализом причин и последствий депортации корейского населения с Дальнего Востока², в то время как репрессии коснулись корейского населения по всей стране, не только на Дальнем Востоке. К середине 1930-х годов во многих крупных регионах РСФСР уже сложились этнические сообщества корейцев, которые также подверглись арестам по подозрению в шпионаже в пользу Японии. В данной работе на примере Пермской области будет проведен анализ репрессивной политики государства в отношении корейского населения. Автор попытается реконструировать ход и характер репрессий, ответить на вопрос, могли ли являться репрессии против корейцев в Пермской области частью большой репрессивной кампании против корейского населения, либо корейцы в регионах РСФСР становились жертвами репрессий в результате других причин. Несмотря на обилие работ по истории репрессий в отношении отдельных национальностей, тема репрессий против корейцев в работах пермских историков ранее также не поднималась³.

Основным источником для исследования послужили личные дела корейцев Пермской (Молотовской)⁴ области, хранящиеся в Пермском государственном архиве новейшей истории (ПермиГНИ). Дело в том, что 2012–2013 гг. снят режим секретности с архивных документов 1937–1938 гг., что значительно упростило работу по изучению периода репрессий, по-

¹ Сон Ж.Г. Российские корейцы: всевидение власти и несправедливость этнической общности. М., 2013.

² Согласно Постановлению от 21 августа 1937 г. № 1428-326 «О выселении корейского населения из приграничных районов Дальневосточного края» была поставлена задача организовать выселение этнических корейцев из всех районов Дальнего Востока. Даже официально это делалось с целью «пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край». См.: ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1006. Л. 3. Текст постановления впервые был опубликован в 1992 году.

³ Разделы по истории репрессий освещены в следующих трудах об отдельных народах Пермского края: *Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии*. СПб., 2009; *Черных А.В., Голева Т.Г., Шевырин С.А.* Эстонцы в Пермском крае: Очерки истории и этнографии. СПб., 2010; *Каменских М.С.* Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI века. Пермь, 2011; *Черных А.В., Голева Т.Г., Каменских М.С., Шевырин С.А.* Белорусы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. Санкт-Петербург, 2013.

⁴ С 1940 по 1957 гг. Пермская область носила название Молотовской. В работе рассмотрен период с 1937 по 1943 гг., однако основные события относятся к периоду 1937–1938 годов.

скольку самые массовые репрессии пришлись именно на эти два года ¹. Личные дела содержат биографическую информацию о репрессированных, материалы допросов, решения судов, а также документы по реабилитации.

К началу 1930-х годов в Пермской (Молотовской) области проживало около 100 корейцев ². Большую часть из них составляли корейцы, призванные на работы на заводах Пермской губернии в период Первой мировой войны, часть проживала в г. Перми со времен Русско-японской войны. Остальные корейцы уже в качестве граждан СССР приехали в Пермь в 1920-е – 1930-е годы с Дальнего Востока. Не исключено, что многие приехали в Пермь, как раз спасаясь от депортации. Один из репрессированных, Тен-Юн-Ги, в частности, на допросе указал, что приехал в Пермь, узнав о существовании в городе педагогического факультета для рабочих (педрабфака). Отец дал ему денег, и осенью 1937 г. он уже был в Перми. Поскольку о депортации корейцы знали за несколько месяцев, вполне вероятно, что Тен-Юн-Ги, совсем не говорящий по-русски крестьянин, приехал в Пермь не только для того, чтоб учиться на рабочего ³.

Пермские корейцы жили в Перми, Добрянке, Кунгуре, Лысьве, Чердыни и Нытве ⁴. Многие из них были знакомы между собой. Чаще всего встречи пермских корейцев проходили на квартире у Ли Хан Бона. Некоторые из корейцев имели русские имена (следствие крещения) и даже фамилии (дети межнациональных браков).

Следует отметить, что в 1920-е годы пермские корейцы вели активную общественную жизнь: в Перми работало отделение Корейского национально-го союза, издавалась газета «Голос пермских корейских рабочих» ⁵.

¹ *Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук (утверждены приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 18 января 2007 г. № 19).*

² Данные о численности можно почерпнуть из итогов переписи населения по прикамским округам Уральской области. В 1926 г. в Прикамье проживало 52 корейца, в 1939 – 368. См.: *Всесоюзная перепись населения 1926 г.* Т. 4. Вот.р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел 1. М., 1928. С. 106–147; *Всесоюзная перепись населения СССР 1939: Уральский регион.* Екатеринбург, 2002. С. 334.

³ Причина выезда из ДВК может быть связана с готовящейся депортацией, от которой Тен-Юн-Ги хотели оградить его родители. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2324. Л. 19.

⁴ Здесь могли обитать потомки корейцев, оставшихся жить в Прикамье после 1905 г., поскольку Нытвенский завод был одним из мест водворения. Нытвенские корейцы были старше по возрасту, чем остальные пермские корейцы, а также имели полностью русские имена и фамилии.

⁵ Подр. О корейцах Прикамья см.: *Каменских М.С. Корейцы Прикамья: 110 лет на пермской земле // Родина. 2014. № 3. С. 120–121.*

Аресты корейцев начались с октября 1937 г. и продолжались вплоть до 1943 года. В фондах ПермГАНИ, в частности, содержится информация о 40 корейцах – их месте и времени рождения, роде занятий до ареста, месте жительства и общественной работе. Многие из них имели русские имена и даже фамилии. Судя по источникам, большая часть корейцев были выходцами с Дальнего Востока или из Кореи (в Перми родился только один из них). Среди арестованных было 38 мужчин и 2 женщины. 18 человек находились в возрасте до 30 лет. Самому старшему арестанту было 62 года, самому младшему – 20 лет. Корейцы имели профессии, связанные с физическим трудом, либо учились.

Как правило, по одному делу проходило несколько корейцев, которых объединяли в несуществующую шпионско-диверсионную группу. После непродолжительного расследования все члены организации признавались виновными. Значительная часть была подвергнута высшей мере наказания – расстрелу (19 чел.), остальные либо получили сроки работы в исправительно-трудовых лагерях, либо дело в отношении них прекращалось в силу отсутствия улик или состава преступления. Арестовывались не только корейцы, но и члены их семей из местного населения в случае межнациональных браков (арестованные русские Мо-Нак-Пой Клавдия Андреевна, Огай Галина Николаевна, Пак-Тен-Гюн Екатерина Федоровна ¹).

О том, как проходили аресты и чем они были мотивированы, можно узнать из протоколов допросов следователей, которые были арестованы после смерти Сталина. В показаниях И.Г. Кропачева, одного из следователей, сообщается, что вся территория г. Перми была разделена между следователями особой дивизии НКВД. Каждому персонально было поручено выявить всех иностранцев и привлечь их как шпионов. Если оказывалось, что иностранцы не привлечены, отвечал уже сам следователь. Поэтому под следствие попадали все. «Начальник 3 отделения Королев инструктировал, что все корейцы являются участниками шпионско-диверсионной организации, руководимой японской разведкой», – сообщается в показаниях И.Г. Кропачева ². А следователь Н.П. Голдобеев сообщил на допросе следующее: «На основании директивы по инобазе Мозжерин ³ требовал ареста всех, предупреждая, что за каждого оставшегося харбинца, корейца или поляка будет отвечать тот, на чьей территории это будет обнаружено» ⁴.

После арестов корейцев объединяли в группы, сфабриковывали доносы одного из арестованных ⁵ и на их основании выносили обвинительные

¹ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13452.

² Там же. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 30974. Л. 55.

³ Мозжерин Ф.П. – начальник особой дивизии НКВД по г. Перми.

⁴ ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 30974. Л. 62.

⁵ Так, пенсионера М.Д. Сивкова, этнического корейца, жившего в Перми с 1905 г., силой заставляли подписывать доносы, о чем позже на допросе свидетельствовал И.Г. Кропачев: «Протокол был подписан под силой

приговоры остальным. Данный процесс можно проследить на материалах дела против «группы Ким-Ден-Сека». Группа состояла из корейцев Кан-До-Гыка, М.П. Кима, Чжа-Ю-Тана, Ким-Ден-Сека, Югай-Сан-Ука, И.С. Тай, Ким Игнатия, Ф.С. Пака, Ким-Пен-Хо, А.М. Ли, Тен-Ин-Сури (Павла). Руководителем группы был объявлен Ким-Ден-Сек¹. Он был уроженцем Японии и на момент ареста работал в пивной на ул. Плеханова, определенных занятий не имел. В 1936 г. был исключен из ВКП(б) за службу в Японской армии. С такой биографией он как нельзя подходил на должность главаря организации². На основании показаний М.Д. Сивкова, корейца, проходившего по другому делу, было «установлено», что Ким-Ден-Сек является руководителем диверсионной группы, находящейся на службе у Японии. Эта группа совершила ряд диверсий, а сам Ким-Ден-Сек якобы вербовал в нее пермских корейцев, о чем и было известно М.Д. Сивкову. 31 октября 1937 г. Ким-Ден-Сек и его «группа» были арестованы, а 7 января 1938 г. он и все его «сообщники» были расстреляны³.

Всего за годы репрессий по данным источников в Прикамье из 40 репрессированных высшей мере наказания были подвергнуты 19 корейцев. Все они родились на Дальнем Востоке как граждане СССР и лишь позже переехали на Урал. Остальные корейцы получили тюремные сроки.

Рассекреченные документы позволяют по-новому взглянуть и на процесс реабилитации репрессированных корейцев. После начала периода «оттепели» родственники многих репрессированных в Прикамье корейцев пытались найти сведения о них в МВД Молотовской области. Однако согласно директиве КГБ при СМ СССР № 108 сс от 24 августа 1955 г.⁴, местным управлениям МВД было рекомендовано не сообщать о расстрелах, а выдавать родственникам свидетельства о смерти их близких от болезней в заключении. Как правило, если кто-то из родных расстрелянных корейцев обращался в МВД Пермской области с запросом о судьбе своего родственника, ему направлялось ложное свидетельство о смерти в заключении в результате какого-то заболевания. И.С. Тай, родившийся в 1912 г. во Владивостоке, был расстрелян 31 января 1938 г., однако родственникам после соответствующего запроса было выслано свидетельство о смерти в заключении 21 марта 1945 г. в результате гнойного воспаления брюшины⁵. Аналогичные документы были высланы родственникам

принуждения, т.е. Сивкова насильно заставляли прикладывать палец – он был совершенно неграмотный». ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8690.

¹ Там же. Д. 13452. Л. 179.

² Там же. Л. 182.

³ Там же. Л. 367.

⁴ В источниках сохранилась только ссылка на документ, текст самой директивы выявить не удалось.

⁵ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12858.

Ф.С. Пака¹, Ким-Пен-Хо², Югай-Сан-Ук³. Можно предположить, что всего, аналогичные «свидетельства» имеют и сотни других корейских семей.

Таким образом, на примере Пермской области можно увидеть, что репрессии против корейского населения во второй половине 1930-х годов не ограничивались мерами депортации из областей Дальнего Востока. В регионах корейцы также попадали в одну из категорий «инобазы», которая подлежала арестам. В источниках не отражена прямая связь между арестами и расстрелами корейского населения в регионах и депортацией корейцев с Дальнего Востока, однако на наличие такой связи указывает ряд косвенных факторов. Аресты корейского населения в Пермской области, как, наверное, и во многих других областях страны, начались с осени 1937 г., то есть сразу после того, как завершились основные мероприятия депортации. Во-первых, обвинения в адрес репрессируемых корейцев совпадали с формулировками депортации (принудительное выселение проводилось с целью «пресечения проникновения японского шпионажа», а аресты корейцев также сопровождалось обвинениями в участии в деятельности шпионских диверсионных групп, работавших на Японию). Во-вторых, примечателен и тот факт, что корейцы, родившиеся или проживавшие всю жизнь (или большую часть жизни) в Прикамье, смогли избежать серьезных репрессий, а те, кто родился и вырос на Дальнем Востоке получали высшую меру наказания.

Таким образом, исследование хода и характера репрессий против корейского населения в других регионах РСФСР, помимо Дальнего Востока, может более полно представить картину репрессивной политики СССР в отношении российских корейцев в 1930-е годы.

¹ Ф.С. Пак расстрелян 7 января 1938 г. Родственникам направлено свидетельство о смерти 17 июля 1945 г. в результате blastомы желудка. См.: ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13452.

² Ким-Пен-Хо расстрелян 31 января 1938 г. Родственникам направлено ложное свидетельство о смерти 19 апреля 1946 г. в результате эмпиеры плевры. См.: ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13452.

³ Югай-Сан-Ук был расстрелян 31 января 1938 г. Родственникам направлено ложное свидетельство о смерти 6 мая 1945 г. от крупозной пневмонии. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13452.

Н.С. Коробейникова

**Правовой аспект управления рождаемостью
в городах Западной Сибири в годы Второй мировой войны
(1939–1945 гг.)**

При анализе динамики воспроизводства населения в годы Второй мировой войны в Западно-Сибирском регионе на первое место выдвигается проблема факторов, которые способствовали трансформационным процессам базовых демографических показателей в первую очередь рождаемости. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в военный период все большую активность проявляло государство, пытаясь влиять на уровень воспроизводства населения путем формирования специфического пронаталистского законодательства.

Совокупность нормативных актов, направленных на управление воспроизводством населения в годы Второй мировой войны, была описана в мемуарах непосредственных участников событий еще в 1970-е годы. Авторы излагали свое видение и свою трактовку как основных законодательных актов, так и их значимости для динамики демографических показателей. Так, в книге Г.А. Митерева в качестве главной пронаталистской инициативы правительства назывался Указ от 8 июля 1944 г., в разработке которого, с подачи М.И. Калинина и В.М. Молотова, он принимал самое непосредственное участие¹. Аналогичной точки зрения придерживалась и Н.В. Мананникова. Кроме того, она подчеркивала решающее значение декрета от 27 июня 1936 года². Впрочем, еще в 1950-е годы эффективность этого постановления была поставлена под вопрос преемниками Г.А. Митерева и Н.В. Мананниковой³. В последующие годы проблема регулирования рождаемости в военный период оставалась без внимания ученых. К изучению фактора пронатализма в годы войны они вернулись в 2008 году. В.А. Исупов, который впервые проанализировал демографическое значение двух крупных законодательных инициатив времен сталинизма в контексте общей демографической динамики региона, тем самым обратив внимание на социальное значение правового аспекта⁴. В 2009 г. в свет вышла монография Н.А. Араловец. Исследовательница обратила внимание на то, что пронаталистское законодательство эволюционировало в зависимости от насущных потребно-

Коробейникова Надежда Сергеевна, м.н.с. Института истории СО РАН.
Эл. почта: ellipse@gmail.com

¹ Митерев Г.А. В дни мира и войны. М., 1975. С. 178–188.

² Мананникова Н.В. Охрана здоровья детей в СССР. М., 1973. С. 63–83.

³ Ковригина М.Д. Система народного здравоохранения и государственная охрана материнства и детства // Равноправие женщин в СССР. Материалы международного женского семинара. Москва, 15 сентября – 1 октября 1956 г. М., 1957. С. 179–220.

⁴ Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008. С. 180–198.

стей стремительно меняющихся социальных реалий военного времени¹. Таким образом, учеными было доказано, что в годы войны пронатализм приобрел все большее социальное значение. Однако развитие пронаталистского законодательства так и осталось за горизонтом исследовательского интереса. На сегодняшний день так ни разу и не предпринималась попытка комплексного анализа развития советского законодательства, направленного на регулирование рождаемости с точки зрения его влияния на социально-демографические процессы.

Целью данной статьи является выявление основных проблем развития нормативного аспекта пронатализма. Для достижения данной цели планируется решение следующих задач. Во-первых, дать краткую характеристику всем нормативным актам, так или иначе оказавшим влияние на уровень воспроизводства населения в военные годы. Во-вторых, изучить соотношение поощрительных и принудительных мер в пронаталистской системе. В-третьих, в общих чертах рассмотреть демографический эффект законодательства на воспроизводство населения в городских поселениях Западной Сибири. Географические рамки – городские поселения Западной Сибири в административных границах на 1939 г., хронологические рамки – с 1939 по 1945 годы. При этом, в силу необходимости, мы вынуждены обращаться также к периоду 1920-х – 1930-х годов. Основными источниками стали опубликованные тексты постановлений и указов (публикации в газете "Советская Сибирь"), а также данные ЦСУ СССР, которые хранятся в ГАРФ и ГАНО.

Вся совокупность пронаталистских мер в Советском Союзе традиционно обозначалась термином «*Охрана материнства и детства*». Сюда включались мероприятия, направленные на охрану здоровья матери и ребенка, на финансовое обеспечение лечебных, консультационных и детских дошкольных учреждений, на снабжение дополнительными продуктами питания, одеждой, медикаментами, денежные выплаты. Все годы войны на территории СССР, включая и Западно-Сибирский регион, действовал Кодекс законов о браке, семье и опеке, вступивший в силу с 1 января 1927 г., который регламентировал также вопросы, касающиеся материнства². Именно в этом кодексе впервые были прописаны механизмы социальной защиты матери, независимо от ее состояния в браке. Более того, в отношении детей, рожденных вне зарегистрированного брака, родители несли те же обязанности, что и в отношении рожденных в браке зарегистрированном. Процедура установления отцовства при этом была максимально упрощена. Либерализм Кодекса 1926 г., с одной стороны, способствовал появлению так называемым «фактических браков», как юридического прецедента, что не могло не повлиять и на уровень внебрачной рождаемости³. С другой стороны, существенно выросло число разбирательств по алиментным обязательствам, имущественным

¹ Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959. Тула, 2009.

² Антокольская М.В. Семейное право. М., 1999. С. 79.

³ Там же. С. 82.

претензиям и т.д. Уже к 1941 г. вся совокупность спорных моментов превратилась в сложный клубок противоречий, решить которые было практически невозможно при помощи стандартных процедур, оговоренных в судебной практике своего времени ¹.

В 1930-е годы правовое регулирование рождаемости пополнилось новыми указами и постановлениями, регламентирующими трудовые права работающей матери. К ним относились постановления 1929 ² и 1932 годов ³. Апофеозом сталинского пронатализма 1930-х годов можно считать декрет от 27 июня 1936 г. ⁴, который, с одной стороны, детально прописывал права беременной женщины и молодой матери в общественной и семейной жизни. С другой стороны, он запрещал прерывание беременности по социальным показателям, а также обязывал каждую беременную женщину состоять на учете в женской консультации. Впервые в этом законе появилась юридическая трактовка многодетности. Во-первых, многодетность начиналась с пятого живого ребенка. Во-вторых, многодетным («многосемейным») гарантировались специальные денежные выплаты. Этот же закон впервые давал социальные гарантии матери со стороны государства, независимо от ее принадлежности к какой-либо социальной или профессиональной группе. То есть впервые государство объявляло материнство одной из важнейших ценностей. Однако делалось это по-сталински, командным образом, через насильственное насаждение моральных норм и обвинений в саботаже пронаталистской системы ценностей, внезапно внедряемой государством. Государственная защита материнства была также закреплена в статье 122 Сталинской конституции, что унифицировало пронаталистские законы на всей территории Советского Союза ⁵. Однако в последующие годы пронатализм не получил никакого развития. Возможно, проблема регулирования рождаемости так и осталась бы без дальнейшего внимания властей, если бы не разразившаяся война.

Здесь любопытно обратить внимание, что, несмотря на начавшиеся мобилизации и участие страны в первых военных действиях, с 1939 по лето 1941 г. государство оставляло без внимания пронаталистскую сферу. Однако изучение динамики рождаемости в Западносибирских городах показывает, что рождаемость начала снижаться уже в 1940 году. Тогда общий коэффициент рождаемости составил 85,73 % по отношению

¹ Швейцер Д. Заметки о браке и семье // Известия. 1941. 8 января.

² Мананникова Н.В. Охрана здоровья детей в СССР... С. 24.

³ Дмитриева Н.М. Забота о матери и ребенке. М., 1967. С. 36.

⁴ Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // Советская Сибирь. 1936. 29 июня.

⁵ Статья 122 // Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937. С. 30.

к данным за 1939 год¹. В 1941 г. он снизился до 81,74 % от уровня 1939 год². То есть снижающийся тренд сохранялся. Несмотря на это, государство не предпринимало никаких новых мер по нормализации уровня рождаемости.

Первая нормативная реакция пришла на 26 июня 1941 года. В свет вышел указ «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время»³. Уже 28 июля особым постановлением были уравнены в правах красноармейцы и добровольцы⁴. Эти указ и постановление гарантировали социальные выплаты в зависимости от иждивенцев в семье. Причем в отдельную группу таких иждивенцев выделялись дети. Особенностью данного указа было то, что впервые регламентировалось брачное состояние жены красноармейца: на момент его отбытия в действующую армию женщина должна была состоять с ним в официально зарегистрированном браке. В этом случае она имела право на получение фиксированного денежного пособия на каждого из детей. С конца 1941 г. она также получала налоговые льготы⁵ и льготы по социальному найму жилья⁶. Пронаталистское законодательство первого года войны ознаменовало собой первые попытки государства усилить значения брака в репродукционных процессах. В пользу этого тезиса косвенно свидетельствует тот факт, что 21 ноября 1941 г. был принят так называемый налог на холостяков⁷. Он предполагал, что граждане, достигшие 20-летнего возраста и не имеющие детей, должны были делать ежемесячные налоговые отчисления в размере 6 % от заработка. Несмотря на сочетание поощрительной и штрафующей политики, в 1942 г. уровень рождаемости составил 60,09 %, в 1943 г. – 55,28 %, а в 1944 г. – 48,20 % от показателей 1939 года⁸.

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 446. Л. 3, 90, 92. Оп. 11. Д. 19. Л. 3, 5, 152А, 155.

² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 78. Л. 1, 49, 50.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» // Советская Сибирь. 1941. 27 июня.

⁴ Постановление СНК СССР № 1902 от 28 июля 1941 г. «Об обеспечении добровольцев, вступивших в части войск действующей Красной Армии» // Правда. 1941. 29 июля.

⁵ Указ Президиума ВС СССР от 29 декабря 1941 г. «О военном налоге» // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942 гг. Л., 1942. С. 232.

⁶ Постановление № 1931 от 5 августа 1941 г. «О сохранении жилой площади за военнослужащими и о порядке оплаты жилой площади семьям военнослужащих в военное время» // Правда. 1941. 6 августа.

⁷ Указ Президиума ВС СССР от 2 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» // Советская Сибирь. 1941. 25 ноября.

⁸ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 159. Л. 2, 19. Д. 213. Л. 46, 64, 83. Д. 270. Л. 7, 113. Д. 271. Л. 17, 98, 104, 105. ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 736. Л. 21. Д. 871. Л. 26. Д. 991. Л. 22, 23.

К 1944 г. необходимость решительных пронаталистских мер стала очевидной. В 1942 и 1943 гг. воспроизводство населения в городах Западной Сибири имело уже отрицательный баланс. 8 июля 1944 г. вышел Указ «Об увеличении государственной помощи...»¹. Он, помимо новых норм многодетности, впервые регламентировал одинокое материнство. Его особенностью было также то, что усыновление ребенка, рожденного вне брака, отныне стало невозможным. Однако данная норма продержалась в силе лишь до 1945 года². Тогда были сделаны уточнения, согласно которым усыновление стало возможным, если мужчина вступал в официальный брак с матерью ребенка. Однако, государство гарантировало социальную защиту одинокой матери. В 1945 г. по сравнению с 1944 г. уровень внебрачной рождаемости более чем удвоился и составил соответственно 0,37 и 1,02 ‰³. Рост показателя демонстрирует не только уровень одинокого материнства. Необходимо также учитывать тот факт, что с 1926 г. внебрачная рождаемость приравнивалась к брачной. Не сумевшие вовремя сориентироваться сибиряки и сибирячки, вынуждены были регистрировать рождение внебрачного ребенка. Тем не менее, изучение очередности рожденных детей показывает, что рождаемость в 1945 г. по сравнению с 1944 г. в большей степени переместилась в группу «первый ребенок»: если в 1944 г. первых детей рождалось 25,17 % от общего числа, то к 1945 г. показатель вырос до 35,75 %⁴. Данное обстоятельство также косвенно свидетельствует о росте уровня внебрачной рождаемости.

Сохраняла на всем протяжении войны свою актуальность проблема искусственных прерываний беременности. С 1943 по 1945 г. их число также росло – с 10 103 по 15 198 фактов выявления прокуратурой⁵. При этом если смотреть на этот показатель в контексте динамики рождаемости, то рост будет весьма значительный – более чем в два раза. Доля подпольных абортов постоянно росла. При этом в юридический оборот

¹ Указ Президиума ВС СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Советская Сибирь. 1941. 11 июля.

² Указ от 14 марта 1945 г. «О порядке применения Указа Президиума ВС СССР от 8 июля 1944 г. в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» // Вестник Верховного Совета СССР. 1945. № 15.

³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 268. Л. 10, 17, 74, 78; Д. 269. Л. 61, 62, 207, 213; Д. 362. Л. 129, 146, 148, 254.

⁴ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 270 Л. 7, 113; Д. 271. Л. 17, 98, 104, 105; Д. 362. Л. 59, 84, 96, 98.

⁵ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 396. Л. 6, 59, 67; Д. 189. Л. 14, 85. Д. 242. Л. 7, 86, 157.

был введен термин «криминальный аборт»¹, который отражал негативное отношение государства к операции.

Таким образом, государственное регулирование рождаемости в годы войны, опираясь на уже принятые ранее нормативные акты, способствовало созданию новых. Уже в первые военные годы пронатализм демонстрировал большую заинтересованность государства в высоких показателях воспроизводства населения. К 1943 г. эта заинтересованность становится насущной необходимостью. В целом законодательство шло по пути структуризации и регламентации материнства, выделяя различные группы матерей и гарантируя им специальные права. В целом пронаталистская система характеризовалась преобладанием поощрительных мер, таких как дополнительные выплаты, особые льготы и преимущества для различных групп матерей. Тем не менее, совокупность данных мер в городах Западной Сибири в годы войны имела незначительный демографический эффект, что ставит вопрос о готовности горожан к пронаталистским мерам правительства.

¹ См. текст постановления от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов...».

О.В. Морозова

**Продовольственная проблема в городе Сталинске в годы
Великой Отечественной войны и механизмы ее решения**

К настоящему времени в отечественной историографии изучены многие аспекты, касающиеся повседневной жизни тыла в годы войны, в том числе индустриального города Сталинска. В научных изданиях содержится подробная информация об образовании, жилищных условиях и различных бытовых проблемах жителей города¹. В целом охарактеризована система снабжения СССР и особенности снабжения городского населения Сибири в военное время, в частности охарактеризованы проблемы его обеспечения продуктами питания, недостатки карточной системы распределения товаров, деятельность совхозов и колхозов по решению продовольственной проблемы, особенности развития подсобных хозяйств и огородничества². Однако до сих пор нерассмотренной остается специфика адаптации жителей Сталинска к чрезвычайным условиям. В полной мере не изучен комплекс мер, принимавшихся городскими властями для решения проблем, обусловленных войной. Не освещена также деятельность горожан по решению повседневных жизненных

Морозова Олеся Владимировна, аспирант Института истории СО РАН.
Эл. почта: olia.991@mail.ru

¹ Берлин А.Б. Новокузнецк в солдатской шинели. Новокузнецк, 1995; *Вспомним мы походы и былые годы*. Новокузнецк, 2000; *Вклад в Великую Победу. Новокузнецк в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: материалы регион. науч.-практ. конф. к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне*. Новокузнецк, 2005; *Карсакова А.Н. Социально-бытовые проблемы жизни рабочих Сталинска в годы Великой Отечественной войны // Омский научный вестник*. 2010. № 2. С. 24–28.

² *Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны*. М., 1948; *История Великой Отечественной войны Советского союза: 1941–1945 гг.* В. 6 тт. М., 1961–1965; *Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны*. М., 1968; *История второй мировой войны. 1939–1945*. В 12 тт. М., 1973–1982; *История Кузнецкого металлургического комбината имени В.И. Ленина*. М., 1973; *История социалистической экономики СССР* в 7 тт. М., 1976; *Шуранов Н.П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны*. Кемерово, 1999; *Шалак А.В. Условия жизни населения Восточной Сибири, 1940–1950 гг.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук*. Иркутск, 2000; *Шефер В.И. Хлеб родине – хлеб фронту // Вклад в Великую Победу. Новокузнецк в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: материалы регион. науч.-практ. конф. к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне*. Новокузнецк, 2005. С. 73–84; *Букин С.С. Повседневная жизнь в городах сибирского тыла // Гуманитарные науки в Сибири*. 2005. №2. С. 27–31; *Букин С.С., Исаев В.И. Карточная система в городах Сибири // Экономическая история Сибири XX века*. Барнаул. 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/>

трудностей. В связи с этим меры городских властей и действия горожан по разрешению продовольственной проблемы представляют интерес для исследователя.

Снабжение населения СССР в годы Великой Отечественной войны было централизованным. Доставка товаров в города производилась по планам, устанавливавшимся Госпланом СССР. В первой половине 1940-х годов резко сократились государственные продовольственные фонды, существенно упало производство товаров широкого потребления¹. На обеспечение потребностей фронта уходило множество ресурсов, что привело к уменьшению снабжения тыловых регионов. Осуществлялась массовая эвакуация населения из оккупированных районов страны на восток, в том числе в Сталинск. В течение войны численность населения города постоянно росла за счет размещения эвакуированных людей. В 1939–1945 гг. оно увеличилось с 169,5 до 219 тыс. чел., то есть более чем на четверть².

Ограниченность продовольственных фондов СССР, а также специфические условия строительства и территориального расширения Сталинска предопределили важность решения продовольственной проблемы в городе. Сталинск строился в конце 1920-х – начале 1930-х годов как город, который должен был воплотить идеалы нового социалистического быта. Образ жизни жителей такого города должен был существенно отличаться как от деревенского, так и от городского в его дореволюционном варианте. Идея соцгорода исключала сельскохозяйственную деятельность горожан в городской среде, вводила принципы коллективного быта. В реальности же эта концепция была реализована лишь отчасти. В Сталинске была сформирована сеть учреждений по обслуживанию населения, а именно бани, прачечные, столовые, магазины и т.п. Элементы обобществления быта, обусловившие отсутствие кухни в домах, проявились в том, что горожане питались в основном в столовых. Дополнительные продукты они приобретали в магазинах и на рынках³.

Сталинск строился как город при заводе. Для строительства градообразующего предприятия – Кузнецкого металлургического комбината была выбрана небольшая площадка в 6000 га, располагавшаяся на болотистой котловине⁴. Вокруг находились горы, что ограничивало возможности территориального роста города.

¹ Букин С.С. Повседневная жизнь в городах сибирского тыла // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2. С. 27.

² Подсчитано по: ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 156. Л. 23; Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 156. Л. 78.

³ Борин А.Г. Сталинск 1930-х гг.: город-сад или город при заводе? // Индустриальный город в постиндустриальную эпоху: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции (Новокузнецк, 4–5 апреля 2013 г.). Новокузнецк, 2013. С. 114.

⁴ Борин А.Г. Формирование городского образа жизни в индустриальном городе: на материалах города Сталинска 1929–1941 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Томск., 2010. С. 46.

Сформированная в 1930-е годы городская инфраструктура к началу войны была недостаточно развита: не хватало магазинов и столовых, в которых реализовывались бы карточки и талоны. По данным на 1940 г. в Сталинске действовал 51 магазин. Одно учреждение ежедневно обслуживало в среднем 3300 посетителей. В 1942 г. в городе имелось девяносто две столовых и ресторана. При этом в каждой столовой ежедневно питалось в среднем 2100 человек¹. Сеть учреждений общественного питания не соответствовала потребностям населения города.

Политика правительства по решению продовольственной проблемы была одинаковой в масштабах всего советского тыла. Вводилась карточная система распределения товаров, а также был взят курс на развитие подсобных хозяйств за пределами города и огородничества в городской среде, в том числе коллективного и индивидуального огородничества. Система нормированного снабжения населения стала действовать после принятия постановления СНК СССР в июле 1941 года². Первоначально данное решение касалось Москвы и Ленинграда. С 1 сентября 1941 г. карточная система распространилась на 197 городов СССР, в том числе и Сталинск³. В 1941–1943 гг. постановление правительства было подкреплено решениями областных и городских властей о планах снабжения населения хлебом и другими продуктами, а также решениями Новосибирского облисполкома о введении карточек на некоторые промышленные товары⁴. Хлеб, сахар, мясо, рыба, жиры, крупа и макаронные изделия стали выдаваться по карточкам. Существовали четыре группы карточек: для рабочих и ИТР, служащих, иждивенцев, детей до 12 лет. Кроме того, все работающие делились на две категории в зависимости от значимости их предприятий для обороны страны. Высшая месячная норма рабочих крупных оборонных предприятий составляла 2200 г мясородуктов или рыбы, 1500 г крупы и макаронных изделий, 600 г жиров, 800 г сахара и кондитерских изделий, также рабочим полагалось по 800 г хлеба в день⁵. Это был максимально возможный набор продуктов, но его не хватало для поддержания сил и здоровья трудящихся крупных промышленных предприятий. А.В. Горбулин, вспоминая свое военное детство,

¹ ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 156. Л. 23; Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 156. Л. 78; Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 21. Л. 29.

² *Постановление СНК СССР от 18 июля 1941 г. «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в г. Москве, Ленинграде и в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей» // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 705–707.*

³ *Приказ народного комиссариата торговли СССР № 312 от 22 августа 1941 г. [Электронный вариант]. Режим доступа: <http://www.booksite.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).*

⁴ ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 21. Л. 54, 112.

⁵ *Букин С.С. Повседневная жизнь в городах сибирского тыла // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2. С. 27.*

отмечал, что после гибели отца на фронте на попечении у его матери осталось трое детей. Его семья получала пособие на погибшего отца, «но его не хватало. ... голодали... Булка хлеба, которую ... получали по карточкам на четверых, расходилась быстро»¹.

Карточная система распределения товаров имела многочисленные организационные недостатки, которые стали проявляться сразу после ее введения. Связаны они были с проблемами снабжения неработающего населения, возможностью отоваривать карточки только в определенном магазине, задержкой выдачи карточек, сложностью восстановления потерянных документов и т.п.

Карточки на продукты из магазинов и талоны на обеды в столовой выдавались по месту работы и действовали только в тех организациях общественного питания, к которым прикреплялся работающий. Вопрос о снабжении продовольствием при смене работы не был продуман. Например, на работу в сталинскую контору «Горплодоовощ» из Кузнецкого райвоенкомата были направлены тт. Ансимов и Гамусенко. С места прежней работы они получили справки о том, что хлебных карточек не имеют. Однако работники карточного бюро «Горплодоовоща» упорно требовали сдать несуществующие старые карточки, чтобы получить новые по месту новой работы².

Карточки не всегда выдавались в положенный срок. По решению правительства беременные женщины должны были получать дополнительное питание. Однако в поселке Абагур, снабжение которого осуществлялось через Сталинск, беременные и кормящие матери получали дополнительные продовольственные карточки с большим опозданием. Например, карточки за ноябрь им выдали лишь в январе³.

Отovarить карточку было непросто. Очереди были огромными, нередко их занимали с вечера. Порой люди уставали от долгого ожидания и засыпали в очереди. Г.И. Черемновой запомнился один из таких случаев: «Бабушка стояла всю ночь за хлебом, а утром приходила домой и будила меня на смену. Так делали многие. В толпе очереди было тепло, тянуло ко сну. Тогда мы, ребята, начинали раскачиваться. Крайние люди на крыльчке магазина падали и нас ругали за шалости»⁴.

Продовольственная карточка в период войны являлась большой ценностью. Утрата карточки приводила к трагедии. Л.В. Демакова во время войны училась в первом классе. В своих воспоминаниях она отмечала: «Пошла как-то в магазин за хлебом. ... Подхожу к прилавку и – о ужас! В кармане не обнаруживаю хлебных карточек. Или вытащили их, или по-

¹ Землянова Л.С. Детство, опаленное войной. Новокузнецк. 2005. С. 26.

² Копин С. На всякого чинушу хватает упрямства // Большевиcтская сталь. 1943. № 194.

³ Булыгина А. О роженицах и Абагурском ОРСе // Большевиcтская сталь. 1944. № 34.

⁴ Землянова Л.С. Детство... С. 77.

теряла ... Долго плакала и боялась идти домой... Трудно нам было пережить тот месяц»¹. Карточки следовало бережно хранить.

Потерянные карточки очень сложно восстанавливались, что зачастую приводило к конфликтам. Так, бухгалтер треста «Сталинскпромстрой» Щербаков вынужден был стать «невидимкой», как герой из произведения Г. Уэльса. Только «произошло это с ним не после произведенного опыта», а после того, как бухгалтером были потеряны три стандартные справки на получение хлебных и продовольственных карточек. Эти справки должны были получить пионервожатые детского лагеря на Антоновской площадке после завершения летнего сезона. Когда настал момент их выдачи, председателю стройкома Беспалов сообщил им о потере Щербаковым этих документов. Пионервожатые не хотели остаться без продуктов. Каждый день в течение двух недель подряд они безуспешно пытались застать бухгалтера на его рабочем месте, и никто из его коллег не знал, где он может находиться².

В условиях дефицита продовольствия были широко распространены кражи и случаи подделки карточек. Например, председатель уличного комитета А. Константинова совместно со своим мужем и сестрой в 1942–1943 гг. подделали больше тресот справок на получение продуктовых и хлебных карточек. По закону от 7 августа 1932 г.³ Кемеровский областной суд приговорил Константинову к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества⁴. Подделывать справки удавалось лицам, имевшим доступ к печатям, которыми заверяли подлинность справок. Такие печати имелись у предприятий, учреждений и организаций, в домоуправлениях, а также у председателей уличных комитетов. В 1942 г. была потеряна круглая печать столовой № 17 Сталинского треста столовых. Чтобы не появились поддельные справки на получение карточек, печать объявили недействительной⁵. С целью решения проблемы подделок документов горисполком регулярно вел учет выдававшихся карточек. Должностные лица, способствовавшие нарушению организации карточной системы, привлекались по ст. 109 УК РСФСР, устанавливавшей наказание не ниже шести месяцев лишения свободы⁶. Потерянные и украденные карточки очень редко удавалось вернуть.

Карточная система продовольственного снабжения в условиях тотального дефицита товаров являлась недостаточно эффективной. Несо-

¹ Землянова Л.С. Детство... С. 28.

² Никитина Н., Савина Т. Бухгалтер – «невидимка» // Большевицкая сталь. 1943. № 198.

³ Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

⁴ Чернышенко. Беспощадно карать жуликов и воров // Большевицкая сталь. 1943. № 163.

⁵ Утеряна круглая печать // Большевицкая сталь. 1942. № 2.

⁶ ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

мненным ее достоинством являлось то, что у каждого жителя города был минимальный набор продуктов. Однако этого минимума не хватало для поддержания сил и здоровья горожан, занятых тяжелым физическим трудом на промышленных предприятиях. По воспоминаниям жителей города особенно острый недостаток продуктов у основной массы населения был в 1941 году. Так, А.Ф. Зубкова запомнила пустые полки и длинные очереди за хлебом, а А.П. Тишинов – голод, который не проходил даже во сне. Бывший директор школы № 8 В.Л. Сергеева-Пошевнева вспоминала о том, как голодали школьники, которым выдавали на обед по 50 г. хлеба и одной чайной ложке сахара¹. То есть первый год войны показал, что необходимо искать дополнительные способы получения продовольственных ресурсов. Появилась необходимость в развитии сети подсобных хозяйств и огородничества в городе.

Первые подсобные хозяйства и огороды были устроены еще в 1930-е годы. Однако Сталинск строился как соцгород, поэтому выращивание горожанами сельскохозяйственных культур в это время не являлось широко распространенным явлением. К началу войны подсобные хозяйства и колхозы, располагавшиеся в основном за городской чертой, занимали площадь около 9000 га², а огороды, размещавшиеся в городе, – лишь 70 га³. При этом площадь города к началу войны составляла около 22022 га⁴. После выхода постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. «О выделение земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих» Сталинский горисполком принимает меры по расширению сети подсобных хозяйств предприятий и развитию огородничества.

Подсобные хозяйства организовывались при крупных предприятиях с целью обеспечения рабочих и служащих продовольственными ресурсами сверх карточных норм. Они располагались в основном за пределами городской черты. Обработкой земли, уходом за посевами и сбором урожая занимались специальные кадры. Часть урожая отдавалась государству в качестве обязательных поставок. Оставшиеся продукты передавались в магазины и столовые, закрепленные за предприятиями, и распределялись между рабочими. Дополнительное снабжение продуктами питания затрагивало не всех, а лишь лучших работников, семьи фронтовиков, инвалидов войны и многодетные семьи. Тем не менее подсобные хозяйства снижали остроту проблемы нехватки продовольствия. В 1943 г. их общая площадь составляла 17720 га, в 1944 г. – 19150 га (увеличившись на 8,0 % по отношению к 1943 г.), 1945 г. – 19431 га

¹ Кирилова Н.А. Дети войны: юные новокузнецкие в годы Великой Отечественной войны. Новокузнецк. 2006. С. 10, 13.

² Лизогуб П.П. Формирование территории города Новокузнецка и его районирование (1940-х гг.) // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2008. Вып. 10. С. 120.

³ Борин А.Г. Формирование городского образа жизни... С. 156.

⁴ Лизогуб П.П. Формирование территории города Новокузнецка и его районирование (1940-х гг.) // Кузнецкая старина. С. 118.

(увеличившись на 1,5 % по отношению к 1944 г.)¹. Масштабы расширения подсобных хозяйств не были равномерными.

Не менее важным вопросом для городских властей в годы войны было развитие огородничества в городской черте. Выполнение этой задачи затруднялось условиями местности, а также неудачным выбором площадки для строительства комбината и города. Земельный фонд Сталинска был ограничен. Не каждый желающий мог получить землю под огород. Тем не менее благодаря усилиям городских властей, число огородников в течение войны постоянно увеличивалось. По данным плановой комиссии горисполкома в 1943 г. около 55000 индивидуальных хозяйств занимали площадь в 4015 га, что составляло 18,7 % городских земель. В 1944 г. уже около 62700 огородов имели общую площадь в 5114 га. Следовательно, число огородов в 1944 г. увеличилось на 14,0 % по сравнению с 1943 годом. В 1945 г. под индивидуальные посевы рабочих и служащих было выделено 5512 га². В это время территория, занятая ими, возросла еще на 8,0 % по отношению к 1944 году. Участки под огороды выделялись земельным отделом горисполкома и закреплялись за огородниками на один год. Норма надела на одного человека являлась небольшой – от 1,15 до 1,5 сотки³. Размеры огородов в Сталинске были ниже, чем по стране, в связи с ограниченностью земельного фонда. Недостаток свободных территорий приводил к несанкционированным захватам городских земель. Самовольные захваты нарушали общественный порядок, приводили даже к несчастным случаям. Из-за насаждения огородов не оставалось ни одного участка земли для детских игр на открытом воздухе. Дети играли и гуляли на проезжей части улицы. В результате имели место случаи попадания детей под автомашины и лошадей. Городские власти решали эту проблему различными способами. Вводили запреты на сокращение пастбищ, самовольные захваты земли, запашку улиц, занятие шахт под огороды и т.п. Помимо запретительных мер горисполком искал различные пути обеспечения земель рабочих и служащих. Например, под огороды граждан выделялись неиспользуемые колхозами, совхозами и подсобными хозяйствами земли⁴.

В Сталинске проживали как люди, эвакуированные из других городов, незнакомые с техникой выращивания овощей и картофеля, так и бывшие крестьяне. Особенности выращивания сельскохозяйственных культур в деревне отличались от принципов ведения огородничества в городской среде. Горисполком стремился решить эту проблему. Разрабатывался механизм обучения горожан огородничеству. Агрономы проводили семинары, пресса публиковала различные советы посевицам,

¹ ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 302. Л. 374; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 314. Л. 44; Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 115. Л. 2.

² Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 115. Л. 2. об.; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 314. Л. 44.

³ *Голендухин Н., Шаронов Г.* Закрепить огородные участки // *Большевицкая сталь.* 1945. № 59.

⁴ ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-1. Оп.1. Д.308. Л. 230, 134.

транслировались лекции по радио. Принимавшиеся меры отчасти восполняли недостаток агротехнических знаний у населения.

Жители города обрабатывали землю в основном вручную с использованием огородного инвентаря. Основным инвентарем в Сталинске являлись лопаты, мотыги, тяпки, грабли, плуги, бороны, косы, сеялки и ведра. Проблема качества почвы для города была актуальной. Для увеличения урожайности земли с низкой плодородностью засеивались зерновыми культурами. Использовались также различные удобрения: навоз, перегной, торф, зола. Собранный урожай хранили в подвалах, овощехранилищах, на складах предприятий и в погребах.

В годы Великой Отечественной войны в Сталинске выращивали картофель, капусту, помидоры, репчатый лук, морковь, свеклу, огурцы и другие овощи. Зерновыми засеивали крупные коллективные огороды и подсобные хозяйства. Менее распространенными были ягоды и фрукты. Например, разводили землянику, вишню, смородину, малину, вишню и яблоки.

Развитие огородничества сыграло большую роль в решении продовольственной проблемы. Каждый, кто старательно работал на огороде, обеспечивал семью овощами и картофелем на весь год. Так, домохозяйка Н.Я. Чурина с помощью огорода кормила семью из семи человек¹. Урожай огородной комиссии, председателем которой был А. Никиташев, в 1941 г. составил 100 ц картофеля с гектара². В том же году литейщики КМК собрали на своих огородах сотни тонн овощей и картофеля. Из них «плотник тов. Хмелев ... получил ... больше двух тонн картофеля, полтонны капусты и много ... других овощей»³.

На протяжении всей войны городские власти пытались улучшить сложившуюся систему снабжения населения. Ремонтировались магазины и столовые, построенные в 1930-е годы. Открывались новые торговые организации. Например, сотрудники базы Управления рабочего снабжения КМК ходили обедать в столовую № 40, находившуюся на расстоянии двух километров от места их работы, до тех пор, пока зам. директора КМК по рабочему снабжению т. Мишуков не организовал строительство новой столовой⁴. Для возведения новых помещений требовались средства и квалифицированные рабочие. Закончить строительные работы удавалось не всегда.

Сами жители города также использовали различные способы для решения продовольственной проблемы. Так, в годы войны среди жителей Сталинска стало популярным занятие животноводством. В городе разводили крупный рогатый скот, лошадей, свиней, овец, и коз. Даже одно домашнее животное помогало снизить остроту голода. Л.Ф. Устинова

¹ Галанова В. Образцовая огородница // Большеви́стская сталь. 1945. № 70.

² Никиташев А. Соберем высокий урожай // Большеви́стская сталь. 1942. № 34.

³ Гусев М. Коллективный огород рабочих литейного цеха // Большеви́стская сталь. 1942. № 35.

⁴ Кожемякин А. По следам неопубликованных писем // Большеви́стская сталь. 1943. № 107.

вспоминала: «Однажды мама с бабушкой купили козу, и у нас появилось молоко. Сколько же было радости! Летом мы все по-очереди пасли козу, нашу кормилицу. У нас была улица зеленая, машины не ездили, травы много. На зиму для козы заготавливали в Топольниках листья тополей. Наберем по целому мешку и, сгибаясь под поклажей, тащим его домой. Этим мы занимались после уроков в школе и в выходные дни»¹. Помимо этого, с целью получения дополнительных продуктов горожане занимались охотой, рыболовством, собирательством растений, ягод, орехов и грибов, предпринимательской деятельностью, незаконной торговлей и т.п.

Таким образом, продовольственная проблема, обострившаяся в Сталинске в годы Великой Отечественной войны, решалась на уровне как центральной, так и местной власти. Правительство СССР определило общие направления ее решения: вводилась карточная система распределения продовольствия, был взят курс на развитие подсобных хозяйств и огородничества. Сталинский горисполком принимал дополнительные меры, учитывавшие особенности местности, условия жизни города и характер занятости горожан. По его инициативе создавалась система обучения населения агротехнике выращивания сельскохозяйственных культур, проводились мероприятия по увеличению урожайности почвы, принимались меры по решению проблемы дефицита свободных земель. Эти меры, находившие активную поддержку среди жителей города, позволили обеспечить трудящихся Сталинска и их семьи набором продуктов питания, необходимым для выживания в условиях войны.

¹ Землянова Л.С. Детство... С. 71–72.

Р.Е. Романов**Стимулирование труда в молодежных бригадах оборонных предприятий Западной Сибири в годы войны (1941–1945 гг.)¹**

В годы Великой Отечественной войны важным звеном советского военно-хозяйственного тыла являлась Западная Сибирь, где в кратчайшие сроки было создано крупномасштабное производство вооружения и боеприпасов. Рабочие кадры оборонных заводов региона комплектовались в основном из молодежи в возрасте до 25 лет. Ключевым моментом профессиональной социализации юношей и девушек являлось формирование у них стимулов к труду в ведущих отраслях военной экономики. С этой целью руководство отраслевых наркоматов и предприятий стремилось использовать различные формы организации производственной деятельности для мобилизации молодых рабочих на выпуск продукции для фронта. Одной из таких форм были бригады юных заводчан, создававшиеся под руководством комсомольских организаций.

В советской историографии движение комсомольско-молодежных бригад изучалось как одно из направлений развития соцсоревнования. В контексте военного времени оно характеризовалось в качестве патриотической инициативы юных труженников тыла, имевшей под собой преимущественно моральную основу². На сегодняшний день рассмотрение отдельных аспектов коллективного юношеского труда в условиях войны продолжено в монографических и диссертационных исследованиях по истории молодежи³ и ее рабочего отряда⁴, а также оборонной промышленности, созданной в глубоком тылу⁵. В них приводятся отрывочные факты, свидетельствующие об отдельных мерах по стимулированию коллективов молодых рабочих.

Романов Роман Евгеньевич, к.и.н., н.с. Института истории СО РАН.
Эл. почта: rromanov1981@mail.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-01-00068а

² См., например: *Еремин В.Г., Исаков П.Ф.* Молодежь в годы Великой Отечественной войны. М., 1977.

³ *Мякинина Н.П.* Роль молодежи в решении военно-экономических и социальных задач в годы Великой Отечественной войны (по материалам РСФСР). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Назаров А.И.* Повседневная жизнь молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (на материалах Тамбовской области). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010.

⁴ *Кириллов Г.И.* Молодежь и подростки Мариинской республики на производстве в годы войны (1941–1945). Йошкар-Ола, 2005; *Букин С.С., Романов Р.Е.* Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск, 2012.

⁵ *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005; *Шевченко В.Н.* Сибирский арсенал Победы:

Использование современной методологии по изучению трудовой мотивации позволяет осуществить комплексный анализ факторов, влиявших на работу комсомольско-молодежных бригад. Речь идет о сочетании трех универсальных стимулов – вознаграждения, побуждения и принуждения¹, задействованных в том числе и на оборонных предприятиях Западной Сибири. Целью данного исследования является выявление практик поощрения и наказания коллективов юных рабочих региона за счет применения этих стимулов.

Создание и рост военно-промышленного производства в тыловых районах страны придали мощный импульс для развития бригадной формы организации труда. В конце 1942 г. в западносибирском тылу насчитывалось около 1 тыс. молодежных бригад, в начале 1945 г. – 14 тысяч². Эти коллективы создавались в основном в отраслях, выпускавших вооружение и боеприпасы. Во втором полугодии 1941–1942 г. на новосибирских оборонных заводах число бригад выросло с нескольких десятков до примерно трехсот. На 1 января 1945 г. действовало уже около двух тысяч бригад, в которых трудились 13 тыс. человек³. В них было занято 35,0–40,0 % от общей численности молодых рабочих Новосибирска. В начале 1945 г. 1957 бригад вырабатывали нормы на 100,0–150,0 %, 859 бригад – на 150,0–200,0 %, 538 бригад – на 200,0–300,0 %, 148 бригад – свыше 300,0 %⁴. Наряду с отдельными стахановцами и ударниками, данные коллективы играли основную роль в выполнении заданий Государственного Комитета Оборона.

В годы войны особенностью движения комсомольско-молодежных бригад стало соревнование за звание «фронтowych», которые присваивались им общезаводским жюри. Впервые такие производственные коллективы появились осенью 1941 г. на предприятиях г. Горький. Через несколько месяцев опыт их создания распространился и в западносибирской промышленности. В конце 1942 г. только на оборонных заводах Новосибирска действовали уже более 100 фронтowych бригад. К 1 августа 1944 г. их число выросло до 1101, что составляло более половины всех бригад⁵. В конце войны эти коллективы объединяли многих юных передовиков производства.

В ходе развертывания движения фронтowych бригад руководство наркоматов и предприятий делало ставку, главным образом, на пропагандистский эффект, а также стахановские заработки. В начальный период войны мобили-

становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 2008.

¹ Под вознаграждением понимаются денежные выплаты и натуральные выдачи, побуждением – пропаганда, принуждением – различные взыскания – см. *Ван дер Линден М.* Мотивация труда в российской промышленности: Некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник. 2000. С. 206–216.

² *Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма.* Новосибирск, 1984. С. 123–124.

³ *Букин С.С., Романов Р.Е.* Рабочая молодежь... С. 246.

⁴ ГАНУ. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 946. Л. 76.

⁵ *Букин С.С., Романов Р.Е.* Рабочая молодежь... С. 247.

зующую роль в становлении этого движения сыграла боевая риторика («в труде как в бою»). Для ее трансляции на заводах была задействована наглядная агитация в виде лозунгов, плакатов, стенных газет, «боевых листов», побуждавших молодежь к созданию бригад военного времени. Так, в середине 1942 г. на предприятиях Новосибирска и Кемерово действовали 179 бригад со званием «фронтовых»¹. В частности, на комбинате № 179 были организованы 37 передовых коллективов. Бригада Фролова выполняла нормы на 369,0 %, Аболонского – на 261,0 %, Березюка – на 380,0 %, Куколева – на 233,0 %². Атмосфера ударного труда поддерживалась за счет агитирования юных рабочих к участию в соцсоревновании между комбинатом и заводом им. Чкалова. Их производственные успехи поощрялись сдельно-прогрессивной оплатой, широко применявшейся на предприятии.

Однако для более массового распространения новой стахановской инициативы требовался особый комплекс стимулирующих мер. В связи с этим отраслевые наркоматы совместно с ЦК ВЛКСМ разрабатывали положения о критериях оценки бригадной работы, поощрения и наказания за соответствующие ее результаты. Например, Наркоматом боеприпасов были установлены три премии для бригад, завоевавших звание «фронтовых». Первая премия предполагала вручение передовому коллективу переходящего Красного знамени и почетной грамоты, выплату бригадиру 600 руб. и рабочим – по 300 рублей. Вторая и третья премии включали выдачу руководителям почетных грамот и дополнительных сумм к зарплате в размере 400 и 300 руб., рядовым работникам – по 250 и 175 рублей³. Наряду с премированием, последние получали книжки на первоочередное жилищно-бытовое обслуживание, снабжение промтоварами и продуктами питания.

Наиболее широко применявшейся практикой поощрения молодежных бригад являлось присуждение переходящих знамен и денежных выплат. На заводе № 188 ежемесячно двум лучшим коллективам вручались премии – знамена комитета ВЛКСМ и 2000 рублей. Стремление к получению данных наград побуждало юных тружеников повышать производственные показатели. По инициативе молодого мастера Березюка на одном из отстающих участков предприятия были созданы три бригады. В апреле 1943 г. благодаря их успешной работе участку впервые было присуждено переходящее знамя и премия в 3000 рублей. В июле – сентябре 1943 г. 14 бригадных работников освоили мужские профессии и четыре – многостаночное обслуживание. Средняя производительность одного рабочего превысила нормы выработки на 13,5 %⁴. В итоге участок неоднократно удерживал знамя и получал денежное вознаграждение.

Данный способ стимулирования постоянно использовался лишь в коллективах, сохранявших звание «фронтовых». В марте – июне 1944 г. на за-

¹ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 709. Л. 97.

² *Оборонная промышленность* Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов. Новосибирск, 2005. С. 354.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 95. Л. 27–29.

⁴ Там же. Д. 101. Л. 8.

воде № 617 бригада Макадени трижды завоевала первое место в соревновании. Победителю присваивалось переходящее знамя дирекции и комитета ВЛКСМ с выплатой бригадиру 400 руб. и рабочим – по 150 рублей. В качестве дополнительного поощрения лучшим бригадам выдавались почетные грамоты, а их руководителям – значки «Отличник социалистического соревнования». В 1944 г. на заводе № 174 такие значки получили семь бригадиров, на заводе № 77 – пять¹. Кроме того, передовики производства были премированы месячным заработком.

В условиях товарного дефицита денежные выплаты порой заменялись выдачей ордеров на одежду и обувь. Данная практика получила развитие особенно после принятия постановления Совнаркома СССР от 18 октября 1942 г., когда стахановцы военного времени получили преимущества в снабжении². Во время соревнования в честь 24-й годовщины ВЛКСМ на заводе № 635 передовым бригадам ежедневно присуждался переходящий красный вымпел, а по результатам месячной работы – промтоварные ордера. Такое поощрение побуждало некоторые коллективы стремиться к тому, чтобы быть впереди. Например, бригада Свиридовой держала вымпел восемь дней, Малаховой и Безгуловой – пять, Курбатовой – четыре. В 1943 г. его неоднократно получала бригада Курбатовой, выполнявшая одну из сложных операций по снаряжению боеприпасов взрывчатыми веществами. Бригадир вырабатывала нормы от 230,0 до 270,0 %, работницы – от 120,0 до 260,0 %³. За отличные показатели члены бригады получили ордера на шелковое платье, чулки, трикотажные носки.

Наряду с выдачей промтоваров, знамена, вымпелы, звания давали возможность отоваривать вне очереди продуктовые карточки. На заводе № 690 это преимущество гарантировало переходящее знамя, вручавшееся через каждые пять дней. Работницы бригады имени Зои Космодемьянской утратили этот символ, что негативно отразилось на их продовольственном обеспечении. Чтобы вернуть лидерские позиции, бригада в полтора раза превысила производительность труда кадровых рабочих, эвакуированных из Москвы⁴. Благодаря такому достижению она вновь получила доступ к приоритетному снабжению.

Существовавшие практики поощрения молодежных бригад применялись с различной интенсивностью. Данное явление можно показать на примере одного из омских коллективов юных рабочих под руководством бригадира Моисеенко. С августа 1942 по апрель 1943 г., наряду с присвоением переходящего знамени, бригада пять раз премировалась суммами от 1000 до 3000 руб. и один раз – ордерами на одежду и обувь. В июне 1943 г. общий ежеме-

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 95. Л. 137.

² *Постановление СНК СССР от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий»* // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. М., 2006. С. 32–33.

³ ГАНО. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 10. Л. 208–209; Ф. П-198. Оп. 1. Д. 226. Л. 8–9.

⁴ ГАТО. Ф. П-1221. Оп. 1. Д. 32. Л. 11–12.

сячный заработок работников бригады составил 15830 рублей¹. Его величина обуславливалась высоким размером зарплаты и премий за производственные успехи.

В годы войны роль денежных стимулов в формировании трудовой мотивации рабочей молодежи существенно снизилась. Данное явление было связано с ростом фискального пресса и рыночных цен на товары повседневного спроса, сокращавшим реальное содержание заработной платы. В этих условиях на оборонных предприятиях Западной Сибири налаживалась социально-бытовая инфраструктура и нормированное снабжение персонала. Доступ к скромным материальным благам получали преимущественно стахановцы и ударники, включая членов фронтовых бригад. Их высокие заработки позволяли оплатить, наряду с налогами и займами, проживание в общежитии, услуги бытовых учреждений, приобретение промтоваров по ордерам и дополнительных обедов по талонам. В связи с этим трудовой доход оставался одним из основных средств выживания юных рабочих в военное время.

Отоваривание ордеров по доступным ценам в магазинах отделов рабочего снабжения воспринималось молодыми заводчанами как долгожданное вознаграждение. Ветеран завода № 386 А.М. Романова спустя несколько десятилетий после окончания войны вспоминала о том, как ей однажды за перевыполнение производственного задания выдали туфли на каблучке. Такая премия-подарок вызвала у нее радостные эмоции: «Я так была счастлива, что не выскажешь»². Столь радушная реакция свидетельствовала о том, что при отсутствии перебоев приоритетное снабжение могло стать для стахановцев трудовым стимулом.

Присуждение различных моральных атрибутов также находило положительный отклик в среде рабочего юношества. Ветеран завода № 386 М.И. Пирогоедова вспоминала о неизгладимом впечатлении, оставшемся после торжественного вручения ее бригаде переходящего знамени: «В большом светлом зале было много аплодисментов, поздравлений, пожеланий, просто невозможно было удержаться от слез»³. Данный пример характеризовал яркое эмоциональное отношение работников фронтовых бригад к символам трудовой доблести. Сознательное стремление к их сохранению превращалось для юношей и девушек в дополнительный стимул к труду.

Наряду с поощрениями в коллективах рабочей молодежи, применялись наказания за ухудшение производственных показателей или нарушение дисциплины. В частности, одной из распространенных практик являлось лишение их звания «фронтовых» и премий. Данная ситуация часто возникала при переходе предприятия на выпуск новой продукции или возникновении длительных простоев из-за нехватки сырья, материалов, инструмента, поломки

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 101. Л. 28.

² «Долга на земле не имею». Рассказывают ветераны // Букин С.С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск, 2001. С. 96.

³ Там же. С. 93.

оборудования. В результате бригады временно снижали выработку, что негативно отражалось на общей производительности труда. В октябре 1943 г. на заводе № 69 по этим причинам 15 молодежных бригад не выполнили сообразительности и утратили звания «фронтовых», а также право на материальное поощрение¹. В феврале 1944 г. на Томском электромеханическом заводе из-за плохой работы престижа и премирования были лишены коллективы бригадиров Жульева, Казанцевой, Якушкиной и Стерницкого. В последнем случае потеря почетного звания и дополнительного заработка произошла лишь потому, что с производственным заданием не справился один рабочий бригады².

Налагавшиеся взыскания сопровождались также критической оценкой производственной деятельности отстающих от графика коллективов. На участках не справлявшихся с работой бригад вывешивались плакаты и панно, образно или вербально характеризующие выполнение сменных заданий. Например, на заводе № 166 комсомольский актив размещал у рабочих мест данных коллективов плакаты с изображениями вола и черепахи, отражающими их слабый трудовой ритм. Если бригада допускала порчу материалов и деталей, то на ее участке появлялось панно с надписью «Брак – преступление перед Родиной»³. Одновременно с рабочими, изготавливавшими бракованные изделия, взымались штрафы.

При наличии дисциплинарных проступков в бригадах последние теряли свой лидерский статус. В августе 1944 г. на комбинате № 179 из-за наличия прогулов и самовольных уходов звания «фронтовых» лишились бригады Чернова, Багаевой и Коротеевой. В решениях жюри, состоявших из представителей партбюро, комитета комсомола, завкома и стахановцев предприятия, при подведении итогов соревнования отмечалась необходимость обсуждения этих негативных фактов на собраниях и исключении из бригад прогульщиков и «дезертиров»⁴. Наряду с моральным осуждением, на нарушителей дисциплины нередко оформлялись уголовные дела, передававшиеся в судебно-следственные органы.

Зачастую отклонения от производственного режима в бригадах были связаны с материально-бытовыми проблемами, которые испытывали их труженники. В качестве примера можно привести трагическую судьбу юного стахановца комбината № 179 А.Т. Азарова. На данное предприятие он поступил после эвакуации из Брянска осенью 1941 года. Освоив специальность токаря, юноша стал выполнять нормы от 500,0 до 1000,0 %. Как передовик он был направлен на первый съезд рабочей молодежи Новосибирской области, а затем возглавил фронтовую бригаду. Успешный бригадир неоднократно премировался ордерами на промтовары, но не имел возможности их отоварить. Азаров обратился за помощью к начальнику цеха Метлину, который равнодушно отреагировал на его материальные нужды. Возмущенный таким без-

¹ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 812. Л. 81.

² Там же. Д. 954. Л. 68.

³ ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 1. Д. 65. Л. 77.

⁴ ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 26. Л. 12, 18.

различием, юноша перестал выходить на работу и был арестован как «дезертир» трудового фронта¹.

Данный пример ярко свидетельствовал о том, что при отсутствии материальных и моральных стимулов заводское руководство для поддержания дисциплины в молодежных бригадах практиковало уголовные наказания. Но они не решали проблему закрепления лучших рабочих на производстве. Удержать юных передовиков на предприятиях можно было лишь за счет благоустройства барачного быта и воспитательных мер. Но эти стимулы порой не срабатывали из-за перебоев в снабжении и равнодушия начальников к нуждам своих подчиненных.

В годы Великой Отечественной войны бригадная организация труда стала одним из механизмов мобилизации молодых рабочих в оборонной промышленности восточных районов страны. В это время в крупнейших промышленных центрах Западной Сибири произошел лавинообразный численный рост молодежных бригад, которыми было охвачено свыше трети юных заводчан. Вовлечение многих юношей и девушек в данные коллективы обуславливалось сложившимися в них практиками стимулирования. Эти практики характеризовались сочетанием поощрений и наказаний, облакавшихся в материальную и моральную форму. Наиболее концентрированно они применялись во фронтовых бригадах, где совокупность стимулов была представлена типичными для военного времени пропагандой, премированием и взысканиями. Вербальные и символические атрибуты трудовой славы позволяли выделить и поднять на пьедестал почета самые передовые коллективы, а существенные денежные и натуральные премии – наградить их за производственные достижения. В то же время существовала угроза падения с этого пьедестала, сопровождавшегося потерей репутации и скудных материальных благ. За счет комбинации данных факторов во многих молодежных бригадах достигалась высокая производительность труда. Но она поддерживалась до тех пор, пока юноши и девушки были готовы интенсивно работать ради Победы при условии выживания. Нарушение этого условия со стороны заводского руководства способствовало утрате интереса к производственной деятельности у работников и даже бригадиров, иногда попадавших по этой причине под уголовное преследование.

По существу, движение фронтовых бригад являлось одной из попыток стимулирования стахановского труда рабочей молодежи в условиях войны. Однако ее результаты на оборонных предприятиях Западной Сибири, являвшихся одним из важнейших элементов советского военно-промышленного потенциала, оказались противоречивыми. В целом задействованные практики поощрения и наказания позволили мобилизовать работников бригад на выпуск продукции для фронта, но не смогли сформировать у многих из них устойчивой трудовой мотивации.

¹ *Оборонная промышленность...* С. 683–684.

М.А. Орлов

Лагеря военнопленных и интернированных Западной Сибири и получатели их рабочей силы: взаимные обязательства и их выполнение (1942–1950 гг.)

В 1939–1956 гг. в СССР содержалось значительное количество иностранных военнопленных и интернированных гражданских лиц. Основная часть данного контингента размещалась в специально созданных лагерях военнопленных и интернированных. В Западной Сибири такие лагеря действовали в Алтайском крае, Кемеровской, Новосибирской и Тюменской областях. Лагерь № 93 (с центром в Тюмени) функционировал в 1942–1948 гг., № 199 (с центром в Новосибирске) – в 1944–1948 годах. В Кемеровской области в 1944 г. организовывались лагеря № 162, 142 и 203. Весной 1945 г. они были преобразованы соответственно в лагеря № 503 (с центром в Кемерове), 525 (с центром в Сталинске) и 526 (с центром в Юрге). Лагерь № 526 ликвидировали в 1948 г., № 503 – в 1949 году. Лагерь № 525 в 1949 г. был реорганизован в лагерь № 464, закрытый в 1950 г. В Алтайском крае действовали несколько лагерей с центрами в Рубцовске, Барнауле и Чесноковке. В Рубцовске был создан лагерь № 131, но в марте 1945 г. его упразднили, и затем (вероятнее всего, на его основе) здесь же был образован лагерь № 511, действовавший в 1945–1948 годах. В Барнауле находилось управление лагеря № 128, функционировавшего в 1945–1948 гг., а в Чесноковке – лагеря № 36, ликвидированного в конце 1946 г. – начале 1947 года.

Часть своего контингента лагеря использовали на внутрилагерных работах, однако основная его масса в качестве рабочей силы выделялась сторонним организациям. Организации, получавшие от лагерей рабочую силу, в документах лагерей и вышестоящих органов внутренних дел обозначались понятием «хозорган». Поэтому в статье для обозначения той или иной организации, которой лагерь выделял рабочую силу, используется данный термин. Как правило, в качестве хозорганов выступали промышленные предприятия и строительные организации. Однако известны и такие случаи, когда в числе хозорганов оказывались железная дорога, совхоз или крайком ВКП(б).

В Тюменской области одной из основных отраслей, где использовался труд лагерного контингента, стала деревообработка: от лагеря № 93 рабочую силу получали фанерокомбинат № 15, деревообделочный комбинат «Красный Октябрь», два лесозавода в Винзилях и Ялutorовске. В Новосибирской области основными получателями рабочей силы лагеря № 199 стали строительные организации, предприятия машиностроения и оборонной промышленности (среди них были трест «Сибстанкострой», особая строительно-монтажная часть «Новосибирскпромстрой»,

завод «Тяжстанкогидропресс», комбинат № 179). В Кемеровской области основная масса лагерного контингента выделялась строительным организациями (напрямую, комбинатам «Кемеровоуголь» и «Кузбассуголь», Новокемеровскому химкомбинату, трестам «Кемеровотяжстрой», «Кузнецктяжстрой» и «Сталинскпромстрой», заводу № 75). Лагеря Алтайского края выделяли рабочую силу трестам «Стройгаз» и «Сибстройпуть», Барнаульскому вагоноремонтному заводу, Алтайскому тракторному заводу, Алтайскому заводу сельскохозяйственного машиностроения.

Ряд проблем, связанных с деятельностью лагерей военнопленных и интернированных в Западной Сибири, освещение в исторической науке уже получил. В работах исследователей уделяется немалое внимание созданию и дислокации лагерей, численности, составу и условиям содержания их контингента¹. Подробно рассматривается применение труда военнопленных и интернированных в той или иной отрасли хозяйства, на тех или иных объектах и видах работ (например, на угледобывающих и химических предприятиях, в строительных организациях)². Следовательно, в современной историографии детально освещается как деятельность лагерей, так и использование лагерного контингента хозорганами. Вместе с тем, отношения между лагерями и хозорганами исследователи затрагивают лишь вскользь, отмечая, например, насколько было распространено в тот или иной период времени заключение договоров между сторонами или упоминая отдельные случаи конфликтов между лагерями и получателями их рабочей силы. В данном исследовании на материале За-

¹ См., например: *Букин С.С., Долголюк А.А.* Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2000. № 2. С. 49–53; *Маркдорф Н.М.* Иностранные военнопленные, интернированные, власовцы, белоэмигранты в Западной Сибири: 1942–1956 гг. М., 2011.

² См., например: *Бикметов Р.С.* Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.). Кемерово, 2009; *Он же.* Трудоиспользование немецких военнопленных на шахтах Кузбасса в годы второй мировой войны (1943 г. – август 1945 г.) // *Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Материалы международной научной конференции.* Кемерово, 2001. С. 183–191; *Маркдорф Н.М.* Немецкие военнопленные на предприятиях юга Кузбасса // *Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Материалы международной научной конференции.* Кемерово, 2001. С. 178–182; *Орлов М.А.* Использование труда иностранных военнопленных на строительстве Новокемеровского химкомбината (1945–1949 гг.) // *Наука. Технологии. Инновации: Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых.* Новосибирск, 2006. Ч. 6. С. 35–37; *Он же.* Хозяйственно-экономические аспекты использования трестом «Кемеровотяжстрой» труда иностранных военнопленных и интернированных (1945–1949 гг.) // *Сборник трудов молодых ученых Кемеровского государственного университета, посвященный 30-летию Кемеровского государственного университета.* Кемерово, 2004. С. 41–43.

падной Сибири рассматривается один из аспектов отношений между лагерями и хозорганами – взаимные обязательства, выполнение данных обязательств и типичные сложности, возникавшие при их выполнении.

В конце 1942 г. – летом 1943 г. произошел коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Была освобождена часть территории страны, захваченной противником, и здесь для восстановления хозяйства требовалось большое количество рабочей силы. При этом существенно выросла численность вражеских военнослужащих, оказавшихся в советском плену. В данных условиях приказом НКВД СССР № 00675 от 6 апреля 1943 г. для более планомерного использования труда военнопленных и интернированных, предотвращения неразберихи и межведомственных конфликтов было введено обязательное заключение договоров между лагерями и хозорганами. К приказу прилагался текст типового договора. Обязанности хозоргана перед лагерем изложены в типовом договоре довольно подробно. Хозорган должен был бесплатно предоставить здания и сооружения для размещения контингента лагеря и его сотрудников, осуществления охраны и поддержания режима, а также обеспечивать водоснабжение, отопление и ремонт лагеря. Хозорган обязался исключить общение пленных и интернированных с вольнонаемными сотрудниками, кроме руководителей работ или квалифицированных рабочих, без которых труд контингента лагеря был невозможен. Число лиц, допущенных к общению с пленными и интернированными, следовало минимизировать. Хозорган обеспечивал за свой счет полученную рабочую силу инструментами, механизмами, транспортом и материалами, а за счет лагеря – спецодеждой и спецобувью, обязан был следить за правильностью выполнения работы, порученной пленным и интернированным, способствовать повышению уровня их квалификации и производительности их труда, обеспечивать соблюдение правил техники безопасности. Контингент, выделенный лагерем, хозорган должен был использовать только на работах, указанных в договоре, причем не менее 95,0 % данного контингента – на работах со сдельной оплатой. Труд пленных и интернированных хозорган обязался оплачивать по расценкам, установленным для вольнонаемных рабочих. Простои рабочей силы, произошедшие из-за погодных условий или по вине хозоргана, оплачивал последний. Хозорган возмещал расходы лагеря на содержание, медицинское обслуживание и охрану контингента, переброску рабочей силы по требованию хозоргана с одних мест работ на другие, содержание пожарной охраны. Если какие-то обязательства не выполнялись, лагерь или лаготделение могли снять своих рабочих с объектов хозоргана, известив его об этом за две недели. Менее подробно в типовом договоре изложены обязанности лагеря. Он должен был выделять хозоргану указанное в договоре количество рабочей силы, обеспечивать надлежащую дисциплину среди выделенных работников, оплачивать предоставление ему хозорганом постельных

принадлежностей. После окончания работ на объектах хозоргана лагерь обязался вернуть ему все полученные от него здания и сооружения¹.

Договоры не везде заключались с самого начала деятельности лагерей и не всегда служили гарантией того, что предприятие получит оговоренное количество рабочей силы. Так, в Тюменской области для обслуживания предприятий, с которыми были заключены договоры, оказались подготовлены семь лаготделений. Но поскольку вместо ожидавшихся шести тысяч человек прибыло менее половины, часть договоров расторгли, оставив в силе только два – с фанерным и деревообделочным комбинатами². В Кузбассе заключение договоров угольных трестов и шахт с лагерями и лаготделениями началось, как отмечает Р.С. Бикметов, только с февраля 1946 года³. И действительно, по нашим данным, на протяжении 1945 г. лагеря Кемеровской области договоры с хозорганами не заключали⁴. Не всегда заключались договоры и с предприятиями Алтайского края. Так, в мае 1946 г. проверка работы лагеря № 511 выявила факты выделения хозорганам мелких партий контингента без оформления договоров⁵.

Важное место в отношениях между лагерями и хозорганом занимали вопросы, касавшиеся выделения лагерям транспорта и обеспечения его нормальной работы. В распоряжении лагерей обычно не имелось необходимого количества автомобильного и гужевого транспорта, запчастей, горючего и фуража, в связи с чем лагеря и прибегали к помощи хозорганов. Так, по данным на сентябрь 1946 г. имевшиеся у лагеря № 503 повозки, сани и упряжь в основном принадлежали именно хозорганам, находясь во временном пользовании лагеря. Лагерь № 526, имевший лишь 24 лошади вместо полагавшихся 52, на договорных началах использовал еще 14 лошадей хозоргана. Автотранспорт лагерей Кемеровской области по данным на сентябрь 1946 г. ремонтировался в мастерских хозорганов, поскольку у лагерей не было оборудованных мастерских. На выгодных для себя условиях, оплачивая лишь амортизационные расходы, использовал транспорт хозоргана 464-й лагерь⁶.

Хозорганы не всегда выделяли столько транспорта, сколько от них требовали. Так, по состоянию на 4 сентября 1944 г. количество транспорта, выделенного хозорганом лагерю № 199, его реальным потребностям не соответствовало: согласие по этому вопросу не было достигнуто при заключении договоров с комбинатом № 179 и особой строительно-монтажной частью «Севкавтяжстрой» (эвакуированной в Сибирь). Комбинат № 179 вме-

¹ *Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы.* М., 2000. С. 565, 567–572.

² Букин С.С., Долголюк А.А. Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири // *Гуманитарные науки...* С. 49.

³ Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса. С. 261.

⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 16; Д. 352. Л. 62.

⁵ Там же. Д. 347. Л. 34.

⁶ Там же. Д. 331. Л. 80; Д. 345. Л. 35–37; Д. 354. Л. 23.

сто 10 машин и 40 лошадей, необходимых, по мнению представителей лагеря, для обслуживания лаготделений № 1 и 2, соглашался предоставить им только две машины и четыре лошади. Часто отказ хозоргана выделить лагерью требуемое количество транспорта вызывался нехваткой транспорта у самого хозоргана. Например, по данным на 5 апреля 1945 г. транспорт почти полностью отсутствовал не только у лагеря № 203, но и у его хозоргана – треста № 25; у лагеря имелась только одна машина, причем она была принята у хозоргана в неисправном состоянии. Отказ хозоргана выделять транспорт мог быть вызван и невыполнением лагерем или лаготделением своих договорных обязательств. Так, в 1945 г. управляющий трестом «Кузбассшахтострой» приказал отобрать у лаготделения при строящейся шахте «Ягуновская» выделенных ему лошадей и машину, поскольку лаготделение направляло часть рабочей силы в распоряжение других организаций¹. Тем не менее, известны отдельные случаи, когда хозорганы выделяли лагерям именно то количество транспорта, которое те требовали².

Дрова и уголь хозорганы, как правило, выделяли лагерям за свой счет. Однако в ряде случаев лагеря не получали топливо бесплатно, а покупали его у хозорганов, как, например, лагерь № 525 у треста «Кузнецктяжстрой» в апреле 1947 года. Иногда предприятия предоставляли не топливо в готовом виде, а лишь возможность вести его добычу: в марте – апреле 1945 г. комбинат «Кемеровоуголь» для обеспечения углем лагеря № 511 в Алтайском крае и лагерей Кемеровской области разрешал органам МВД СССР использовать одну из штолен³. Не всегда выделение топлива осуществлялось должным образом. Так, зимой 1944/45 гг. из-за недостатка топлива у треста № 25, в сложном положении оказался лагерь № 203, созданный при данном тресте⁴.

Хозорганы играли основную роль в обеспечении лагерей зданиями и сооружениями (лагерные здания и сооружения независимо от того, были ли они жилыми, в документах было принято обозначать понятием «жилфонд»). Хозорганы должны были создавать необходимые жилищно-бытовые условия для лагерного контингента, выделять жилье для сотрудников лагерей, предоставлять помещения для штабов, санчастей и стационаров, обеспечивать лагерь продовольственными складами, овощехранилищами, пищеблоками, банями, прачечными, дезокамерами. Подготовку жилфонда хозорганы осуществляли до поступления контингента, причем иногда из-за его задержки подготовленные зоны могли пустовать более полугода. В ряде случаев небольшое количество пленных и интерниро-

¹ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 205. Л. 113; РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 73. Л. 25, 26; Д. 75. Л. 37, 37 об., 41 об.

² РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 73. Л. 26.

³ ГАКО в г. Новокузнецке. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 31. Л. 52; РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 73. Л. 27; Оп. 13а. Д. 12. Л. 22; Оп. 15а. Д. 347. Л. 43, 78; Оп. 17а. Д. 5. Л. 97.

⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 75. Л. 36.

ванных (в разы меньше полагавшегося) выделяли хозоргану заранее, чтобы тот использовал их труд для подготовки лаготделений¹.

Деятельность хозорганов по обеспечению лагерей жилфондом не сводилась к тому, чтобы просто подобрать подходящие здания и сооружения и оборудовать их необходимым инвентарем: нередко приходилось выполнять проектные, строительные и ремонтные работы. Например, в первом полугодии 1944 г. трест № 25 провел работы по проектированию лагеря № 203, составив генеральные планы зоны и поселка охраны, 18 проектов различных зданий и сооружений². В июле 1946 г. силами контингента, выделенного лаготделением из состава оздоровительной команды, ремонт жилых и служебных помещений должен был провести строительно-монтажный трест № 3, действовавший в Сталинске³. Однако хозорганы не всегда осуществляли ремонт и строительство жилфонда должным образом. Например, постановление бюро Новосибирского обкома ВКП(б) от 27 июля 1944 г. обязывало хозорганы завершить подготовку отделений лагеря № 199 к 1 августа 1944 года. Но в полной мере это не было сделано и к концу сентября. По состоянию на 12 августа 1946 г. требовалось немедленное строительство нового пищеблока, соответствовавшего численности контингента, для отделения № 4 лагеря № 511. Тем не менее, хозорган, на который возлагалась ответственность по выполнению этой работы, не взялся за нее даже к 16 октября 1946 года. Одной из основных причин возникновения проблемы с обеспечением лагерей жилфондом являлась нехватка у хозорганов стройматериалов⁴.

Участвовали хозорганы и в обеспечении лагерей продовольствием. Так, контингенту лагеря № 93 за счет хозорганов на производстве выдавалось дополнительное горячее питание. Обеспечивали им и военнопленных лагеря № 203, перевыполнявших трудовые нормы. Продукты, необходимые для этого, лагерь получал от хозоргана⁵. Хозорганы помогали лагерям в организации подсобного хозяйства, выделяя транспорт, инвентарь и сельскохозяйственные машины. Лагеря могли воспользоваться подсобным хозяйством и самих хозорганов⁶.

В ряде случаев хозорганы выделяли лагерям вольнонаемных работников. Например, постановление бюро Новосибирского обко-

¹ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 205. Л. 112; Оп. 2. Д. 3. Л. 61; Ф. Р-852. Оп. 2. Д. 3. Л. 139, 140; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 805. Л. 25, 26; РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 73. Л. 55; Д. 75. Л. 20, 27, 36 об.; Оп. 13а. Д. 12. Л. 22; Оп. 15а. Д. 170. Л. 12; Д. 352. Л. 12; Д. 353. Л. 10, 26 об.

² ГАКО. Ф. Р-852. Оп. 2. Д. 3. Л. 136 об.

³ ГАКО в г. Новокузнецке. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 24. Л. 203, 205, 205 об.

⁴ *Левобережье Новосибирска: Страницы истории.* Новосибирск, 1999. С. 191–192; РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 75. Л. 35 об., 37, 38, 40 об.; Оп. 15а. Д. 347. Л. 10, 78; Д. 354. Л. 2.

⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 75. Л. 41; Оп. 15а. Д. 109. Л. 19.

⁶ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 205. Л. 112; РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 73. Л. 126, 127; Д. 75. Л. 29 об., 37 об.; Оп. 13а. Д. 12. Л. 21.

ма ВКП(б) от 27 июля 1944 г. обязывало предприятия, получавшие пленных в качестве рабочей силы, выделить для создававшихся отделений лагеря № 199 необходимое количество вооруженно-вахтерской охраны. В распоряжение же лагерей № 503 и 525 трест «Кузбассшахтострой» к 30 мая 1945 г. передал 47 служащих и инженерно-технических работников. Кроме них, эти лагеря получили от треста еще 211 чел., многие из которых должны были войти в вахтерские команды ¹.

Как уже отмечалось, лагеря и лаготделения тоже имели определенные обязанности перед хозорганами. Важнейшая из них заключалась в выделении указанного в договоре количества рабочей силы. Более того, с основным хозорганом приходилось согласовывать выделение пленных и интернированных другим организациям. Например, в октябре 1946 г. отделение № 7 лагеря № 511 направляло часть своего контингента тресту № 15 именно с разрешения основного хозоргана – Алтайского тракторного завода ². В силу ряда обстоятельств лагеря не всегда могли в полной мере выполнить свои обязательства по выделению рабочей силы. Так, по данным на 20 августа 1946 г. ни одно отделение лагерей № 36 и 511 не выделяло хозорганам число людей, указанное в договорах, из-за отсутствия в лаготделениях необходимого количества контингента ³.

За предоставлявшуюся лагерями рабочую силу хозорганы должны были с ними рассчитываться. Данные расчеты оформлялись в виде начисления заработной платы пленным и интернированным. Однако зачастую они носили не денежный, а натуральный характер. Плата за труд пленных и интернированных зависела от объема выполнявшихся ими работ. Поэтому как лагеря, так и хозорганы стремились вести учет выполнения производственных заданий, чтобы не понести убытки при расчетах за рабочую силу. Однако лагеря не всегда могли получить от хозорганов сведения о масштабе осуществленных работ и проверить правильность начисления заработной платы. Например, лагерь № 199 не имел данных об общем объеме работ, выполненных для хозорганов за четвертый квартал 1944 г., так как основная часть рабочей силы выделялась военным заводам, подобную информацию не предоставлявшим ⁴. Лагерям тоже приходилось платить хозорганам, например, за использование транспорта, аренду их помещений, телефонную связь, электроэнергию ⁵.

¹ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 205. Л. 112; ГАНО. Ф. П.4. Оп. 33. Д. 805. Л. 26.

² РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 347. Л. 12.

³ Там же. Л. 67, 83.

⁴ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 3. Л. 61 об.; ГАКО в г. Новокузнецке. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 24. Л. 288 об.; Д. 26. Л. 8; Д. 30. Л. 150; ГАНО. Ф. Р-920. Оп. 1. Д. 564. Л. 32; Д. 565. Л. 37; Д. 568. Л. 77; РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 73. Л. 58; Оп. 13а. Д. 8. Л. 31; Д. 9. Л. 62.

⁵ ГАКО в г. Новокузнецке. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 24. Л. 360, 362; Д. 29. Л. 8, 11; ГАНО. Ф. Р-920. Оп. 1. Д. 565. Л. 35.

Хозорганы и лагеря часто имели задолженность друг перед другом. Особо острой проблемой оказались долги хозорганов перед лагерями. Например, к началу июня 1947 г. общая сумма их задолженности перед лагерями Кемеровской области составляла 3 639 тыс. руб., причем, согласно документам, средства для погашения долга у хозорганов отсутствовали ¹.

Лагеря военнопленных и интернированных и организации, получавшие от данных лагерей рабочую силу, друг другу не подчинялись и формально выступали как равноправные стороны, заключавшие между собой договоры. Это должно было способствовать тому, чтобы при использовании труда лагерного контингента учитывались ведомственные интересы обеих сторон. Однако слабость надведомственных регуляторов порождала неорганизованность при решении ряда вопросов и конфликты между поставщиками и получателями рабочей силы. В первые годы деятельности лагерей данные проблемы заметно усугублялись объективными сложностями военного и послевоенного времени.

Несмотря на формальное равноправие лагерей и хозорганов, на последние по сравнению с лагерями возлагались обязанности более обременительные и более подробно прописывавшиеся в тексте договора. Такое положение обуславливалось тем, что хозорганы, возникшие в большинстве своем раньше лагерей, обладали гораздо лучшей материальной базой, значительно лучше обеспечивались кадрами и были экономически устойчивее лагерей. Лагеря же без серьезной поддержки со стороны хозорганов не могли обеспечить должное содержание пленных и интернированных.

¹ ГАКО в г. Новокузнецке. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 18. Л. 32; Д. 24. Л. 132, 188, 360, 362; ГАНУ. Ф. Р-920. Оп. 1. Д. 558. Л. 95, 98, 100; Д. 565. Л. 35, 37; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 170. Л. 26; Д. 347. Л. 68, 84; Оп. 17а. Д. 5. Л. 135 об.

Отечественная история второй половины XX – начала XXI в.

Е.В. Совлук

Об историографии проблемы использования труда научно-технической интеллигенции горно-геологической отрасли в Центральной Сибири в 1945–1954 гг.

Период послевоенного восстановления является одним из важнейших в социально-экономической истории СССР. В это время в авангарде развития находятся несколько сибирских территорий. В их числе и Красноярский край, республики Хакасия и Тува (сегодня часто именуемые Центральной Сибирью). Однако исследователей больше интересовало экономическое развитие этого макрорегиона. Социальная сфера их интересовала в меньшей степени. Поэтому в истории отдельных отраслей народного хозяйства остаются некоторые неизученные аспекты. В частности, весьма актуальным является изучение проблемы использования труда научно-технической интеллигенции в горно-геологической отрасли Центральной Сибири в 1945–1954 годах.

В развитии данной сферы хозяйственной деятельности в Приенисейских регионах можно выделить два этапа. В 1945–1949 гг. горно-геологической службой производилась перепроверка заявок краеведов-старателей, сделанных в предыдущие годы. 1949–1954 гг. – время существования Главного управления «Енисейстрой» МВД СССР, объединившего под своим руководством все горно-геологические изыскания и работы в Красноярском крае, республиках Хакасия и Тува, а также в соседних регионах.

Историки, работавшие над проблемами науки и интеллигенции послевоенного десятилетия, часто были детьми той эпохи, а иногда и ее активными деятелями. В их работах научно-техническая интеллигенция приравнивалась как к инженерам с дореволюционной подготовкой, так и к «бурспецам», которых советская власть была вынуждена использовать для руководства техническими процессами производства. Такая ситуация объясняется тем, что старшие представители интеллигенции, работавшие в 1945–1954 гг., учились и получали первоначальный практический опыт по специальности еще до 1917 года.

Основными вопросами, рассматриваемыми советскими исследователями истории научной и производственно-технической интеллигенции Сибири 1945–1954 гг., стали следующие: увеличение количества ее представителей, прогрессивные качественные изменения состава, а также распространение влияния научно-академических учреждений на местах и закрепление специалистов высшей квалификации в регионах.

В 1960 г. вышла работа П.А. Зайченко «Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского

университета за 75 лет (1880–1955 гг.)»¹. В данной работе собраны и обработаны на высоком уровне данные архива описываемого университета о научных школах, в том числе геологических, личном вкладе их руководителей. Кроме того, автором проанализированы количественные данные о защитах кандидатских и докторских диссертаций.

К одинаковым выводам пришли отечественные историки доперестроечного и перестроечного поколений: Е.В. Чуткерашвили², К.Т. Галкин³, и В.Л. Соскин, Л.И. Пыстина⁴. Они сравнивали численность педагогической интеллигенции и студентов вузов довоенного и послевоенного периодов. Ими также прослеживается возрастающая в 1945–1956 гг. количественная динамика учащихся студентов вузов и техникумов. Контингент инженерно-технических кадров, соответствующий числу вновь подготовленных молодых специалистов, увеличился примерно в 2,5 раза в центральных областях Советского Союза. В восточных районах цифры роста были значительно больше. Кроме того, начавшаяся в конце Великой Отечественной войны эвакуация из восточных регионов в связи с освобождением от врага западных территорий и демилитаризацией экономики страны превысила ожидавшие руководством результаты. Этим объясняется, что восточные районы, несмотря на отсутствие военных разрушений, гораздо в большей степени нуждались в специалистах. И особенно тогда, когда эти регионы снова стали приоритетными в плане промышленного развития. Несмотря на эвакуацию военных лет, квалифицированных специалистов любых специальностей, в том числе ученых, в Сибири и на Дальнем Востоке было очень мало.

Следует отметить, что в исследованиях большинства историков высококвалифицированным специалистам первичного сырьевого звена – геологам, геофизикам, гидрогеологам, горнякам – внимание зачастую не уделяется. В связи с этим представители геологического корпуса советской науки оказались в двоякой ситуации. О них как о личностях писали и говорили очень мало, а их профессию и образ жизни популяризировали и романтизировали как в 1950-х, так и в конце 1980-х годов⁵.

После победы в Великой Отечественной войне произошла реконверсия производства на выпуск товаров мирного времени. Более медленными темпами велась эвакуация из восточных регионов страны предпри-

¹ *Зайченко П.А.* Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960.

² *Чуткерашвили Е.В.* Кадры для науки (Специалисты высшей квалификации в СССР и в капиталистических странах). М., 1968.

³ *Галкин К.Т.* Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. Автореф. дисс. ... д-ра педагогических наук. М., 1961.

⁴ *Интеллигенция восточных регионов России в первой половине XX века: сборник научных трудов.* Новосибирск, 2011.

⁵ *Крыштановская О.В.* Инженеры: становление и развитие профессиональной группы. М., 1989. С. 92–93.

ятий и их обслуживающих кадров на довоенное место пребывания. При этом одновременно мир вступил в новое противостояние двух систем – советской и американской. Одной из отправных точек «холодной войны» стал резко ускорившийся технико-технологический прогресс, приведший к научно-технической революции. Советское руководство не желало уступать в новой войне после победы в 1945 году. Вследствие этого нельзя было сокращать в Центрально-Сибирских и Среднеазиатских регионах экономическую деятельность, осуществленную в военные годы. План послевоенной пятилетки (1946–1950 гг.) включал в себя не только программу по восстановлению регионов, опаленных войной, но и завершение строительства хозяйственных комплексов, работавших по перспективным направлениям¹.

В послевоенное десятилетие для создания опорных высокотехнологичных научно-промышленных комплексов нужно было сырье. Найти его как можно ближе к предполагаемому месту их размещения должна была геология. Поэтому геология целого региона, находящегося на равном удалении от западной и восточной государственных границ, стала развиваться ударными темпами. Искать полезные ископаемые и ставить их на баланс государства как разведанные возможно было, по мнению руководства СССР, только полувоенными методами. В связи с этим было создано Главное Управление «Енисейстрой» МВД СССР, на которое возлагались основные геологоразведочные работы.

Исследователь Р.Н. Парамонова отмечала факт создания пяти крупных технических и проектных бюро в ноябре 1949 году². В эту последнюю волну репрессий государство уже системно и целенаправленно формировало крупные научные центры в системе ГУЛАГ. В ее рамках специалисты высочайшего уровня трудились по своей профессии, являясь заключенными. В СССР этим людям давали тюремные сроки, осуждали как «врагов народа». Высшее руководство страны считало, что интеллигенты, поддерживая свои этико-просветительские традиции, продолжают работать в интересах Родины. Данная установка, прежде всего, распространялась на работников ОКБ, СКБ, СТБ, ОТБ, не содержащихся в лагерях общего режима. Однажды беседуя с лагерным начальством, В.М. Молотов заметил: «Обеспечивайте их самыми лучшими условиями, кормите пирожными, всем, чем только можно, больше чем кому бы то ни было, но не выпускайте! Пускай работают, конструируют нужные стране военные вещи. Это нужнейшие люди. Не пропагандой, а своим личным влиянием они опасны»³.

Кроме заключенных «спецов» в лагерной экономике применялся труд вольнонаемных сотрудников. Число свободных работников спецпредприятий

¹ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. (от 18 марта 1946 г.). [Электронный ресурс] Режим доступа от 29.04.2014: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=27362>

² Парамонова Р.Н. Политические репрессии первой половины XX века в судьбах технической интеллигенции России, 2009. С.185–187.

³ ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М.; Франкфурт/Майн, 1999. С. 36.

не уступало тем, кто не только работал, но и жил на территории зоны. Однако в основном к категории вольнонаемных относились инженерно-технические работники среднего звена: техники, лаборанты, чертежники и т.п. Если в центральных районах СССР большинство ИТР имели высшее образование, то в восточных районах страны ситуация была противоположной. Не все вольнонаемные сотрудники, даже работавшие совместно с заключенными специалистами над проектами спецтехбюро, считали их тюрьмой, так как условия жизни и труда часто являлись одинаковыми для обеих категорий работников.

Только впервые годы XXI в. увидела свет книга о И.В. Лучицком (и его отце), который основную часть своих научных исследований проводил в Сибири и Дальнем Востоке¹. Авторами этих работ стали потомки данных геологов. В них использованы материалы личного характера (дневниковые записи, образчики деловой и частной переписки, фотографии), архивные данные, воспоминания и мемуары родных, студентов, коллег.

Во второй половине 1990-х годов увидела свет монография справочного характера по истории Геологического управления Красноярского края², написанная коллективом авторов, в который сходили В.Н. Марков, В.А. Неволин, Б.П. Чесноков и другие.

В это же время вышли некоторые работы об истории отдельных рудников Сибири, например, «Трудный путь к железу Ирбы»³. В книге освещается история данного железорудного рудника с того времени, когда он был ещё копиями, и до 1990-х годов. В ней также фрагментарно показан вклад геологов, инженеров горного дела и специалистов смежных профессий в исследование Ирбинского месторождения.

История поисков тория на границе Красноярского края и Иркутской области рассматривается в книге «Таракские россыпи: посёлок Таежный в атомном проекте СССР»⁴. В ней содержится небольшой аналитический материал, историческая хроника горно-геологических работ в поселке Таежный Иркутской области, воспоминания, фотографии из семейных архивов.

История существования ОТБ-1 описана также и в юбилейном издании организации СибцветметНИИпроект. Авторами данного труда была предпринята попытка учесть каждого сотрудника, работавшего в научно-исследовательском институте. Однако часть инженеров так и не обрели на страницах книги полные имена, отчества и фамилии. В издании они упомянуты так, как их называли в жизни коллеги или в официальных документах, сохранившихся в архивах⁵.

¹ Кренделев Ф.П., Лучицкая А.И. Игорь Владимирович Лучицкий. М., 2004.

² Неволин В.А. Геологоразведчики Центральной Сибири. М., 1997.

³ Посохов В.Т. Трудный путь к железу Ирбы. Красноярск, 1999.

⁴ Волобуев Г.Т. Таракские россыпи: посёлок Таежный в Атомном проекте СССР. Красноярск, 2011.

⁵ Устремленный в будущее: 60-летию ОАО "СИБЦВЕТМЕТНИИПРОЕКТ". Красноярск, 2009.

Отдельные геологические экспедиции издают свои юбилейные сборники воспоминаний, в которых опубликованы отдельные данные о судьбах сотрудников, факты о взаимодействии между отделениями ГУ «Енисейстрой» МВД СССР¹.

Сегодня существуют также не изданные рукописи исследований по истории отдельных эпизодов геологического изучения Красноярского края, Хакассии и Тувы. Одной из них является книга О.Г. Грека «Жестокий уран». Несколько ее глав опубликованы на сайте Красноярского отделения общественной организации «Мемориал»². Данная работа является журналистско-историческим расследованием состояния дел в красноярской геологии в 1945–1954 годах. В частности, в ней показана основа «Красноярского дела геологов» 1949 года. Данный эпизод описан А.М. Блохом в монографии 2001 г. «Советский Союз в интерьере нобелевских премий: Факты. Документы. Размышления. Комментарии»³. О ключевом артефакте этой истории, «образце № 23», в своих интервью говорил также директор музея геологии Центральной Сибири В.И. Совлук. Данной теме посвящены два фильма об истории геологического изучения Красноярского края в послевоенный период⁴.

В сборниках, опубликованных по результатам конференций, семинаров и круглых столов, в том числе посвященных истории советской горно-геологической службы, содержатся материалы и с более подробной и пространной информацией о послевоенном периоде. Однако ее редко можно отнести к научным исследованиям. В данном случае речь идет о публикации дневников и воспоминаний самих высококвалифицированных горняков, геофизиков, геологов или обработке таких документов.

Стоит отметить, что в интеллигентоведении Сибири до сих пор существует проблема недостатка статистических данных по отдельным аспектам рассматриваемой темы. С учетом засекреченной в Советском Союзе информации о ГУЛАГе лишь в некоторых обобщающих исследованиях, изданных не ранее 1985 г., можно найти более или менее точные сведения. Например, В.А. Шестаков пишет о количестве советских инженеров и рабочих в 1950 г. в СССР и приводит данные о том, на сколько масштабы подготовки техников в стране превышали выпуск инженеров с высшим образованием.

Основным вопросом, занимающим центральное место в исследованиях по истории научно-технической интеллигенции горно-геологической отрасли, является отличие инженерно-технических работников от научно-технической интеллигенции. ИТР, прежде всего, способствуют

¹ *Выверен старый компас*. Сборник. Минусинск, 2012.

² Грек О. Жестокий уран (фрагменты из книги). [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/200402.htm> (Дата обращения: 29.04.2014)

³ Блох А. Советский Союз в интерьере Нобелевских премий. СПб, 2001.

⁴ *Охотники за ураном*. Красноярское дело геологов: докум. фильм./ВГТРК: Россия-1. Режим доступа: http://russia.tv/video/show/brand_id/57898/episode_id/987511 (Дата обращения: 29.04. 2014)

получению научного или научно-технического результата или его реализации, научно-техническая интеллигенция его получает непосредственно. В работе ИТР элемент творчества часто не присутствует. Для ученого творчество является обязательной составляющей его рабочего процесса. Кроме того, обычно рядовой ИТР выполняет какую-то одну функцию в научном проекте. Деятельность же высококвалифицированного инженера является всеобъемлющей и играет роль связующего звена между наукой, техникой и культурой¹. В советский период было трудно найти достаточное количество специалистов для замещения всех трех ниш, особенно на ударных стройках. По этой причине возникало совмещение различных направлений деятельности.

В целом в отечественной исторической наукой сформулировано определение научно-технической интеллигенции², рассмотрены отдельные этапы ее развития в послевоенные десятилетия. Однако работа и жизнь ученых горно-геологической отрасли, особенно исследовавших сибирские недра, остаются не достаточно изученными аспектами ее истории.

¹ *Никитина С.Б.* Формирование научно-технической интеллигенции. // *Власть.* 2009. № 4. С. 63.

² *Гусарова М.Н.* Формирование научно-технической интеллигенции в Российской Федерации: преемственность отечественного опыта и новые тенденции. 1991–2010 годы. М., 2010.

В.Б. Лапердин **Демографический потенциал Кузбасса в послевоенные годы** **(1946–1950 гг.)¹**

Во второй половине 1940-х годов происходило восстановление подорванной во время Великой Отечественной войны экономики Советского Союза. Этому препятствовали огромные демографические потери периода войны, вызвавшие сокращение трудовых ресурсов. Целью данного исследования является выявление особенностей развития населения Кемеровской области, в частности, факторов, оказывавших влияние на её демографический потенциал. При этом под демографическим потенциалом подразумевается возможность количественного роста населения, обусловленная его естественным и механическим приростом.

Хронологические рамки исследования охватывают первое послевоенное пятилетие (1946–1950 гг.). Для решения поставленной задачи необходимо сравнение демографических процессов, протекавших в Кемеровской области и в других областях Западной Сибири. Поэтому территориальные рамки исследования охватывают Западно-Сибирский регион в современных административно-территориальных границах, включающих Алтайский край, Республику Алтай, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую и Томскую области.

Региональная специфика Сибири в демографической истории страны отражена в работах В.А. Исупова². Показаны последствия Великой Отечественной войны и период их преодоления, становление нового типа смертности и снижение рождаемости, обусловленное как катастрофой военных лет, так и естественным процессом демографического перехода.

Население Сибири являлось объектом исследований Н.Я. Гущина³. Первое послевоенное пятилетие в его работах включено в более обширный период, заканчивающийся в 1959 г., и рассматривается обзорно. Тем не менее, им верно определены основные тенденции демографического развития: компенсаторный период рождаемости, снижение смертности после голода 1947 г., значительный половозрастной дисбаланс и т.д. Основ-

Лапердин Вячеслав Борисович, м.н.с. Института истории СО РАН.
Эл. почта: laperdin2011@mail.ru

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-00068).

² Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991.

³ Гушин Н.Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995; Он же. Население Новосибирской области в 1937–1993 гг.: этапы, тенденции и детерминанты изменения численности // Страницы истории Новосибирской области. Люди, события, культура. М., 1995; Он же. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997.

ное значение для демографической истории страны данного времени – преодоление последствий военной катастрофы.

Развитию сельского населения Западной Сибири посвящены работы Т.М. Бадалян¹. Автор приходит к выводу о том, что Великая Отечественная война негативно отразилась на половозрастной структуре сибиряков. Наблюдалось нарушение равновесия полов и провалы в возрастной пирамиде в трудоспособных возрастах, а также среди детей. Однако демографические процессы в послевоенные годы носили компенсаторный характер. Высокие показатели воспроизводства населения обуславливали возобновление поколений западносибирского села. В послевоенные годы в сибирской деревне происходило развитие модернизационных процессов, что отразилось на составе семьи, показателях рождаемости и смертности.

Население Кемеровской области изучалось К.А. Заболотской, Н.М. Сергеевым, Е.П. Добрыгиной, З.В. Боровиковой². Авторами отмечаются основные тенденции демографического развития области: компенсаторный рост рождаемости, увеличение смертности вследствие голода 1946–1947 годы. При этом происходил заметный рост числа жителей городских поселений и замедление темпов развития сельского населения. Половозрастная структура населения Кузбасса была не столь сильно деформирована, как в целом по РСФСР, хотя последствия войны отразились на ней отрицательно. В целом тенденции воспроизводства населения соответствова-

¹ *Бадалян Т.М.* Демографические процессы в Новосибирской области (1946–1960 гг.) // Страницы истории Новосибирской области. Люди, события, культура. М., 1995; *Бадалян Т.М. Карпунина И.Б.* Семейно-брачная структура сельского населения Западной Сибири (вторая половина 40-х – начало 90-х годов) // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2; *Бадалян Т.М.* Сельское население Западной Сибири в 1945–1960 гг.: историография проблемы // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия. Тюмень, 2000.

² *Заболотская К.А.* Формирование и развитие населения Кемеровской области (1943–2003 гг.): тенденции и перспективы // Кемеровской области 60 лет. Мат-лы Всероссийской научной конференции, посвящённой 60-летию Кемеровской области. Кемерово, 2003; *Сергеева Н.М.* Кузбасс в 1940-е годы. Демографические проблемы послевоенного общества // Кемеровской области 60 лет. Мат-лы Всероссийской научной конференции, посвящённой 60-летию Кемеровской области. Кемерово, 2003; *Добрыгина Е.П.* Основные тенденции демографического развития сельских районов Кемеровской области в 1943–1959 гг. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2006; *Боровикова З.В.* Смертность населения в Кузбассе во второй половине 1940-х – 1950-е годы // Сборник трудов студентов и молодых ученых кемеровского государственного университета, посвящённый 50-летию Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2004. Вып. 5; *Она же.* Состав населения Кемеровской области по полу и возрасту во второй половине 1940-х – 1950-е годы // Сборник трудов студентов и молодых ученых Кемеровского государственного университета, посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Кемерово, 2005. Вып. 6. Т. 1.

ли общерегиональным: происходил компенсаторный рост рождаемости и увеличение смертности, связанное с кризисом 1946–1947 годов.

Во второй половине 1940-х годов в Советском Союзе, как и в других воевавших странах, наблюдался рост рождаемости, значительно увеличившейся по сравнению с военным периодом и получивший название компенсаторной волны рождаемости. Её пик пришелся на 1949 г., после чего наступил спад (табл. 1). Уже в начале 1950-х годов компенсаторный рост иссяк.

Таблица 1*

Динамика рождаемости населения СССР, РСФСР и Западной Сибири
(число родившихся на 1000 человек населения)

Годы	СССР	РСФСР	Западная Сибирь		
			Всё население	Городские поселения	Сельская местность
1946	28,5	26,0	26,6	27,7	25,7
1947	29,6	27,5	31,2	30,2	32,0
1948	26,4	25,2	29,3	26,5	31,6
1949	31,0	30,5	33,4	30,7	35,7
1950	28,8	27,8	32,8	29,6	35,6

* Составлена по: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 71. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959 гг. М., 1998. [Эл. ресурс]. Режим доступа: www.demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html (дата обращения: 26.07.2014); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49, 50, 106, 107, 150–152, 194, 195; Д. 696. Л. 52, 53, 110, 111, 157–159, 198, 199; Д. 758. Л. 18, 40, 58–59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58–59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60–61, 77; ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 10, 30; Д. 7406 А. Л. 8; Д. 7412 А. Л. 15 а.; Д. 7429. Л. 91, 99; Д. 7430. Л. 3, 28, 70; Д. 7448. Л. 39, 52, 81. Д. 7464. Л. 45, 89, 115.

Показатели рождаемости в СССР не достигли довоенного уровня. Это было вызвано огромными демографическими потерями, которые понесла страна во время войны и значительным половозрастным дисбалансом, наиболее остро проявившимся в брачных возрастах. Так, в 1939 г. в Советском Союзе на 1000 человек населения было рождено 40 детей¹, в РСФСР – 39,8². В этом же году на территории Сибири (в том числе Восточной) рождаемость в городах составляла 41,8 ‰, а в сельской местности – 42,7 ‰³.

¹ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 120.

² Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959 гг. М., 1998. // Демоскоп weekly [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html (дата обращения: 26.07.2014)

³ Исулов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск. 1991. С. 152.

В послевоенные годы показатели рождаемости не были одинаковыми в различных регионах страны. В ряде областей Дальнего Востока она оказалась выше довоенного уровня¹. В Западной Сибири снижение рождаемости соответствовало общесоюзным тенденциям. Это не исключало наличия региональных особенностей. В Кузбассе рождаемость как в городских поселениях, так и в сельской местности превосходила уровень соседних областей (табл. 2). В 1949–1950 гг., когда компенсаторный рост достиг максимального значения, показатели рождаемости в Кузбассе превышали её уровень в других регионах Западной Сибири в среднем на 20–25 %, или на 5–10 ‰. Данное явление было нетипичным для региональных демографических процессов и указывает на специфическое положение Кемеровской области.

Таблица 2

Рождаемость населения территорий Западной Сибири в 1946–1950 гг. (число родившихся на 1000 человек населения)*.

Городские поселения					
Годы	Алтайский край	Кемеровская обл.	Новосибирская обл.	Омская обл.	Томская обл.
1946	23,6	30,0	28,4	26,8	23,5
1947	29,4	33,3	28,5	28,6	26,2
1948	25,7	30,3	25,3	21,7	23,4
1949	25,4	37,1	29,8	24,9	25,9
1950	25,0	36,5	27,5	23,5	24,1
Сельская местность					
Годы	Алтайский край	Кемеровская обл.	Новосибирская обл.	Омская обл.	Томская обл.
1946	24,6	26,6	27,6	26,8	21,1
1947	32,0	31,0	32,0	34,5	27,7
1948	34,0	32,0	30,2	29,3	32,2
1949	34,0	41,7	35,5	35,0	35,0
1950	35,6	40,6	35,8	32,2	33,9

* Составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49, 50, 106, 107, 150–152, 194, 195; Д. 696. Л. 52, 53, 110, 111, 157–159, 198, 199; Д. 758. Л. 18, 40, 58–59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58–59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60–61, 77; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 10, 30; Д. 7406 А. Л. 8; Д. 7412 А. Л. 15 а.; Д. 7429. Л. 91, 99; Д. 7430 Л. 3, 28, 70; Д. 7448 Л. 39, 52, 81. Д. 7464 Л. 45, 89, 115.

Основной причиной более высокой рождаемости в Кузбассе являлся меньший по сравнению с другими регионами и страной в целом половозрастной дисбаланс. В 1947 г. в СССР в возрастной группе населения

¹ Мир после войны: дальневосточное общество в 1945 – 1950-е гг. Владивосток, 2009. С. 126.

от 20 до 49 лет мужчины составляли 39,8 %, в РСФСР – 38,7 %¹. В городах Новосибирской области данный показатель составлял 37,0 %, в сельской местности – 32,0 %². В городах Кузбасса доля мужчин достигла 44,0 %, в сельской местности – 36,0 %³. Такая ситуация сложилась по причине меньших демографических потерь, которые понесла Кемеровская область во время войны. Нормальное функционирование предприятий угольной и металлургической промышленности требовало сохранения мужчин на рабочих местах, где их не могли заменить женщины и подростки. Это касалось и других крупных промышленных объектов. Городские рабочие легче получали бронь от призыва, поэтому в армию шли в первую очередь жители деревни. В высокоурбанизированной Кемеровской области большая часть населения проживала в городах, и призыв в армию в меньшей степени затронул брачные возрасты.

Влияние промышленного развития Кузбасса на половозрастную структуру населения сохранялось и в послевоенные годы. Во второй половине 1940-х гг. основную долю мигрантов в стране составляли женщины, что обуславливалось их большей численностью. В 1946–1950 гг. в городах Сибири 48,4 % прибывших составляли мужчины, среди выбывших их было 44,6 % (при этом учитывается и Восточная Сибирь, хотя в указанные годы существенной разницы в половом составе мигрантов этих двух регионов не наблюдалось)⁴. Между тем, в 1946 г. среди прибывших в города Кузбасса мужчины составляли 59,1 %, в 1947 г. – 52,3 %, в 1948 г. – 55,7 %, в 1949 г. – 56,8 %, в 1950 г. – 54,9 %⁵. Среди выбывших мужчин было меньше, что способствовало улучшению демографической структуры населения Кемеровской области. Необходимость развития угледобывающего и металлургического производства обусловила повышенный по сравнению с соседними областями Западной Сибири удельный вес мужчин в составе мигрантов.

¹ Подсчитано по: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 126; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959 гг. М., 1998. // Демоскоп weekly [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html (дата обращения: 26.07.2014)

² Подсчитано по: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2140 Л. 1 – 29 об.; Д. 7429. Л. 70; Д. 7412 А. Л. 3, 9; Д. 7429. Л. 54, 70.

³ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 114. Л. 3.

⁴ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск. 1991. С. 222.

⁵ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 52 Л. 96 – 96 об.; Д. 114 Л. 122 – 122 об.; Д. 115. Л. 204 – 204 об.; Д. 116. Л. 217 – 217 об.; Д. 117. Л. 180 – 180 об.

Таблица 3

Естественный прирост населения регионов Западной Сибири
в 1946–1950 гг. * (‰)

Городские поселения						
Годы	Все городские поселения	Алтайский край	Кемеровская обл.	Новосибирская обл.	Омская обл.	Томская обл.
1946	16,4	13,6	19,5	16,5	14,5	9,5
1947	14,6	15,7	17,3	12,3	13,4	9,8
1948	13,3	13,6	15,8	12,4	9,1	10,7
1949	19,5	15,2	24,8	18,5	15,1	14,7
1950	18,5	15,1	23,9	16,9	14,0	12,8
Сельская местность						
Годы	Вся сельская местность	Алтайский край	Кемеровская обл.	Новосибирская обл.	Омская обл.	Томская обл.
1946	16,1	15,2	17,7	17,7	16,9	11,6
1947	19,1	19,0	18,2	18,5	22,4	15,2
1948	19,4	22,0	20,1	17,6	16,8	20,0
1949	24,0	23,2	28,7	23,2	23,5	22,7
1950	23,0	23,2	27,5	22,7	19,8	22,0

* Составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49, 50, 106, 107, 150–152, 195; 194. Д. 696. Л. 52, 53, 110, 111, 157–159, 198, 199; Д. 758. Л. 18, 40, 58–59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58–59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60–61, 77; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 10–10 об., 30–30 об.; Д. 7406 А. Л. 8–8 об.; Д. 7412 А. Л. 15 а – 15 а об.; Д. 7429 Л. 91–91 об., 99–99 об.; Д. 7430. Л. 3–3 об., 28–28 об., 70–70 об.; Д. 7448. Л. 39–39 об., 52–52 об., 81–81 об.; Д. 7464. Л. 45–45 об., 89–89 об., 115–115 об.

Во второй половине 1940-х годов невысокая по сравнению с довоенными годами рождаемость обусловила снижение естественного прироста населения. По причине массовой гибели мужчин во время войны большое количество семей оказалось разрушено, в то же время девушки не могли найти брачных партнеров, так как многие их сверстники погибли на фронте. Репродуктивный потенциал населения полностью не использовался. Наибольшие показатели естественного прироста наблюдались в тех регионах Западной Сибири, где рождаемость оказалась выше (табл. 3). В первую очередь, на территории Кузбасса, где, как и рождаемость, его уровень на 5,0–10,0 ‰ превышал показатели соседних областей. Сравнивая представленные в таблице данные, можно сделать вывод о том, что в городских поселениях эта разница оказалась ярче выражена, так как именно в города, а не в сельскую местность Кемеровской области направлялись мигранты, и здесь удельный вес мужчин был выше.

Таким образом, основной вектор демографического развития Кемеровской области определялся происходившими в Западной Сибири процессами. Половозрастной дисбаланс, являвшийся следствием потерь периода Великой Отечественной войны, и сокращения трудоспособной части населения негативно отразились на развитии производственных сил региона. Тем не менее, на территории Кемеровской области сложилась более благоприятная ситуация по сравнению с другими областями Западной Сибири. Половозрастной дисбаланс оказался не столь ярко выражен по причине меньших военных потерь. Кроме того, на структуру населения положительно воздействовал миграционный приток в города Кузбасса. Основная причина этих особенностей – наличие развитых угледобывающего и металлургического комплексов. Данный фактор определил большой демографический потенциал Кемеровской области в сравнении с другими частями региона. Это выразилось в увеличении рождаемости и высоких показателях естественного прироста населения, что повлияло в долгосрочной перспективе на развитие мощнейшего промышленного комплекса за Уралом.

С.Н. Андреенков**Планы переустройства организационно-хозяйственной структуры аграрного сектора советской экономики в 1950-е гг.***

Значимость поставленной проблемы определяется устойчивым интересом историков-исследователей к теории и практике аграрных преобразований в России. Поучительный и, к сожалению, в полной мере не учтённый в последующем опыт аграрных реформ был получен в годы правления Н.С. Хрущёва. Одним из важнейших направлений его управленческой деятельности стала перестройка организационно-хозяйственной структуры аграрного сектора экономики, включавшая укрупнение колхозов, преобразование их в совхозы, реорганизацию машинно-тракторных станций (МТС), кампанию по ограничению личных подсобных хозяйств (ЛПХ).

В научно-исторической литературе второй половины 1960-х – первой половины 1980-х годов эти, как и многие другие аграрные мероприятия, непосредственно с именем Н.С. Хрущёва не связывались и рассматривались как действия партии и правительства по развитию аграрного строя страны. Считалось, что в 1917–1937 гг. была создана организационно-хозяйственная основа социалистических отношений в деревне, в 1938–1958 гг. они усиливались и развивались, в 1959–1975 гг. село вступило в стадию развитого социализма, который в дальнейшем укреплялся¹. Имя Н.С. Хрущёва упоминалось в основном тогда, когда речь шла об ошибках, допущенных при движении по этому пути. Советские авторы выделяли отрезок времени с 1953 по 1958 гг., в рамках которого правительство СССР для ускорения темпов развития сельского хозяйства стало использовать в целом не противоречившие доктрине принципы материальной заинтересованности и самостоятельности хозяйств. Но из-за волюнтаризма Н.С. Хрущёва эти социалистические приёмы хозяйствования полностью не соблюдались.

Историки из эпохи перестройки и многие современные авторы уделяли данному сюжету особое внимание. Ставку на материальную заинтересованность и самостоятельность хозяйств, сделанную в 1953 года Г.М. Маленковым, многие из них интерпретировали как начало реализации альтернативного варианта развития аграрного строя страны, предполагавшего использование малых организационных форм

Андреенков Сергей Николаевич, к.и.н., с.н.с. Института истории СО РАН.
Эл. почта: andreenkov_sn@mail.ru

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 13-31-01215a2)

¹ *Историография* крестьянства советской Сибири. Новосибирск, 1976; *Крестьянство Сибири* в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983; *Крестьянство Сибири* в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985.

и рыночных отношений¹. С этой точки зрения, Н.С. Хрущёв в лучшем случае выступал как консервативный реформатор. По мнению И.Е. Зеленина, укрупнение колхозов, «совхозизация», гонения на ЛПХ реформами не являлись, а были всего лишь продолжением строительства колхозно-совхозной системы в её ленинско-сталинской интерпретации. Настоящими реформами, по мнению автора, следует считать те меры, которые имели явную антитоталитарную направленность. Среди них И.Е. Зеленин выделяет реорганизацию МТС².

Но в настоящее время существуют и другие оценки хрущёвской аграрной политики. Так, В.А. Шестаков считает, что в ней наряду с идеологией было и немало прагматики. «Хрущёв, – пишет автор, – не затрагивая идеологические структуры (не реформируя или не касаясь вообще), смог в значительной степени понизить ценность идеологии как самоцели, предприняв попытку заставить служить идеологию прагматическим жизненным задачам в виде простого мобилизующего средства»³. Согласно этой логике ставка Н.С. Хрущёва на развитие крупных организационных форм в сельском хозяйстве и на централизацию управления была связана со стремлением сохранить высокий мобилизационный потенциал хозяйственной системы, который был необходим в условиях «холодной войны».

При анализе аграрных преобразований Н.С. Хрущёва целесообразно было бы отталкиваться от выводов о сущности сталинского аграрного социализма. К числу современных авторов, преуспевших в исследовании этой темы, можно отнести В.А. Ильиных. По его мнению, созданный в 1930-е годы колхозный строй существенно отличался от той колхозно-совхозной системы, которая была предметом мечтаний марксистских теоретиков и практиков 1920-х годов. Для И.В. Сталина образцовые в ходе массовой коллективизации производственные формы и отношения, которые можно условно обозначить как «агроулаг», являлись наиболее подходящей и единственно возможной организационно-хозяйственной моделью. И благодаря ей верховная власть могла реализовать ряд важных общегосударственных целей. Но в целом из-за принудительного характера труда колхозная система отличалась низким уровнем производительности⁴. Отталкиваясь от этих положений, мы формулируем следующую концепцию.

Аграрные преобразования 1950-х годов были вызваны к жизни необходимостью ускорения темпов развития сельского хозяйства, замедлившихся в начале десятилетия. У унаследовавших сталинскую власть функционеров было три пути решения этой задачи. Первый предусмат-

¹ См. напр.: *Жуков Ю.Н.* Тайны кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000.

² *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущёва и сельское хозяйство. М., 2001.

³ *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х гг. М., 2006. С. 246.

⁴ *Ильиных В.А.* Коллективизация деревни: проекты и реальность // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 27–33.

ривал проведение «косметического ремонта» существующего аграрного строя, то есть устранение его наиболее одиозных черт – репрессий, непосильных налогов, ограничения хозяйственной свободы и роста доходов колхозов и колхозников. Но все несущие конструкции системы – колхозы как доминирующая организационная форма, натуральные способы взаиморасчётов, машинно-тракторные станции, личные подсобные хозяйства – должны были сохраниться. Данный курс проявлялся в аграрной политике в конце 1953–1955 гг. и был связан с именем Г.М. Маленкова. По существу, эти шаги являлись лишь неглубокой корректировкой действовавшей модели аграрных отношений. Второй и третий пути имели очевидный реформаторский характер, поскольку предусматривали существенную трансформацию сложившегося при И.В. Сталине колхозного строя. Подобного рода меры предлагали Н.С. Хрущёв и экономист В.Г. Венжер.

Н.С. Хрущёв в первые два года после смерти И.В. Сталина поддерживал линию Г.М. Маленкова и во многом соглашался с В.Г. Венжером. Но у него было и своё представление о прошлом, настоящем и будущем аграрного строя СССР. Н.С. Хрущёв выступал за продолжение строительства социалистических отношений в деревне, начатое в 1920-е годы. Идеальной производственной формой в сельском хозяйстве должны быть крупные общественные (или фактически государственные) высокоотоварные сельхозпредприятия индустриального типа, своеобразные фабрики по производству продуктов питания и сырья. Ближе всего к ним стояли совхозы, на которые планировалось делать ставку. Колхозы рассматривались всего лишь как предшественники совхозов. Задача состояла в том, чтобы упразднить то, что осталось от традиционного крестьянского уклада, а именно личные подсобные хозяйства населения, а также трансформировать колхозы в совхозы.

По мнению Н.С. Хрущёва, созданная И.В. Сталиным модель аграрных отношений с её драконовскими чертами противоречила первоначальному замыслу. Такие особенности аграрной политики позднего сталинизма, как скептическое отношение к совхозам, выдвижение на первый план колхозов, функционирование МТС и сохранение ЛПХ Н.С. Хрущёв считал отступлением от марксистских канонов. Ещё в 1950 г. он выступил с инициативой начать массовое укрупнение колхозов для приближения их к общенародной собственности. И.В. Сталин тогда поддержал этот проект. Но предложения Н.С. Хрущёва об ограничении размеров ЛПХ и создании агрогородов – посёлков с развитой социально-бытовой инфраструктурой при укрупнённых колхозах – были генсеком жёстко раскритикованы.

Набрав политический вес после смерти И.В. Сталина, Н.С. Хрущёв вернулся к идее укрупнения колхозов. Одновременно началось их массовое преобразование в совхозы. Последние укрупнялись. При совхозах путём сселения мелких деревень стали формироваться крупные поселения – фактически упомянутые выше агрогорода. Развернулось наступление на личные подсобные хозяйства граждан.

Альтернативный путь реформирования организационно-хозяйственной структуры аграрного строя страны предлагал экономист В.Г. Венжер, ко-

торый являлся сторонником «рыночного социализма». Фактически он выступал за введение квазирыночных отношений, логика развития которых, впрочем, могла в перспективе привести к становлению рыночного механизма. В.Г. Венжер продвигал также планы по демократизации колхозной системы, возрождению кооперативной сущности колхозов, развитию в них самоуправления. В этом смысле он тоже апеллировал к досталинскому опыту колхозного строительства.

Взгляды В.Г. Венжера находили сторонников не только среди высшей академической и управленческой элиты, но и в кругах функционеров низшего ранга. Так, секретарь Сунженского райкома КПСС Грозненской области по зоне Нестеровской МТС И.З. Доненко в своей записке от 12 октября 1955 г. на имя Н.С. Хрущёва¹ обозначил следующие мероприятия по перестройке деятельности колхозов: 1) перевод их на полный хозрасчет, то есть примерно на такие же экономические начала, на которых построены государственные предприятия; 2) переход во взаимоотношения государства и колхозов от натуральной к денежной форме взаиморасчётов; 3) введение единых устанавливаемых государством закупочных цен и повышение их до уровня, предоставляющего абсолютному большинству колхозов возможность перейти на хозрасчёт и возместить производственные издержки и оплату прожиточного минимума добросовестно работающих колхозников; 4) отмена трудодня и установление норм выработки и расценок, как на государственных предприятиях; 5) установление обеспеченного государственными кредитами ежемесячного денежного авансирования колхозников; 6) передача на баланс колхозов всей техники МТС.

Многие из этих предложений были реализованы. Летом 1958 г. власти провели радикальную реформу заготовительной системы. Вся продукция колхозов должна была поставляться государству только в порядке закупок по экономически обоснованным ценам. Обязательные поставки и натуроплата МТС отменялись, все задолженности по ним списывались. А с весны этого года развернулась продажа колхозам техники машинно-тракторных станций. Об этих планах В.Г. Венжер говорил ещё в 1952 г., но тогда его идеи были категорически отвергнуты И.В. Сталиным.

Машинно-тракторные станции – сельскохозяйственные предприятия, которые создавались в годы массовой коллективизации для проведения с помощью принадлежавших им сельхозмашин механизированных работ в колхозах. На МТС возлагался также контроль над производством, учётом трудовых затрат, распределением дохода, соблюдением агротехники. МТС не должны были существовать вечно. Они предназначались для того, чтобы помочь колхозам встать на ноги, научить их эффективно и самостоятельно хозяйствовать и после этого передать им свою технику и кадры. Однако крестьянство сопротивлялось коллективизации, колхозы в основной своей массе оказались слабыми хозяйствами. В связи с этим присутствие МТС в колхозной системе решили расширить и все

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 71. Л. 110–121.

станции стали государственными предприятиями. Они должны были способствовать установлению полного контроля государства над колхозами, в том числе для того, чтобы заставить колхозное крестьянство повышать свой культурный уровень.

Система МТС помогла решить немало хозяйственных задач. И МТС могли сделать ещё больше, если бы не их существенные недостатки. Станции не учитывали реальные интересы колхозов, техника и кадры использовались в них нерационально. Количество продукции, которое государство забирало у колхозов в качестве платы за услуги МТС (натуроплата), не позволяло ему восполнять затраты на материально-техническое снабжение станций. Связанные с этим ограничения поставок техники в МТС, в свою очередь, препятствовали росту производительности колхозной пашни, а значит и росту объёмов натуроплаты. Все попытки разорвать этот порочный круг оказывались безрезультатными.

Функционеры системы МТС, которым инкриминировались многочисленные ошибки в управлении предприятиями, часто не соглашались с замечаниями в свой адрес и не всегда одобряли организационно-хозяйственные меры правительства. Однако среди них мало кто сомневался в необходимости реформ. В декабре 1955 г. в Президиум ЦК КПСС поступила записка начальника планово-финансового отдела Главного управления МТС Урала К.Д. Карпова¹, в которой он обосновывал необходимость создания хозрасчётных кооперативных сельхозпредприятий нового типа под названием соцхозы (социалистические хозяйства). Соучредителями соцхозов как кооперативов являлись колхозы с имеющимися у них неделимыми фондами и государство в виде обслуживающих эти колхозы МТС. В члены новых кооперативов вступали колхозники, а также рабочие и служащие станций. Хозяйства подчинялись советам или трестам соцхозов, в которые преобразовывались в областные управления сельского хозяйства. По мнению К.Д. Карпова, объединение колхозов и МТС позволяло сократить управленческий аппарат, устранить разногласия по производственным вопросам, с большей отдачей использовать техническую и кадровую базу МТС, ликвидировать неравенство в оплате труда между работниками МТС и колхозниками, создать у них стимулы к труду.

Колхозно-кооперативный характер соцхоза, прежде всего, определялся системой самоуправления. Его высшим органом являлось общее собрание членов, которое избирало председателя, правление и ревизионную комиссию. Оплата труда в соцхозах отличалась от заработной платы в совхозах тем, что её размер гарантировало не государство, а сами соцхозы с учётом собственных доходов. Отчуждение произведённой в соцхозах продукции в пользу государства осуществлялось в форме обязательной оплачиваемой по единым ценам сдачи, план которой определялся до начала хозяйственного года, исходя из погектарных норм. Данная форма государственных заготовок заменяла все существующие виды натурального обложения колхозов.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 66. Л. 51–122.

В то же время государственно-кооперативные предприятия имели ряд принципиальных отличий от колхозов. Бóльшая часть фонда оплаты труда (70,0 %) распределялась между членами соцхоза ежемесячно, меньшая – в конце квартала (15,0–20,0 %) и года (10,0–15,0 %). Натуральная оплата за труд отменялась, а для обеспечения работников продуктами питания соцхоз организовывал продажу продуктов через свою торговую сеть. ЛПХ членов хозяйства сохранялись, но их размеры несколько сокращались. Государственная собственность в соцхозе реализовывалась через отчисление в госбюджет, помимо налогов, части прибыли в пропорции к вложениям в хозяйство его членов и государства.

Соцхозы, с точки зрения К.Д. Карпова, представляли собой промежуточную форму сельхозпредприятий, которая бы подготовила базу для решения основной задачи – поднятия колхозной собственности до уровня общенародной собственности.

В целом аналогичную позицию высказал директор Потокской МТС Полтавской области Украинской ССР А. Гречуха. В направленной в конце декабря 1957 г. на имя Н.С. Хрущева записке¹ он предложил на базе МТС и колхозов сформировать государственно-кооперативные сельскохозяйственные объединения (госкоопхозы). Каждый вошедший в объединение колхоз становился отделением объединения и функционировал по установленному плану на принципах внутривладельческого расчета. А. Гречуха также предлагал отменить трудодень, оплату труда работникам госкоопхоза производить, исходя из норм расценок и ставок заработной платы, установленной для совхозов, перейти на ежемесячное денежное авансирование. В то же время вопрос об отмене натуральных податей им не ставился, а ЛПХ членов сельхозартелей, вошедших в объединение, сохранялись прежних размерах.

В дискуссии о судьбе МТС Н.С. Хрущев встал на сторону В.Г. Венжера. Глава государства настаивал на ликвидации станций и продаже принадлежавшей им техники колхозам. Данная позиция, по нашему мнению, имела как идеологические, так и прагматические основания. Создание интеграционных объединений по типу «колхоз – МТС» давало государству ежегодно лишь часть прибыли от их деятельности, которая могла возместить затраты только в отдаленной перспективе. Напротив, единовременная продажа техники колхозам позволяла в относительно короткие сроки получить весомую прибавку в госбюджет. Но преобладающими являлись доктринальные соображения. Государственная (общенародная) собственность имела более высокий идеологический статус, нежели колхозно-кооперативная. Движение к коммунистическому идеалу подразумевало превращение последней в общенародную. Соединение государственной собственности с кооперативной, напротив, означало движение вспять.

Начавшаяся в 1958 г. ликвидация МТС привела к разорению значительной части колхозов. Выкуп техники не стал для них добровольной

¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 8398. Л. 3–18.

акцией, как изначально планировалось, а превратился в обязательную скоротечную операцию, вогнавшую их в долги. Сельхозартели так и не смогли должным образом распорядиться полученными от МТС трудовыми и техническими резервами, значительная их часть была потеряна. Следовательно, одну из «родовых болезней» колхозной системы «вылечили» не самым лучшим образом, с множеством осложнений, на преодоление которых в последующем пришлось потратить немало сил и средств.

После реорганизации МТС началась новая волна укрупнения колхозов и преобразования их в совхозы. Расширившиеся масштабы «совхозизации» сельского хозяйства, в рамках которой осуществлялись огосударствление, укрупнение, централизация и индустриализация производственных структур, позволяли увеличить изымаемую долю валового продукта и одновременно расширяли возможности для капиталовложений в отрасль. В то же время она обострила проблему отчуждения работника от результатов производственной деятельности, понижавших трудовую мотивацию.

Таким образом, в 1950-е годы реализовывалось три стратегии реформирования организационно-хозяйственной структуры сельского хозяйства. Консервативный характер имели шаги не Н.С. Хрущёва, как это принято считать, а Г.М. Маленкова. Реформаторские инициативы, которые мы отождествляем с именами Н.С. Хрущёва и В.Г. Венжера, в той или иной степени были связаны с досталинскими проектами аграрного развития. Только если первый пытался отталкиваться от идей коммунистического строительства, то второй апеллировал к противоположному краю идеологического спектра, на котором такие категории, как рынок, коллективная и личная собственность, играют далеко не последнюю роль.

Д.С. Орлов

Межхозяйственная кооперация и специализация в сельском хозяйстве Кемеровской области во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов.

Центральным направлением изучения истории советской деревни является исследование природы и эволюции аграрного строя страны. Проблемы функционирования аграрной сферы экономики СССР после мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г. анализировались во второй половине 1970-х – 1980-е годы. В этот период вышли историко-теоретические работы, в которых раскрывались преимущества социалистического аграрного строя¹ и специфика аграрной политики КПСС в 1960-е – 1970-е годы². В публикациях по данной тематике обосновывался вывод о том, что колхозы и особенно совхозы, обладают неограниченным производственным потенциалом, поскольку представляют собой крупные высокомеханизированные сельхозпредприятия, функционирующие в условиях научно обоснованного планового регулирования и централизованного управления. Настойчиво проводилась мысль о том, что курс аграрной политики партии, безусловно, верен и даёт положительные результаты, а имеющиеся место трудности не носят глубинного характера и являются следствием отдельных недоработок и ошибок частного порядка.

Особенности функционирования аграрного сектора СССР в 1960-е – 1980-е годы раскрывались историками и экономистами путём анализа ряда тематических направлений, среди которых особо популярным являлись проблемы социально-экономического развития села (И.И. Бодюль, В.Г. Игнатов, А.П. Тюрина и др.)³. Большое количество исторических и экономических работ посвящалось одному из важнейших направлений развития сельского хозяйства – специализации и межхозяйственной ко-

Орлов Дмитрий Сергеевич, к.и.н., доцент Алтайской государственной академии образования. Эл. почта: orlovd2010@mail.ru

¹ Симуш П.И. Социальный портрет советского крестьянства. М., 1976; Тушунов А.В. Вопросы аграрной теории. М., 1976; Островский В.Б. Новый этап в развитии колхозного строя. М., 1977; Волков И.М. и др. Советская деревня на современном этапе. История СССР. 1979. № 2; Аграрные проблемы развитого социализма. М., 1980; и др.

² Аграрная политика КПСС: опыт и актуальные проблемы. М., 1977; Аграрная политика КПСС: итоги и перспективы. М., 1979; Грек Г.В. Аграрная политика КПСС в действии. Минск, 1980; Осуществление аграрной политики КПСС в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1986; и др.

³ Бодюль И.И. Социально-экономические отношения в деревне на стадии развитого социализма. М., 1974; Игнатов В.Г. Новая жизнь села: (социально-экономические проблемы развития сельского хозяйства на современном этапе). М., 1978; Староверов В.И. Деревня в условиях интеграции: социальные проблемы. М., 1979; Тюрина А.П. Социально-экономическое развитие советской деревни (1965–1980 гг.). М., 1982; и др.

операции¹. Проблемы специализации сельскохозяйственного производства и создания межхозяйственных предприятий исследовались и на материалах Сибири².

Отправным началом изучения темы российскими историками в постсоветский период стал произошедший на рубеже 1980-х – 1990-х годов отказ от признания социалистической природы хозяйственных отношений, сложившихся в аграрном секторе советской экономики. Этому в значительной степени способствовало появление серии публикаций, в которых критиковались концептуальные недостатки предыдущего периода развития отечественной историографии. Большое значение имели выводы Н.Я. Гущина, представленные на страницах введения к пятому тому «Истории сибирского крестьянства»³. Автор пересмотрел общую оценку созданного в СССР колхозного строя и колхозно-кооперативной собственности, в критическом плане рассмотрел проблемы специализации сельхозпроизводства и практику создания межхозяйственных объединений.

В постсоветский период проблемы создания и функционирования межхозяйственных предприятий в аграрном секторе СССР в 1960-е – 1980-е годы исследовал В.В. Наухацкий⁴. Относительно отдельных регионов Западной Сибири данная проблема получила освещение в работах Д.С. Орлова⁵. В то же время комплексная историческая оценка деятельности специализированных и межхозяйственных предприятий в Западной Сибири не представлена, что определяет актуальность исследования.

Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов одним из важных направлений аграрной политики государства было развитие в сельском хозяйстве специализации и межхозяйственных кооператив-

¹ *Вылцан М.А.* Этапы развития концентрации и специализации сельскохозяйственного производства СССР // Вопросы истории. 1979. № 1; *Опыт специализации сельскохозяйственного производства РСФСР.* М., 1972; *Попов Ю.Н.* Кооперирование в сфере обслуживания сельскохозяйственного производства. М., 1978; *Развитие форм обобществления сельскохозяйственного производства.* М., 1977; *Социальное развитие и реконструкция села в условиях межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции.* Елгава, 1980; *Трубицин О.Н.* Межхозяйственная кооперация и агропромышленная интеграция. М., 1980.

² *Азарин Г.М.* Виды и формы специализации сельскохозяйственного производства // Пути совершенствования организации и управления производства в совхозах и колхозах Сибири. Барнаул, 1978; *Аграрное и аграрно-промышленное кооперирование* в Западной Сибири. Новосибирск, 1977.

³ *Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг.* Новосибирск, 1991. С. 5–42, 105–114.

⁴ *Наухацкий В.В.* Аграрное развитие СССР в 1965–1985 гг. (взаимосвязь политики и технологии) // Аграрные технологии России IX–XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 306–307.

⁵ *Орлов Д.С.* Специализация и межхозяйственная кооперация в животноводстве Алтайского края в середине 1960-х – первой половине 1980-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. СО РАН. № 3. 2010. С. 101–104.

ных отношений. Смыслом специализации являлось выделение ведущей отрасли и её преимущественное развитие. Кооперирование хозяйств делало возможным реализацию крупных дорогостоящих проектов, непосильных или невыгодных одному колхозу или совхозу. Использование в аграрном секторе Кемеровской области этих организационно-экономических механизмов существенно изменило хозяйственную жизнь сельхозпредприятий.

К концу восьмой пятилетки в Западной Сибири и Кемеровской области большинство предприятий аграрного сектора перешли на выпуск одного – двух видов продукции. Появились объединения колхозов и совхозов, специализировавшихся на выпуске мяса, молока, яиц, шерсти, растениеводческой продукции. В 1975 г. трест «Кемеровоптицепром» давал 85,0 % яиц и мяса птицы, трест «Свинопром» – 45,0 % всей свинины, производимой в области ¹.

В 1971 г. в СССР в состав 584 трестов входило 10335 сельхозпредприятий, в РСФСР – 7397 хозяйств, или 78,6 % входило в состав 438 трестов. В Украинской ССР 100,0 % хозяйств (1290) были включены в состав 55 объединений ².

Наибольший экономический эффект дало создание специализированных птицеводческих хозяйств, где за счёт высокой концентрации производства было обеспечено значительное снижение себестоимости продукции и повышение производительности труда. В Кемеровской области в 1966–1980 гг. трест «Кемеровоптицепром» увеличил продажу яиц государству с 39,3 до 645,0 млн шт., а прибыль – с 0,5 млн руб. до 30,3 млн рублей ³.

Межхозяйственная кооперация в животноводстве Кемеровской области наиболее интенсивно развивалась в таких сферах, как откорм крупного рогатого скота и выращивание нетелей. На районном уровне схема кооперации животноводческих хозяйств была различной, причиной чего являлся разный уровень их материально-технической обеспеченности, особенности организации управления и позиция руководства. В 1977 г. в Кемеровской области было создано семь государственно-колхозных объединений по доращиванию и откорму КРС: одно районное колхозно-совхозное (Тисульское – колхоз им. Революции, включавший в себя пять колхозов и четыре совхоза), а также шесть районных межсовхозных объединений: Кемеровское (совхоз «Кемеровский» и тринадцать совхозов), Крапивенское (совхоз «Крапивенский» и семь государственных сельхозпредприятий), Мариинское (совхоз «Авангард» и восемь хозяйств), Прокопьевское (совхоз «Прокопьевский» и девять совхозов),

¹ ГАКО. Ф. П. 75. Оп. 28. Д. 27. Л. 6.

² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 40. Д. 231. Л. 78–80.

³ ГАКО. Ф. Р. 392. Оп. 1. Д. 41. Л. 100–115; Д. 54. Л. 1–82; Д. 64. Л. 85–100; Д. 74. Л. 160–190; Д. 82. Л. 80–100; Д. 95. Л. 119–130; Д. 113. Л. 50–80. Д. 150. Л. 1–30, 130–150.

Топкинское (совхоз «Топкинский» и 12 хозяйств) и Яшкинское (совхоз «Пашковский» и семь сельхозпредприятий)¹.

Реализация задач по углублению специализации и межхозяйственной кооперации в сфере выпуска мясомолочной продукции далеко не всегда приводила к ожидаемым результатам. Во многих случаях использование данных способов организации сельхозпроизводства имело неоднозначные и противоречивые последствия.

Несмотря на неоднозначные результаты, практика создания специализированных хозяйств и межхозяйственных предприятий в восьмой и девятой пятилетках в целом признавалась успешной. В связи с этим в десятой пятилетке масштабы использования в сельском хозяйстве данных организационно-экономических механизмов было решено увеличить. Курс на их более широкое применение в сельхозпроизводстве был определен в постановлении ЦК КПСС от 28 мая 1976 г. «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции»².

В Кемеровской области 20 апреля 1976 г. состоялся второй пленум обкома КПСС, на котором рассматривался вопрос «Задачи областной партийной организации по повышению эффективности сельскохозяйственного производства, дальнейшему развитию специализации и концентрации на базе межхозяйственного кооперирования и агропромышленной интеграции в свете решений XXV съезда КПСС». Было принято решение специализировать на производстве молока 127 совхозов и колхозов, сосредоточив в них до 75,0 % общего производства этой продукции в области; в 20 специализированных хозяйствах обеспечить к 1980 г. выращивание не менее 30 тыс. нетелей и первотелок; в целях увеличения производства говядины и перевода его на индустриальную основу создать в каждом районе межхозяйственные объединения по выращиванию и откорму молодняка крупного рогатого скота, специализировав для этих целей 30 хозяйств, обеспечив в них строительство комплексов и крупных откормочных площадок; сосредоточить к концу пятилетки все производство свинины в объеме 44 тыс. т в специализированных хозяйствах; сосредоточить производство всей продукции птицеводства в хозяйствах треста «Птицепром»³.

С 1976 по 1985 гг. количество межхозяйственных объединений в стране увеличилось с 3355 до 10375, или более чем в три раза. Всего в этот период появилось 7020 таких сельхозпредприятий. Наибольший рост их числа имел место в 1976–1978 гг., когда благодаря административному нажиму было создано 2577 хозяйств. В последующие годы их

¹ ГАКО. Ф. Р. 390. Оп. 1. Д. 140. Л. 1.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1986. Т. 13. С. 96–110.

³ *Аграрный сектор индустриального Кузбасса в архивных документах (1965–1985 гг.): сборник документов.* Бийск, 2011. С. 77–82.

количество возрастало медленнее. Например, в 1979 г. было организовано всего 380 межхозяйственных формирований. В годы десятой пятилетки темпы роста численности объединений существенно опережали показатели предшествующего десятилетия. Если в 1966–1973 гг. в среднем в год создавалось 220–300 объединённых предприятий, то в 1974 г. появилось 416, в 1975 г. – 594 хозяйства ¹.

В 1976 г. в РСФСР действовали 7,4 тыс. межхозяйственных и агропромышленных объединений, из них 1400 специализировались на доращивании и откорме крупного рогатого скота, 297 – на свиноводстве, 920 – на направленном выращивании нетелей. В 1981–1985 гг. уменьшилась численность межколхозных предприятий и количество их пайщиков. Кооперация развивалась преимущественно за счёт расширения связей колхозов с государственными сельхозпредприятиями. Кроме того, колхозы и совхозы стали объединять свои силы и средства не только для выполнения производственных задач, но и для решения социальных вопросов. Однако основной сферой приложения усилий в области кооперации оставались отрасли по обслуживанию сельского хозяйства, строительство, лесхозы. В стране на совместные средства сельскохозяйственных предприятий было создано 3054 строительного-монтажных организации, 3043 строительных комбината, 231 откормочный пункт, 105 птицефабрик, 7 заводов по переработке плодоовощной продукции, 21 ремонтная мастерская, 285 лесхозов, 3 комбикормовых завода и 9 проектных институтов ².

Экономические результаты осуществления мероприятий по развитию специализации и межхозяйственной кооперации в скотоводстве в годы десятой и одиннадцатой пятилеток в целом не оправдали ожиданий. Мясопродукция хозяйств чаще всего оказывались нерентабельными. У многих сельхозпредприятий затраты труда и кормов на единицу продукции были выше, чем в обычных многоотраслевых хозяйствах. В строительстве молочного комплекса в совхозе «Зенковский» Кемеровской области было вложено свыше 1 млн руб., а ожидаемой отдачи не получено. Из-за упущений в проектировании, строительстве и эксплуатации удой на корову в этом комплексе за 1975 г. составил всего 1292 кг, а себестоимость центнера молока – 30 руб. 79 коп., что значительно выше средней по области ³. Кроме того, неблагоприятной являлась и макроэкономическая ситуация, в условиях которой производилось большинство видов сельскохозяйственной продукции было малорентабельно или убыточно. Так, рентабельность производства говядины в 1975, 1980 и 1985 гг. со-

¹ Наухацкий В.В. Аграрное развитие СССР в 1965–1985 гг. (взаимосвязь политики и технологии) // Аграрные технологии России IX–XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 306–307.

² Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1965–1985 гг. Новосибирск, 1991. С. 111–113; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 40. Д. 231. Л. 78–80.

³ ГАКО. Ф. П. 75. Оп. 29. Д. 16. Л. 3–35.

ставляла соответственно +6, -16, +4,0 %, свинины – +1, -12, +4,0 %, молока – (-12), -12, +21,0 %¹.

В качестве причин невысокой результативности использования в животноводстве Кузбасса практики специализации и межхозяйственной кооперации можно выделить следующие обстоятельства. Колхозы и совхозы региона формировались как многоотраслевые хозяйства, поэтому за короткий срок перевести их на рельсы узкоспециализированного производства было сложно. Организация специализированных ферм межхозяйственного значения во многих случаях проводилась поспешно, в ситуации недостатка материально-технических ресурсов. Особо острой была нехватка животноводческих помещений, которая во многом обуславливалась неудовлетворительной работой строительных организаций. Договорные связи между головными предприятиями и хозяйствами-пайщиками, как правило, не носили долговременного характера. Взаимоотношения между участниками межхозяйственной кооперации не всегда являлись экономически обоснованными, так как районные объединения зачастую создавались по решению районного управления сельского хозяйства, а не из соображений экономической целесообразности и взаимной выгоды. Договорные обязательства очень часто не исполнялись, отдельные хозяйства срывали графики поставки скота. Неисполненной оставалась и плановая система. Несмотря на переход к узкой специализации, планы по данному хозяйству доводились как по многоотраслевому. Недостатком следует считать то, что межколхозные и межсовхозные связи существовали, в основном, в пределах района.

При анализе вопросов развития специализации и межхозяйственной кооперации в аграрном производстве Кузбасса во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х годов нельзя игнорировать и положительный производственный опыт ряда специализированных предприятий. Так, в Кемеровской области Чистогорский свинокомплекс за годы десятой пятилетки дал прибыль 30 млн руб., то есть практически окупил своё строительство².

Однако рентабельные предприятия сталкивались с серьезной проблемой – отсутствием чётких правил распределения прибыли. Из-за неопределённости в этой сфере хозяйственных взаимоотношений между участниками кооперации, а также между ними и властями возникали разногласия, препятствовавшие повышению эффективности совместной работы.

Проводившаяся в Кузбассе в середине 1960-х – первой половине 1980-х годов политика расширения масштабов специализации и межхозяйственных кооперативных отношений имела противоречивые последствия. Птицеводческие хозяйства региона наращивали производство, тогда как мясомолочные предприятия в основной своей массе оста-

¹ Назаренко В.И. Россия и зарубежные страны. Модели аграрной политики. М., 2008. С. 102.

² ГАКО. Ф. П. 75. Оп. 39. Д. 10. Л. 85.

вались малорентабельными. В целом специализация и межхозяйственная кооперация к ожидаемым результатам не привели. Практическая реализация этих принципов организации производства основывалась на уверенности в преимуществе крупных хозяйств индустриального типа. Она осуществлялась, в основном, административно-бюрократическими методами, особенно во второй половине 1970-х годов, в условиях неблагоприятной макроэкономической ситуации. Растущее число колхозно-совхозных слияний вело к дальнейшему огосударствлению сельского хозяйства. Главная причина недостаточной производительности сельхозпредприятий и их специализированных объединений заключалась в том, что они не являлись самостоятельными и демократичными хозяйственными организациями, материально заинтересованными в саморазвитии.

А.А. Фокин**Выборы в советы Челябинской области во второй половине 1960-х годов и советская демократия¹**

После Октябрьской революции 1917 г. формально вся власть в стране перешла в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Население, за исключением лиц, пораженных в правах через систему выборов, должно было избирать представителей как на местном, так и на союзном уровне. Но фактически сразу начала складываться сложная партийно-государственная система, когда большевики стремились полностью контролировать советы и влиять на итоги выборов. В. Дж. Патцельт, размышляя о выборах в современных диктатурах, выделяет четыре их основных функции: демократическая «функция легитимизации», через которую выражается публичная поддержка правительства; «манипуляция имиджем», с помощью которой строится демократический фасад; «фальсификация предпочтений» – попытка создать общепринятую веру в то, что все поддерживают режим; и, наконец, «функция согласования / распределения удобств», с помощью которой обещания разделить трофеи становятся более надежными / внушающими доверие². Советская система выборов, как между Сциллой и Харибдой, находилась между народовластием и подконтрольностью. Именно контроль со стороны партийных органов приводит к ситуации, когда советские выборы воспринимаются как ширма, за которой скрывается тоталитарная диктатура узкой группы лиц. Безальтернативность, почти 100 % явка и единодушное голосование за кандидатов только усиливали подобную точку зрения. Поэтому выборы в СССР не стали полноценной научной проблемой, и можно отметить только небольшое количество работ, посвященных данной теме³. При этом основная часть исследований сосредоточена

Фокин Александр Александрович, к.и.н., доцент Челябинского государственного университета. Эл. почта: aafokin@yandex.ru

¹ Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых «Взаимоотношения власти и общества в СССР в 1960-1970-е гг.» (проект МК-1509.2014.6)

² Patzelt W. J. Elections in Modern Dictatorships: Some Analytical Considerations // Voting for Hitler and Stalin: Elections Under 20th Century Dictatorships. Campus Verlag, 2011. P. 126–145.

³ Voting for Hitler and Stalin: Elections Under 20th Century Dictatorships. Campus Verlag, 2011.; Журавлев В.П., Фортунатов В.В. Избирательное законодательство и выборы в 1937–1987 гг. Режим доступа: http://www.rcoit.ru/elect_history/detail.php?ID=17084 (дата обращения 10.07.2014); Подосинников А.Ю., Коровин В.В. Опыт проведения избирательных кампаний в СССР во второй половине XX века (на примере организации выборов депутатов Верховного Совета от Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1–2. С. 236–240.;

вается на внешних и формальных элементах выборов. На мой взгляд, феномен советских выборов, особенно в 1960-х – 1970-х годах может стать важным аргументом в создании новой концепции политической истории позднесоветского периода.

Особенностью данного хронологического периода является трансформация взаимоотношений власти и общества. Партийно-государственный аппарат перешел к выстраиванию и интенсификации каналов политической коммуникации, организации пространств и ниш вовлечения индивида в поле сотрудничества и соучастия в осуществлении власти. Все это способствовало формированию «режима эмпатии», который не табуировал и отвергал, а принимал и реагировал на индивидуальные чувства, потребности и надежды советского гражданина¹. Результатом данной политики стал рост доверия к советскому порядку и общественная стабилизация в хрущевское и брежневское время. Схожие идеи высказывал и А. Юрчак в своей книге², рассуждая о последнем советском поколении. В частности, он критикует концепцию «хомо советикус», которая апеллирует к подчинённому и пассивному положению советских граждан. Он пишет о гармонии амбивалентностей в позднем социализме, которые не были антагонистами, а обеспечивали целостность и гибкость системы. Э. Кулевиц пишет: «Многочисленные свидетельства различных периодов истории Советского государства подтверждают, что партийное руководство уделяло огромное внимание проблеме «обратной связи» с обществом»³. Но если в 1920-е – 1930-е годы в силу разных причин партийно-государственный аппарат зачастую прибегал к мобилизационным практикам и активно применял насилие, то в 1960-е – 1970-е годы ситуация меняется и появляется потребность в иных инструментах. Изучение организации и проведения выборов в СССР может быть

Бушева А.А., Слезин А.А. Представление современников о механизме выборов в Верховный Совет СССР после Великой Отечественной войны // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2011. Т. 17. № 4. С. 1126–1130; *Салагубов Д.Ю.* Советская избирательная система конца 1930-х годов: конституционный фасад и правоприменительная практика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 2. С. 78–80; *Мотревич В.П.* Выборы в Верховный Совет СССР 1946 г. // Документ. Архив. История. Современность. 2009. Т. 10. С. 372–381.

¹ *Tikhomirov A.* The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917–1941, in: Slavonic and East European Review, Special Issue «Trust and Distrust in the USSR», Vol. 91, No. 1, January 2013: 78–118.; *Фокин А.А.* «Коммунизм не за горами»: образ коммунистического будущего у власти и населения СССР в 1950–1970-х гг. Челябинск, 2012.

² *Yurchak A.* «Everything was forever, until it was no more»: the Last Soviet Generation, Princeton 2005.

³ *Кулевиц Э.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М., 2009. С. 35.

своеобразной лакмусовой бумажкой, которая и продемонстрирует специфику данного периода.

Выборы в СССР можно разделить на общественные (выборы в профсоюзы и другие общественные организации), партийные (только для членов КПСС), и государственные (в них участвовало практически все население страны). Партийные выборы осуществлялись согласно Уставу КПСС (в данном случае в редакции XXII Съезда КПСС), в котором указывалась выборность всех руководящих должностей снизу доверху, этот принцип воспринимался как база для внутривнутрипартийной демократии и препятствие для разного рода нарушений, подобных культу личности. Государственные выборы состояли из выборов Народных судей и выборов в Советы разного уровня. Верховный Совет СССР состоял из Совета Союза и Совета Национальностей, куда выбирались прямым и тайным голосованием. Именно данным выборам и уделяется внимание исследователей. На мой взгляд, Верховный Совет, прежде всего, играл роль своеобразного Земского собора, основной функцией которого было усиление легитимности решений, принимаемых высшей властью. При этом он занимал важное место в пространстве советской публичной политики¹. Вот как описывает свои впечатления один из депутатов агроном М. Полукарова: «И вот иду я по Кремлю. Вижу среди незнакомых лиц такое знакомое. Конечно же, Леонид Ильич Брежнев. Слегка улыбается. Поздоровался. Не сразу отошел, поинтересовался, откуда приехала. Вернусь в село, будет о чем рассказать. Впечатлений много! Ведь вот как получается, там в нашей Алексеевке, за делами да за работой я и представить себе не могла, как высоко ценят в Москве наш труд. А тут всем сердцем своим ощутила. Выходят на трибуну члены нашего правительства, поднимаются простые люди, о счастье говорят. А у меня слезы по щекам. Это от радости плачу я. Да разве ж только я?»². В свою очередь, выборы в местные советы остаются неизученными, хотя именно низовые структуры, формально не обладая широкими полномочиями, имели более тесный контакт с населением и поэтому несли большую ответственность за свои решения.

Говоря о системе выборов в советы, необходимо затронуть правовую сторону вопроса. Основными документами, регламентировавшими избирательный процесс, была Конституция СССР, Положение о выборах в Верховный Совет СССР (1950 г.), а также Положение о выборах в краевые, областные, окружные, районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся РСФСР (1950 г.). Стоит отметить, что разница между положениями об избирательном процессе в Конституции 1936 г., Проекте Конституции 1964 г. и Конституции 1977 г. не являлась принципиальной. В трех документах выборы признаются всеобщими, прямыми, равными и тайными. В Конституции 1937 г. возраст кандидата

¹ Фокин А.А. Публичная политика как интерпретационная модель истории СССР // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 1. С. 197–204.

² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 110. Л. 26.

начинался с 23 лет, в Проекте этот пункт не указан, а в Конституции 1977 г. человек получал право избираться с 21 года. В свою очередь при работе с разного рода обращениями граждан можно встретить предложения об увеличении возрастного ценза, чтобы депутатами становились люди, имеющие жизненный опыт. Особенностью Проекта 1964 г. является норма об обновлении состава депутатов на одну треть, что вписывается в хрущевскую доктрину правовой ротации кадров. Положения о выборах в СССР и РСФСР практически полностью дублируют друг друга. В них прописаны порядок формирования списков избирателей, избирательных округов и комиссий, порядок выдвижения кандидатов, порядок голосования, принципы определения результатов выборов.

В качестве кейса для изучения особенностей советской электоральной системы можно рассмотреть выборы в Челябинской области в 1967 и 1969 годы. Данные выборы не имели существенных отличий от избирательных кампаний более позднего времени, в силу этого изучаемый материал позволяет выявить типичные черты позднесоветской политической системы. В дальнейшем анализ данных выборов будет встроен как отдельный элемент в более широкий проект.

Помимо выборов в Верховный Совет и Совет Национальностей в регионах необходимо было сформировать местные советы. Они делились на поселковые, сельские, райсоветы в городах, горсоветы областного подчинения, райсоветы областного подчинения и областные советы. Так, в Челябинской области в 1967 г. функционировало 267 советов разного уровня, в которые были выбраны 18500 депутатов. В 1969 г. было 280 советов и 18263 депутатов.

Таблица 1

Численность депутатов и советов в Челябинской области в 1967 и 1969 гг.

	Количество Советов		Численность депутатов	
	1967	1969	1967	1969
Областные советы	1	1	314	348
Райсоветы областного подчинения	18	18	1350	1350
Горсоветы областного подчинения	22	22	5163	5204
Райсоветы в городах	7	7	1750	1750
Горсоветы в районах	Нет данных	Нет данных	561	562
Сельские советы	188	201	7468	7584
Поселковые Советы	23	23	1444	1465

* РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 23. Л. 36.

Организацию выборов на местах можно рассмотреть в рамках Челябинской области. После объявления избирательной кампании бюро обкома 15 апреля 1966 г. принимает постановление «Об организаторской и массово-политической работе партийных организаций в связи с выборами в Верховный Совет СССР» и утверждает план мероприятий. Далее проводится совещание с заведующими городских и районных комитетов. Образуются 11 избирательных округов по выборам в Совет Союза и 1 по выборам в Совет Национальностей. С 13 по 18 апреля проводятся собрания трудовых коллективов по выдвижению кандидатов в члены окружных и участковых избирательных комиссий. В них вошло 17,5 тыс. чел., из которых 49,3 % были женщины и 46,6 % беспартийные. С апреля по май проходило выдвижение кандидатов в депутаты, в котором приняло участие порядка 76 тыс. человек. 6–7 мая на окружных предвыборных совещаниях выдвинутых кандидатов одобрили, также избрали 3878 доверенных лиц, которые должны представлять кандидатов на местах. Горкомы, райкомы и первичные партийные организации развернули массово-политическую работу среди избирателей. В области было открыто около 2 тыс. агитпунктов и работало около 56 тыс. агитаторов¹.

Весьма интересен список кандидатов в Верховный Совет СССР от Челябинской области. В Совет Национальностей был выдвинут маршал Советского Союза К.С. Москаленко, в Совет Союза по округу 345 – монтажница Челябинского радиозавода Е.Н. Портнягина, по округу 346 – первый секретарь горкома М.Г. Воропаев, по округу 347 – директор ЧТЗ Г.В. Замченко, по округу 348 – министр оборонной промышленности А.С. Зверев, по округу 349 – телятница Боровинского совхоза Е.А. Лаптева, по округу 350 – машинист комбайна шахты №4 шестого треста «Копейскуголь» Г.Д. Андреев, по округу 351 – первый секретарь обкома Н.Н. Родионов, по округу 352 – сталевар ММК Н.Д. Аверьянов, по округу 353 – директор УрАЗ В.А. Грушкин, по округу 354 – сдатчица огнеупорных изделий завода «Магнезит» А.И. Цветкова, по округу 355 – председатель облисполкома И.П. Гайворонцев. Можно выделить три группы кандидатов: представители партийного аппарата, руководство предприятий (интересно, что среди кандидатов нет директора ММК, который в Челябинской области всегда играл очень значимую роль), делегаты из народа – представители рабочего класса. В силу специфики области в списке отсутствовали представители интеллигенции в лице работников культуры, образования, медицины или инженеров. Естественно, что все кандидаты набрали более 90,0 % голосов и были выбраны в депутаты Верховного Совета СССР.

В ходе выборов в местные Советы депутатов трудящихся в 1969 г. можно наблюдать схожую картину. На собраниях по выдвижению кандидатов в депутаты рабочие доменного цеха ММК назвали своим представителем Героя Социалистического труда Е.Д. Борзенкова, от колхоза «Россия» Сосновского района была выдвинута О.П. Кнутарева, также Герой Социалистическо-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 13. Л. 53.

го труда, как и врач районной больницы Увельского района А.Н. Фомина, выдвигнутая сельхозартелью им. XXII съезда КПСС ¹.

Применительно к советским выборам одним из ключевых вопросов являются принципы отбора кандидатов: как из советских граждан выбирались люди, достойные работать в государственных органах? Исходя из приведенных выше фактов, можно определить два первых пути в депутаты. В советы человек выдвигался по причине занимаемой должности, и в этом случае видна важность символического характера советских выборов. Так, директор крупного завода или министр получали свое место путем назначения сверху, но их вхождение в выборный орган указывало на одобрение кандидатуры со стороны населения.

Другой путь в депутаты был связан с производственными успехами. Герои труда, передовики производства и прочие ударники своими успехами заслужили право выдвигаться в депутаты. Поскольку депутат был лицом советской власти и представлял ее как на заседаниях, так и на рабочем месте, он всегда должен был быть примером для остальных.

Но в Челябинской области следовало избрать около 18 тыс. депутатов, и, естественно, нельзя было найти такое количество Героев Социалистического труда или представителей власти. Советская система постоянно испытывала кадровый голод. Письма в газеты и различные инстанции показывают, что население часто не просто было недовольно руководителями нижнего и верхнего звена, но и вступало с ними в конфликт. Наиболее частыми мотивами этих конфликтов являлись использование служебного положения в личных целях, взяточничество, алкоголизм и моральное разложение. Поэтому одной из важных задач ответственных лиц был подбор достойных кадров, чтобы они не бросали тень на советскую систему. Перед каждыми выборами обкомам, горкомам и райкомам партии из ЦК КПСС напоминали о необходимости принять меры по улучшению качественного состава депутатов местных советов. Перед выдвижением кандидата необходимо было заручиться одобрением производственных коллективов, общественных организаций и избирателей.

Голосование было только завершающей частью сложного избирательного процесса в рамках советской демократии. Процедура отбора наиболее достойных кандидатов основывалась на требованиях, которые выдвигались к потенциальным кандидатам. При этом конкуренция велась не за голоса избирателей, а за определенный символический капитал. Человек, который более всего соответствовал идеальному типу депутата в рамках поля советской политики, получал одобрение как со стороны властных институтов, так и со стороны населения. Это важный и принципиальный момент: система конкурирующих выборов не должна восприниматься как единственно возможная и верная, поскольку принцип отбора кандидатов в СССР имел и достоинства, и недостатки. Режим, не имея возможности широко использовать насилие и менять правила игры,

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 23. Л. 33.

рассматривал одним из каналов собственной легитимации именно отождествление власти с наиболее достойными людьми.

Если же возникало несоответствие между предлагаемой кандидатурой и представлением о советском депутате, то население могло выразить свое несогласие. В 1967 г. на собраниях трудящихся не были поддержаны 32 кандидатуры, а в 1969 г. при процедуре выдвижения были отклонены 23 кандидата. В аналитических материалах ЦК КПСС об итогах выборов указывается: «На собрании коллектива Южноуральского ремонтно-механического завода при выдвижении кандидатом в депутаты городского Совета заменена кандидатура т. Смолина И.И. – председателя горплана, за грубость и высокомерие. Вместо т. Томлиной З.Н. – продавца Карабашского горторга выдвинута товаред горторга т. Авдюкова А.Н. Томилину отвели за пассивность в общественной жизни коллектива. Отведена кандидатура председателя Медведевского сельского Совета Кусинского района Серкина А.К., за злоупотребление служебным положением и присвоение денег. Не поддержана кандидатура т. Архамасцева А.Ф. при выдвижении его в депутаты Кумлянского сельского Совета Уйского района. Являясь депутатом Совета последнего созыва, т. Архамасцев недобросовестно выполнял депутатские обязанности»¹. Данные факты не избрания кандидатов показывают, что в этот период взаимоотношения между властью и населением были достаточно активными. Граждане имели возможность высказать легальный протест, а задача партийно-государственного аппарата заключалась в устранении источника недовольства для восстановления общественного спокойствия.

Челябинский обком партии отмечал, что «отдельные горкомы и райкомы партии, первичные парторганизации не внимательно отнеслись к подбору отдельных кандидатов, заблаговременно не выяснив отношение коллектива к рекомендуемым товарищам. Вместе с тем это свидетельство возросшей требовательности избирателей к деятельности депутатов»². Необходимым требованием к кандидатам в депутаты было одобрение коллективами, то есть они, по сути, выбирали до выборов, а в день голосования просто официально подтверждали свой выбор.

Для советской политической системы важной задачей было обеспечить представительство разных групп, что осуществлялось через систему неофициальных квот. В СССР, несмотря на почти полное отсутствие женщин на руководящих постах, в системе Советов осуществлялся принцип гендерного представительства. Женщины должны были занимать около 45,0–50,0 % депутатских мест. Свои пропорции существовали для рабочих и колхозников, которые выступали как основа государства, а также беспартийных и комсомольцев, что должно было подчеркнуть всенародный характер советской власти и отсутствие партийной диктатуры. В отчете Челябинского обкома ЦК КПСС отмечалось: «В целях обеспече-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 23. Л. 34.

² Там же Л. 35.

ния более активного участия рабочих и колхозников в деятельности исполкомов обком партии рекомендовал в ходе формирования исполнительных комитетов Советов избрать: в исполкомы с числом 7 членов – 1–2 рабочих или колхозников, с числом 9 членов – не менее 2 рабочих и колхозников, с числом 11 – не менее 3. В составе каждого исполкома будут представлены женщины и комсомольцы»¹.

Таблица 2
Представительство различных групп в советах Челябинской области
в 1967, 1969 гг.

	Женщины		Рабочие		Колхозники		Беспартийные		Комсомольцы	
	1967	1969	1967	1969	1967	1969	1967	1969	1967	1969
Областные Советы	128	146	169	197	10	9	144	159	18	40
Райсоветы областного подчинения	567	582	639	657	126	130	753	747	57	163
Горсоветы областного подчинения	2163	2144	2829	2967	15	13	2798	2853	258	635
Райсоветы в городах	721	739	913	961	-	-	896	899	80	207
Горсоветы в районах	227	233	271	296	-	-	307	301	18	63
Сельские Советы	3047	3146	3816	3972	665	618	4757	4836	306	803
Поселковые Советы	634	657	788	817	-	-	934	951	35	129
Всего	7487	7647	9425	9867	816	770	10589	10746	772	2040

* РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 23. Л. 34.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 23. Л. 35.

Подводя итоги, необходимо отметить, что процесс выборов в СССР в 1960-е – 1970-е годы был сложным и многофакторным явлением. Принципы советской демократии существенно отличались от западного варианта демократии и строились не на основе модели конкуренции, а через определенные правила игры. В этом плане они напоминали айс-берги, где само голосование является только незначительной частью, которая видна на поверхности. «Подводная» часть позволяла создать устойчивые связи между властью и населением, основанные на принципах взаимной лояльности и компромисса. Выборы в СССР в 1960-х – 1970-х годов стремились соединить в себе как демократические черты, так и предсказуемость для власти и населения. Представляется, что значительная часть населения была согласна с особенностями советских выборов, взамен получая социальную, экономическую и политическую стабильность.

Ж.Ж. Несипбаева

**Жанр «фолк-истори»
в современной исторической науке Казахстана
(обзор интернет-материалов)**

Жанр «фолк-истори» является одной из актуальных проблем для современной исторической науки на постсоветском пространстве. Такое явление как «фолк-истори» зародилось в СССР в годы перестройки в связи с появлением в периодике ревизионистских публикаций, нацеленных на «разоблачение» официальной исторической науки. Эти публикации берут свое начало в конце 1980-х годов, достигают пика популярности к концу 1990-х годов и продолжают стабильно ее удерживать и в наши дни. Особенно в последнее десятилетие теории псевдоистории или альтернативной истории получили широкую известность через использование сетевых технологий массовой коммуникации. Желая занять определенное место в казахстанской историографии, они формируют образы и стереотипы социальной рефлексии, искажая тем самым научную историю Казахстана. К тому же некоторые лжетеории перешли на страницы казахстанских учебников и учебных пособий и могут вызвать небывалый всплеск националистических тенденций.

Факт исторической действительности – это, прежде всего, социально значимый факт реальной действительности, отраженный в историческом сознании и запечатленный в историческом источнике. Изучая эту действительность, историк воспринимает ее через призму различных свидетельств о прошлом, каждое из которых, во-первых, само является фактом, а во-вторых, отражает ту или иную совокупность фактов, характеризующих ту или иную эпоху¹. Восприятие исторической реальности в источнике и восприятие содержания источника ее исследователем зависят от многих факторов, в том числе от принадлежности историка или создателя источника². Поэтому научно-познавательные образы нельзя противопоставлять фактам исторического прошлого, но нельзя и отождествлять их с реальной исторической действительностью. Если пойти по первому пути, то это может привести к позитивизму: факт – все, интерпретация – ничто. Второй путь приведет к исключительно субъективным выводам. Чтобы не идти по ложному пути нужно учитывать, что важнейшим свойством научного исторического факта является его динамичность, незавершенность, содержательная изменчивость, способность к бесконечному обогащению

Несипбаева Жибек Жумабековна, к.и.н., с.н.с. Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. Эл. почта: vesna77-77@inbox.ru

¹ *Bibler V.S.* Historic fact as reality fragment (Logical notes). Source study. Theoretical and methodological problems. 1982. P. 89–101.

² *Ivanov G.M.* To a question of the concept «fact» of historical science // History Questions. 1969. No. 2. P. 59.

и развитию¹. Источник лишь отражает социально значимую реальность в ретроспективе и, как неогранённый алмаз, требует специальной обработки. Историческое исследование представляет собой научную реконструкцию исследователя, включающую как объективные, так и субъективные моменты исторического познания. Между ними всегда проходит тонкая грань, переступив которую любой исследователь осознанно или несознательно может превратиться из компетентного специалиста в псевдоученого.

К сожалению, из-за «заслуг» псевдоученых и их «научных» теорий вера в объективность современной исторической науки заметно пошатнулась. На сегодняшний день существует множество лженаучных концепций. Однако различить мифологизированную интерпретацию таких исследователей и фундаментальную работу действительно заслуженных ученых весьма нетрудно. Настоящий исследователь с помощью теоретического и методологического анализа фактов вычленяет то общее, что присуще многим историческим событиям, в которых проявляются закономерности исторического процесса. Лжеученый наоборот, выделив из общего единичное, заостряет на нем особое внимание, как бы цепляется за него, как за спасительную соломинку, и старается развернуть до немыслимого по масштабу уровня. То есть исследование ведется однобоко на основе отрывочных сведений без скрупулезного анализа всех доступных источников. В то время как компетентный ученый опирается на различные методологические подходы и широкую источниковую базу.

Например, в современный период все чаще проявляется субъективное восприятие некоторых вопросов национальной истории. Калибек Данияров и ряд других авторов считают Чингис-кагана «казахом», опираясь при этом на мифическо-генеалогическую легенду о тюрко-огузском происхождении его предков, а также на род «кыят-борджинов», из которых происходил Чингис-каган. При этом Калибек Данияров ссылается на сочинения Рашид-ад-Дина и Н.Я. Бичурина. Однако другой авторитетный исследователь Кинаят Зардыхан рассматривает генеалогию Чингисхана в контексте образования единого монгольского государства, охватившего всю великую степь, а затем и переселения последних тюркских племен на запад. Среди современных монголов он выделяет 456 родовых ответвлений. Одним из них являются и кыят-борджины. Он отмечает, что кыяты, которые встречаются среди современных этносов Центральной Азии, являются лишь потомками кыятов, расселившихся по всей территории Монгольской империи. Последние остались на вновь завоеванных землях и вошли в историю как отдельные фамильные названия, сохранившие свое имя – кыяты². Данные выводы были сделаны исследователем только лишь с помощью применения совокупности методов истори-

¹ *Lisovina A.P.* The category «historic fact» in Marxist and bourgeois methodology of history. Kishinev, 1981. P. 24–25.

² *Kinayat Z.* Why is distorted the historical truth? (methodological aspect of a problem) // Materials of a round table «A phenomenon of alternative history in a prism of scientific knowledge». Alma-Ata, the 4th of March, 2004.

ческого исследования (индукции, дедукции, историко-сопоставительного и других методов).

Кроме того, Калибек Данияров сводит историю Золотой Орды и Монгольской империи в целом только к истории образования Казахского ханства. Он предлагает свою версию образования казахской государственности. Государство Чингисхана он назвал Первым Казахским государством, Улус Джучи (Золотую Орду) – Вторым Казахским государством, Казахское ханство – Третьим Казахским государством. А различные тюркские и монгольские племена Данияров просто называет «казахскими». Этим он опровергает многовековой процесс этнического развития тюркских племен и народностей. Здесь обратно он выделяет лишь какие-то отдельные факты развития одного этноса. В то время как казахстанские ученые рассматривают процессы этногенеза казахов и образования казахской государственности на фоне развития и взаимодействия всего центрально-азиатского (евразийского) региона.

Известный казахстанский исследователь К.А. Пищулина придерживается мнения, что в позднее средневековье существовало три монгольских улуса, принадлежавших трем сыновьям Чингисхана: Джучи, Чагатаю, Угэдэю. Они охватывали огромные пространства Евразии и разделили территорию Казахстана на три части. Позднее в XIV в. был образован ряд новых государств: Ак-Орда, Кок-Орда, Моголистан, Ногайская Орда, государство кочевых узбеков, возникшее на территории Средней Азии, Восточного Туркестана, Джунгарии (Западной Монголии), Южной Сибири, южной части Поволжья и Приуралья. К.А. Пищулина отмечает, что в рамках этих государств завершилось этническое формирование родственных тюркских народов – казахов, ногайцев, башкир, кыргызов, уйгуров, сибирских и поволжских татар, отчасти узбеков¹. Данный исследователь является специалистом по периоду позднего средневековья и образованию казахской государственности и ею проанализировано множество не только тюрко-монгольских, но и арабо- и персоязычных нарративных источников.

Известный казахстанский ученый И. Ерофеева особо отмечает, что казахстанцы отнюдь не одиноки в «творческих» изысканиях – стремление исказить историю существует на всем постсоветском пространстве, а тех же Чингисхана или Аттилу присвоили авторы от Днепра до Урала и дальше². Она также обратила внимание на стремление псевдоисториков сделать на мифотворчестве карьеру, либо создать себе имидж. В связи с этим нужно отметить, что к псевдоисследователям, не только Казахстана, но вообще СНГ, можно отнести М. Аджиджи, А.Т. Фоменко, С. Малеева, К. Закирьянова, А. Зинухова, Г. Табулдина, Х. Коктанди, Ш. Куанганова,

¹ Pishchulina K.A. Kazakhskaya statehood of the late Middle Ages and its reflection in some publications // Materials of a round table «A phenomenon of alternative history in a prism of scientific knowledge». Alma-Ata, on March 4, 2004.

² Ismailova N. Kazakh Chenghis Khan or as I was a historian. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.spik.kz/>.

Е. Омарова, А. Байбатша, Б. Акебаева, А. Кузембайулы, Е. Абиля, Г. Оспанова.

М. Аджи стремится полностью слить историю тюрков и европейцев в единый «австразийский» котел. А.Т. Фоменко опровергает исторический факт монгольского нашествия на средневековую Русь. Он пишет, что вообще такого не было, как не было и «ордынского ига», и освобождения от него. Наоборот, существовала единая русско-монгольская Великая Орда. Эта теория весьма утопична: киевский князь Ярослав Мудрый стал одновременно лихим «атаманом» по прозвищу «Батя», ханом Батыем, литовским князем Гедимином, ханом Узбеком и Иваном Калитой. Чингисхан, чья детальнейшая биография – «Сокровенное предание», а также история его войн с татарами, чжурджениями, китайцами, были написаны еще при его жизни пленными китайскими историками, «оказался» варягом Рюриком, основателем Москвы князем Юрием Долгоруким и даже – святым Георгием Победоносцем!¹ То есть он смешал различные исторические факты, отождествил историю абсолютно разных стран по непонятному принципу, а о дальнейших фальсификациях не стоит и говорить.

С. Малеев в своей работе отмечает не о монголо-татарском нашествии, а о казахо-татарском нашествии на Русь. В качестве доказательства он приводит лондонский список древнего эпоса «Огуз-Наме», датированный известным российским ученым Бичуриным IV в. до н.э., где записана следующая древнетюркская легенда, повествующая о роде Кият: «Родо-начальник его был хорошим стрелком из лука, однако стрелял Кият (наискось) и все равно попадал точно в цель»². По его мнению, поскольку с 2001 г. официальная наука причисляет племена найман, конрат, меркит к тюркским племенам, то именно эти четыре племени, включая племя кият, родом из которого вышел Чингисхан, избрали его своим ханом на курултае 1206 года. Далее уже внук великого полководца Батый отправляется походом на Русь во главе своей объединенной армии, состоящей из казахских племен. Поэтому поход Батыев на Русь, как заключает С. Малеев, нужно рассматривать как казахско-татарское вторжение на русские земли, а не монгольское.

Эту же тему продолжает К. Закирьянов, который считает, что Чингисхан был не монголом, а казах-найманом. В первую очередь, он ссылается на особый родовой знак казахов – тамга. По тамге определяли род того или иного кочевника. Тем самым, тамга являлась своего рода визитной карточкой номада. У Чингисхана родовой тамгой служил трезубец с направленным вверх острием. Среди казахских родов подобную тамгу имеют роды базаналы, сиргели, жалайыр, тама и табын. После раздела империи в 1223 г. на курултае, состоявшемся в нынешней Жамбылской обла-

¹ Portnov A. How Chingis-han became Yury Dolgorukiy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: istorya.ru/forum/index.

² Maleev S. Kazakhs intruded to Russia, or About the alternative history which has become from now on the uncontested. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kazakhi.my1.ru/3.gif>.

сти, Чингисхан отдал своему старшему сыну Жошы в том числе и территорию нынешнего Казахстана, а в качестве ближайшего окружения – два своих родительских рода – базаналы и балталы. Базаналы и Балталы – это два брата, рожденных от Сарыжомарта, род которого называется ергенекты-найман. Следовательно, по данной теории Чингисхан является казах-найманом. Кроме того, Закирьянов делает еще один вывод о том, что эти два рода имеют выдающуюся историю. Их предки вместе с Аттилой участвовали в создании прибалтийских и скандинавских государств, дав им корень своего имени – Балта. Кроме того, они в составе воинов Одоакра, племянника Аттилы, положили конец Западной Римской империи в 476 году. В летописях, в частности в Бертинских анналах, киевских князей Рюриковичей, именовали каганями, то есть они имели тюркское происхождение. Сами же Рюриковичи, как известно, взошли на киевский престол в 882 г., а в начале XIV в. политическим центром русских земель стало Московское княжество ¹.

Новой теорией является «концепция» известного харьковского писателя-историка Александра Зинухова о том, что Чингисхан был ни монголом, ни казахом, а украинцем. К такому оригинальному выводу он пришел благодаря сомнениям российского путешественника XIX в. Грум-Гржимайло о монгольском происхождении Чингисхана. Исследовав родовое древо монгольского правителя, автор монографии «Чингисхан – сын Исаака Киевского» установил, что Темучин родился на территории нынешней Украины – в Приазовье, либо в Крыму, а не в Забайкалье. Отца легендарного предводителя монголов звали Исакей (корневое слово – Исаак, библейское имя; окончание «ей» – тюркский суффикс). Имя матери – Оэлен созвучно украинскому имени Олена. Исакей выкрал Оэлен, мать Чингисхана, когда кочевал в Приднепровье, вероятнее всего, в районе древнего Киева, где проходил варяжский торговый путь. Поэтому харьковчанин не удивляется тому, что в монгольских источниках род Чингисхана называется кияне ².

Проблема этнического происхождения Чингисхана сейчас волнует очень многих специалистов, причем самых разнообразных профессий. Этот вопрос вызвал бурную дискуссию среди авторов различных теорий. В честь 850-летия со дня рождения Чингисхана среди казахстанских и китайских историков и псевдоисториков разгорелась полемика об этнической принадлежности Чингисхана, признанного ЮНЕСКО «величайшим полководцем двух тысячелетий». В связи с данным вопросом в Алматы в октябре 2003 г. прошла конференция «Чингисхан и казахская государственность» с участием ведущих ученых из России, Ирана, Китая, Монголии, Казахстана и других стран. На этой конференции организаторы пытались доказать, что Чингисхан был казахом. По мнению некоторых казахстанских и некоторых других исследователей и особенно псевдоученых,

¹ *Zakiryaynov K.* Genghis Khan was not the Mongol, he was Kazakh-nayman. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.terra-mongolia.ru/region/chingis.html.

² *Genghis Khan was Ukrainian.* Free Asia. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://freeas.org/img/logo.gif>.

«намеренная фальсификация исторических фактов началась с правления Ивана Грозного». Причиной фальсификации назвали «попытку стереть из памяти русского народа факт порабощения их предков «дикими ордами»¹. При этом во главе угла встала теория о генеалогическом древе Чингисхана, то есть о тюркском роде киятов. В 1206 г. во время курултая (всеобщего собрания правителей родов) Темучина провозгласили ханом и дали ему новое имя – Чингисхан (хан Востока). Поскольку участниками курултая были казахские роды кият, меркит, жалаир и аргын, многие участники конференции утверждали, что Чингисхан являлся казахом. Отмечалось, что данные роды действительно считаются казахскими, но выходцев из этих племен принято называть «казахами монгольского происхождения». Однако один из организаторов конференции, представитель псевдонаучной истории Кайрат Закирьянов, утверждал, что монголы вообще никакого отношения к Чингисхану не имеют, так как на территории Монгольского государства в тот период они не жили. Поэтому само деление казахов на казахов монгольского происхождения и казахского происхождения является необоснованным. Кроме того, на данном мероприятии известный политический деятель Казахстана Имангали Тасмагамбетов распорядился сделать копию камня Кюльтегина. Сегодня эта копия изваяния находится в Астане, в здании Национального университета имени Льва Гумилева. Можно констатировать, что казахстанская элита взялась за дело «возвращения» этносу его героя с полным пониманием серьезности данного вопроса². Определенно ясно то, что в Казахстане этот вопрос грозит приобрести чуть ли не идеологический характер.

Помимо казахстанских исследователей на конференции выступили и китайские коллеги. Они сообщили, что в Пекине в честь Чингисхана был воздвигнут мавзолей. Тем самым Чингисхан был официально включен в почетный реестр великих китайских императоров. При этом в посольстве Китая ничего относительно мавзолея не сказали, ссылаясь на свою некомпетентность. Е. Жумагулов точно отметил, что пока монголы мирно пасут свои стада и ждут дня священного юбилея, предприимчивые соседи заняты трудом по кардинальному изменению исторических фактов.

Одним из спорных вопросов является местонахождение захоронения Чингисхана. По этому вопросу существует множество версий. Одной из таких версий является своеобразная теория Гизата Табулдина, считавшего, что могила монгольского правителя находится в Иркутской области. Она расположена, предположительно, на дне одной из трансграничных рек, протекающей на территории Монголии, Китая и России. Есть версия, что там покоится и трон, подаренный Чингисхану его сыном Джучи. Тувинский «ученый» предполагает, что могила находится на границе Тувы и Бурятии, где проживали урянхайцы – старшие родственники

¹ *Zhumagulov E. Genghis Khan Kazakh or Mongol? // News, the 5th of October, 2003.*

² *Ibid.*

Чингисхана по мужской и женской линии¹. Хамза Коктанди сообщил, что нашел могилу правителя на территории Южно-Казахстанской области. Без всяких оснований он назвал могилу Узун-ата захоронением Чингисхана, куда бросились кладоискатели, чтобы тайно овладеть богатствами императора². Несостоятельность данной теории очевидна, но газеты и телевидение периодически возвращаются к ней.

Ш. Куанганов выдвигает протогреческую концепцию. Посредством исследования некоторых географических и топографических определений он доказывает, что древние предки тюрков достигли Западной Европы и создали там государственность, стали аристократической правящей элитой. Куанганов отмечает: «На Пиренейском полуострове они создали процветающие государства Куртобе (Куртоба), Татос (Тартос). По-английски Куртобе называют Кордоба, а иногда Кордова. В греческих источниках Тортос именовалось Тартесс. Ныне это сохранилось в названиях города Тортос и бухты Тортос в Испании без изменений»³. Ганнибал и его предки, финикийцы, наверняка не догадывались, а воевавшие с ним древние римляне не подозревали, что истинными основателями Карфагена, по Ш. Куанганову, являются турки.

Еренгаип Омаров в книге «Краткая история казахской цивилизации» также делает сенсационные выводы. Но необходимо отметить некоторые противоречия в его концепции. С одной стороны, он пишет, что «территория современного Казахстана – это ареал всех мировых цивилизаций в прошлом». С другой стороны, автор отмечает: «Казахи большей частью жили кочевой жизнью, потому что городские жители облагались налогами»⁴. Чтобы эта истина стала понятной иностранцам, Омаров перевел книгу на английский язык. Можно согласиться с мнением о существовании в древности тюркской цивилизации и о ее значительной роли в истории многих народов. Но если казахи большей частью жили кочевой жизнью, то кто тогда были городскими жителями? По Омарову, предки казахов – саки жили по берегам рек. В этом случае возникает вопрос: кто тогда жил в городах и куда они подевались таинственным образом вместе с городами, или же имеется в виду, что казахи – это отшельники узбеки, китайцы, афганцы, иранцы, которые убежали из городов, чтобы не платить налогов? Но в истории отсутствуют примеры, чтобы массы горожан убежали от городской жизни в суровую степь.

Некоторые «изменения» произошли и в антропологии Казахстана. Ее идеологом стал доктор геолого-минералогических наук А. Байбатша, опубликовавший в 2003 г. свой «обширный труд» – «Антропогеновая история Казахстана». В данном сочинении автор поделился своим глобаль-

¹ *Bisenbayev A. Other Central Asia. Chapter XI. Book online version. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kyrgyz.ru/page=172>.*

² *New view on the nation past. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://afisha.zakon.kz>.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

ным «открытием». Он считает, что возникновение гоминид произошло в трех очагах – на востоке Африки, на юге Индокитая и в Казахской степи. В последнем случае А. Байбатша утверждает, что открыл новый вид человеческого предка – «казахантроп». Автор отождествляет древнее население (территории современного Казахстана) эпохи бронзы и раннего железа с казахами, которые «стали основным населением Восточной Европы, Ближнего Востока, северной половины Азии и континентов Америки». Автор этой концепции полагает, что «жители казахской степи и переселившиеся из нее около 20–25 тыс. лет назад люди разговаривали на языке, близком к современному (казахскому?!)¹». Самым неожиданным открытием автора стало то, что знаменитая история Маугли является казахским мифом, записанным плагиатором Киплингом со слов «жителей откочевавшего в Индию казахского (сахского) племени арыс-дравидов». В конце «труда» автор резюмирует, что выходцы из «казахской» степи распространились почти повсеместно.

Один из авторов, Беркин Акебаев, отрицая факт номадизма среди казахов, противоречит самому себе. С одной стороны, он пишет: «Казахи умело использовали собственные земли. Они летом уходили на плодородные пастбища, а зимой выбирали места для зимовки»². То есть не отрицает существования кочевничества. Он правильно отмечает, что казахи занимались не только скотоводством. Среди них были прекрасные ремесленники, ювелиры, рыбаки, а среди жителей горных местностей – охотники. Вдоль Великого Шелкового пути активно шла торговля, развивались ремесла. Однако, он слишком акцентирует внимание на городской культуре и делает предположение о несостоятельности теории кочевничества казахов. Он сравнивает последних с цыганами, считая полное приобщение казахов к номадам кошунственным по отношению к нашей истории.

Некоторые новшества были введены и в учебные издания Казахстана. В этой связи стоит отметить семь раз переизданное учебное пособие для студентов вузов «История республики Казахстан» под редакцией А. Кузембайулы и Е. Абиля. Основное его содержание – искусственное удревление прошлого Казахстана за счет периодизации истории и наследия тюркских и монгольских народов и использования случайных созвучий в именах и названиях. В учебнике под редакцией Т.А. Тулебаева «История древнего мира 5 класс» учащимся объясняется содержание «колониальной политики России в Казахстане – разделение казахов на три жуза и противопоставление их друг другу». Однако абсолютно игнорируется исторический факт сохранения на протяжении длительного периода трехчленной генеалогической организации казахского общества.

О братстве и историческом единстве казахского и русского народов свидетельствуют произведения Оспанова Галыма. Автор своеобразно ин-

¹ *Shunkin D.* Explaining «colonial history». «All without exception of the CIS country are mythologized». [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.russianskz.info.

² *Акебаев В.* Kazakhs weren't nomads. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.altyn-orda.kz/>.

терпретирует значение слова «Москва», считая, что изначально слово «маскаля» (Москва) происходит от древнеказахского слова «мыскыл». По его мнению, мыскыл переводится как «грамм весов», и это древнеказахское слово незаслуженно забыто нынешними казахами. Со временем из слова Мыскыл – Маскеу и произошло нынешнее название маленького торгового центра – Москва¹. Однако слово «мыскыл» имеет персидское происхождение. Данное название употреблялось во многих арабских странах с разной транскрипцией. Исключительно казахским его назвать нельзя.

На сегодняшний день, несмотря на существующие проблемы, делается очень многое для написания более объективной истории. Среди профессиональных исследователей Казахстана, борющихся с псевдоисторическими взглядами, можно выделить таких ученых как Ж.Б. Абылхожин, З. Кинаятаулы, К. Жумагулов, Н. Нуртазина, Н. Мухаметхан, К.А. Пищулина, И.В. Ерофеева, Н. Масанов, Е.Ж. Валиханов, С.Ф. Мажитов, К.С. Алдажуманов, С.А. Жакишева, С.А. Касабулатова, Т. Исмагамбетов и др. Из российских историков, занимающихся историей Казахстана, можно отметить И.Н. Ундасынова, доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Института сравнительной политологии Российской Академии Наук. Из зарубежных специалистов – А.М. Хазанова, заслуженного профессора антропологии и центрально-азиатских исследований Университета Висконсин (Мэдисон, США).

Казахстанские исследователи в своих статьях и монографиях используют огромный объем источникового материала, который анализируется с помощью различных методологических подходов. Кроме того, ученые претворяют в жизнь новые методы современного исторического исследования, проводят различные конференции и форумы, посвященные исследованию вопросов мифологизированной истории, разрабатывают специальные проекты, позволяющие рассматривать так называемые «исследования» представителей лжеистории. Ярким примером деятельности профессиональных историков может послужить презентованная в дискуссионном клубе «Политон» книга «Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана» Нурбулата Масанова, Жулдузбека Абылхожина и Ирины Ерофеевой², которая стала попыткой помочь читателю отличить историческую правду от вымысла. В данной книге были рассмотрены такие проблемы как: 1) мифологизация этногенеза казахов и его кочевой культуры были показаны Н. Масановым; 2) историческая мистификация эпохи позднего Средневековья и Нового времени – И. Ерофеевой; 3) инерция мифотворчества в освещении советской и постсоветской истории страны – Ж. Абылхожиным.

С.А. Жакишева занимается вопросом влияния мифотворчества на качество учебного процесса и отмечает, что сейчас даже образовательные

¹ *Osipov G.* Drevnekazakhsky city of Moscow and other drevnekazakhsky cities. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zonakz.net>.

² *Scientific knowledge and formation of myths in a modern historiography of Kazakhstan.* Alma-Ata, 2007.

программы пишутся дилетантами и мифотворцами. С.А. Касабулатова рассматривает вопросы современной методологии Казахстана, главным из которых стал вопрос о различии между научно-историческим фактом, являющимся мысленной реконструкцией, созданной историком на основании источников, и фактом исторической действительности.

Российский ученый И.Н. Ундасынов, характеризуя современные тенденции альтернативной или псевдоистории, отмечает, что всюду и в угрожающих масштабах появились доморожденные историки, с позиций «родовой кочки» пытающиеся рассматривать этногенез народа, его историю. Он пишет: «История человечества — это процесс перехода от изолированных людских коллективов к всечеловеческому единству. А насаждаемые "патриотами" в массах национализм, шовинизм, и в крайнем проявлении, расизм толкают людей, народы, государства в пропасть разобщенности и вражды. Помочь избежать этой опасности историк может только при условии – если историю своего народа он будет освещать также беспристрастно, как историю любого другого народа»¹. Его книга посвящена истории кочевников евразийских степей. Она состоит из трех частей. В первой части описывается история предков казахов с II тыс. до н.э. до XII в. н.э., во второй – ближайших предков казахов – кыпчаков – с VII по XV век. В третьей части рассматривается история собственно казахов, начиная с создания Казахского ханства и до его вхождения в состав Российской империи.

По мнению А.М. Хазанова, в настоящее время историческое прошлое всех без исключения стран СНГ мифологизировано. Данное явление связано со становлением новых национальных государств, что влечет за собой поиск великих предков. Причем иногда доходит до крайностей: мифы расплают страсти и помогают поддерживать в подогретом состоянии многочисленные этнические конфликты на постсоветском пространстве².

Мифологизированная история сейчас является темой не только актуальной, но также модной и креативной. В сетях Интернета существует целый жанр, посвященный данной теме, – Фолк-истори. Причем он существует не только в Казахстане, но и за рубежом. В связи с этим нужно отметить и значительный всплеск националистических тенденций в виде русофобии, казахофобии и т.д. То и дело в Интернете возникают призывы, обращения, памфлеты, статьи, специальные форумы сторонников тех или иных националистических тенденций. Поэтому на сегодняшний день определить соотношение реального научного знания и мифологизированной истории крайне важно.

Сейчас в исторической науке данное соотношение резко дифференцировано, и при более детальном исследовании можно легко определить специфику более или менее объективного взгляда и чисто субъек-

¹ *Undasynov I.* History of Kazakhs and their ancestors. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.arba.ru>.

² *Shunkin D.* Explaining «colonial history». «All without exception of the CIS country are mythologized». [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.russianskz.info.

тивного мышления, выявить грань между ними. Установить различие между научной и ненаучной формами познавательной культуры в области национальной истории можно условно двумя действиями. Первое действие – это «установить», а второе – «доказать». В отличие от действительного ученого, пытающегося установить путем сравнительного анализа доступного массива исторических источников реальные факты и закономерности исторического развития общества, для мифолога целевая установка его работы сводится исключительно к тому, чтобы «доказать» на основе отдельных тенденциозно подобранных фактов правильность предварительно построенной им концепции, которая обслуживает вполне конкретные ненаучные цели и интересы, либо же является способом самовыражения индивида. В этом случае исторические факты играют по отношению к реальной действительности вторичную, подчиненную роль и используются лишь для подтверждения и иллюстрации излагаемых мифических суждений и гипотез. Это первая отличительная особенность соотношения объективного исторического знания и мифологизированной истории. Второе важное отличие мифологических сочинений от научных трудов по национальной истории заключается в характере используемых источников и методах извлечения из них конкретных исторических фактов. Для антиисториков, создающих ненаучное историческое знание, характерен низкий уровень общей и профессиональной историографической эрудиции и чрезвычайно слабое знание доступных первоисточников. В основном они используют материалы публицистики, где изложение исторических фактов обычно дается в сильно обедненном и искаженном виде.

В связи с этим нужно отметить, что некоторым историкам предстоит труднейшая работа по преодолению комплекса собственной неполноценности, а еще комплекса зависти и заимствования чужих стереотипов.

Так как в современный период альтернативная история приобретает все более масштабный характер, необходимо комплексное научное обоснование для оценки ее несостоятельности. В связи с реализацией этой цели, прежде всего, необходимы:

- 1) формирование дидактических основ объективного понимания истории Казахстана;
- 2) формулировка прогнозных оценок роли популяризации научного знания средствами массовых коммуникаций как каналов социокультурного информационного обмена;
- 3) проведение научно-теоретических и научно-практических конференций и других различных мероприятий по истории и псевдоистории Казахстана, способствующих рациональному переосмыслению исторического опыта нашего государства.

С.С. Наумов**Интеллигенция и историческое сознание
в годы перестройки (1985–1991 гг.): поиск новых героев
и исследовательских моделей (региональный аспект)**

Последние десятилетия XX и начало XXI в. ознаменовались глубокими изменениями в структуре и содержании социального и гуманитарного знаний, в самой методологии социальных и гуманитарных наук. В этом интеллектуальном контексте важнейшим качественным культурологическим сдвигом стал «культурный поворот», в котором получили отражение возросший интерес к проявлениям человеческой субъективности в истории, стремление к её контекстуализации, поиск новых теоретико-методологических основ. Исследовательские модели, сформированные в рамках «культурного поворота», требуют создания новой базовой теоретической конструкции. Осмысление современной стадии в изучении истории культуры России и её историографии являются первым шагом на пути конструирования нашей модели¹. В 1990-е годы произошло постепенное обособление региональной истории, в которой усиливается внимание к культуре региона, к выявлению её скрытого потенциала.

Стимулом исследовательского интереса историков к созданию качественно иных работ по регионалистике, истории провинциальной интеллигенции как носителя «духовного потенциала» стала широкая волна публицистических работ, публикация которых оказалась возможной в условиях политики гласности в СССР. Глубокие перемены в духовной жизни общества, расширение дискуссионного поля отразили серьёзные потребности советского общества в переосмыслении недавнего исторического прошлого. Этот процесс весьма подробно освещён в работах А.В. Марущак, занимающейся непосредственно проблемой «автор в публицистике перестройки»². Данная рефлексия советского общества, безусловно, не могла не породить необходимости написания научных работ, которые могли бы иначе интерпретировать советскую историю и историю интеллигенции, в частности.

В своей монографии историк интеллигенции В.Г. Рыженко обращает внимание на то, что «одним из главных контекстных элементов, способствовавших выделению интеллигентоведения, является история отече-

Наумов Сергей Сергеевич, магистрант Омского государственного университета. Эл. почта: naumov_s_s@mail.ru

¹ *Рыженко В.Г.* Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования: Монография. Екатеринбург, 2003. С. 24.

² *Марущак А.В.* Автор в публицистике эпохи перестройки (1985–1991 гг.) [Электронный ресурс] journal.usu.ru. Режим доступа: <http://journal.usu.ru/index.php/component/content/article/397>. (Дата обращения: 23.04.2014)

ственной культуры. Следовательно, в первую очередь целесообразно остановиться на определении ведущих тенденций в её развитии в 1990-е годы, на принципиальных организационных изменениях в общем (российском) интеллектуальном пространстве, на региональных новациях, повлекших за собой расширение проблематики»¹. Следовательно, начиная с 1990-х годов «интенсивность и результативность изучения интеллигенции в широком временном, территориальном и тематическом планах позволяют говорить о возникновении на переломе тысячелетий новой отрасли знания – «интеллигентоведения»². В центре внимания учёных, занимающихся исследованиями в этой области научного знания, оказались разнообразные аспекты жизнедеятельности советской интеллигенции.

Помимо решения таких проблемно-тематических задач интеллигентоведения как «взаимоотношения власти и интеллигенции», одновременно резко возросло и вышло на первый план стремление к изучению локальной истории: деятельности провинциальной интеллигенции, феномена «столичности», различия в мирознании разнообразных групп интеллигенции. В данной статье рассматривается деятельность интеллигенции в русле локальной истории.

Переход к системности в изучении культуры Сибири в контексте истории общественных организаций также стал важным этапом в осмыслении характера взаимосвязей культуры и интеллигенции в XX веке. Эта тенденция даёт яркую характеристику специфике развития локальных процессов в условиях так называемого кризиса исторической науки последних десятилетий. Данный процесс проявился также в стремлении представителей отечественной гуманитаристики выработать на основе междисциплинарности новый дискурс, способный объединить результаты в сфере фундаментальной исторической науки и новые изыскания из области культурологии.

В ходе углубления кризисных тенденций в формировании исторического сознания советского человека изменялась структура организации деятельности советской интеллигенции. В ходе перестройки представители интеллигенции стали склонны к большей интеллектуальной и духовной независимости, озвучиванию того факта, что советское общество середины 1980-х годов, по сути, является клубком острых противоречий, которые необходимо было разрешать. В условиях духовного подъёма интеллигентны консолидировались вокруг общественных культурно-просветительных организаций. Наиболее заметными были такие организации как Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) и созданный в 1986 г. по инициативе академика Д.С. Лихачёва Советский фонд культуры (СФК).

¹ Рыженко В.Г. Интеллигенция... С. 21.

² Садина С.С. Основные принципы отношений «советская интеллигенция – народ»: ретроспективный взгляд // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции: монография. Иваново, 2008. С. 224.

Для постижения внутренних процессов, актуализирующих роль интеллигенции в формировании культурного пространства России и регионов, важно обратить внимание на проблемы мифологизации и демифологизации исторического сознания: «трансформации памяти о реальном событии в исторический миф – и обратного процесса разрушения, дискредитации исторического мифа под напором "неудобных" фактических данных, не соответствующих внутренней логике мифологизированных образов»¹. Именно с этими проблемами столкнулась советская интеллигенция в эпоху перестройки, когда, выступая в роли транслятора исторической памяти, ей пришлось учитывать многочисленные противоречия между существующими мифологическими историческими конструктами и вызовами объективной реальности.

Одним из ключевых «камней преткновения» стала рефлексия на тему истории революционных процессов 1917 г. и Гражданской войны в России. Формирование «революционного мифа», завершившееся в конце 1930-х годов, превратило «1917-й год» и историю Гражданской войны в основополагающий сюжет исторической памяти советского народа. Структура мифа была такова, что уже на раннем этапе перестройки пришло понимание возможности разрушения подобного идеологического конструкта от малейших колебаний его фундаментальных основ. Разумеется, первоначально ни власть, ни большинство интеллигенции не могли и предположить, что ревизия истории революции может привести к необратимым последствиям для данного мифа. В то же время была осуществлена попытка реанимации этого окончательно «забронзовевшего» на тот момент догмата.

Повод для оживления памяти о славной революционной истории был выбран значительный – 70-летие Октябрьской революции. Так, в Омске в 1987 г. областным отделением ВООПИиК совместно с городскими партийными и комсомольскими организациями было инициировано создание нового мемориального комплекса – памятника «жертвам колчаковского террора»: «этот уголок старой Загородной рощи стал в те далёкие годы местом кровавых злодеяний колчаковцев... Давно уже омичи предлагали отметить это место народной скорби памятником или памятным знаком. Наверное, в этом и есть глубокий смысл празднования юбилеев Родины, что они как бы передают новым поколениям эстафету мудрой вековой традиции – свято чтить память тех, кто погиб за наше будущее»². Итогом реализации этой инициативы стало создание в Омске нового монументального «места памяти» – памятника борцам революции, расстрелянным в Старой Загородной роще в ноябре 1919 года. В 1989 г. был изменён облик и старейшего мемориального сквера Омска – Мемориала борцов революции. В нём, являющимся одновременно и «братским захоронением», были установлены шесть бюстов (работы

¹ Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2001. С. 382.

² Чижик Д. По долгу памяти // Вечерний Омск. 1987. 21 августа. № 193.

скульптора Ф.Д. Бугаенко) руководителей омского подполья времён правления А.В. Колчака¹. Оба мемориальных комплекса были созданы при активном сотрудничестве партийных, общественных организаций и широких масс населения города. Омским горисполкомом было принято решение о создании Фонда охраны памятников при Госбанке. Добровольные пожертвования вносились как общественными организациями, так и научно-исследовательскими учреждениями, коллективами предприятий и частными лицами. Особо подчёркивалось, что данная инициатива реализуется «по многочисленным просьбам омичей»². То есть, несмотря на многочисленные публикации в СМИ в тот период, развенчивающие многочисленные исторические мифы, на локальном уровне установленные мифологемы не подверглись отчуждению в массовом сознании. Формула «большевики – борцы за народное счастье» оставалась его устоявшимся стереотипом.

Героико-романтическая интерпретация событий 1917–1921 гг. также не подвергалась сомнению. Именно этот сюжет исторической памяти являлся главенствующим в процессах конструирования памяти о прошлом. Более того, в новосибирской культурной среде такой мотив чувствуется явственнее. Данное историко-культурное своеобразие сложилось по причине того, что у Новосибирска, основанного в 1890-е годов, не было за плечами двухвековой истории, в которой нашлось бы место памятным конструктам, связанным с колонизацией коренных народов, ссыльными декабристами, с созданием научных этнографических и музейных центров. В Омске первый подобный центр появился в 1877 г. на базе Русского географического общества. В Новосибирске данные центры были созданы лишь в конце 1960-х годов на базе Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Поскольку Новониколаевск/Новосибирск оказался в поле российской истории XVIII–XIX веков лишь опосредованно, через общую концепцию истории освоения Сибири, то культурная память горожан вынуждена была особенно чётко фиксировать внимание на революционных традициях, истории большевистской партии, бурных событиях 1920-х – 1930-х годов, обеспечивших Новосибирску почётное положение столицы Сибири. Деятельность новосибирских отделений ВООПИиК и СФК в годы перестройки обращена к необходимости реставрации музея В.И. Ленина, сквера Героев революции, созданию музея сибирской революционерки-подпольщицы Дуси Ковальчук³. Все эти мероприятия не должны были стать очередным юбилейным «ремонтom фасада». Данные «места памяти» обретали новое актуальное значение, новую жизнь, сохраняя старые смыслы. Героико-романтический

¹ Назарцева Т.М. К вопросу о монументальных памятниках и городской скульптуре Омска. // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья. Омск, 2005. С. 57–66.

² Куницын В. Внеси свой вклад // Вечерний Омск. 1987. 1 мая. № 102.

³ ГАНО. Ф. Р.-2054. Оп. 1. Д. 338. Л. 4; ГАНО. Ф.Р.-2099. Оп. 1. Д. 6. Л. 8–9.

дискурс продолжал находить своё отражение в социальной реальности вплоть до начала 1990-х годов¹.

Другим важнейшим мотивом в формировании целостной картины исторической памяти служило увековечивание различных сюжетов истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Ставшая возможной благодаря осуществлению политики гласности и демократизации публикация ряда новых публицистических работ на тему войны стимулировала повышенный интерес к данной проблеме. Не остались равнодушными к теме «памяти о войне» и культурно-просветительные организации. Так, сибирские региональные отделения Советского фонда культуры начали активно способствовать воплощению в жизнь идеи об увековечивании подвига героев-сибиряков, павших в боях осенью – зимой 1942/43 гг. под г. Белый Калининской области. Следует уточнить, что предшествовало этому совместное письмо секретаря Новосибирского обкома КПСС А. Филатова и секретаря Калининского обкома КПСС П. Леонова в Совет Министров СССР с предложением о сооружении памятника воинам-сибирякам и просьбой разрешить его проектирование и строительство за счёт «средств, заработанных на комсомольских субботниках»². Данное предложение было принято к празднуемой в 1985 г. важной памятной дате – 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Но реализация проекта затянулась. В 1987 г. к этой работе активно подключились сибирские отделения Фонда культуры. В деле создания новых монументальных мест памяти они шли «рука об руку» с партийными и хозяйственными организациями. И в этом заключается ещё одна особенность участия интеллигенции в процессах формирования нравственных ориентиров общества в рамках советской идеологии. Данная тенденция прослеживалась вплоть до 1991 года.

Обращение президиума правления Совета «Память» Фонда культуры и Совета ветеранов 75-й Гвардейской бригады по увековечиванию памяти сибиряков, павших в боях под г. Белый, осуществлялось совместно с другими сибирскими отделениями Фонда культуры – Новосибирским, Томским, Кемеровским, Красноярским, Алтайским³. Организовывалась масштабная акция по распространению благотворительных билетов, средства от продажи которых должны были пойти на создание мемориального комплекса. В частности, в ходе сбора средств на сооружение памятника Омское отделение установило контакт (рассчитывая на помощь) с членами Совета ветеранов войны и Омским отделением Фонда Мира⁴. Мемориальный комплекс всем сибирякам, погибшим на фронтах

¹ Асанов Н. Наше прошлое – наше будущее // Советская Сибирь. 1991. 26 июня. № 122.

² Туманик Г.Н. Мемориальный комплекс сибирякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (город Белый Тверской области) // Из истории проектирования и строительства. Новосибирск, 2006. С. 10.

³ ГАНО. Ф. Р-2099. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.

⁴ ГИАОО. Ф. П-654. Оп. 1. Д. 11. Л. 29.

Великой Отечественной войны, сооружённый и торжественно открытый 14 августа 1996 г. под городом Белый в Тверской области, являлся одной из наиболее ярких страниц в возрождении исторической памяти, духовности и высокой нравственности¹.

Региональные филиалы общественных культурно-просветительных организаций активно занимались формированием топографических мест памяти, подчеркивающих вклад регионов в дело Победы. Так, Омским отделением Советского фонда культуры была инициирована установка мемориальной доски Герою Советского Союза Ю.В. Тварковскому на здании Омского государственного университета, расположенного на улице, названной в честь героя. Данная инициатива была воплощена в начале 1990-х годов². Новосибирское отделение ВООПИиКа выработало программу действий, в которой важное место занимала деятельность по изданию «Книги памяти», ревизии и приведению в порядок памятников и обелисков, по установке нового памятника А.И. Покрышкину³.

Великая Отечественная война, события и имена, связанные с нею (включая многочисленные мифологемы), в годы перестройки по-прежнему оставались ключевыми звеньями в цепочке исторической памяти советского общества, актуализируясь в той ли иной степени для каждого нового поколения. Причина такой фундаментальности «памяти о войне» заключалась в том, что героическое повествование о военных годах выполняло потребность общества в образах героев, способных на самопожертвование ради общезначимых ценностей – защиты отечества, своей семьи, мира. Память о войне фактически оказалась единственной формой идентичности советского общества, формирующей общие нравственные ориентиры. Принадлежность каждого к этим событиям и в новые времена позволяла советскому человеку чувствовать себя частью великого народа и правого дела, а значит, позволяла ему чувствовать в себе определённую моральную и нравственную уверенность в себе. Дискредитация образов героев военного времени свидетельствовала бы о разочаровании советского общества в этих ценностях. Несмотря на то, что именно перестроечные процессы подорвали эту монолитную структуру массового сознания, общество и сегодня склонно использовать память о войне как последнюю опору национальной идентичности. Во времена перестройки эти идеологические и социокультурные конструкты были ещё более сильны.

Качественно новым сдвигом в процессах трансляции исторической памяти стал процесс самоидентификации интеллигенции, чьи новые герои должны были закрепиться в массовом сознании советского обще-

¹ Туманик Г.Н. Мемориальный комплекс сибирякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (город Белый Тверской области) // Из истории проектирования... С. 7.

² Назарцева Т.М. Деятельность совета краеведения Омского отделения Фонда культуры (1988–1997) // Вестник культуры. Декабрь 2012. № 2. С. 3.

³ ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 379. Л. 31.

ства. Новыми фигурами культурной самоидентификации стали великие представители русской интеллигенции, люди науки и искусств. Именно в перестройку эти исторические персонажи потеснили образы героев революции и мирового коммунистического движения. В доперестроечные годы при господствующей идеологии, формировавшей свой пантеон героев, данное явление вряд ли получило бы распространение. Но «новое мышление» поставило перед интеллигенцией необходимость поиска новых героев. Их значимость заключалась в том, что они, не жертвуя собой, сумели стать трансляторами тех идеалов, которые должно было разделять всё общество. За фактическим отсутствием подобных героев в пределах действия так называемой мягкой памяти, основанной на личных воспоминаниях и персональном опыте, осуществлялись попытки обратиться массовое сознание к эпохам далёкого прошлого, казавшегося интеллигенции, после всех трагических событий XX в., более человеколюбивым и нравственным. Такими «новыми» героями являлись великие писатели. Например, одним из самых значительных мероприятий Омского отделения советского фонда культуры в годы перестройки стала реализация проекта по масштабному празднованию 170-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского, а также созданию и установке памятника писателю в Омске. Для реализации этого начинания в рамках Омского отделения СФК был создан специальный Совет, получивший название «Достоевский и Сибирь». В документах, подводивших итог деятельности областного отделения за 1988 г., встречается такая характеристика деятельности Совета: «Советом "Достоевский и Сибирь" разработан перспективный план работы по подготовке к 170-летию Ф.М. Достоевского (1991 г.), предложения Совета переданы управлению культуры для учёта при составлении общей программы подготовки к юбилею писателя. Совету в соответствии с разработанным планом предстоит подготовка научной конференции, обеспечение разработки эскизов юбилейной медали (совместно с худфондом) и других мероприятий, связанных с творчеством Достоевского и его пребыванием в Омском остроге»¹. В Новосибирске в этот же период активно велись разговоры о необходимости установки памятника основателю города Н.Г. Гарину-Михайловскому. Газета «Молодость Сибири» сообщила: «Гарин-Михайловский. Известный писатель-демократ, честнейший человек <...> Михайловский отстаивал наилучшее и кратчайшее направление магистрали (благодаря строительству которой собственно и появился будущий г. Новосибирск – С.С.) <...>. Именем первопроходца названа привокзальная площадь. Решено было её, безликую украсить памятником Гарину-Михайловскому <...>. Десять лет прошло, а площадь по-прежнему безлика!»². Во всех публикациях на данную тему постоянно отмечалась необходимость акцентировать внимание на том, что основателем Новосибирска являлся именно писатель, личность, в первую оче-

¹ ГИАОО. Ф. П-654. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.

² Брат А. С чего начинается Родина? // Молодость Сибири. 1987. 30 мая. № 64–66.

редь, творческая¹. Так, в 1989 г. в книжной серии «Земляки» вышел подробный очерк о Гарине-Михайловском известного сибирского писателя и публициста А.В. Никулькова под символическим названием «Современник из прошлого века»².

Поиск моральных авторитетов в прошлых эпохах продолжился и среди фигур из области науки и общественной жизни. Так, в Омске активно обсуждалась инициатива по установке бюста видному публицисту, исследователю Сибири и Центральной Азии, идеологу сибирского областничества Н.М. Ядринцеву (1842–1894 гг.)³. Данное начинание так и не воплотилось в жизнь, но в постперестроечные годы в Омске появился памятный знак, связанный с именем Н.М. Ядринцева. По инициативе Совета краеведения Омского отделения СФК в Омске на здании Музея изобразительных искусств была открыта мемориальная доска Н.М. Ядринцеву в рамках первой научной конференции его памяти в 1992 год⁴. В Новосибирске аналогичная инициатива была связана с именем академика, основателя Сибирского отделения Академии наук СССР и Академгородка М.А. Лаврентьева (1900–1980 гг.)⁵. При участии культурно-просветительных организаций реализовывались проекты создания музеев: русского путешественника, исследователя Центральной Азии М.В. Певцова (1843–1902 гг.) в Омске⁶ и одного из основоположников космонавтики Ю.В. Кондратюка (1897–1942 гг.) в Новосибирске⁷ и т.д. В нашем локальном опыте исследования любопытно, что при формировании новой самоидентификации общества путём своеобразного «воскрешения» фигур из эпохи ушедшей культуры акценты распределились прямо пропорционально между городами. В Омске внимание акцентировалось на персонажах XIX в., а в Новосибирске – на образах людей из XX в. соответственно особенностям исторического развития и социокультурной значимости этих городов.

Историко-культурные нарративы, сформировавшиеся вокруг фигур представителей русской культуры прошлого в эпоху перестройки, содержали два ключевых момента: сознательное выделение и превознесение интеллигенции как социальной прослойки и попытку переосмысления значения культурных конструктов прошлого в качестве «спасительной соломинки» в условиях нарастающего идеологического, ценностного и эмоционального кризиса.

¹ ГАНО. Ф. Р-2099. Оп. 1. Д. 26. Л. 5.

² Никульков А.В. Н.Г. Гарин-Михайловский. Современник из прошлого века. Новосибирск, 1989. С. 49–182.

³ ГИАОО. Ф. П-654. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁴ Рыженко В.Г. Оглядываясь в начало 1990-х годов: образ Н.М. Ядринцева в материалах научной конференции в Омске, посвящённой его памяти // Первые Ядринцевские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2012. С. 74–76.

⁵ ГАНО. Ф. Р-2099. Оп. 1. Д. 3. Л. 69.

⁶ ГИАОО. Ф. П-654. Оп. 1. Д. 23. Л. 30–31.

⁷ ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 355а. Л. 23.

Эволюция и трансформация категорий исторического сознания, начавшиеся в эпоху перестройки, продолжают и сегодня. Уверенные шаги к демифологизации исторического сознания советского (а теперь и российского) общества, начатые в конце 1980-х годов, поставили ряд важных проблемных вопросов перед интеллигенцией как транслятором исторической памяти и обществом в целом. В данном случае были рассмотрены лишь несколько локальных сюжетов, связанных с событиями и именами, формирующими опоры национальной исторической и культурной памяти. Особенностью зародившегося в годы перестройки варианта развития коллективной идентичности стало освобождение духовной жизни общества от тотального контроля со стороны государства. Произошёл отказ от главенства единственной идеологии, определявшей культурную жизнь советского социума. Данное явление породило проблему поиска новых оснований идентичности, невозможности полной утраты её прежнего фундамента путём сохранения вневременных символических и функциональных аспектов памяти общества. Необходимо продолжать изучение культурно-просветительных общественных организаций в контексте истории интеллигенции в целом и в русле подходов новой локальной истории, что позволит оценить степень их влияния на изменения в историческом сознании современного российского общества.

А.Н. Левицкий

Изучение древнерусской этнической реальности и смена парадигмы: опыт белорусской историографии (1991–2001 гг.)

В конце 1980-х годов белорусские историки-профессионалы столкнулись с рядом существенных трудностей, вызванных стремительным изменением общественно-политического контекста их деятельности. В первую очередь, речь шла о необходимости реинтерпретации национального прошлого, об отказе от его русскоцентричного рассмотрения. Данный запрос в значительной мере удовлетворялся не профессионалами, но разного рода «трикстерами» (М. Ермалович, В. Орлов, К. Тарасов) – это преимущественно литераторы, которые еще в период господства общеобязательного нарратива об истории БССР пытались формулировать альтернативные видения белорусской истории. Для цеха профессионалов значимой проблемой стала необходимость рефлексии методов и подходов, которые применялись в их исследованиях. Росло понимание ущербности, сложившейся в этом отношении в советской науке практики. «Схоластика и догматизм захлестнули историческую науку», – подытоживали опыт советской историографии белорусские ученые в конце 1980-х годов¹.

Положение белорусской исторической науки начала 1990-х годов обуславливалось так называемым «национальным возрождением», которое имело целью преодоление последствий культурной политики в БССР 1930-х – 1980-х годов. Историография получила важные социальные функции, речь шла о «месте исторической науки в формировании национального сознания»². Ставилась задача формулирования новой национальной мифологии, способной заместить советские интерпретации³.

Важнейшим пунктом обсуждения актуальных тенденций в белорусской исторической науке стала «национальная концепция истории Беларуси» (или «национальная историография»), окончательно разработанная к осени 1992 года⁴. Ее научная формулировка была представлена

Левицкий Антон Николаевич, студент Белорусского государственного университета. Эл. почта: kot.u.miacchu@gmail.com

¹ *На скрыжаванні думак: Вучоныя аб «белых плямах» гісторыі Беларусі.* Мн., 1990. С. 5.

² *Грыцкевіч В.* Якой быць беларускай гістарычнай навуцы // *Полымя.* 1992. №5. С. 202–204. См. так же: *Maldsis A.* Die Wiedererstehung der belorussischen Nation aus ihrem historischen und kulturellen Erbe // *Osteuropa.* Berlin, 1992. Jg. 42. Nr. 4. S. 310–318.

³ *Між айчынным чытачом і замежным калегам.* Круглы стол па праблемах беларускай гістарыяграфіі // *ARCHE* Пачатак. 2003. №2. С. 40.

⁴ См.: *Котов И.С.* Влияние политической конъюнктуры на изучение истории // *Методологические проблемы исторической науки: Сб. статей по материалам междунар. науч. конф. (Минск, 29 сентября – 1 октября 1992 г.).* Минск, 1993. С. 61–64.

известным белорусским ученым М. Бичом в начале 1993 г. на страницах первого номера «Беларускага гістарычнага часопіса»¹. Одним из ориентиров данной концепции объявлялась методологическая плюралистичность, то есть подразумевалось приобщение белорусских ученых к разнообразным, в первую очередь, западноевропейским и североамериканским методологиям. Западная теория однозначно воспринималась как единственное средство преобразования белорусской науки в полноценную систему научного познания. Хотя ее ключевое содержание, несомненно, заключалось в расширении проблематики исследований, изучение белых пятен, замене устаревших интерпретаций².

Практическая реализация данной программы столкнулась со многими трудностями. Это хорошо иллюстрировала проведенная в 1992 г. конференция по проблемам методологии исторической науки. Среди ее участников только философ В. Фурс предложил ясную программу с четко указанными методологическими ориентирами, прежде всего, имелся в виду опыт школы «Анналов»³.

«Оцепенение» методологии белорусской исторической науки в 1990-х годов отмечалось многими исследователями и с разных позиций. Так, Р. Линднер констатировал, что изданные в 1994–1995 гг. «Очерки истории Беларуси»⁴ – основополагающий труд обновленной исторической науки в Беларуси – представляют собой не что иное, как советские теоретические структуры, которые наполнялись новым содержанием и противоположными оценочными суждениями⁵. В 2001 г. Г. Саганович, рассматривая итоги развития белорусской историографии за десятилетие, также отмечал, что потребность «писать по-новому», с которой столкнулись историки, чаще всего приводила к изменениям в проблематике исследовательской работы, а не ее методологии⁶. Наконец, главный редактор «Беларускага гістарычнага часопіса», В. Кушнер, в 1994 г. был вынужден констатировать, что его предложения написать статью по методологии, обращенные к отдельным авторам, не нашли поддержки: «это пока что слабая сторона белорусского исторической науки»⁷.

Важным свидетельством общего порядка вещей в белорусской этнологии, которая в значительной степени формировала интеллектуальный

¹ Біч М. Аб нацыянальны канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С. 15–24.

² Ср.: *З гісторыяй на «Вы»*: Публіцыстычныя артыкулы. Мінск, 1991.

³ Фурс В.Н. Границы исторического описания // Методологические проблемы исторической науки: Сб. статей по материалам междунар. науч. конф. (Минск, 29 сентября – 1 октября 1992 года). Минск, 1993. С. 34–39.

⁴ *Нарысы гісторыі Беларусі*. У 2-х ч. Ч. 1. Мінск, 1994.

⁵ Линднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Кантакты і дыялогі. 1996. №3. С. 20–25.

⁶ Сагановіч Г. Дзесяць гадоў беларускай гістарыяграфіі (1991–2001) // Беларускі Гістарычны Агляд. 2001. Т. 8, Сш. 1–2. С. 225.

⁷ Кушнер В. Нашы здабыткі і планы // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. №1. С. 4.

базис этнической истории, является предложенная белорусским этнологом М. Пилипенко рефлексия о методологических аспектах изучения этногенеза¹. Ученый опирался на советскую традицию как в конкретной постановке вопроса, так и в общем представлении о социогуманитарном знании. Как отметил А. Браточкин, в первой половине 1990-х годов исследователи в Беларуси еще не знали, что нация или история могут быть конструкцией². Ключевыми способами изучения этногенеза, согласно М. Пилипенко, являются сравнительно-исторический, структурный и диффузионистский методы (что конкретно имеется в виду, М. Пилипенко не пояснял). Делалось указание на необходимость критического отношения к письменным источникам и на неоднозначность, предварительный характер заключений археологов.

Возникает вопрос: если в начале 1990-х годов возникла необходимость сплошного пересмотра прежнего исторического нарратива, как пишет В. Грицкевич, «начиная с вопросов этногенеза, с происхождения белорусского этноса»³, то на каких теоретических основах мог происходить пересмотр привычной трактовки этнических процессов древнерусской эпохи? Важная роль отводилась институциональным изменениям⁴. В 1991 г. был создан Национальный научно-просветительский центр имени Ф. Скорины, призванный аккумулировать актуальное интеллектуальное производство в Беларуси⁵. В этот ряд необходимо включить Европейский гуманитарный университет, возникший в Минске в 1992 г. и имевший целью «привнести в то, что осталось от советской системы высшего образования, стандарты европейской научности, европейские параметры научной коммуникации и образовательных программ»⁶.

Так, если обратить внимание на статью М. Пилипенко, которая уже рассматривалась выше, то она никаким образом не предлагает переосмыслить само ключевое понятие данного нарратива – «этнос». В 1993 г. сотрудник центра имени Ф. Скорины А. Антипенко также обращался к рассмотрению основных категорий этого проблемного поля, но и его предложения

¹ Пилипенко М.Ф. Методологические проблемы этногенеза // Методологические проблемы исторической науки: Сб. статей по материалам междунар. науч. конф. (Минск, 29 сентября – 1 октября 1992 г.). Минск, 1993. С. 80–84.

² Браточкин А. Историческая наука в Беларуси после 1991 года: кризис марксистской методологии и поиск новых теоретических оснований // После советского марксизма: история, философия, социология и психоанализ в национальных контекстах (Беларусь, Украина). Вильнюс, 2013. С. 24.

³ Грицкевич В. Якой быць беларускай гістарычнай навуцы // Польша. 1992. № 5. С. 208.

⁴ Там же. С. 224.

⁵ Об этом см. Залоска Ю. Версії. Шлях да храма "idea sui". Дзённікі, дыялогі, эсэ. Мінск, 1995. С. 214–215.

⁶ Горных А. Беларусь: случай антимодернистской идеологии // Топос. 2005. № 1(10). С. 29–30; См. Ушакин С. Наука: вещь в себе и вещь для себя // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 186.

не опирались на западное гуманитарное знание: работы европейских и американских теоретиков не использовались, а этнос несколько невяжато определялся как «явление прежде всего природно-социальное или, точнее, природно-культурное»¹.

Накопленный опыт новой белорусской исторической науки был обобщен в «Очерках истории Беларуси», первая часть которых вышла из печати в 1994 г. Г. Штыхов и Т. Карбушкіна были авторами подраздела, в котором рассматривалась этническая история Беларуси IX–XIII веков². Этот текст последовательно воспроизводит советский способ описания этнокультурной действительности той или иной эпохи. Речь идет о концепции этноса, разработанной Ю. Бромлеем³. Этнос определялся, прежде всего, через материальную культуру (особенности захоронения: «для полоцких кривичей, или «полочан», как они обозначены в письменных источниках, характерно культура длинных курганов») и «этнографические элементы». Имелись в виду, по всей видимости, язык и опять же культура. Очень большое внимание в этом нарративе уделялось археологическому аспекту вопроса: предоставлялось описание могильников кривичей, называлось местонахождение некоторых из них, разграничивались славянские и балтские черты этих захоронений, отслеживалась эволюция погребального обряда. В подобном русле было построено описание дреговичского и радимичского сообществ.

Тем не менее, несмотря на доминирование вышеназванных тенденций, происходили процессы адаптации западных теорий. Важным фактором было расширение международных контактов белорусской исторической науки⁴, через появление переводов на русский язык, прежде всего в России, осуществлялось непосредственное знакомство с внешним гуманитарным знанием. Некоторые переводы по проблематике этнического развития появились и в самой Беларуси. В частности, можно отметить несколько работ Э. Смита⁵, которые появились и были переведены на белорусский язык еще в середине 1990-х годов. Чуть позже в журнале «Фрагменты» был опубликован очень важный текст польского исследователя А. Валицкога, который отражал многие тенденции в вопросах

¹ Анціпенка А. Этнос, нацыя, нацыянальная самасвядомасць (да вызначэння падставовых паняццяў) // Культура. 1994. 26 студз. С. 5–6.

² Карбушкіна Т.М., Штыхаў Г.В. Усходнія славяне – асноўнае насельніцтва Беларусі ў IX – першай палове XIII ст. // Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч. 1. Мінск, 1994. С. 57–74.

³ См., например: Бромлей Ю. Современные проблемы этнографии. Москва, 1981.

⁴ Браточкин А. Историческая наука в Беларуси после 1991 года: кризис марксистской методологии и поиск новых теоретических оснований // После советского марксизма... С. 22.

⁵ Сміт Э. Паўставаўне нацыі / пер. з англ. В. Зайкі // Наша Ніва. 1994. № 3. С. 8–11; Сміт Э. Нацыяналізм у дваццатым стагоддзі / пер. з англ. С. Нагорнага. Мінск, 1995.

изучения этнической истории на Западе и в Польше¹. В 2000-х годов перевод научной гуманитарной литературы активизируется, прежде всего, в связи с деятельностью журнала «ARCHE Пачатак», главный редактор которого, В. Булгаков, занимается изучением этнических процессов XIX века. Нельзя не отметить в этой связи полное отсутствие интереса к переводной деятельности государственных научных институций.

В 1990-х годов были осуществлены также первые попытки расширения границ описания применительно к этнической истории Беларуси. В частности, необходимо обратить внимание на фигуру этнографа П. Терешковича и его доклад на одной из конференций, организованных в Гродно, который был опубликован в сборнике «Наша родословная»². Автор указывал, в частности, на необходимость четкого разграничения «традиционных» / «доиндустриальных» и «современных» / «индустриальных» обществ. Этническую историю Беларуси он рассматривал через призму информационной теории этноса, выработанную С. Арутюновым и М. Чебоксаровым³. Согласно этой теории, между донациональными и национальными сообществами существует принципиальное отличие по объему и способам трансляции информации. «В донациональных сообществах преобладает устная / фольклорная форма ее сохранения и распространения. Межпоколенные связи, социализация и этнизация лица осуществляются в рамках первичных социальных коллективов – семьи и общины»⁴. Основой нации, в свою очередь, является тиражирование текстов посредством СМИ и художественной культуры и система школьного воспитания. П. Терешкович подчеркивал также, что на донациональной стадии часто существует иерархическая, плюралистическая система самосознания народа, которая часто не включает этническую. Данный текст имеет существенное значение: в нем представлен исключительно важный опыт перенесения новых теорий в изучение проблематики этнической истории.

¹ *Валицькі А.* Інтэлектуальныя эліты і зьменлівыя лёсы «вымысьленае нацыі» ў Польшчы / пер. з польскай В. Гурло // Фрагмэнты. 1999. № 3–4. С. 153–182.

² *Церашковіч П.У.* Гісторыя Беларусі ў кантэксьце інфармацыйнай тэорыі этнасу // Наш Радавод. Матэрыялы міжнароднай навучнай канфэрэнцыі па рэгіянальнай історыі Восточнай Эўропы «Культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі, XIII – нач. XX вв.» (Гродно, 22–24 кастрычніка 1991 г.). Кн. 3. Ч. 3. Гродно, 1991. С. 409–416.

³ См.: *Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Москва, 1972. С. 8–30.

⁴ *Церашковіч П.У.* Гісторыя Беларусі ў кантэксьце інфармацыйнай тэорыі этнасу // Наш Радавод. Матэрыялы міжнароднай навучнай канфэрэнцыі па рэгіянальнай історыі Восточнай Эўропы «Культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі, XIII – нач. XX вв.» (Гродно, 22–24 кастрычніка 1991 г.). Кн. 3. Ч. 3. Гродно, 1991. С. 409.

Сильные позиции в формировании представления об этнической реальности русских земель X–XIII веков традиционно сохраняла археология. Археологи, как правило, исходили из интерпретации отдельных явлений материальной культуры как этнических маркеров¹. Прекрасный пример такого способа написания этнической истории древнерусских княжеств представлены также у Ю. Зайца. Например, определяя городище Замэчэк (в Заславле) как крепость, он опирался на свое мнение касательно этнического состава населения этого поселения: «среди этноопределяющих вещей из курганных захоронений, связанных с городищем, нет ни кривичских, ни дреговичских украшений»².

В 2001 г. французская белорусистка В. Шиманец следующим образом охарактеризовала положение дел в белорусской гуманитаристике: «примордиалистские объяснения "культуры" и "нации" становятся чем-то очевидным, а их авторы избегают взвешенных дебатов об объективности этих понятий»³. В этой связи показательна настороженная реакция среди белорусских историков на попытки их украинских коллег радикально отойти от традиционного понимания данной проблематики⁴. Так, на международном круглом столе в 2002 г. украинский историк А. Толочко попытался описать этническую историю Древней Руси сквозь призму идей Б. Андерсона⁵.

О. Шутова наглядно демонстрирует, с какими трудностями сталкивается в Беларуси рецепция конструктивизма⁶. Вообще необходимо отметить, что систематическая артикуляция этих новаций началась в Беларуси фактически только в 2000-х годах. Еще в 2004 г. П. Терешкович констатировал, что достижения западных гуманитарных наук малоизвестны в Беларуси «вследствие изолированности отечественной исторической науки»⁷. Не все пункты из повестки этого обсуждения значимы в контексте вопроса об этнических процессах в Древней Руси, поскольку они преимущественно сосредоточены на проблемах изучения национализмов, то есть XIX и XX века. Вместе с тем очевидно, что констатация само-

¹ См. например: *Іоў А.* Этнічны склад насельніцтва Заходняга Палесся ў X–XIII стст. (па матэрыялах сельскіх паселішчаў) // *Старонкі гісторыі Беларусі.* Мінск, 1992. С. 25–36.

² *Зяцэ Ю.А.* Заславль в эпоху феодализма. Мінск, 1995. С. 109.

³ *Шыманец В.* Аўтарытарныя культуры / В. Шыманец // *ARCHE* Пачатак. 2001. №4. С. 86.

⁴ *Темушев С.Н.* [Рецензия] // *Российские и славянские исследования: науч. сб.* Вып. 3. Минск, 2008. С. 266. Рец. на кн.: *Юсова Н.Н.* «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). Київ, 2006.

⁵ *Толочко А.* Воображённая народность // *Ruthenica.* Т. I. Київ, 2002. С. 112–117.

⁶ *Шутова О.М.* Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX – начале XXI века. Минск, 2008. С. 141–143.

⁷ *Терешкович П.В.* Этнической истории Беларуси XIX – начала XX в. в контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004. С. 25.

го факта существования такого направления как «этно-символизм» (по классификации Э. Смита), который акцентирует внимание на тех элементах, которые нация наследует от преиндустриальных обществ¹, видимо, влияло на изучение рассматриваемой проблемы. Оно вело к отходу от прежних взглядов на этничность, к осознанию того факта, что она конституируется не как изначальная данность, а производится с участием самых разнообразных социокультурных факторов. Такое понимание этничности присутствует, например, в работах А. Богдановича, в которых он прослеживал историографическую традицию изучения этнического самосознания в средневековой Беларуси². Он обратил внимание (со ссылкой на белорусского историка первой половины XX в. В. Ластовского) на роль православной составляющей в этническом самоопределении и влияние на его книжную, летописную традиции³.

Отдельно необходимо отметить работы представителя новой волны белорусских историков (пришедших в профессию в 1990-е годы) И. Марзалеюка и его попытку построить сквозную генеалогию современных белорусов в рамках интеллектуальных традиций русских элит XI–XVIII веков. Она в значительной мере сопряжена с таким направлением как интеллектуальная история, в первую очередь, последовательной ориентированностью на письменное наследие соответствующих периодов. Так построенная, в частности, его статья «Историческая самоидентичность населения Беларуси в 11–17 вв.»⁴. Полемизируя с мнением о нации как исключительном продукте эпохи модернизации (то есть XIX–XX веков), он обосновывает предположение о том, что уже в XVI в. сложился интеллектуальный образ «русской нации» (включавшей предков современных белорусов и украинцев), которая использовала в качестве исторической мифологии комплекс представлений о Древней Руси⁵. Его работе свойственно, например, четкое понимание, что «совсем одно – начало формирования объективных этнических признаков, и совсем другое – осмысление их в качестве этнических маркеров»⁶. Целью исследования И. Марзалеюка

¹ Терешкович П.В. Этнической история Беларуси... С. 26.

² Багдановіч А. Пытанні вывучэння этнічнай самасвядомасці: спроба гістарыяграфічнага аналізу праблемы па матэрыялах Беларусі перыяду сярэднявечча // Старонкі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск, 1997. С. 36–43.

³ Там же. С. 40.

⁴ Марзалеюк І. Гістарычная самаідэнтычнасць насельніцтва Беларусі ў 11–17 стст. // Гістарычны альманах. 2001. Т. 5. С. 3–22; См. также: Марзалеюк І. Велікое княжства Літовскае в історыі памяці беларусоў-русіноў: ад сярэднявеква к постмодэрну // Ab Imperio. 2004. № 4. С. 539–560.

⁵ См. помещение идей И. Марзалеюка в более широкий контекст: Смальянчук А. Ліцвінства, заходнерусізм і беларуская ідэя. XIX – пачатак XX ст. // Інтэрнэт-бібліятэка kamunikat.org [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://kamunikat.org/7983.html>. Дата доступу: 22.12.2013.

⁶ Марзалеюк І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVIII стст.). Магілёў, 2003. С. 18.

является не обсуждение «объективных признаков этноса (язык и материальная культура)», но «прежде всего самосознание старобелорусского населения»¹.

Следовательно, после 1991 г. в белорусской историографии доминирующее положение сохраняет несколько модернизированный советский нарратив этнической истории Древней Руси. В центре описания историков находился этнос, как он был определен Ю. Бромлеем, в контексте древнерусской истории рассматриваемый, в первую очередь, сквозь призму археологических данных. В центре внимания историков были не вопросы теоретического переосмысления ключевых оснований изучения этнической истории, но проблемы идеологического порядка, например, деконструкция концепции древнерусской народности. Само собой разумеется, в условиях краха «железного занавеса» белорусские ученые также получили возможность ознакомиться с западными тенденциями в гуманитарных науках, где с 1980-х годов утвердился принципиально иной подход к вопросам этничности. Рецепция западной теории начинается ближе к концу 1990-х годов, а немногочисленные работы, выполненные в этом ключе, не получили определяющего влияния на историческую науку.

¹ Марзалюк І.А. Людзі даўняй Беларусі... С. 9.

Аннотации

Скурко Полина Дмитриевна. Читатели и книги в Великом княжестве Литовском XVI–XVII вв.

Статья посвящена выявлению роли книг и чтения в повседневности жителей Великого княжества Литовского в XVI–XVII веках. В частности, книжная культура рассмотрена как элемент повседневности разных слоёв населения. Сделан вывод о том, что интерес к чтению вместе со стремлением к образованию всё больше распространялся в Новое время в Великом княжестве Литовском.

Ключевые слова: книжная культура, чтение, частные библиотеки, история Великого княжества Литовского, история повседневности, история культуры.

Шевченко Сергей Александрович. Проблема стерилизации американских заключённых в контексте конституционных противоречий США (1907–1914 гг.).

В статье исследуются законодательные акты ряда штатов США, предусматривающие стерилизацию заключённых, анализируются противоречия стерилизационных законов Конституции США, а также причины их принятия. Автор отмечает «возможное» противоречие законов восьмой поправке, а также «фактическое» противоречие десятому разделу первой статьи Конституции США. Автор приходит к выводу о том, что положения по стерилизации заключённых носили евгенико-терапевтический, а не правовой характер.

Ключевые слова: стерилизационное законодательство, пенитенциарная система, заключённые, США.

Бойко Наталья Викторовна. Далиты: социально-правовое положение на современном этапе (на примере штата Уттар-Прадеш).

В статье предпринята попытка охарактеризовать основное поле социальных проблем и их последствия для жизни далитов. В частности, осуществлен сравнительный анализ юридического и фактического социально-правового и экономического положения далитов (угнетённые) в XXI в., которые в традиционной индийской социальной стратификации представляют собой слой «неприкасаемых», а в правительственных документах фигурируют под определением «зарегистрированные касты». Автор делает вывод о том, что государственные инициативы значительно оторваны от реально существующей ситуации, а нормотворчество значительно опережает психологию индийцев.

Ключевые слова: далиты, неприкасаемые, социальное неравенство, кастовая дискриминация, кастовая система, Уттар-Прадеш, Индия.

Кондратенко Галина Викторовна. Роль системы прописки в создании социальных проблем и нарастании экономических противоречий в современном Китае.

Статья посвящена рассмотрению внутренней миграции в Китае с помощью анализа института прописки, который на протяжении полувека определяет основные черты миграционных потоков внутри страны. В частности, проанализированы социальная, экономическая и демографическая политика, изменение института прописки и юридического статуса мигрантов, процессы национальной и хозяйственной дезинтеграции, влияющие на перемещения населения в КНР. Автор делает вывод о том, что существующая система прописки является ключевым фактором, определяющим характер и механизм внутренней миграции в Китае и обуславливающим проблемы, с которыми сталкиваются мигранты.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие Китая, внутренняя миграция, система прописки, урбанизация, раскол между городом и деревней, региональное неравенство, социальная политика в отношении мигрантов.

Беличков Евгений Васильевич. Лжедмитрий I и явление религиозного либерализма в России XVII в.

Статья посвящена выявлению роли Лжедмитрия I в истории российской конфессиональной политики. В частности, затрагивается вопрос об особенностях личности Лжедмитрия I, сделавших возможным проведение им политики максимально возможной толерантности к католицизму и даже к протестантизму, а также вопрос о месте эпохи Лжедмитрия в общей истории русской конфессиональной политики. Сделан вывод о том, что Лжедмитрий был по духу религиозно индифферентным европейцем. Это позволило ему смотреть на проблемы религии иначе, чем прежним русским царям. Именно с него в России начинается история того, что автор называет религиозным либерализмом.

Ключевые слова: Россия XVII в., Лжедмитрий, религиозный либерализм.

Слугина Виктория Александровна. Санкции в сибирских крестоцеловальных и шертоприводных записях XVII в.

В статье рассматривается место и роль статьи-санкции (неблагоприятные последствия нарушения статей) в текстах шертоприводных и крестоцеловальных записей, отправляемых в Сибирь для приведения в подданство населения. В результате сравнительного анализа автором была выявлена эволюция содержания статей санкций с учетом исторического контекста XVII в., проанализированы причины включения статей-санкций в тексты присяг. В статье делается вывод о том, что санкции, включенные в тексты крестоцеловальных записей, с одной стороны, схожи с санкциями шертоприводных записей, так как описывают религиозные последствия нарушения статей. С другой стороны, санкции в крестоцеловальных записях выходят из употребления после Смуты, в то время как в шертоприводных записях продолжают использоваться по

инициативе воевод, которые писали статьи-запрещения самостоятельно, исходя из религиозной специфики присягающего.

Ключевые слова: Сибирь, русско-аборигенные отношения, подданство, присяга, шертоприводные записи, крестоцеловальные записи, клятва.

Ключихин Егор Александрович. Отражение идейных основ церковной политики грекофилов в Основной редакции книги «Щит веры» (1691 г.).

Статья посвящена характеристике основных принципов церковной политики грекофилов, закреплённых в Основной редакции сборника «Щит веры». Показана проблематика идейного базиса деятельности патриарха Иоакима, в частности: борьба грекофилов и латинствующих, противодействие расколу, соотношение светской и духовной власти, взаимоотношения Московского патриархата и Киевской митрополии и др. Сделан вывод о том, что в Основной редакции полемического сборника «Щит веры» Церковь обосновывала своё исключительное положение в Московском государстве. Осознавая себя хранителями не только церковной, но и государственной идеологии, грекофилы настаивали на ориентации на греческое православие, а также призывали к борьбе с расколом и западноевропейским культурным влиянием.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, патриарх Иоаким, грекофилы.

Дмитриев Андрей Владимирович. Уровень общего образования и профессиональной подготовки офицеров русской армии на протяжении XVIII в. по данным именных списков полевых и гарнизонных частей Сибири.

Статья посвящена изучению данных относительно уровня образования офицеров полевых и гарнизонных частей Сибири на протяжении XVIII в., содержащихся в их послужных списках. Автором установлено, что в первой половине столетия еще не было оснований говорить о всеобщей грамотности армейских офицеров. Зато с середины XVIII в. и особенно на протяжении царствования Екатерины II, уровень образованности и владения профессиональными знаниями, прежде всего, математическими и инженерными науками, заметно вырос. Получать соответствующее образование русские офицеры могли различными путями, причем такая возможность предоставлялась не только дворянам, но и выходцам из других сословий. Эти сведения позволяют оценить уровень профессиональной компетенции русского офицерства второй половины XVIII в. как довольно высокий.

Ключевые слова: грамотность, образование, офицерский корпус, русская армия, Сибирь, XVIII в.

Бородина Елена Васильевна. Органы суда на Среднем Урале в конце 1720-х – начале 1730-х годов (организация деятельности судно-го поветья Сибирского обер-бергамта).

Статья посвящена изучению малоисследованной проблемы изменения судебных полномочий Сибирского обер-бергамта после смерти Петра Великого и ликвидации судебных канцелярий – органов, получивших право суда общей юрисдикции в результате проведения судебной реформы 1717–1727 годов. Автор приходит к выводу о том, что организационная структура обер-бергамта основывалась на синтезе традиционных и «инновационных», введенных в годы правления Петра I, начал управления. В конце 1720-х – начале 1730-х годов Сибирский обер-бергамт, изначально курировавший горнозаводское ведомство, получил традиционные для воеводского управления полномочия по администрированию всей территорией Среднего Урала и ряда регионов Сибири.

Ключевые слова: Сибирский обер-бергамт, судебная реформа Петра Великого, история Урала, история государственного управления России.

Шипилов Илья Александрович. Работа вспомогательного персонала отряда К.Г. Мерка во время Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции (1785–1795 гг.).

Статья посвящена мало изученной в историографии работе вспомогательного персонала отряда под управлением натуралиста К.Г. Мерка в течение Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции. Анализ естественнонаучных и этнографических материалов «натуральной истории помощников» Дж. Мейна и К. Кребса, этнолингвистических описаний штаб-лекаря М. Робека, физико-географических исследований шихтмейстера Д. Гауза, географических и этнографических рисунков художника Л. Воронина показал значительную роль этих людей в выполнении научных задач отряда и экспедиции. Сделан вывод, что деятельность переводчиков Н. Дауркина и И. Кобелева, а также Дж. Мейна способствовала реализации политических целей экспедиции. Отмечено должное исполнение своих профессиональных обязанностей и различных заданий К.Г. Мерка и руководителя экспедиции И.И. Биллингса подполковником А. Лейманом и механиком Дж. Эдвардсом.

Ключевые слова: Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиция, отряд К.Г. Мерка, вспомогательный персонал, естественная история, этнография, этнолингвистика, алеуты, чукчи, эскимосы.

Соколов Сергей Васильевич. Восточные славяне до 862 г.: основные темы и тенденции в отечественной историографии XVIII – начала XIX в.

В статье проанализированы основные темы и тенденции, характерные для отечественной историографии XVIII – начала XIX в. при обсуждении вопроса об общественном развитии восточных славян до призвания варягов. Автор показывает, на основе каких моделей и образцов происходило осмысление прошлого в период перехода от традиционного историописания к исторической науке. В статье сделан вывод о том, что

при изучении историками XVIII в. вопроса о развитии восточных славян проявлялись тенденции к антикизации и библиизации истории. Особенно influentialным был античный дискурс. В отличие от историописания XVI–XVII веков в российской историографии XVIII в. активно использовали античный понятийный аппарат, объясняли и понимали историю, ориентируясь на античные образцы. Новые тенденции закрепили переход от изложения событий прошлого к их реконструкции и анализу.

Ключевые слова: историография XVIII в., интеллектуальная история, восточные славяне.

Нестерова Наталья Сергеевна. Варяго-русский вопрос в работах И.Н. Болтина.

Данная статья посвящена анализу деятельности И.Н. Болтина в области варяго-русского вопроса. Показаны место и роль И.Н. Болтина в области изучения варяго-русского вопроса, его концепция и методы аргументации по данной проблеме, отношение ученых-историков к аргументации И.Н. Болтина по рассматриваемому вопросу. Проанализированы историографические источники по проблеме, и дается оценка этих источников. Сделан вывод о том, что в настоящее время финская концепция И.Н. Болтина не пользуется популярностью ученых и представляет скорее историографический интерес, нежели исторический. В статье также отмечено, что И.Н. Болтин известен, прежде всего, как критик, нежели как ученый, аргументирующий собственную точку зрения.

Ключевые слова: варяго-русский вопрос, И.Н. Болтин, история древней Руси.

Плотников Дмитрий Юрьевич. К вопросу о реализации стратегических возможностей Кавказского корпуса в 1855 г. (на примере операций на Эрзерумском направлении).

Статья посвящена выявлению наличия или отсутствия у русского командования в кампанию 1855 г. намерения крупной наступательной операции вглубь Восточной Анатолии. Анализируя благоприятные возможности для наступления Кавказского корпуса и констатируя неполноту их реализации, историография не рассматривает подробно намерения русского командования на этот счёт. При исследовании вопроса автор приходит к выводу об изначальном отсутствии у русского командования намерений крупного наступления далее Карса, то есть об отказе от полной реализации стратегических возможностей, способной повлиять на ход войны.

Ключевые слова: Крымская война, Закавказье, Эрзерум, Н.Н. Муравьев.

Хоменко Денис Юрьевич. Лютеране в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: межэтнические отношения.

Проблемой исследования являются особенности заселения Енисейской губернии представителями лютеранских национальностей (латышей, финнов, эстонцев, немцев) во второй половине XIX – начале XX в., их взаимоотношения между собой и с другими этническими группами. Основываясь

на архивных данных, опубликованной статистике, прессе и свидетельствах современников, автор рассматривает динамику численности лютеран в Енисейской губернии, историю создания лютеранских поселений, особенности их хозяйственно-экономической деятельности. Делается вывод о превосходстве национального фактора над конфессиональным при формировании стратегий поведения лютеран в Енисейской губернии.

Ключевые слова: лютеране, Енисейская губерния, лютеранские колонии, аграрные переселенцы.

Илюшин Борис Анатольевич. К вопросу о том, кто изображён на картине В.В. Верещагина «Бухарский солдат (сарбаз)».

В статье рассмотрен вопрос о соответствии картины В.В. Верещагина «Бухарский солдат (сарбаз)» историческим реалиям Средней Азии 1860-х годов и предпринята попытка выяснить действительный прообраз изображённого на ней лучника. Показано, что название картины не соответствует историческим реалиям, противоречит всем источникам, подробно описывающим внешний вид сарбазов, но совершенно определённо изображает подданного империи Цин. Сделан вывод, что данная картина не может считаться источником по этнографии и истории народов Средней Азии XIX в., так как на самом деле отражает этнографические реалии иного региона. Выдвинуто предположение о действительном прообразе, который использовал художник в работе над картиной.

Ключевые слова: сарбаз, военное дело, Средняя Азия, В.В. Верещагин, Бухарский эмир.

Афанасьев Павел Алексеевич. Злоупотребления в горнозаводской деятельности на Алтае в 1880-е годы.

Статья посвящена характеристике злоупотреблений в горнозаводской деятельности Алтая в 1883–1891 годах. Автор показывает, что после масштабных разоблачений 1880–1882 гг. злоупотребления продолжали существовать в прежних формах, но их размах стал меньше. Центральное место в статье отведено анализу мероприятий нового начальника заводов Н.И. Журина. Основной вектор противодействия злоупотреблениям он видел в наведении порядка в системе отчетной документации, прозрачность которой должна была свести к минимуму их возможность. Главное управление округа самостоятельно преследовало выявленные незаконные поступки горнозаводских чиновников, не желая допускать даже отделение Контроля. Автор приходит к выводу, что Н.И. Журина все-таки не удалось одержать существенную победу над коррупционной составляющей горнозаводского дела, что вытекало из особенностей разоблачений алтайских порядков в начале 1880-х годов.

Ключевые слова: Алтайский горный округ, Кабинет Его Императорского Величества, Н.И. Журинов, Алтайские горные заводы, заводские злоупотребления на Алтае.

Кружалина Анастасия Алексеевна. Формирование этнического образа сибиряка на страницах региональной газетной прессы второй половины XIX в.

В статье предпринимается попытка охарактеризовать полиэтничное сибирское сообщество в интерпретации региональных периодических изданий второй половины XIX века. На основе данных публикаций выявляются доминантные черты тех или иных этнических групп, повлиявшие на формирование сибирской идентичности. Показана также степень актуальности проблемы формирования «сибирской идентичности» для региональных авторов исследуемого периода. Сделан вывод, что во многом именно стараниями сибирских интеллектуалов второй половины XIX в. была введена в научный оборот проблема формирования сибирской идентичности. Именно они в своих статьях сформулировали основные содержательные компоненты образа сибиряка, о которых рассказывается в статье, и которые позволили нам выявить наличие сибирской идентичности в исследуемый период.

Ключевые слова: история Сибири, XIX в., общественное мнение, идентичность, периодическая печать, полиэтничность.

Митрофанова Ксения Николаевна. Детский дискурс в журналах для семейного чтения второй половины XIX – начала XX в.

Статья посвящена выявлению места детского дискурса в еженедельном иллюстрированном журнале для семейного чтения «Нива». Впервые в историографии проанализированы детские репрезентации на страницах самого многотиражного еженедельного иллюстрированного журнала. Сделан вывод, что детский дискурс в журнале «Нива» имеет свои особенности: от публикации сообщений о жизни детей за границей редакция постепенно переходит к освещению различных аспектов российского детства. Наибольшее внимание уделяется проблемам социальной незащищенности детей. Принадлежность «Нивы» к иллюстрированным изданиям обусловила наличие большого количества изобразительных материалов.

Ключевые слова: детский дискурс, «Нива», журналы для семейного чтения, история детства.

Козлова Ирина Сергеевна. Материальное положение как фактор влияния на повседневную жизнь сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX в.

Статья посвящена изучению материального положения и его влияния на повседневную жизнь сибирских журналистов. Анализ источников личного происхождения известных авторов сибирских периодических изданий второй половины XIX – начала XX в. позволил определить, что уровень дохода журналистов зависел от их взаимоотношений с редактором, популярности корреспондента для читательской аудитории, выбора того или иного периодического издания, заработка вне профессиональной деятельности.

Ключевые слова: история сибирской журналистики, история повседневности, гонорар.

Старышкина Анастасия Андреевна. Образ власти в картине мира российских журналисток рубежа XIX–XX веков.

В статье выделены основные характеристики образа власти в картине мира российских журналисток рубежа XIX–XX веков, раскрываются свои-ственные им поведенческие стратегии по отношению к власти. Автор приходит к выводу о том, что официальная власть воспринималась как враждебная, «чужая», в образе власти превалировали негативные ха-рактеристики. Кроме того, выявляется гендерный компонент в представ-лениях о власти российских журналисток.

Ключевые слова: картина мира, категория «власть», журналисты, цензура, гендер.

Кузнецова Татьяна Анатольевна. Репрезентации Сибири в иллюстри-рованных еженедельных журналах конца XIX – начала XX в.

Статья посвящена репрезентациям Сибири, транслируемым со страниц популярных в конце XIX – начале XX в. еженедельных иллюстрирован-ных журналов «Нива», «Родина» и «Звезда». Опираясь на публикации и иллюстрации, были выявлены основные «сибирские темы», такие как: ссылка; население Сибири («инородцы» и русские); военные дей-ствия на Дальнем Востоке; строительство Транссибирской железнодо-рожной магистрали. В статье внимание уделено характеристике читатель-ской аудитории, влиянию ее интересов на отбор материалов редакторами изданий. Автор делает вывод о противоречивости образов региона, их за-висимости от властных установок.

Ключевые слова: Сибирь, периодическая печать, еженедельные из-дания, сибирская тема, образ региона.

Сердюк Владимир Александрович. Труд женщин на железных до-рогах Сибири в конце XIX – начале XX в.

Статья посвящена изучению правового статуса, количества и образо-вательного уровня железнодорожниц Сибири на рубеже XIX–XX веков. С этой целью проанализированы нормативно-правовые акты, уста-навливавшие процентные нормы приема женщин на службу, внутри-ведомственные акты Министерства путей сообщения и местных Управлений железных дорог, данные периодической печати. В статье делается вывод об общероссийской тенденции (и сибирской, в частно-сти) к расширению сферы применения женского труда, увеличению ко-личественного состава женщин-служащих, что обуславливалось по-требностями железнодорожной отрасли.

Ключевые слова: женщины, Сибирь, железная дорога.

Погоняйченко Оксана Сергеевна. Устав и действительность: учеб-ные программы, учительские и ученические коллективы начальных школ Новониколаевска (1893–1917 гг.)

В статье анализируются законодательные акты, данные периодиче-ской печати, архивные документы, многие из которых впервые вводятся

в научный оборот. Основное внимание уделено определению соотношения предписаний школьных уставов с действительными учебными планами, преподавательским и ученическим составом новониколаевских начальных школ. В работе затронуты проблемы типологии начальных учебных заведений Новониколаевска, их учебные программы, контингент учащихся и учащихся лиц.

Ключевые слова: одноклассные училища, двухклассные училища, церковно-приходские школы, воскресные школы, высшие начальные училища.

Карпенко Елена Анатольевна. Барнаульский лесопильный завод – первое лесоперерабатывающее предприятие Кабинета на Алтае (1897–1917 гг.).

В статье представлена попытка показать особенности создания и функционирования Барнаульского лесопильного завода ведомства Кабинета Его Императорского Величества. Охарактеризована специфика территориального расположения лесоперерабатывающего предприятия. Проанализированы причины его низкой производительности. Сделан вывод о неспособности кабинетских чиновников обеспечить рациональную и одновременно прибыльную лесозаготовку.

Ключевые слова: Алтайский округ, Барнаульский лесопильный завод, лесопильное производство, распиловка, лесопилка.

Шаршова Мария Александровна. Роль сельских должностных лиц в системе крестьянского самоуправления в Томской губернии в конце XIX – начале XX в.

В статье охарактеризованы основные обязанности сельских должностных лиц, определена их роль и значимость внутри сельского общества в волостях Томской губернии. Сделан вывод о том, что к началу XX в. должности сельского самоуправления теряют свою престижность, переставая быть институтом реального самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, Томская губерния, сельский сход.

Дегтярев Данил Сергеевич. Промышленно-селитебные районы в городах Томской губернии начала XX в.

В статье рассмотрены вопросы градостроительства, истории городов и пригородов досоветской Сибири. Сравнительный анализ градостроительных практик начала и середины XX в. позволил увидеть, что идея советских архитекторов о создании промышленно-селитебных районов была в общих чертах реализована еще в досоветское время. Автор, впервые используя сибирский материал, пришел к выводу, что некоторые «новации» в отечественном градостроительстве являлись на самом деле модернизацией прежних моделей.

Ключевые слова: градостроительство, города Сибири, пригородная зона, заводской поселок, промышленно-селитебный район.

Лысенко Наталья Алексеевна. Эволюция идеала священника-миссионера в Сибири (по материалам официальной периодической печати РПЦ начала XX в.).

Статья посвящена трансформации идеала священника-миссионера в Сибири в начале XX века. Происходившие изменения духовного состояния общества, а также постепенная профессионализация сословия духовенства повлекли формирование новых требований к нравственным качествам, умениям и навыкам духовенства как представителям профессиональной группы. Активное участие в обсуждении проблем, возникающих перед духовенством, принимали религиозные периодические издания. Сделан вывод о том, что церковная печать формировала не только представление об идеале священника, но и способствовала консолидации профессионального сообщества духовенства.

Ключевые слова: Сибирь, сибирский священник-миссионер, идеал, православная религиозная периодика.

Чукмасова Кристина Алексеевна. И.А. Малиновский: к вопросу об изучении государственного устройства Великого княжества Литовского.

Статья посвящена выявлению роли профессора И.А. Малиновского в определении особенностей становления и развития общественного и государственного строя Великого княжества Литовского. На примере научной деятельности И.А. Малиновского показано становление научных школ и направлений в Томском университете. Проанализированы этапы деятельности И.А. Малиновского в изучении истории Литовского государства. Сделан вывод о том, что профессорам создавались благоприятные условия для занятия наукой, как в стенах Императорского Томского университета, так и за его пределами, только в случае, если деятельность исследователя была благонадежной со стороны государственной власти.

Ключевые слова: Томск, Томский университет, Великое княжество Литовское, Боярская Дума.

Шумилова Элина Евгеньевна. Благотворительная деятельность как элемент повседневного поведения горожан Западной Сибири в условиях Первой мировой войны.

В статье рассматриваются формы благотворительной деятельности, источники её финансирования в контексте повседневной жизни горожан Западной Сибири периода Первой мировой войны. На основе анализа архивных источников автор раскрывает и обосновывает причины широкого распространения благотворительности среди сибиряков. Делается вывод о том, что патриотические чувства являются не единственной причиной, толкающей людей на оказание помощи нуждающимся.

Ключевые слова: Первая мировая война, повседневность, города Западной Сибири, благотворительность.

Конев Кирилл Александрович. Применение методики контент-анализа при изучении содержания пропагандистских материалов периодической печати «белой» Сибири: опыт изучения «Нашей газеты» (октябрь – декабрь 1919 г.).

В статье предпринимается попытка применения методики контент-анализа для изучения материалов издания правительства А.В. Колчака – издания «Наша газета». Использование данной методики позволяет структурировать большие объемы информации, содержащиеся в периодике, и решить следующие задачи: выявить в материалах газеты ключевые ценностные установки и идеалы, несущие, по мнению белых, положительное содержание, а также определить, какие ценности и идеи выражены в исследуемом корпусе текстов наиболее ярко, и проследить их соотношение и взаимосвязь. Применение метода контент-анализа позволяет реконструировать содержание пропаганды правительства А.В. Колчака, определить на какие аргументы оно опиралось, обращаясь к широким слоям населения.

Ключевые слова: контент-анализ, периодическая печать, Гражданская война в России, пропаганда.

Куденко Наталья Валерьевна. Основные подходы и практика борьбы с несовершеннолетними преступниками на Алтае в первой половине 1920-х годов.

Целью нашего исследования стало изучение системы мер, предпринятых советским государством для решения проблемы детской преступности на примере Алтайской губернии первой половины 20-х годов XX века. Данные изыскания позволяют рассмотреть, каким образом в отдельном регионе практически реализовывалась государственная доктрина по перевоспитанию несовершеннолетних нарушителей силами педагогики. Автор приходит к выводу, что в результате крайне ограниченных экономических и кадровых ресурсов в период первой половины 1920-х годов проводимые мероприятия носили бессистемный характер и обладали краткосрочным эффектом, поэтому данная практика не принесла заметных результатов в уменьшении числа преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Ключевые слова: несовершеннолетние преступники, дома для «морально-дефективных», беспризорность, комиссии по делам несовершеннолетних.

Морозова Татьяна Игоревна. Организация и деятельность отдела по работе в деревне Сибирского крайкома ВКП(б) (январь 1928 – февраль 1930 г.).

Статья посвящена истории создания и деятельности одного из структурных подразделений Сибирского крайкома ВКП(б) – отделу по работе в деревне, функционировавшему с января 1928 по февраль 1930 года. На основе архивных источников, а также материалов центральной и краевой партийной печати выявлены причины и обстоятельства создания нового отдела, установлены его функции, штат, основные методы и

направления деятельности. Показаны трудности, с которыми столкнулось краевое партийное руководство при организации отдела по работе в деревне, и пути их преодоления. Сделан вывод о том, что информационные сообщения и доклады этого отдела легли в основу целого ряда постановлений Сибирского крайкома ВКП(б), принятых на протяжении 1928–1929 гг., а осуществлявшееся сотрудниками отдела инструктирование местных партийных организаций способствовало проведению принятых решений в жизнь.

Ключевые слова: коммунистическая партия, партийный аппарат, организационная структура, Сибкрайком, отдел по работе в деревне, В.Ф. Комаров, В.А. Каврайский, руководство сельским хозяйством.

Плясуля Антон Александрович. Зерновые совхозы Сибири (1930–1932 гг.).

В данной статье характеризуется состояние производства зерновых совхозов и качество хлебозаготовок в зерносовхозах в 1930–1932 годах. Основное внимание уделяется анализу причин невыполнения плана по заготовке хлеба данными сельхозпредприятиями. Автор делает вывод о том, что данное явление обуславливалось недостаточной технической инфраструктурой совхозов, нарушением правил агротехники, нехваткой квалифицированных кадров, отсутствием заинтересованности совхозных рабочих в высокопроизводительном труде, не всегда эффективным контролем за совхозами со стороны органов власти.

Ключевые слова: зерновые совхозы, хлебозаготовки, агротехника, уборка урожая, посевная и уборочная кампании.

Каменских Михаил Сергеевич. Политика советского государства в отношении корейцев Пермской (Молотовской) области в конце 1930 – начале 1940-х годов.

В статье анализируется репрессивная политика СССР в отношении корейского населения Пермской (Молотовской) области во второй половине 1930 – начале 1940-х годов. Автор реконструирует ход и характер репрессий, формирует гипотезу о связи арестов и расстрелов корейцев в регионах РСФСР и депортации корейского населения с Дальнего Востока. К исследованию привлечен обширный корпус источников, многие из которых впервые введены в научный оборот. По мнению автора, анализ этих источников позволяет глубже рассмотреть проблематику репрессий против корейцев в СССР в конце 1930-х – начале 1940-х годов.

Ключевые слова: Российские корейцы, репрессии, депортация, реабилитация.

Коробейникова Надежда Сергеевна. Правовой аспект управления рождаемостью в городах Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.).

В статье освещаются основные пронаталистские законы, действовавшие в России в годы Второй мировой войны. Рассмотрены основные

изменения показателей рождаемости в городах Западной Сибири в контексте законодательства по управлению рождаемостью. Автор пришел к выводам о том, что логика пронатализма военного времени определялась преобладанием стимулирующих мер, направленных на повышение количественных показателей рождаемости через развитие и структурирование материнства. Однако в западносибирских городах эти мероприятия имели в военные годы малый эффект и почти не повлияли на уровень репродукции.

Ключевые слова: пронатализм, рождаемость, брачно-семейное законодательство, материнство.

Морозова Олеся Владимировна. Продовольственная проблема в городе Сталинске в годы Великой Отечественной войны и механизмы ее решения.

Статья посвящена выявлению способов решения продовольственной проблемы индустриального города Сталинска в годы Великой Отечественной войны. В частности, проанализирован комплекс механизмов снабжения горожан продовольствием, включавший карточную систему, подсобные хозяйства и огородничество. Сделан вывод о том, что эти механизмы позволили обеспечить трудящихся Сталинска и их семьи набором продуктов питания, необходимым для выживания в условиях войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинск, повседневная жизнь, продовольственная проблема, система снабжения, деятельность горисполкома, деятельность горожан.

Романов Роман Евгеньевич. Стимулирование труда в молодежных бригадах оборонных предприятий Западной Сибири в годы войны (1941–1945 гг.).

В статье осуществлен комплексный анализ мероприятий руководства оборонных предприятий западносибирского тыла по стимулированию труда в молодежных бригадах. Показано, что эти меры представляли собой сочетание практик поощрения и наказания, облекавшихся в материальную и моральную форму. Сделан вывод о том, что задействованные практики позволили мобилизовать юных рабочих на выпуск продукции для фронта, но не смогли сформировать у многих из них устойчивой трудовой мотивации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Западная Сибирь, оборонные предприятия, молодежные бригады, стимулирование труда.

Орлов Михаил Александрович. К вопросу об отношениях между предприятиями и лагерями военнопленных и интернированных (на материале Западной Сибири 1942–1950 гг.).

В статье рассматриваются взаимные обязанности поставщиков и получателей указанной рабочей силы, проявления этих обязанностей в реальной деятельности лагерей и предприятий и типичные проблемы, затруднявшие выполнение данных обязанностей. Автор отмечает неравнозначность объема обязанностей лагерей и предприятий и делает выводы о причинах данного обстоятельства.

Ключевые слова: лагеря военнопленных и интернированных, Западная Сибирь.

Совлук Евгения Викторовна. Об историографии проблемы использование труда научно-технической интеллигенции горно-геологической отрасли в Центральной Сибири в 1945–1954 гг.

Данная статья является попыткой краткого историографического обзора литературы по проблеме использования труда научно-технической интеллигенции горно-геологической отрасли в Сибири в 1945–1954 годах. Научно-техническую интеллигенцию горно-геологической отрасли до сих пор как предмет научного исторического исследования встретить очень сложно. Ранее проводились лишь биографические исследования представителей этой группы. Об использовании труда геологов, геофизиков, горных инженеров, тем более в Центральной Сибири в послевоенное десятилетие, монографических работ нет.

Ключевые слова: научно-техническая интеллигенция, горно-геологическая отрасль послевоенное десятилетие, ГУ «Енисейстрой» МВД СССР.

Лапердин Вячеслав Борисович. Демографический потенциал Кузбасса в послевоенные годы (1946–1950 гг.).

В статье рассматриваются особенности демографического развития населения Кузбасса, а также факторы, оказывавшие на него влияние: полвозрастной состав, миграция и др. Демографические процессы, развивавшиеся в Кемеровской области, обладали рядом особенностей. Их спецификой являлась более высокая по сравнению с другими регионами Западной Сибири рождаемость, что стало следствием меньших демографических потерь во время Великой Отечественной войны и притока населения в послевоенные годы.

Ключевые слова: демографический потенциал, воспроизводство населения, рождаемость, миграция.

Андреенков Сергей Николаевич. Планы переустройства организационно-хозяйственной структуры аграрного сектора советской экономики в 1950-е годы.

В статье анализируются важные проблемы аграрно-экономической истории СССР 1950-х годов, связанные с разработкой и осуществлением мер по совершенствованию организационно-хозяйственной структуры аграрного сектора экономики. Автор проанализировал сложившиеся в историографии подходы к анализу данного направления аграрной политики Н.С. Хрущёва и отобразил новый взгляд на него. Согласно представленной в статье концепции, хрущёвские организационно-хозяйственные преобразования являлись попыткой демонтировать сталинскую модель аграрного социализма при опоре на досталинскую теорию и практику колхозно-совхозного строительства. Кроме того, в работе анализируются малоизвестные проекты реформирования системы машинно-тракторных станций.

Ключевые слова: колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции, аграрный строй, Н.С. Хрущёв, сельское хозяйство.

Орлов Дмитрий Сергеевич. Межхозяйственная кооперация и специализация в сельском хозяйстве Кемеровской области во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов.

Целью статьи является анализ организационных изменений, происходивших в аграрном секторе в середине 1960-х – первой половине 1980-х годов. Проблемы реализации одного из направлений аграрной политики, направленного на углубление производственной специализации колхозов и совхозов, а также создание межхозяйственных предприятий исследуются на материалах Кемеровской области. Автор сделал вывод о том, что данные хозяйственные механизмы не оказали значительного влияния на развитие колхозов и совхозов, так как их внедрение базировалось на уверенности в преимуществе крупных индустриальных хозяйств и осуществлялось бюрократическими методами, особенно во второй половине 1970-х годов в условиях неблагоприятной экономической ситуации.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, межхозяйственная кооперация, специализация, колхозы, совхозы, Кемеровская область.

Фокин Александр Александрович. Выборы в советы Челябинской области во второй половине 1960-х годов и советская демократия.

В статье рассматриваются выборы в Челябинской области во второй половине 1960-х годов как элемент советской демократии. Охарактеризованы принципы и особенности электорального процесса в Советском Союзе. В частности, проанализированы критерии подбора кандидатов в депутаты и механизмы взаимодействия власти и общества в политической сфере на уровне Челябинской области. Сделан вывод о том, что выборы в СССР во второй половине 1960-х годов стремились соединить в себе как демократические черты, так и предсказуемость для власти и населения.

Ключевые слова: выборы, Верховный Совет, советы, советская демократия, депутаты, Челябинская область, власть и общество.

Несипбаева Жибек Жумабековна. Жанр «фолк-истори» в современной исторической науке Казахстана (обзор интернет-материалов).

Статья посвящена общему обзору и анализу существующей в сетях интернет литературы. В частности, проанализированы некоторые проблемы древней и средневековой истории Казахстана в интерпретации представителей альтернативной псевдоистории, а также определены отличия мифологизированной истории от реального научного знания. Сделан вывод о том, что в последнее десятилетие теории псевдоистории получили широкую огласку через использование сетевых технологий массовой коммуникации, они проникли на страницы казахстанских учебников и учебных пособий. Эта тенденция может вызвать небывалый всплеск националистических настроений. Данная работа способствует обобщению исторических исследований по вопросам псевдоистории и укреплению объективного понимания истории Казахстана.

Ключевые слова: «Фолк-истори», факт исторической действительности, антиистория, альтернативная история, мифотворчество, интернет-источники, веб-ресурсы, историческая интерпретация, реконструкция.

Наумов Сергей Сергеевич. Интеллигенция и историческое сознание в годы перестройки (1985–1991 гг.): поиск новых героев и исследовательских моделей (региональный аспект).

Целью статьи является рассмотрение степени влияния культурно-просветительных общественных организаций на эволюцию исторического сознания советского общества в условиях демократизации общественной жизни в СССР в эпоху перестройки (1985–1991 гг.). В частности, освещаются несколько сквозных сюжетов, характерных для процесса изменений коллективной исторической памяти позднего советского общества, влияние на их трансформацию и развитие со стороны общественных культурно-просветительных организаций, оценивается роль интеллигенции в процессе трансформации и трансляции исторического сознания в условиях вызревания гражданского общества в провинции. Сделан вывод о том, что культурно-просветительные общественные организации в годы перестройки значительно повлияли на изменение фундаментальных основ исторического сознания советского общества, способствовали поиску новых оснований культурной идентичности.

Ключевые слова: историческое сознание, историческая память, интеллигенция, культурно-просветительные организации, культурный поворот.

Левицкий Антон Николаевич. Изучение древнерусской этнической реальности и смена парадигмы: опыт белорусской историографии (1991–2001 гг.).

Статья посвящена выявлению изменений, происходивших в осмыслении белорусскими историками проблем этнической истории Древней Руси в первое десятилетие после распада СССР. В частности, показана трансформация белорусской историографии данного периода, проникновение в сложившиеся научные традиции западного теоретического знания, возникновение необходимости модернизации существующих подходов и реакция на эту необходимость самих историков. Сделан вывод о том, что хотя и с некоторыми изменениями, вызванными идеологической переориентацией историков, советский нарратив этнической истории Древней Руси воспроизводился и в 1990-х годов, а процессы освоения западных концепций в академической практике занимали вторичные позиции.

Ключевые слова: белорусская историография, этничность, Древняя Русь.

Перечень сокращений

АКАК	Акты Кавказской археографической комиссии
БАН	Библиотека Академии Наук
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия большевиков
ВООПИК	Всесоюзное общество охраны памятников и культуры
ГААК	Государственный архив Алтайского края
ГАКК	Государственный архив Красноярского края
ГАКО	Государственный архив Кемеровской области
ГАНО	Государственный архив Новосибирской области
ГАПК	Государственный архив Пермского края
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГАТО	Государственный архив Томской области
ГИАОО	Государственный исторический архив Омской области
ГУЛАГ	Главное управление лагерей
ДМДД	Дом для морально-дефективных детей
ЖЭС ИТУ	Журнал заседания совета Императорского Томского университета
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ИТД	исправительно-трудовой дом
ИТР	инженерно-технические работники
КПК	Коммунистическая партия Китая
КОМОНЕС	Комиссия для несовершеннолетних
КРС	крупный рогатый скот
МНП	Министерство народного просвещения
МПС	Министерство Путей Сообщения
МТС	машинотракторная станция
ЛПХ	личное подсобное хозяйство
НКВД	Наркомат внутренних дел
ОР ГИМ	Отдел рукописей Государственного исторического музея
ПСР	промышленно-селитебный район
РГА ВМФ	Российский государственный архив военно-морского флота
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГВА	Российский государственный военный архив
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РКП(б)	Российская коммунистическая партия большевиков
СПБНИИ РАН	Санкт-Петербургский институт истории РАН
СФК	Советский фонд культуры
ТВД	Театр военных действий
УК	Уголовный Кодекс
ЦСУ	Центральное статистическое управления

Научное издание

**Актуальные проблемы исторических исследований:
взгляд молодых учёных:**

Сборник материалов
Международной молодёжной научной конференции

Адрес редколлегии: istkonf@gmail.com

Оригинал-макет: Р.Е. Романов
Корректурa: К.Л. Захарова

Подписано в печать: 25.09.2013. Формат: 60x90¹/₁₆.
Гарнитура: Verdana
Уч.-изд. л. 23. Усл. печ. л. 22,5
Тираж 100 экз. Заказ № 0925

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1
тел. (383) 330-26-68